

Мануэль Медина

Соединенные
Штаты
и Латинская
Америка

Medina Castro, M.

Estados
Unidos
y America
Latina

Siglo XIX

Casa de las Americas,
La Habana, 1968

Мануэль Медина

Соединенные Штаты и Латинская Америка XIX век

(История экспансии США)

Сокращенный перевод с испанского
Крыловой В. П. и Ткаченко В. Г.
Предисловие и редакция доктора
исторических наук,
проф. Гонионского С. А.

Издательство «Прогресс»
Москва, 1974

Редакция литературы по вопросам мирового рабочего
и коммунистического движения и международных отношений

© Перевод на русский язык
Издательство «Прогресс», Москва, 1974.

М $\frac{11105-542}{006(01)-74}$ 56-74

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹

Книга видного эквадорского ученого Мануэля Медины Кастро (род. в 1915 году) «Соединенные Штаты и Латинская Америка. XIX век (История экспансии США)» — первое фундаментальное марксистское исследование, посвященное важнейшему периоду отношений между США и Латинской Америкой. О межамериканских отношениях в прошлом веке написано много книг, но большинство авторов — американские буржуазные ученые — характеризуют эти отношения с сугубо классовых позиций, часто умышленно фальсифицируют исторические факты. Мануэль Медина развивает и подкрепляет новыми данными идеи, содержащиеся в известном труде выдающегося американского марксиста Уильяма Фостера². Книга Медины ценна в познавательном отношении, она учит читателя анализировать сложные, подчас противоречивые процессы. Она является не только ценным публицистическим произведением, но и источником богатого фактического материала.

Латинская Америка давно служила «опытным полем», на котором США проверяют действие своих новых доктрин. Именно здесь разрабатывалась методика агрессивных под предлогом «защиты порядка» и «обеспечения свободы». Здесь реализовалась концепция «защиты интересов граждан США»: за долларом тенью следовал штык, за «Юнайтед фрут» или «Стандард ойл» — морская пехота. Здесь же разрабатывалась тактика поддержки самых реакционных и самых продажных режи-

¹ © Издательство «Прогресс», М., 1974.

² См.: Уильям З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1953.

мов. Наконец, здесь, в Латинской Америке, по сей день апробируются и политика военных союзов, и идея «наднациональных» органов, «наднациональных» вооруженных сил, американских баз для «защиты от опасности извне», для борьбы с «подрывной деятельностью»...

Многие современные американские буржуазные историки стараются подкрепить новыми «данными» ложную версию об «освободительной» роли США в Западном полушарии в XIX веке. Современные идеологи и апологеты американского империализма фальсифицируют исторические документы, пытаются найти оправдание экспансии США в прошлом.

Фальсификация исторических фактов преследует одну цель: осветить историю межамериканских отношений так, чтобы она служила идеологическим подспорьем политике правящих кругов США.

Мануэль Медина на огромном фактическом материале, опираясь на источники и архивные данные, неоспоримо доказывает, что внешняя политика правящих кругов США носила захватнический характер с момента их возникновения. Американские плантаторы-рабовладельцы и капиталисты, постоянно стремясь к расширению сферы своего господства, рвались к чужим землям. США рассчитывали распространить «американскую политическую систему» на все латиноамериканские страны, прибрать к рукам ослабленные войной с Испанией и гражданскими войнами молодые государства — словом, создать свою колониальную империю.

В конце XVIII и начале XIX века главные колониальные державы мира — Англия, Франция и Испания — вели непрерывные войны, истощавшие их экономические и людские ресурсы. Практически они не могли уделять большого внимания Новому Свету. Североамериканские рабовладельцы и буржуазия воспользовались благоприятной ситуацией, чтобы завладеть территориями¹, принадлежавшими этим европейским державам и индейским племенам. Итак, стремление к территориальной экспансии, выразившееся в грабительских войнах и хищническом истреблении туземного населения, легло в основу внешней политики США уже с конца XVIII века.

¹ Подробно см.: С. Гонимский, Территориальная экспансия США в начале XIX века, «Новая и новейшая история», № 5, 1958, стр. 33—50.

К. Маркс в статье «Американский вопрос в Англии» писал: «Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельческой клики, действовавшей в союзе с демократической партией Севера, является, так сказать, характерной чертой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия»¹.

Первоочередным объектом экспансии США стали испанские колонии в Америке. Один из руководителей внешней политики США — Томас Джефферсон — еще в 1786 году, будучи представителем США во Франции, в письме к своему другу Стюарту, плантатору из штата Виргиния, так определял задачи правящих кругов своей страны: «Нашу конфедерацию надо рассматривать как гнездо, чье потомство разлетится по всей Америке, Северной и Южной. Мы должны в интересах всего великого континента сами овладеть им, вырвав его у испанцев. Лучше, чем с нами, этим странам не будет ни с кем. Боюсь, что испанцам с нами не совладать; они, наверное, даже не продержатся там до тех пор, пока мы эти страны, одну за другой, не поглотим»². В 1803 году, воспользовавшись англо-французской войной, руководители США Джефферсон и Монро заключили сделку с Наполеоном и «купили» у него не принадлежавшую Франции Испанскую Луизиану. То была цена благожелательного нейтралитета США в отношении наполеоновской Франции, трамплин для очередных захватов. В 1810—1812 годах США захватили Флориду, впервые применив прием, который позже был назван «гавайским».

Захват обеих Флорид и попытка аннексии Кубы и Техаса не мешали США делать вид, будто американцы действительно заинтересованы в сохранении мира и порядка и собираются всерьез соблюдать «строжайший нейтралитет» в войне испанских колоний за независимость. Один из современников тех событий так определяет роль США в этой войне: «Северная Америка выступила не как открытый враг, а под личиной друга; она обманывала и Испанию, и повстанцев, занимаясь пиратством»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 314.

² T. Jefferson, *Memoirs, Correspondence and Private Papers* in 4 vols, L., 1829, vol. 1, p. 435.

³ K. P. Obristen von Schepeler, *Geschichte der Spanischen Monarchie vom 1810 bis 1823*, Leipzig, 1834, Bd. 2, S. 301.

США одновременно не упускали случая поговорить об американской солидарности, сами же рассматривали Латинскую Америку как разменную монету в той сложной дипломатической игре, которую вели со странами Старого Света в целях установления своей гегемонии на всем Западном полушарии.

Пресловутый американский нейтралитет с самого начала был враждебен делу независимости Испанской Америки. С 1810 года США начали наводнять Испанскую Америку своими официальными и неофициальными агентами: номинально они числились торговыми и морскими представителями и даже консулами, но занимались главным образом созданием своей политической агентуры. Одновременно они добивались от латиноамериканских хунт торговых преимуществ для США, собирали сведения о местных природных ресурсах и, конечно, не скупились на заверения в дружеских, братских чувствах к «американским соседям».

Не переставая «печься о благополучии» своих соседей по полушарию, 3 марта 1817 года США налагают эмбарго на вывоз оружия в Испанскую Америку. Предлог — забота об «эффективности» нейтралитета. Эмбарго вводится именно тогда, когда Боливар в Венесуэле, а Сан-Мартин в Чили наносят первые серьезные поражения испанскому экспедиционному корпусу и остро нуждаются в оружии для закрепления и развития своих побед именно тогда, когда в ходе военных действий стал очевиден перелом в пользу латиноамериканцев.

Широко распространен миф о том, что США будто бы быстро признали независимость молодых республик Латинской Америки. Мы уже отмечали, что в войне Испании против своих колоний в Америке США поддерживали Испанию: под предлогом «невмешательства» снабжали испанские войска боеприпасами и продовольствием, но отказывали в этом повстанческим латиноамериканским хунтам. Более того, пытались задушить освободительное движение.

В течение нескольких лет латиноамериканские страны безуспешно добивались признания своей независимости.

Программа установления «американской политической системы» в Западном полушарии получила свое законченное оформление в так называемой доктрине Мон-

ро¹, подводившей итог агрессивной и лицемерной политике североамериканских рабовладельцев и торговцев в Латинской Америке за предшествующий период. Одновременно доктрина Монро знаменовала новый этап в развитии латиноамериканской политики США.

В послании президента США Монро говорилось: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в жизнь существующих колоний и владений европейских держав. Но что касается правительств, которые провозгласили свою независимость и сумели ее сохранить и независимость коих мы признали по зрелом размышлении и согласно принципам справедливости, то мы не можем смотреть на вмешательство в их дела со стороны какой бы то ни было европейской державы с целью стеснить их свободу или вообще оказать какое-либо воздействие на их судьбу иначе, как на проявление недружелюбного отношения к Соединенным Штатам»².

Как видно из приведенного отрывка, США тем самым санкционировали вмешательство любой европейской державы в дела любой латиноамериканской страны, которая не удовлетворяла одному из следующих условий: 1) не провозгласила свою независимость, 2) не сумела сохранить свою независимость и 3) не получила признания госдепартамента США к моменту обращения Монро к конгрессу.

Утверждение американских государственных деятелей, будто доктрина Монро ставила своей целью защиту всех стран Западного полушария, несостоятельно. Факты неоспоримо свидетельствуют о том, что, когда положение латиноамериканских стран действительно становилось угрожающим, США не только не защищали их, но оказывали поддержку европейским колониальным державам. Вот некоторые примеры. В 1829 году четырехтысячный отряд испанцев совершил с Кубы нападение на Мексику — США этого даже «не заметили»; в 1833 году англичане с помощью США захватили Мальвинские острова; в 1835 году США отказались поддержать Центральную Америку, воспротивившуюся превращению части Гондураса в британскую колонию, и т. д. Нельзя

¹ Подробно см.: Н. Н. Болховитинов, Доктрина Монро, М., 1959.

² «Encyclopedia Britannica», vol. XV, p. 736.

не согласиться с выводом Мануэля Медины о том, что «для Латинской Америки послание было признанием притязаний Соединенных Штатов на гегемонию над новыми республиками. Так что ничто не связывает освобождение Латинской Америки с провозглашением доктрины Монро».

Правящие круги Соединенных Штатов наглядно продемонстрировали подлинный смысл доктрины Монро уже в 1825 году, высадив свои войска в Пуэрто-Рико. Этот агрессивный акт явился отправным пунктом колонизаторской политики Соединенных Штатов в Латинской Америке. В 1831 году американская морская пехота высаживается на Фолклендских островах, а четыре года спустя — в Перу. В 1846 году Соединенные Штаты навязали республике Новая Гранада (впоследствии — Колумбия) договор, в результате которого они установили свой контроль над Панамским перешейком. С 1846 по 1848 год Соединенные Штаты вели агрессивную войну против Мексики; в результате почти половина мексиканской территории была аннексирована.

Территориальные грабежи нуждались в «теоретическом» обосновании, и идеологи американского экспансионизма берут на вооружение идею «предназначения судьбы». Немудренная идея эта возникла в 40-х годах XIX века и основывалась на том, что «создатель» предопределил судьбу Американского континента как территории, которой на роду написано принадлежать Соединенным Штатам. В 1848 году президент Полк, развивая доктрину Монро, заявил, что «долг» Соединенных Штатов — аннексировать территории, которые могут оказаться под угрозой захвата европейскими державами.

Мануэль Медина тщательно прослеживает истоки латиноамериканизма и панамериканизма. В своем стремлении господствовать над странами Латинской Америки США прибегли к демагогической пропаганде идеи общности интересов всех американских стран. В 1889—1890 годах американские дипломаты провели в Вашингтоне первую Панамериканскую конференцию, где было создано Бюро по вопросам торговли между американскими республиками (преобразованное затем в Панамериканский союз). Сразу был взят курс на превращение новой организации в военно-политический блок стран Западного полушария под эгидой США. Тогда-то и появил-

ся термин «панамериканизм»¹, призванный создать и укрепить миф об общности исторических судеб и культуры США и стран Латинской Америки, служить ширмой для колонизаторской политики США на континенте.

Эта мысль по сей день звучит в выступлениях государственных деятелей США. Идеологи американского империализма потратили немало чернил и бумаги, стремясь доказать, что идея панамериканизма — эта старейшая и наиболее устойчивая идеологическая концепция колониалистов — принадлежит вождям национально-освободительного движения, и прежде всего Симону Боливару, якобы заложившему фундамент панамериканской «солидарности». Так, в изданной в 1962 году государственным департаментом брошюре «История межамериканского сотрудничества. Наши южные партнеры» прямо говорится: «Панамериканизм — концепция, возникшая еще во времена великого освободителя Симона Боливара, по инициативе которого в 1826 году была созвана первая конференция американских государств — Панамский конгресс»².

Настойчивое желание приписать панамериканизму латиноамериканское происхождение объясняется просто: если идея панамериканской «солидарности» возникла в ходе совместной борьбы народов Латинской Америки и США против испано-португальского ига, если ее вдохновителем был великий Боливар, то латиноамериканские страны обязаны содействовать укреплению межамериканской солидарности, чего бы это им ни стоило.

Панамериканизм ныне — средство, используемое монополиями для экономического, политического, военно-стратегического и идеологического проникновения в Латинскую Америку под маской патернализма.

В действительности латиноамериканские народы издавна стремились к объединению своих сил в борьбе за национальную независимость, но без участия США, более того — вопреки США. У латиноамериканских народов богатые и славные революционные традиции, древняя и разнообразная культура; а стремление к свободе и независимости, к миру и сотрудничеству у них в крови.

¹ См.: М. В. Антясов, Современный панамериканизм, М., 1960.

² «The Story of Inter-American Cooperation. Our Southern Partners», W., 1962, p. 27.

Латиноамериканцы, возглавлявшие в начале прошлого века борьбу за свержение владычества Испании и Португалии в Южной Америке, были страстными поборниками сотрудничества стран Западного полушария, всех стран мира. Великий борец за независимость Латинской Америки Симон Боливар в 1826 году созвал в Панаме конгресс для установления сотрудничества между странами Западного полушария. Боливар мечтал: «Каким счастливым будет тот день, когда здесь соберется Высокий конгресс... чтобы обсуждать и решать вопросы войны и мира совместно с государствами трех остальных частей света»¹. И хотя Панамский конгресс, так же как и более поздние межамериканские конференции, практических результатов не дал, он тем не менее положил начало движению латиноамериканских народов к объединению усилий в борьбе за национальную независимость и прогресс, против экспансионистских устремлений североамериканского империализма.

Симон Боливар и другие руководители борьбы латиноамериканских народов за свободу и независимость понимали, что в основе повышенного интереса США к странам Латинской Америки лежит отнюдь не человеколюбивое стремление «помочь многострадальному младшему брату», а чисто корыстные цели. Будучи поборником солидарности и сотрудничества стран Западного полушария, Боливар ни на минуту не забывал и неоднократно заявлял об агрессивных намерениях могущественного североамериканского «друга». Вот почему так цинично и кощунственно звучат сегодня ссылки на имя вождя освободительного движения Латинской Америки Боливара, попытка приписать ему идею панамериканизма, то есть создания Организации американских государств. Народы Латинской Америки понимали и понимают, что панамериканизм есть не что иное, как демагогическое средство закабаления Соединенными Штатами латиноамериканских стран. Именно Симону Боливару принадлежат слова: «Можно подумать, что само провидение вызвало к жизни Соединенные Штаты, чтобы они, ратуя за свободу, покрыли Америку язвами нищеты»².

¹ Simon Bolivar, Obras, Caracas, 1942, p. 77.

² Simon Bolivar, Obras Completas, La Habana, 1947, v. 2, p. 781.

С момента создания Панамериканского союза США маскировали свою экспансию в Латинскую Америку различными соглашениями и договорами, якобы одобряемыми самими латиноамериканцами. Всеми средствами навязывая представителям латиноамериканских стран свою волю, США неизменно твердят о единодушии, о том, что принимаемые решения соответствуют «высоким принципам континентальной солидарности». Объективности ради заметим, что по настоянию латиноамериканских представителей на панамериканских конференциях было принято немало решений, подписано немало договоров в защиту суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Но все они остались на бумаге: северный «друг» всякий раз умудрялся так истолковать принятое решение, чтобы оно шло на пользу США.

Нелицеприятно и остро нарисовал Мануэль Медина портрет американского авантюриста Уильяма Уокера, подвизавшегося в роли президента Никарагуа в пятидесятых годах прошлого века. О кровавых похождениях Уокера написано немало. Но автор «Соединенных Штатов и Латинской Америки» впервые убедительно показывает его не как частное лицо, а как выразителя экспансионистской политики США, официально поддержанного правительством. «Уильяма Уокера, — пишет Мануэль Медина, — можно понять, только исходя из американской политики в Латинской Америке, американской политики в районе перешейка, американской политики, направленной на контроль над межокеанскими путями на центральноамериканском перешейке, англо-американских противоречий в Латинской Америке в целом, и в частности в вопросе о путях через перешеек»¹.

Весьма интересно оценивает Мануэль Медина вмешательство США во внутренние дела Мексики и попытку Вашингтона аннексировать целую республику — Санто-Доминго. Автор, естественно, выходит за намеченные им самим хронологические рамки и рассказывает о так называемом «выводе Рузвельта», который явился дальнейшим толкованием доктрины Монро. «В Западном полушарии, — писал Теодор Рузвельт, представитель са-

¹ См. также: Ю. А. Зубрицкий, Авантюра Уокера, «Новая и новейшая история», № 1, 1968.

мых агрессивных кругов американского империализма,—Соединенные Штаты, провозгласившие доктрину Монро, могут оказаться вынужденными... в особо серьезных случаях брать на себя функции международной полицейской силы»¹.

В инструкциях делегатам США на второй Панамериканской конференции, состоявшейся в 1901 году в Мексике, Теодор Рузвельт писал: «Протекторат США над Южной и Центральной Америкой является единственным выходом»².

Вскоре руководители США перешли от слов к делу: в 1898 году США захватили Пуэрто-Рико, Филиппины, установили протекторат над Кубой; в 1903 году насильственно отторгли у Панама зону земли для строительства межокеанского канала; в 1904 году установили финансовый контроль над Доминиканской Республикой; в 1906-м — высадили войска на Кубе... Этот список можно продолжить, он далеко не полон. Было время, когда финансовой политикой одиннадцати из двадцати стран Латинской Америки руководили чиновники США.

На большом количестве документов Мануэль Медина ярко показывает неприглядную роль американской дипломатии. Служанка господствующих классов, дипломатия США всегда являлась передовым отрядом американского «большого бизнеса». В странах Латинской Америки дипломаты США уже в начале XIX века стали пособниками органов, занимающихся шпионажем, организацией саботажа, диверсий, террористических актов, государственных переворотов и интервенций.

Накануне первой мировой войны президент США Уильям Тафт провозгласил «новую» политику, получившую название «дипломатии доллара». Суть ее сводилась (и сводится) к стремлению обеспечить Соединенным Штатам наиболее благоприятные условия для проникновения американского капитала за границу, в первую очередь в страны Латинской Америки.

«Дипломатия доллара» для давления на политику других государств использует в интересах американских монополий и экономическую мощь Соединенных

¹ «Congressional Record, 58th Congress 3d Session», vol. XXXIX, pt. 1, p. 19.

² I. B. Moore, A Digest of International Law, W., 1906, p. 596—597.

Штатов: предоставляет кабальные займы, кредиты, финансовую и экономическую помощь. Подкуп государственных и политических деятелей, финансирование заговоров и государственных переворотов относятся к числу обычных методов «дипломатии доллара».

Так американские империалисты дополняли открытую военную интервенцию интенсивным экономическим вмешательством. «Дипломатия доллара» в сочетании с политикой «большой дубинки» приносила американским монополиям и банкам огромные прибыли. Из страны-должника США превратились в страну-кредитора. Вначале США навязывали той или иной стране финансовый контроль, затем ее оккупировали. Так было с Гаити, Доминиканской Республикой, Никарагуа, Гондурасом и другими странами. Приведем для наглядности пример Гаити: в конце 1914 года США направили туда отряд морской пехоты, который занял подвалы Национального банка и изъяс золотой запас на сумму 500 тысяч долларов; деньги были доставлены в Нью-Йорк. Американские компании в странах Центральной Америки становились своего рода государством в государстве. Нефтяные, медные, алюминиевые и другие монополии, банки и железнодорожные компании США расхищали природные богатства латиноамериканских стран, поддерживали антинародные режимы.

Вся деятельность правительства США по расширению американской колониальной империи была рассчитана на то, чтобы расчистить дорогу для американских промышленников и банкиров и обеспечить им новые сферы приложения капиталов, приносящие огромные прибыли.

Историками международных и межамериканских отношений довольно хорошо изучен вопрос о захвате американскими империалистами зоны Панамского канала в 1903 году, об американско-колумбийских дипломатических и экономических связях в этот период¹. Но Мануэль Медина вносит много нового и интересного и в рассмотрение этой, казалось бы всесторонне изученной, проблемы. Не останавливаясь на всех перипетиях панамской истории, достаточно четко прослеживаемой автором комментируемой книги, отметим лишь одно обстоятельство, связанное

¹ См.: С. Гонимский, История панамской «революции», М., 1958; его же, «Панама — панамцам», М., 1963.

с тем, что отказ колумбийского конгресса 12 августа 1903 года ратифицировать договор Хэя — Эррана о предоставлении панамской территории для строительства межокеанского канала вызвал бурю и в США и в Колумбии. Большинство американских источников считают, что в срыве договора повинен президент Колумбии Маррокин: дескать, при желании он мог добиться ратификации. Такой точки зрения придерживались также Т. Рузвельт и его окружение. Но поведение Маррокина и его правительства в течение 1900—1903 годов свидетельствует о том, что США прилагали все усилия к тому, чтобы договор был ратифицирован, и если это не удалось, то только благодаря противодействию колумбийского народа и конгресса. Несмотря на то, что ряд колумбийских сенаторов были тесно связаны и с правительственными кругами Колумбии, и с миссией США, конгресс не смог не посчитаться с общественным мнением, решительно воспротивившимся позорному договору.

Убедительно разоблачая американских империалистов, захвативших часть панамской территории и навязавших в 1903 году Панаме кабальный договор, Мануэль Медина, как нам кажется, не раскрывает причин, содействовавших образованию самостоятельного панамского государства. Отделение Панама от Колумбии определялось целым рядом факторов. Прежде всего следует учесть давнее стремление панамского народа к независимости.

Колумбийско-панамские связи никогда не были особенно прочными, что в значительной мере объясняется географической обособленностью Панама, отсутствием коммуникаций, а также своеобразием ее исторического развития. На протяжении многих лет центральная власть задерживала развитие перешейка и экономика Панама переживала глубокий кризис. Так называемые «гражданские войны», особенно «тысячедневная», усилили разруху. Жизнь на перешейке замерла. Но «война тысячи дней» имела свою особенность: то была война панамцев против колумбийской армии, защищавшей панамскую олигархию, первая серьезная попытка народных масс завоевать власть.

Четыре члена Политбюро Народной (коммунистической) партии Панама, Рубен Дарио Соуса (генеральный секретарь), Сесар де Леон, Уго А. Виктор и Карлос Ф. Чангмарин, в книге «Панама, 1903—1970» пишут: Не

империализм США создал Панаму и не он вселил в панамцев желание отделиться от Колумбии. Просто-напросто империализм США воспользовался и тем и другим в своих корыстных целях, деформируя развитие панамского общества, попирая интересы Панамы»¹.

Убедительно показанные Мануэлем Мединой экспансионистские тенденции, характерные для внешней политики США в XIX веке, получили дальнейшее развитие в XX веке. Прикрываясь доктриной Монро, в первые десятилетия XX века США направили свои войска на Кубу, в Мексику, Гаити, Доминиканскую Республику, Никарагуа, Панаму. В последующие годы, вплоть до наших дней, американские войска высаживались во многих латиноамериканских странах. В июне 1954 года США организовали вооруженную интервенцию против демократического правительства Гватемалы и установили в этой стране военно-фашистскую диктатуру. Перечень агрессивных акций США может составить многотомный обвинительный акт.

С середины 50-х годов нынешнего века начался новый этап освободительной борьбы латиноамериканских народов. В целом ряде стран (Колумбия, Венесуэла и др.) были свергнуты диктаторские режимы, опиравшиеся на поддержку североамериканских монополий. Но самым мощным ударом по империализму США в Латинской Америке стала победа кубинской революции 1 января 1959 года. Ни одно событие не вызывало в Латинской Америке такого резонанса, как революция на Кубе; она всколыхнула весь континент. Кубинская революция доказала, что борьба против империализма возможна, когда народ готов отстаивать свою независимость и когда на его стороне сочувствие других народов. Она доказала отсутствие географической фатальности, вызываемой близостью мощного враждебного соседа; доказала, что в ходе революции в отсталых и полукOLONиальных странах происходит ломка сложившихся экономических устоев, освобождение от засилья иностранного капитала.

После победы кубинской революции для подавления национально-освободительного движения США стали шире и чаще использовать свое «министерство коло-

¹ Рубен Д. Соуса, Сесар де Леон, Уго А. Виктор, Карлос Ф. Чангмарин, Панама, 1903—1970, М., «Прогресс», 1974, стр. 30.

ний» — Организацию американских государств. Опасаясь, что латиноамериканские правящие клики не смогут сдержать национально-освободительное движение в своих странах, Вашингтон сделал ставку на наиболее реакционные силы латиноамериканской военщины. Интересы помещицкой олигархии совпадают с интересами североамериканских монополий, эксплуатирующих богатства Латинской Америки: и тем и другим для упрочения своего господства нужна «сильная рука», диктатура. 24 апреля 1965 года в Доминиканской Республике вспыхнуло народное восстание против тирании реакционной хунты, навязанной Соединенными Штатами в сентябре 1963 года. Восставшие требовали восстановления конституции и прекращения репрессий. Демократическое конституционалистское движение, в котором приняли участие народные массы и патриотически настроенные солдаты и офицеры, стремительно развивалось. Восстание было подготовлено всем предшествующим ходом событий, оно явилось логическим завершением острейшего политического и социального кризиса, переживаемого Доминиканской Республикой. В течение четырех дней был разгромлен оплот Пентагона в Доминиканской Республике — реакционная военщина; начался развал государственного репрессивного аппарата. Чтобы помешать полной победе патриотических сил доминиканского народа, «поборник независимости и суверенитета» президент Джонсон 28 апреля послал в Санто-Доминго американские оккупационные войска. Маленькая страна стала жертвой агрессии.

В выступлении по радио и телевидению 2 мая 1965 года Джонсон прямо сказал, что США не допустят появления в Западном полушарии «второй Кубы». Из заявления президента явствовало, что отныне, невзирая на мнение латиноамериканцев и мировой общественности, Соединенные Штаты силой оружия не допустят на Американском континенте прихода к власти неугодного им правительства¹. Этот откровенный курс на вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенных государств стал официальной доктриной Соединенных Штатов. Американская печать окрестила этот курс «доктриной Джонсона».

Если раньше империализм США прибегал к интер-

¹ «The New York Times», May 3, 1965.

венции для защиты экономических привилегий тех или иных групп финансового капитала и монополий, то в «доктрине Джонсона» интервенция стала средством защиты от революций. Но в ней было и кое-что еще. Поскольку агрессия США против доминиканского народа вызвала всеобщее осуждение, Джонсон пытался изобразить ее как «коллективные» акции ОАГ. Он надеялся «интернационализировать» доктрину Монро. Впоследствии толкование этой доктрины было расширено за счет пресловутой резолюции № 560, принятой 20 сентября 1965 года палатой представителей конгресса США и одобдившей применение Соединенными Штатами в странах Западного полушария вооруженной силы «для предотвращения подрывной деятельности и захвата власти коммунистами». Эта резолюция конгресса — явная попытка оправдать такие разбойничьи действия США, как вторжение в Доминиканскую Республику в 1965 году. Таково логическое развитие внешнеполитических концепций Вашингтона. За сто пятьдесят лет, прошедших со дня провозглашения доктрины Монро, ее под различными предлогами, под слегка видоизмененным названием многократно приспособляли для оправдания захватнической политики США в Латинской Америке. Старая доктрина принимала новые и разные обличья: то она выступала как «дипломатия доллара», то как политика «большой дубинки», то как «политика доброго соседа» или «доброго партнерства». В 1961 году, сильно «подгримированная», она явилась миру под названием «Союз ради прогресса». Но как бы Вашингтон ее ни маскировал, он неизменно преследовал и преследует одну и ту же цель: укрепить и расширить экономические, политические и идеологические позиции американского империализма в Западном полушарии. «На словах Соединенные Штаты преисполнены дружбы и уважения к странам Латинской Америки; в действительности же они по-прежнему верны доктрине Монро»¹, — писал мексиканский журнал «Сьемпре».

Ненависть латиноамериканцев к доктрине Монро, как символу интервенционистской политики американского империализма, настолько велика, что даже в самих Соединенных Штатах кое-кто рекомендует правительству

¹ «Siempre», 12 Junio 1968, p. 7.

не особенно ее афишировать. Так, представитель Морской академии США Ларман Уилсон на страницах «Джорнэл оф политикс» писал: «Поскольку для большинства латиноамериканцев доктрина Монро — синоним интервенции, то нам лучше о ней не вспоминать...»¹

Сегодня идеологи американского империализма придают доктрине Монро подчеркнuto антикоммунистический характер, считают, что она надежный заслон против распространения идей социализма в Западном полушарии. Поэтому столь «возмутительным» представляется им установление дружественных отношений между странами Латинской Америки и Советским Союзом, особенно между социалистической Кубой и СССР. Современный вариант доктрины Монро, по сути дела, исключает такие формы международных отношений, как консультации и коллективные действия, как принцип невмешательства. Руководители Пентагона, ссылаясь все на ту же доктрину Монро, носятся с идеей создания в Западном полушарии союза, подобного НАТО. Появился даже термин «натизация».

Программа республиканцев, т. е. правящей республиканской партии в Соединенных Штатах с начала 1969 года, принятая на съезде партии в Майами в 1968 году, гласит: «Коллективная политика американских стран должна придерживаться доктрины Монро».

Раньше, как это хорошо показывает Мануэль Медина, основной формой порабощения латиноамериканских народов Соединенными Штатами было прямое военное вмешательство и политическое господство. Сегодня ее сменил косвенный контроль — экспорт капитала, кредиты и займы, различные формы смешанного экономического сотрудничества, а также засылка шпионов, «добровольцев» из «Корпуса мира», поездки бизнесменов и т. п. В последние годы сюда добавились энергичное завоевание на свою сторону латиноамериканского предпринимателя и попытки взять под свой контроль предприятия государственного сектора.

Если до недавнего времени американские монополии старались задушить государственные предприятия латиноамериканских стран, то теперь они предпочитают с ними сотрудничать, чтобы использовать в своих целях. Так называемое сотрудничество с госсектором выгодно аме-

¹ «Journal of Politics», May 1966, p. 346.

риканским монополиям по трем соображениям. Во-первых, государственные предприятия пользуются поддержкой государства, им гарантированы бюджетные ассигнования; во-вторых, совладение предприятиями уменьшает опасность национализации (особенно возросшей после того, как в Чили, Перу и Венесуэле были национализированы целые отрасли промышленности). Наконец, в-третьих, американским монополистическим компаниям, одно название которых звучит в Латинской Америке одиозно, куда выгоднее выступать в роли «равноправных» партнеров.

В последнее время США форсируют создание смешанных предприятий. В этом процессе также есть много нового. Вначале американские бизнесмены сохраняли за собой контроль, владея 51 процентом капитала. Но практика показала, что для этого не обязательно иметь такой высокий процент, а достаточно десяти. «Смешанные» компании мало что дают национальной промышленности. Как правило, их функции сводятся к сборке готовых изделий или расфасовке товаров, изготовленных за рубежом. Являясь номинально национальными, эти компании вовлекают в сферу своей деятельности местные капиталы, получают кредиты, дотации, освобождаются от пошлин и налогов. Но, используя все эти льготы, «смешанные» предприятия фактически находятся под контролем американского капитала.

Изменения, происходящие на континенте, заставили официальный Вашингтон искать новых альянсов. Расчеты США на военную диктатуру, на латиноамериканские вооруженные силы как верного стража интересов реакции и монополий все чаще и чаще оказываются неоправданными. Если еще 15—20 лет назад большинство латиноамериканских офицеров были выходцами из правящих классов, то сейчас значительную часть их составляют представители средних слоев населения. Среди офицеров происходит идейное размежевание, возникают различного рода националистические течения. Появляются группы офицеров, считающие, что вооруженные силы призваны возглавить национальную революцию.

Сегодня нет ни одной латиноамериканской страны, где не имелось бы свидетельств активизации революционного процесса. В ряде стран Латинской Америки сложилась обстановка, вызывающая серьезные опасения у

американских монополистов,— им становится все труднее и труднее держать под контролем своих южных соседей. Правая американская пресса бьет в набат. Руководящие деятели США, ученые-международники, бизнесмены крайне озабочены резким ухудшением межамериканских отношений, ослаблением позиций США на Латиноамериканском континенте. Латинская Америка уходит из-под контроля. «Политику США в Латинской Америке, — пишет бостонская газета «Крисчен сайенс монитор»¹, — можно охарактеризовать одним словом: провал». Ведущий американский специалист по проблемам Латинской Америки, бывший сотрудник государственного департамента, профессор Джон Джонсон приходит к выводу: «Никогда еще взаимная неприязнь между Латинской Америкой и Соединенными Штатами не достигала такого накала, как сейчас»². Мощные забастовки, крестьянские восстания, митинги трудящихся, студенческие волнения, выступления прогрессивных кругов католической церкви и вооруженных сил, недовольство политикой США многих латиноамериканских правительств — все это свидетельствует о глубоком политическом и социально-экономическом кризисе на континенте, кризисе всей системы межамериканских отношений. Новые силы эксплуатируемых и угнетенных народных масс вливаются в ряды борцов за свободу, демократию и прогресс. Встречи и конференции латиноамериканцев без участия представителей США, состоявшиеся в 1969—1974 годах на всех уровнях, убедительно показывают, что Латинская Америка добивается равноправия. Открытое столкновение интересов, или, как его именует теперь мировая печать, «конфронтация», — явление, характерное для нынешних межамериканских отношений. В Латинской Америке назрела необходимость радикальных социально-экономических перемен. «В настоящее время Латинская Америка — самый взрывчатый район мира»³... — таков вывод мексиканского журнала «Сьемпре».

В последнее время в высказываниях многих государственных деятелей, на страницах журналов и газет все чаще и чаще появляется выражение «латиноамериканский национализм». Действительно национализм стал ха-

¹ «The Christian Science Monitor», June 5, 1969.

² «Current History», January 1969, p. 1.

³ «Siempre», 25 Junio 1969, p. 30.

раκτηрной чертой современного положения в Латинской Америке. Каковы причины, породившие националистические тенденции в Латинской Америке? Дело в том, что господство США привело к катастрофе экономику латиноамериканских стран, а положение трудящихся стало просто невыносимым. Диктат американских монополий мешает развитию стран, от него страдают и латиноамериканские капиталисты, превратившиеся в «младших партнеров» Соединенных Штатов.

Правящие круги многих латиноамериканских стран решительно выступают за коренной пересмотр экономических и политических отношений с Соединенными Штатами. Об этом свидетельствуют региональные совещания без участия представителей США, и в первую очередь сессии Специальной латиноамериканской координационной комиссии (СЕКЛА).

Весьма важной характеристикой настроений в Латинской Америке является создание субрегиональных объединений. Особенно большую роль играет Андский блок — объединение шести южноамериканских государств (Перу, Чили, Эквадор, Колумбия, Боливия и Венесуэла), территория которых прилегает к хребту Анд. Созданный в 1969 году, этот блок добился заметных успехов в борьбе против засилья империалистических монополий. В Латинской Америке сегодня уже на всех уровнях понимают, что главная экономическая задача латиноамериканских стран — создать собственную национальную промышленность, которая была бы основой их независимого развития. И эта задача неразрешима в союзе с империализмом США. Только в борьбе против общего врага — американского империализма, — добиваясь единства латиноамериканских народов, можно осуществить радикальные преобразования.

Усиление ограбления латиноамериканских стран монополиями янки привело к углублению структурного кризиса, расколу межамериканской системы, обострению противоречий между США и странами Латинской Америки.

Правящие круги многих латиноамериканских стран решительно выступают за коренной пересмотр экономических и политических отношений с Соединенными Штатами. Об этом свидетельствуют многочисленные региональные совещания без участия представителей США.

Общеизвестно, что до недавнего времени политический курс разрабатывали и навязывали латиноамериканским странам США. Как бы они ни называли свою политику — «политикой доброго соседа» или программой «Союза ради прогресса», — инициатива всегда исходила от Вашингтона. Аргентинский социолог Джино Джермани пишет: «Соединенные Штаты вмешивались, вмешиваются и будут вмешиваться во внутренние, политические и экономические дела латиноамериканских стран, как бы ни называлась доктрина, которую провозгласит североамериканское правительство»¹.

Но времена изменились. Теперь впервые латиноамериканские страны взяли инициативу в свои руки и вырабатывают свою собственную платформу. Сегодня подавляющее большинство латиноамериканцев понимают, что настала пора проводить независимую политику. Если даже такая в прошлом зависимая от США страна, как Панама, решительно отказывается признать законность оккупации Соединенными Штатами части своей территории и предпринимает важные шаги для завоевания полной независимости, значит, политический климат в Латинской Америке изменился.

События в маленькой Панаме, находящейся в глубокой зависимости от американского империализма, — пример сдвигов, происходящих во всех странах Латинской Америки и выражающихся прежде всего в новой важнейшей роли, которую стали играть в политической жизни народные массы.

Огромное значение имеет победа на президентских выборах 1970 года в Чили коалиции Народного единства, душой которой являлись партии и организации рабочего класса. Победа эта — убедительное свидетельство того, что в латиноамериканском освободительном движении наблюдаются серьезные качественные изменения.

Впервые в истории Чили к власти пришел народ. За короткий период, всего за три года, правительство Сальвадора Альенде сделало для страны столько, сколько не сделало для страны за полторы сотни лет ни одно предшествующее правительство. Национализация медно-рудной промышленности и частных банков, аграрная реформа, социальные преобразования — это лишь часть борьбы за подлинную национальную независимость.

¹ «Vision», 22. V. 1971, p. 34.

Враги чилийского народа в штыки встречали революционные меры, направленные на построение справедливого общества.

Реакция при поддержке международных монополий и банков и правых экстремистских организаций перешла к открытому саботажу и террору. Зазвучали взрывы на железных и шоссейных дорогах. Поняв, что время работает на правительство Народного единства, реакционная военщина совершила 11 сентября 1973 года фашистский переворот и залила страну кровью. В день переворота был злодейски убит глава государства, верховный главнокомандующий вооруженными силами, выдающийся прогрессивный деятель Чили и всей Латинской Америки президент Сальвадор Альенде. В результате преступлений фашиствующей военщины погибли тысячи патриотов, тысячи сынов и дочерей чилийского народа находятся в концентрационных лагерях, подвергаются пыткам. Впервые за всю историю страны распущены конгресс, организации, которые выражали интересы и чаяния народа, не существует больше свободы собраний, свободы слова, во всех университетах хозяйничают военные.

Миллионы людей всех континентов переживают чилийские события как собственную трагедию. Они гневно осуждают разгул реакционной военщины, поправшей человеческие права и элементарную законность.

Несмотря на поражение правительства Народного единства в Чили, героический пример борьбы народа Чили, который не сложил оружия и поныне, имеет непреходящее значение для народов всех стран, всех континентов.

Выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, Л. И. Брежнев выразил твердое убеждение, что правое дело, за которое демократы и патриоты Чили боролись и ныне борются в столь тяжелых условиях,—«дело независимости, демократии и социального прогресса непобедимо, неистребимо!»

Причастность империалистических кругов США к чилийским событиям не вызывает сомнений даже у самой американской печати. Она прямо пишет, что следы преступления ведут в Пентагон, поддерживавший тесные связи с реакционными чилийскими генералами.

Переворот в Чили — это не изолированное явление,

а еще один шаг империализма, направленный на то, чтобы остановить процесс подлинного освобождения в Латинской Америке, взять реванш за поражения монополий США в последние годы.

Однако эти крайние меры свидетельствуют также об обострении противоречий. Американскому империализму становится все труднее держать в подчинении борющийся континент. Это подтверждает вывод международных совещаний коммунистических и рабочих партий, заключающийся в том, что империализм, несмотря на свою агрессивность, никогда не сможет вернуть утраченной им исторической инициативы в международных делах.

Разумеется, на пути патриотических, демократических сил Латинской Америки — большие препятствия. Революционные процессы на континенте развиваются не по прямой линии, спады и временные отступления усложняют условия борьбы, но они не могут изменить общей тенденции революционного развития. В горниле тяжелых битв выковывается самосознание народных масс, выступления которых приобретают самые различные формы, начиная от массовых забастовок и кончая партизанской войной. Опыт социалистической Кубы, победа фронта Народного единства в Чили в сентябре 1970 года, прогрессивные мероприятия правительств Перу и Панамы — суть проявления новых тенденций в странах, стремящихся освободиться от американской зависимости, чтобы развивать экономику собственными силами, сотрудничая со всеми государствами мира.

Новые внешнеполитические тенденции латиноамериканских стран состоят в стремлении проводить более независимый от США курс, расширять отношения с СССР и другими странами социалистического содружества на основе полного равноправия и взаимной выгоды, защищать принципы мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела, уважения национального суверенитета.

В Латинской Америке все большее распространение получает идея мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами. В последнее время позиции правительств ряда латиноамериканских стран по некоторым важным вопросам все более сближаются. На континенте создаются международные отношения нового типа. Это естественно, ибо социа-

листическая Куба, антиимпериалистический режим в Перу выступают за равноправные отношения. Под влиянием Кубы, Перу изменяется внешняя политика и других стран Латинской Америки.

В межамериканских отношениях сталкиваются две тенденции: первая — стремление США любыми путями сохранить и укрепить ОАГ и всю межамериканскую систему; вторая — крепнущая решимость латиноамериканских стран проводить самостоятельную внешнюю политику.

Латинская Америка переживает период мощного подъема освободительной борьбы. Началось с победы кубинской революции. Теперь революционный процесс охватил и другие страны. Прогрессивные преобразования осуществляются в Перу и в Панаме. Преодолевая ожесточенное сопротивление внутренней и внешней реакции, крепнут революционные силы в странах Латинамериканского континента, превратившегося в активный фронт антиимпериалистической борьбы. Главное содержание революционного процесса, охватившего Латинскую Америку,— борьба за подлинный национальный суверенитет и экономическую независимость, которая переплетается с острой классовой борьбой против капиталистической эксплуатации, и прежде всего против иностранных и местных монополий и латифундистов. «Все больше и больше людей считают, что многим латиноамериканским странам нужна революция», — таков вывод, к которому приходит американский журнал «Нью рипаблик»¹.

Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, коммунистические партии Латинской Америки борются за единство всех патриотических сил. Они вступают в союз с самыми широкими слоями населения, проявляют максимум гибкости и доброй воли к сотрудничеству с другими прогрессивными политическими партиями и объединениями. Единый фронт всех антиимпериалистических и антифеодальных сил является решающей силой, способной вырвать латиноамериканские страны из-под господства американских монополий и местной олигархии, повести народы по пути индустриализации, к расцвету сельского хозяйства, к повышению благосостояния, к экономической и политической независимости, к социализму.

С. Гонионский

¹ «New Republic», 9. I. 1971, p. 20.

ВСТУПЛЕНИЕ

История отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой была сознательно заброшена буржуазными историками.

В капиталистическом мире до сих пор почти нет работ на эту тему.

Изредка появляющиеся на Западе работы, как правило, сводятся к простому повторению, к описанию незначительных событий. Бывает и так, что историю этих отношений передают лишь несколькими эпизодами, более или менее общеизвестными, лишенными внутренней связи.

Предлагаемый труд является лишь попыткой начать серьезные исследования вопроса.

Большая часть документов, относящихся к интересующей нас теме, все еще лежит в архивах. Необходимо извлечь их оттуда, и тогда народы узнают правду, которую тщательно скрывают от них лжеученые всех мастей.

Быть может, эта книга вызовет среди историков дискуссию, но тем лучше. Даже среди прогрессивных буржуазных ученых есть еще много людей, наивно верящих, что США поддерживали борьбу народов Латинской Америки за независимость, верящих в положительную роль доктрины Монро. Это мешает правильно оценить политику империализма, его разлагающее влияние на наши нации с самого момента их возникновения.

Предлагаемый труд не синтез событий, а скорее их анализ. Именно потому он не только показывает цели, но и методы североамериканской политики в Латинской Америке. Автор опирается на документы, свидетельства прессы, различные факты и события, происшедшие в латиноамериканских странах.

Большая часть использованных автором документов приводится впервые.

Автор, рассказывая об экспансии США в Латинской Америке, уделяет внимание борьбе народов этих стран против агрессии с Севера.

Уже на заре республиканской эры началось ограбление и унижение Латинской Америки. С тех пор систематически совершенствуются методы американского вмешательства. В ход пускаются шантаж и запугивание, вымогательство, грабеж, хищения. Дипломатия США в своих отношениях со странами Латинской Америки охотно прибегает к шпионажу, интригам и подстрекательствам. Происходит планомерное политическое и культурное закабаление латиноамериканских народов, развращение молодежи, подкуп политических деятелей, prostituiрование общественного сознания. Угрозе подвергается испаноамериканское¹ единство, американская дипломатия разжигает международные конфликты и вмешивается в них. Пропаганда США фальсифицирует историю латиноамериканских государств, извращает государственное и общественное развитие их народов. И как заключительный аккорд политических махинаций государственного департамента — преступные акты агрессии и территориальных захватов, насилие и разбой.

¹ Термины «Испаноамерика», «испаноамериканский» имели распространение в XIX в. для обозначения испанских колоний, а затем и независимых государств в Латинской Америке.— *Прим. перев.*

НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ

Североамериканские руководители не могли не видеть, что испаноамериканская революция частично являлась неизбежным следствием революции в Северной Америке. Однако она была им на руку, ибо ликвидация Испанской империи способствовала осуществлению североамериканских политических целей. Правящие круги США знали, что и Великобритания попытается захватить лучшую часть добычи, а они не смогут противодействовать этому.

Стремление к установлению своего господства, понимание британского могущества толкали Вашингтон на крайние меры.

Как только Соединенных Штатов достиг отзвук восстания испаноамериканских индейцев под руководством Тупак Амару (1780—1781), правящие круги этой страны поторопились сформулировать политику, направленную против освободительного движения на Юге.

Уже в 1787 году Джефферсон¹, признавая неизбежность испаноамериканской революции, считал, что «необходимо затормозить ее развитие до тех пор, пока плодами ее смогут воспользоваться Соединенные Штаты, а не Англия».

Одновременно и Адамс-Старший² утверждал: «Мы должны тщательно вести свои дела. Наибольшую выгоду из этого положения извлечет Англия, поскольку она будет снабжать всю Южную Америку своими товарами, что быстро принесет ей богатство и власть — обстоятельство, весьма опасное для нас».

¹ Джефферсон, Томас — президент США (1801—1809).

² Адамс, Джон — президент США (1797—1801).

Отношение североамериканцев к испаноамериканской революции определялось различными факторами: внешней политикой вашингтонского правительства, значением местных интересов, ходом собственной революции. Во всяком случае, несомненно то, что североамериканское общественное мнение всегда занимало позицию понимания и одобрения событий, происходящих в Испаноамерике.

Запад — «самый демократичный и самый предприимчивый район страны» — был, очевидно, самым решительным и, быть может, более «предприимчивым», чем «демократичным»...

Юг был расчетливым: выжидал момента для приобретения Флориды.

Восток подсчитывал: экспортная торговля, импортная торговля, следовало бы предъявить денежные претензии Испании.

И повсюду сильное сомнение: «А готовы ли испаноамериканцы к свободе? Способны ли они к самоуправлению?»

* * *

С начала испаноамериканской революции североамериканское правительство провозгласило свой *нейтралитет*. Необходимо вспомнить, что достижение независимости Соединенными Штатами стало возможным благодаря поддержке со стороны Франции. Договором от 6 февраля 1778 года Франция признала независимость Соединенных Штатов, и оба государства обязались в случае войны между Францией и Англией не заключать сепаратного мира и не складывать оружие до тех пор, пока независимость Соединенных Штатов не будет признана Англией. По меньшей мере три экспедиции отправились из французских портов для поддержки североамериканской революции. 19 апреля 1778 года снялась с якорей эскадра под командованием адмирала графа де Эстайна. Испания, связанная договором с Францией, угрожала в то же время берегам Англии. В июле 1780 года на североамериканском берегу высадилось 6000 французских солдат. В марте 1781 года прибыла эскадра из 22 кораблей. Значительной была также экономическая помощь.

Франция, таким образом, имела право рассчитывать на североамериканскую солидарность в борьбе с Англией.

Но когда вспыхнула война между Францией и Англией, Соединенные Штаты провозгласили нейтралитет — 22 апреля 1793 года — и торговали со всеми и наживались на всем...

С тех пор Вашингтон превратил в наживу свой нейтралитет, сделал его значительным источником обогащения и укрепления своих позиций.

Чего же могла ожидать в таком случае испаноамериканская революция?

Нейтралитет делал невозможным признание повстанцев воюющей стороной. Это можно было сделать де-факто, а не де-юре. И все потому, что североамериканское правительство не посчитало возможным удостоить испаноамериканскую революцию дипломатическим признанием ее воюющей стороной. Но революция, с североамериканским признанием или без него, стала фактом. Единственно реальным стал доступ новых стран на североамериканский рынок. От испаноамериканской революции правительство Соединенных Штатов держалось на таком расстоянии, какое сулило выгоды для его торговли.

* * *

↓ Когда в 1811 году президент США Джеймс Мэдисон в своем ежегодном послании сообщил конгрессу о движении за независимость в испанских колониях, сенат и палата приняли совместную резолюцию: «Что... они с дружеским интересом следят за образованием независимых государств в испанских провинциях в Америке; что как соседи и жители одного полушария Соединенные Штаты испытывают глубокую озабоченность его благополучием и что, когда эти провинции утвердятся как национальные государства, сенат и палата представителей, осуществляя свои права, обратятся к исполнительной власти, чтобы установить с ними как суверенными и независимыми государствами дружественные и торговые отношения...»

Что им было до того, что Южная Америка одна противостоит испанскому могуществу? Завоюет она независимость или нет, Соединенные Штаты все равно постараются урвать свою долю добычи...

Можно привести доводы, на первый взгляд правдоподобные, что Соединенные Штаты стремились ускорить

признание новых республик европейскими державами. Однако следует заглянуть и в документы.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Джеймс Монро писал 27 ноября 1811 года в инструкции американскому послу во Франции Джо Барлоу, что провинции Венесуэлы «были проинформированы о том, что посланникам Соединенных Штатов в Европе будут даны инструкции добиваться при благоприятных обстоятельствах, которые могут возникнуть, ускорения их признания другими государствами... Действуя подобным образом, вы должны заботиться о том, чтобы не нарушить мирные отношения, существующие между Соединенными Штатами и другими державами». Подобные инструкции были направлены также посланникам США в Великобритании, России и Дании.

Но какое моральное право имели североамериканцы побуждать другие правительства к признанию новых республик, если сами в то же время их не признавали?

* * *

По инициативе президента Мэдисона конгресс Соединенных Штатов одобрил 3 марта 1817 года новый закон о нейтралитете, открыто направленный против испано-американской революции. Мэдисон уступил давлению испанского посланника Луиса де Ониса. По этому новому закону любой человек, который вооружает частные суда в целях войны против государства, находящегося в мире с Соединенными Штатами, будет осужден на 10 лет тюрьмы и уплату десяти тысяч долларов штрафа.

Рут, депутат от Нью-Йорка, заявил в ходе прений, что если действующие законы были удовлетворительными для британского правительства, то почему они не подходят для Испании? Если считалось допустимым, что испанское правительство требовало применения санкций к нарушителям нейтралитета, то это значило, что и Испания имела право принять самые строгие законы, обязывающие нейтральную страну принуждать своих граждан давать гарантии в доказательство того, что они «не думают нарушать нейтралитет». Рут добавил, что, если «конгресс отвергнет закон, Соединенные Штаты завоюют дружбу народов Юга и овладеют его рынком. Для Соединенных Штатов лучше было бы принять посла

Объединенных провинций Южной Америки, который ждет этого уже несколько месяцев, чем подчиниться требованиям испанского правительства». Но главным оратором во время обсуждения закона был Генри Клей. Он защищал народы Юга от всех обвинений, собранных против них сторонниками обсуждавшегося проекта закона, чтобы доказать, будто они еще не готовы к свободе, и выступил за дело независимости. С тех пор он прославился как «друг» испаноамериканской независимости.

Сам Джефферсон признавал, что общественное мнение было настроено враждебно по отношению к закону.

Уильям Кэбот, британский журналист, опубликовал брошюру, в которой осуждал несправедливость нового закона против южноамериканских патриотов, у которых не было ни верфей, ни арсеналов. Кэбот спрашивал, является ли нейтралитетом отказ вооружить безоружного человека, который сражается с хорошо вооруженным. Кэбот заявил, что Соединенные Штаты зашли слишком далеко в своих опасениях относительно европейской интервенции. Если мы стремимся быть более нейтральными, чем того требует международное право, то «мы несправедливы и к себе и к патриотам».

Нильс, редактор «Уикли реджистер», утверждал, что «...правительство не должно вмешиваться в испаноамериканскую войну, но североамериканские граждане, как частные лица, имеют на это полное право».

Одна газета из Балтимора жаловалась на то, что чрезмерная строгость закона повредит самой законной торговле.

Враждебная пресса аплодировала закону: «Приветствуя успех патриотов, мы заинтересованы тем не менее в соблюдении законов Соединенных Штатов»; «Морской разбой, который в настоящее время позорит звание североамериканских моряков... осуществляется под предлогом поддержки дела патриотов» и т. д.

Тем временем закон уже вступил в силу, и правительство начало строго проводить его в жизнь. Одиннадцать английских офицеров, направлявшиеся в Венесуэлу, были задержаны в Филадельфии. Военное снаряжение, которое находилось на их судне, было конфисковано и заменено бочками с североамериканской мукой...

* * *

Чтобы знать, как Соединенные Штаты считались с законами о нейтралитете и как их выполняли, достаточно вспомнить несколько случаев, происшедших с североамериканскими торговыми и военными судами, и отношение к этим случаям правительства Вашингтона. Декретом от 6 января 1817 года республиканское правительство Венесуэлы установило блокаду Гайаны и Ангостуры. Этот декрет был опубликован также и в Соединенных Штатах. Однако, несмотря на это, североамериканские суда систематически нарушали блокаду. 4 июля того же 1817 года военно-морские силы Венесуэлы захватили североамериканскую шхуну «Тигр», законтрактованную испанским губернатором для обмена местных товаров на североамериканское военное снаряжение, когда она появилась в водах реки Ориноко. Позже была захвачена другая североамериканская шхуна, «Либертад», перевозившая продукты для испанской армии.

Венесуэльское адмиралтейство конфисковало оба судна. А правительство Соединенных Штатов назначило посредником в споре с правительством Венесуэлы североамериканского гражданина Баутисту Ирвина. Обмен письмами между Ирвином и Боливаром, продолжавшийся до 1818 года, представляет значительный интерес. Боливар выступает в этом споре как блестящий юрист: он определяет фактические и юридические основы венесуэльской позиции и показывает, что она соответствует законам корсарства, провозглашенным самой Испанией в 1796 году, действующим с тех пор и не вызывавшим возражений со стороны «всей Европы и самих Североамериканских Соединенных Штатов; соответствует практике и законам, соблюдаемым в морской торговле Соединенных Штатов, согласуется с принципами прав человека, решениями испанских трибуналов и британского адмиралтейства, принципами, излагаемыми законоведами эпохи». Тем не менее Боливар всегда был готов прибегнуть к арбитражу и сам предлагал передать этот вопрос на суд арбитров.

Конечно, Боливар не ограничивался юридическими сторонами дела, а в ходе переписки неоднократно указывал на отсутствие объективности у североамериканцев. «Я слишком хорошего мнения о Вашем возвышенном характере, чтобы постоянно не прибегать к суду Вашей

совести в инциденте с американскими гражданами с Севера, забывшими братство, дружбу и демократические принципы, которым мы следуем, и пытавшимися нарушить и даже нарушившими блокаду и осаду Гайаны и Ангостуры, чтобы доставить оружие палачам и обеспечить продуктами хищников, в течение трех веков щедро проливавших американскую кровь, кровь своих же собственных братьев. Вместе с Вами я испытываю огромное удовольствие от сознания, что это будет первой и последней причиной спора между американскими республиками; но я испытываю и глубокую печаль оттого, что в самом начале наших отношений вместо того, чтобы обмениваться взаимными поздравлениями, мы обмениваемся, напротив, упреками» (Боливар — Ирвину. Ангостура, 29 июля 1818 года).

Но случай со шхунами «Тигр» и «Либертад» был единственным.

В южной части Тихого океана коммодор Стюарт шпионит в пользу испанцев, открыто конвоирует североамериканские торговые суда, перевозящие для испанцев оружие, оказывая им всевозможную поддержку. А когда министр иностранных дел Колумбии Педро Гуаль передал североамериканскому правительству претензии правительства Перу (январь 1823 год), Вашингтон в ответ запрашивает колумбийское правительство, согласно ли оно поддерживать североамериканские *претензии*, предъявляемые им перуанскому правительству... Некоторое время спустя министерство иностранных дел Перу обращается непосредственно в Вашингтон с просьбой отозвать Стюарта с поста командующего морскими силами в этом районе. В следующем году (12 февраля 1824 года) Бернардо Ривадавиа, государственный министр и министр иностранных дел Объединенных провинций Южной Америки, официально подтверждает прежние и предъявляет новые претензии посланнику Соединенных Штатов в Буэнос-Айресе. Джон Муррей Форбс, в то время секретарь дипломатической миссии, сообщает в личном письме на имя государственного секретаря о своих переговорах с Ривадавиа и затем, уже как поверенный в делах, собирает новую и более полную информацию, которую спешит передать государственному секретарю в частном и конфиденциальном письме от 7 октября 1824 года. Правительство Вашингтона наконец ограни-

чивается отставкой Стюарта, одновременно расточая похвалы в его адрес...

Тем не менее в 1826 году, четыре года спустя после признания правительства новой республики, североамериканские суда все еще продолжали контрабандную перевозку оружия для роялистов: «Из второго заявления Бермудеса [испанского шпиона] вы узнаете, что [северо]американец Чепель доставил тысячу ружей для Чагреса. Эта операция показывает, с какой легкостью они могут осуществлять дела подобного рода. Поэтому я рекомендую вам проявлять больше бдительности в отношении этих [северо]американцев, которые часто появляются у побережья, они готовы продать Колумбию за реал...» (Боливар — Сантандеру. Магдалена, 13 июня 1826 года.)

Североамериканский флаг, североамериканское правительство, североамериканский военно-морской флот прикрывали и покровительствовали любым нарушениям законов о морской войне и нейтралитете в пользу Испании и против испаноамериканской революции. Североамериканский флаг использовался для доставки транспортов с оружием для испанской армии. Правительство Вашингтона, высшие торговые круги Соединенных Штатов не беспокоило продолжение кровопролитной войны. Боливар в письме с Ямайки сообщает, что если в Новой Испании в 1808 году, включая Гватемалу, проживало 7 800 000 человек, то «восстание... значительно сократило эту цифру... так как свыше миллиона человек погибло». К моменту падения Картахены, в 1815 году, только в Венесуэле «погибло четверть миллиона человек». Испаноамериканская революция стимулировала североамериканскую торговлю с воюющими странами, и главным образом с Испанией. В конечном счете эта война стала еще одним источником североамериканских доходов.

* * *

Имея незначительный флот, испаноамериканские правительства прибегли к крейсерской войне. Корсарство, направленное против испанской торговли, было одной из действенных мер патриотов. Однако испаноамериканские крейсерские корабли упорно преследовались военно-морскими силами Соединенных Штатов даже в открытом море.

К докладу прокурора штата Луизиана государственному секретарю, датированному в Нью-Орлеане 1 марта 1816 года, после признания того, что в соответствии с законом от 5 июня 1797 года «корсарские суда... осуществлявшие захват судов, но застигнутые в открытом море нашими крейсерами, доставлялись в наши порты, а захваченная собственность передавалась в руки наших судебных властей и возвращалась ее прежним владельцам — испанцам, а в отдельных случаях на захватчиков налагался штраф за причиненный ущерб», приложены три списка, а именно:

«имена лиц, представших перед окружным судом для штата Луизиана в течение 1815 года за нарушение или попытку нарушения нейтралитета Соединенных Штатов в поддержку правительства Объединенных провинций Новой Гранады и Объединенных провинций Мексики»;

«список судов, задержанных за незаконное вооружение в целях поддержки указанных правительств в течение того же времени»;

«перечень судов и собственности, доставленных в штат Луизиана, захваченных под флагом и под покровительством правительств Новой Гранады и Мексики, привлеченных к суду прежними испанскими владельцами, которым были возмещены убытки, в силу того, что корабли-захватчики были оснащены и вооружены в водах Соединенных Штатов».

Доклад перечисляет только нарушения со стороны испаноамериканских правительств, но ничего не говорит о нарушениях в пользу Испании... Нарушения нейтралитета в пользу Испании прикрывались североамериканским флагом. Их совершал сам североамериканский торговый флот...

Из доклада прокурора видно, что за снаряжение судов или попытки их снарядить на североамериканской территории лица, замешанные в этом деле, были арестованы или привлечены к суду в соответствии с североамериканским законом от 5 июля 1794 года. Но в нем ничего не говорится, согласно какому закону военно-морской флот Соединенных Штатов в открытом море захватывал законные призы испаноамериканских корсаров.

Не касаясь юридических аспектов дела, следует спросить: кому служила, чьи интересы защищала подобная

североамериканская политика? Испании, испанскому колониализму прежде всего. А также правящим кругам США, стремившимся затормозить борьбу испаноамериканских республик за свою независимость.

Объективно говоря, кому же и чьим интересам наносила ущерб североамериканская политика? Испанской Америке, делу испаноамериканской революции?

Два принципа сталкиваются в корсарстве.

Собственно говоря, это корсарство и борьба с ним. Каждая страна прибегала к тому или другому в зависимости от своего положения.

Торговые державы логично провозглашают, что «флаг невоюющей страны предполагает неприкосновенность товаров». Новые республики, которые прибегли к корсарству для защиты от Испании, провозглашают противоположный принцип. Согласно ему, «флаг невоюющей державы не означает неприкосновенности товаров», таким образом, товары, полученные у врага или предназначенные врагу, могли быть конфискованы, и этот принцип родился вместе с зарождением новых республик.

Однако, когда в 1824 году обсуждался первый торговый договор между Колумбией и Соединенными Штатами, последние отвергали испаноамериканский принцип и грубо навязали прямо противоположный, свой собственный принцип крупной торговой державы. И Колумбия, несмотря ни на что, вынуждена была принять североамериканское предложение. Этот случай в истории отношений США с Латинской Америкой следует рассматривать как первое нарушение наших законных прав.

* * *

С представителями новых республик в Вашингтоне обращались пренебрежительно. Возьмем для примера лишь тех, кто был аккредитован хунтой Буэнос-Айреса, и вспомним, что президент Мэдисон отказался принять Диего де Сааведра и Хуана Педро де Агирре в 1811 году и Альвареса Томаса пять лет спустя. Президент Монро отказался принять Мануэля Эрменехильдо де Агирре, аккредитованного одновременно Аргентиной и Чили. Его даже бросили в тюрьму якобы за «попытку нарушить законы нейтралитета». Джон Куинси Адамс отказался признать консулом Давида С. де Форреста в 1818 году.

Буэнос-Айрес, напротив, принял в 1811 году наилучшим образом Джоэля Робертса Пойнсетта как генерального консула. Каракас признал в качестве представителя США Александра Скотта в 1812 году. Картахена приняла Христофора Хьюза как специального представителя в 1816 году. Буэнос-Айрес, Сантьяго и Лима принимали Джона Б. Превоста как специального представителя в 1817 году и т. д.

По той или иной причине, по тому или иному поводу Вашингтон отказывался принимать испаноамериканских представителей, подвергал их оскорблениям и унижал их. Монро принял в 1812 году мексиканца Гутьерреса де Лара и предложил ему добиваться присоединения Мексики к Соединенным Штатам...

Да и теперь латиноамериканским представителям приходится довольствоваться визитами лишь к низшим служащим госдепартамента...

* * *

При каждом удобном случае Соединенные Штаты и ныне напоминают нам, что они были первой страной, признавшей независимость латиноамериканских стран от Испании.

В действительности первое признание испаноамериканских государств пришло из Португалии в апреле 1821 года, ровно за год до североамериканского признания.

Только в марте 1818 года в официальных кругах Вашингтона впервые возникло предложение признать новые республики. Предложение исходило от оппозиции. Это была инициатива Клея¹, выступившего в конгрессе. В энергичной речи, которую критики считают лучшей в его жизни, Клей привел массу объективных исторических и убедительных доводов. Буэнос-Айрес был независим уже 8 лет. Соединенные Штаты всегда признавали правительство де-факто. Однако *признание* не предусматривало отказа от *нейтралитета*. Следовательно, такое признание не могло стать поводом к войне с Испанией. И все же при голосовании предложение Клея было от-

¹ В то время Генри Клей представлял в конгрессе штат Кентукки.

вергнуто 115 голосами против 45. Западные штаты голосовали «за», восточные — «против».

Обсуждение этого вопроса продолжалось в печати. Большинство газет благосклонно относилось к правительственному нейтралитету: «Нейтралитет... был оправдан гражданскими распрями патриотов и монархическими тенденциями, которые проявляются среди них»; «Союз с Южной Америкой против Испании не прельщал никого, кто не страдал бы чрезмерной жаждой военной силы»; «Соединенные Штаты не должны вмешиваться ради замены одной тирании другой».

Торговый Восток был решительно нейтралистским. Торговля с Европой приносила конкретные результаты, поэтому «торговые и политические отношения Соединенных Штатов с этими народами [латиноамериканскими.— *Прим. перев.*] являются маловажными по сравнению с теми, которыми мы связаны с Европой». В то же время процветающая торговля с Кубой требовала проведения более последовательной политики.

* * *

В своем послании, второй сессии XV конгресса Союза в декабре 1818 года президент Монро возвращается к этой теме: «Гражданская война, которая так обострилась за столь долгое время между Испанией и провинциями Южной Америки, все еще продолжается, и нет никаких надежд на ее близкий конец... Судя по тому, как развиваются события, подтверждаемые всей информацией, которую мы могли получить, имеются все основания испытывать удовлетворение позицией, занятой Соединенными Штатами по отношению к этой войне, именно той позицией, которой мы продолжаем придерживаться, особенно при нынешнем положении вещей».

В последний день старого, 1818 года и 1 января нового, 1819 года государственный секретарь Джон Куинси Адамс посылает две очень важные ноты, касающиеся признания независимости Объединенных провинций Ла-Платы.

Первая была адресована Давиду С. де Форресту, представителю Объединенных провинций Ла-Платы. В ней речь идет о переговорах по поводу заключения первого торгового договора между Аргентиной и Соеди-

ненными Штатами, во время которых Пайерредон¹ отказался предоставить Соединенным Штатам *статус наиболее благоприятствуемой нации*, который аргентинцы намеревались предоставить Испании. Мы еще вернемся к этому вопросу, но сейчас важно отметить наличие шантажа со стороны Вашингтона: «Необходимо разъяснить, что, до тех пор пока Аргентина будет резервировать для какой-либо нации привилегии большие, чем для Соединенных Штатов, последние будут считать вопрос о признании независимости Аргентины преждевременным». Иными словами — кошелек или жизнь!

Вторая нота была послана североамериканскому посланнику в Лондоне: «Соединенные Штаты обдумывают свое признание правительства Буэнос-Айреса в ближайшем будущем... Для них было бы очень приятно, если бы Англия приняла подобные меры одновременно и по договоренности с Соединенными Штатами». Англия молчала... Соединенные Штаты отказались от своего намерения...

Иными словами, если Буэнос-Айрес отказывается предоставить Соединенным Штатам статус наиболее благоприятствуемой нации, то, следовательно, и признание было преждевременным. Но признание Буэнос-Айреса зависело и от Лондона.

Несколько недель спустя Адамс и Онис подписывают договор о передаче Флориды. Испания уступает Соединенным Штатам все территории, которые принадлежали ей к востоку от Миссисипи, известные как Западная и Восточная Флорида. С этого времени Соединенные Штаты подчиняют свою испаноамериканскую политику ратификации договора Адамса — Ониса.

Испания ратифицировала его 24 октября 1820 года, Соединенные Штаты — в феврале следующего года.

В середине 1820 года североамериканское правительство направило Чарлза С. Тодда в Боготу и Джона М. Форбса в Буэнос-Айрес с инструкциями не обсуждать вопрос о признании.

В марте 1820 года Клей снова поднял этот вопрос, на этот раз в нижней палате. Он предложил резолюцию, согласно которой палата должна была выделить опреде-

¹ Пайерредон, Хуан Мартин — верховный правитель Объединенных провинций Ла-Платы (Буэнос-Айрес, 1816—1819 гг.). — Прим. перев.

ленную сумму на покрытие расходов по содержанию дипломатических миссий в Южной Америке, «когда президент сочтет это необходимым».

Клей настаивал на признании и в декабре 1820 года. Но и на сей раз его предложение было отвергнуто. В феврале 1821 года палата представителей ограничилась лишь выражением благожелательного отношения к правительству Буэнос-Айреса.

Послание президента Монро в декабре 1821 года характеризует его как человека нерешительного, бессильного, лишённого воли и инициативы, полностью полагающегося на милость Мадрида: «...ождается, что правительство Испании само решит, что отвечает его интересам... и таким образом придет конец... этим бесконечным дебатам».

30 января 1822 года конгресс затребовал у исполнительных властей всю документацию, касающуюся новых независимых стран. И наконец, в послании от 8 марта в ответ на запрос конгресса Монро высказывается за признание.

Много лет спустя в личном архиве Клея было обнаружено письмо одного из его друзей, написанное в те далекие дни: «Признание, которое в свое время было делом благородным, сейчас вдохновляется жалкими подсчетами прибыли».

В этой постыдной истории признания Монро и Клей выступают в различном свете.

Монро, типичный представитель виргинцев, среди которых он был «самым слабым как в теории, так и в практике», представляется нам таким, каким он является на самом деле: это заурядная личность, во всем зависимая от обстоятельств, неспособная к возвышенному поступку, который прославил бы его имя и его страну. Все в нем мелкое, робкое. Все в нем бесцветное, расплывчатое. Он был нерешителен всю свою жизнь, и та же нерешительность была присуща его правительству.

Клей, напротив, выступал как «друг» испаноамериканской независимости, как сильный духом и стойкий человек; эти достоинства приписывались ему в течение столетия в результате низкопоклонства и наивности латиноамериканских историков. Воинственный Генри Клей, «апостол экспансии», «Гарри с Запада», «первый из ястребов войны», как называли его сторонни-

ки быстрой экспансии страны «вплоть до использования оружия», совсем не случайно уживался с Генри Клеем — пылким защитником испаноамериканской независимости. Уже 24 марта 1818 года Генри Клей откровенно заявляет: «В независимости испанской Америки Соединенные Штаты глубоко заинтересованы. Я без колебаний заявляю о своей твердой уверенности в том, что во внешней политике США не было и едва ли будет важнее вопрос, связанный с настоящим и будущим нашей страны. Этот вопрос затрагивает *интересы нашей политики, нашей торговли и нашего судоходства*». Далее он указывает на возможность путем установления отношений с Латинской Америкой преодолеть ограничения североамериканской торговли с британскими владениями и добавляет, что в случае вступления Великобритании в войну «Соединенные Штаты монополизировали бы весь транспорт испаноамериканского рынка». Двумя годами позже, в своей речи 10 марта 1820 года, «ястреб» снова возвращается к созданию новой империи: «В настоящее время нам доступно создание системы, в которой мы могли бы стать центром и в которой вся Америка действовала бы в согласии с нами. Что касается торговли, мы бы получили от нее наибольшую прибыль...»

В действительности Монро и Клей, каждый по-своему, представляют интересы господствующих классов страны. Но в то время, как политика Монро защищает внутренние «национальные интересы», не рискуя вступить в войну с Испанией, Клей, уроженец Виргинии, но выросший в Кентукки, представляет интересы сельскохозяйственного Запада, богатого мясом и зерном, идущими на экспорт. Именно Запад в 1812 году навязал объявление войны Англии, которую фермеры обвиняли в снижении цен на сельскохозяйственную продукцию. Запад требовал рынков. Он, естественно, был экспансионистским, и испаноамериканские страны скоро оказались в пределах его досягаемости. Вся политическая концепция Клея вращалась вокруг требования рынков для продукции Запада: энергичная протекция Востоку ради роста внутреннего рынка; признание испаноамериканской независимости ради расширения внешнего рынка и т. д. Это и была его «американская система».

Таким образом, между Монро и Клеем нет существенного различия. Они отличаются только характером дея-

тельности. Постоянные поиски новых рынков требуют ускорения решений. Клей, кроме того, был лидером оппозиции. В какой степени его поведением двигали личные мотивы, сейчас установить трудно. Во всяком случае, Монро и Клей служили, каждый на свой манер и соответственно своим способностям, целям североамериканского экспансионизма.

Это просто «сбалансированная» политика, о которой упоминает и Боливар. Это политика самых низменных расчетов, самого отвратительного эгоизма, самой мерзкой жадности. В то время как Монро и Клей ведут расчеты, кровь испаноамериканцев орошает земли Юга...

У государственного департамента была, разумеется, и своя точка зрения на признание.

14 мая 1812 года государственный секретарь Джеймс Монро сообщает своему представителю в Каракасе Александру Скотту: «Одна из главных причин, которая задерживает признание в самой широкой форме независимости правительства Венесуэлы, вытекает из желания определить, до какой степени эти провинции смогут сохранить ее...»

Инструкции государственного секретаря Джона Куинси Адамса Чарлзу С. Тодду, назначенному полномочным представителем в Боготу, и Джону М. Форбсу, назначенному специальным представителем в Буэнос-Айрес, датированные 20 июня и 11 июля 1820 года, идентичны в том, что касается проблемы признания. Оба должны говорить, что они не уполномочены обсуждать этот вопрос. Оба должны говорить, что «изменения, которые все еще происходят, потребуют какого-то дополнительного времени, пока положение Республики не станет стабильным, что оправдало бы ее формальное признание...». Однако Тодду он добавляет: «Пока длится нынешняя война, которую ведет Испания, независимость другой стороны не может быть признана без нарушения нашей объявленной и уже давно действующей системы нейтралитета». Эта последняя рекомендация была санкционирована в отношении Колумбии, но не Аргентины...

Президент Монро в своем послании в декабре 1823 года заявляет: «Наша политика в отношении Европы, выработанная к началу войн, которые долгое время потрясали четвертую часть земного шара, продолжает оста-

ваться такой же, то есть: ...считать правительство *де-факто* как законное правительство для нас...»

Президент Пирс в своем послании 15 мая 1856 года говорит: «Неизменная политика Соединенных Штатов — признавать все правительства, не прибегая к расследованию их происхождения или организации, средств, при помощи которых правители достигли власти, если только созданное правительство признано народом страны, временно воздерживаясь лишь от признания революционных правительств, которые добиваются отделения от матери-родины, с которой мы поддерживаем дружеские отношения».

Инструкции Тодду и Форбсу показывают, что госдепартамент имеет для каждой страны свою формулу.

И это естественно. Но дело в том, что в данном случае речь идет о единой подогнанной к определенным обстоятельствам формуле, которую госдепартамент использует для того, *чтобы отказывать в признании любой стране...* Потому что из нее вытекает и отказ от признания испаноамериканской независимости...

Независимость Аргентины, на территории которой уже длительное время не было никакой вражеской армии, не признается потому, что якобы «все еще происходят изменения...». Независимость Колумбии, на территории которой такая армия существовала, также не признается, потому что «еще длится нынешняя война...».

Но еще лучше сравнить североамериканскую позицию признания с испаноамериканской историей.

Новые южноамериканские республики двенадцать лет ожидали признания Вашингтона. Куба истекала кровью с 1869 года, но была признана только в 1901 году.

В обоих случаях эти страны имели независимые правительства *де-факто* с момента провозглашения ими независимости. Буэнос-Айрес, например, может считаться независимым по крайней мере с 1816 года.

Гаити была свободной с 1804 года, а признана *де-факто* только в 1862 году — пятьдесят восемь лет спустя!

Очевидно, позиция госдепартамента в этих случаях проявилась довольно своеобразно...

Но справедливости ради нужно признать, что она имела силу и в других случаях...

Республика Техас стала «независимой» 2 марта 1836 года и была признана год спустя...

Уильям Уокер высадился в Эль-Реалехо, в Никарагуа, в июле 1855 года, а его правительство было признано 10 ноября того же года с обменом посланниками и проч.

Панама стала независимой 3 ноября 1903 года и была признана три дня спустя...

Как примирить позицию госдепартамента с его действительной латиноамериканской политикой?

А если бы Франция применила к США их же позицию о признании, что стало бы с независимостью этой страны?

И наоборот, сколько крови, сколько жизней, сколько богатств сберегла бы Испаноамерика, если бы Соединенные Штаты отнеслись к ней так же благородно, как к ним самим отнеслась Франция!

* * *

Но испаноамериканская революция встретила и доброжелательное отношение, а не только корыстную «поддержку» Англии и эгоистические расчеты оппозиции Соединенных Штатов, замаскированные «прибыльным» нейтралитетом. Существовало правительство, которое оказало латиноамериканским странам с момента провозглашения независимости бескорыстную, честную поддержку, основанную на любви к свободе, солидарности народов в борьбе против колониального господства.

Это было правительство Гаити. Это была политика Петиона.

Дважды Боливар обращался за поддержкой к Петиону.

После своего пребывания на Ямайке Боливар в последние дни декабря 1815 года прибыл в Лос-Кайос и встретился с Петионом. При поддержке Петиона Боливар объединил рассеянные по странам Карибского бассейна патриотические группы и организовал новую экспедицию на материк. 31 марта 1816 года из Лос-Кайоса отправилась эскадра в составе одной бригантины и шести шхун. На их борту находилось 250 человек и большое количество оружия и снаряжения.

Еще до конца 1816 года Боливар вынужден был снова обратиться к Петиону после неудач в Окумаре. Боливар пишет Петиону, и тот ему отвечает: «Если я могу

что-нибудь сделать, чтобы облегчить Вашу неудачу и Вашу скорбь, рассчитывайте на все, что в пределах моих возможностей. Не задерживайтесь и приезжайте сюда. Обсудим все вместе». Получив новую помощь от Петиона, Боливар 28 декабря высадился на острове Маргарита, а отсюда совершил прыжок на континент.

Петион не принимал от Боливара никаких благодарностей. Он только просил его освободить рабов.

И Боливар выполнил эту просьбу.

Перед высадкой в Окумаре 5 июля 1816 года он заявил в своем воззвании: «Та несчастная часть наших братьев, которая страдала от нищеты и рабства, отныне свободна. Природа, справедливость и политика требуют освобождения рабов; впредь в Венесуэле будет только одно сословие: все будут гражданами».

Испаноамериканская революция ясно характеризовалась своей направленностью против рабства в отличие от североамериканской революции, которая усовершенствовала работорговлю...

* * *

Латинская Америка свергла испанское господство без помощи правительства Вашингтона.

Сказать, что правительство Вашингтона сидело сложа руки во время испаноамериканской революции, — значит ничего не сказать. Североамериканский нейтралитет был выгоден только Испании. Преследование испаноамериканского корсарства было выгодно Испании. Задержка признания новых республик тоже отвечала интересам Испании. Правительство Вашингтона хладнокровно жертвовало испаноамериканскими народами ради прибылей судовладельцев Востока и развития североамериканско-европейской и североамериканско-кубинской торговли.

Правительство Вашингтона хладнокровно приносило в жертву испаноамериканские народы ради интересов рабовладельцев Юга и в целях незаконного захвата Флориды.

В свою очередь признание, когда оно стало фактом, отвечало интересам экспортеров муки и мяса в западных штатах, интересам торговцев и судовладельцев восточных штатов, и не принципиальным и гуманным соображениям.

Признание последовало после того, как воюющие державы истощили себя, — то же самое случилось затем с Кубой.

Такая политика не выражала чувств североамериканского народа. Это был отказ от своей собственной независимости, от своего собственного права на жизнь.

Североамериканский флаг прикрывал контрабанду оружия в пользу Испании даже после признания.

Вся североамериканская политика в отношении латиноамериканской независимости определялась самым грубым пренебрежением судьбами наших народов и самым закоренелым расизмом.

Правительство Вашингтона могло сберечь сотни тысяч жизней и смягчить невыразимые страдания латиноамериканских народов, но оно предпочло принести их в жертву расчетам крупных собственников, извлекавших прибыли из ужасной войны, которая продолжалась полтора десятилетия.

Латинская Америка освободилась от Испании вопреки планам правительства США.

Латинская Америка освободилась от Испании вопреки политике Вашингтона.

Латинская Америка завоевала свою независимость, сражаясь на два фронта — против Испании и против Соединенных Штатов.

БОЛЬШОЙ ОБМАН

Два фактора обеспечили освобождение Латинской Америки: победа испаноамериканских народов над войсками метрополии и политическая обстановка в Европе.

То, что Испания не могла восстановить свою власть в бывших колониях, признается в самом послании Монро: «Если мы сравним силы и соответственно ресурсы Испании и этих новых правительств, то станет ясно, что она никогда их не покорит».

А то, что не существовало никакой реальной угрозы вмешательства Священного союза*, признал сам государственный секретарь Адамс в ноябре 1823 года: «В то, что Священный союз может восстановить испанское господство на Американском континенте, я верю не больше, чем тому, что Чимборасо провалится в океан».

И это признают все современные авторы, включая американца Декстера Перкинса, самого авторитетного знатока доктрины Монро: «То, что президент [Монро] предотвратил большую опасность,— легенда и ничего больше; она заслуживает упоминания только как легенда».

В таком случае что же представляет собой доктрина Монро?

Уже в 1741 году коммодор Вернон поднимает в английском адмиралтействе вопрос о крайней необходимости придерживаться курса на освобождение Латинской Америки, чтобы открыть ее рынки для лондонских торговцев.

* Речь идет о Священном союзе, заключенном Англией, Пруссией и Россией 26 сентября 1818 г. в Лондоне.

Англия финансирует освобождение всех латиноамериканских колоний — от Мексики до Чили и Аргентины — и, конечно же, не ограничивается только финансовой поддержкой: она следует совету Вернона. Каннинг¹ осуществляет программу промышленной, торговой и банковской буржуазии, ищущей возможностей для экспансии. Он добивается изменений внешней политики в пользу освободительных движений в Америке и Европе.

Поскольку Англия надеется наследовать Испании в Америке, она, естественно, проявляет инициативу при защите латиноамериканской независимости. Ее политика конкретно выражается в ноте Каннинга североамериканскому послу в Лондоне Рашу от 20 августа 1823 года. Каннинг предлагает подписать совместную декларацию, в которой, помимо заявления о недопущении восстановления власти Испании в американских колониях, содержалось бы обещание признания новых государств, а также подтверждалось бы, что Англия и США не будут препятствовать урегулированию отношений между Испанией и ее бывшими колониями. Обе державы должны торжественно заявить, что они не стремятся к захвату какой-либо части новых государств и не останутся безучастными при попытке сделать это какой-либо третьей стороной.

Чем было вызвано британское предложение Соединенным Штатам?

Еще до завоевания независимости тринадцатью колониями и создания их союза Европа издали следила за тем, какую угрозу представляет испанским колониям Новая Англия. Предупреждение герцога Салли весьма красноречиво: «Новая Англия, пожалуй, более опасна, чем старая для колоний Испании. Рост ее населения и смелость американизировавшихся англичан являются предвестниками захвата ими в будущем самых богатых районов Америки и создания новой империи, независимой от Европы».

Позже, добившись независимости и провозгласив республику, североамериканские лидеры подтвердили опасе-

¹ Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель, министр иностранных дел в 1822—1827 гг., премьер-министр в 1827 г. — *Прим. перев.*

ние Европы. Уже в 1786 году Джефферсон опасается, что Испания не сможет удержать свои владения «до тех пор, пока наш народ не станет достаточно многочисленным, чтобы часть за частью прибрать их к своим рукам». И Клей мечтает о «расширении Соединенных Штатов на Американском континенте от Арктики до Южной Америки».

Но были цели более близкие и конкретные.

Соединенные Штаты к тому времени были уже морским государством. Немногим более тридцати лет назад они вторглись на латиноамериканский рынок и начали соперничать с британскими торговцами. Соперничество привело к установлению господства США пока в некоторых ближайших районах. Кроме естественного преимущества, вытекающего из непосредственной географической близости, и сами США претендуют, несомненно, на какое-то «большее право» на Латинскую Америку. Согласно Перкинсу, переписка Каннинга свидетельствует о том, что его постоянно преследовала мысль, что «североамериканцы смогут предпринять соответствующие шаги и захватить Кубу».

Поэтому Каннинг хотел парализовать североамериканские планы.

* * *

Каковы же черты англо-североамериканского соперничества в Латинской Америке в области экономики?

К концу 1793 года «тоннаж торгового флота Соединенных Штатов превысил тоннаж всех остальных стран, за исключением Англии; внешняя торговля по своему объему также занимала второе после Англии место, а по отношению к числу жителей Соединенные Штаты были первой торговой нацией в мире». С ликвидацией испанской торговой монополии, с 1797 по 1808 год, Соединенные Штаты, оказавшиеся на переднем плане благодаря своему нейтралитету и торговому флоту, заняли первое место в торговле с Латинской Америкой. 26 североамериканских кораблей заходили в чилийские порты между 1788—1796 годами и 226 кораблей — между 1797 и 1804 годами, 22 судна заходили в Монтевидео в 1805 году и 30 — в 1806-м. В 1798 году открылась линия в порт

Ла-Гуайра (Венесуэла). В 1807 году в Филадельфию прибывают 29 кораблей из Венесуэлы, 138 — из Кубы, 18 — из Пуэрто-Рико, 7 кораблей — из Веракруса (Мексика). В 1808 году начинается торговля с Бразилией. В первые же годы торговый обмен увеличивается в несколько раз.

Но все же основные торговые связи устанавливаются с Кубой. Став независимыми, Соединенные Штаты обеспечивали себя до тех пор сахаром и кофе из Санто-Доминго, пока негритянское восстание во главе с Туссеном Лувертюром в 1791 году не разрушило сахарное и кофейное хозяйство. С этого времени Соединенные Штаты переключаются на Кубу. С 1815 года они уже являются первыми покупателями, а также первыми поставщиками Кубы. А с 1821 года Куба уже занимает третье место во внешней торговле Соединенных Штатов.

Таким образом, перспективы торговли с новыми государствами Центральной и Южной Америки были поистине неограниченными и для определенных групп североамериканских купцов особенно многообещающими, например для производителей района Миссисипи, которые из-за транспортных затруднений не могли продавать свою продукцию в Европу через Нью-Йорк или Бостон. К тому же торговый флот США мог обслужить торговые линии между самими портами новых государств. При этом североамериканские купцы были озабочены чрезмерной английской торговой конкуренцией и боялись, что Англия сможет обеспечить себя лучшими торговыми преимуществами.

Англия со своей стороны уже господствовала в южных странах. В 1810 году, используя затруднения Португалии, она добивается снижения до 15 процентов пошлин на свои товары, ввозимые в Бразилию, в то время как остальные страны платили 25 процентов. В том же году она поддерживает испанцев в войне против Наполеона, заключив договор Аподака — Каннинга и поставив тем самым Испанию открыть порт Буэнос-Айрес для британской торговли. К майской революции, на следующий год, в Буэнос-Айресе функционируют более ста британских фирм с капиталом около миллиона фунтов стерлингов. Даже в Венесуэльской конфедерации Англии удалось добиться исключительных торговых привилегий, что привело к значительному сокращению

североамериканской торговли. Дело доходит до того, что торговый агент Соединенных Штатов в Ла-Гуайре жалуется 21 августа 1811 года в государственный департамент: «Сообщаю также и о существенных выгодах, которыми пользуется английский флаг, выражающихся в снижении четвертой части пошлин на импорт и экспорт, а также о явном ущербе для нас, так как эти привилегии привели к сокращению нашей торговли с материком». Конечно, самые большие прибыли от этой торговли получала английская текстильная промышленность.

И вот в этой обстановке появляется третья сила — Франция, также заинтересованная связями с новыми нациями. К этому времени три французские торговые миссии находились в Южной Америке, изучая возможности расширения торговли. Перспектива торговли с латиноамериканскими государствами сулила развитию французской промышленности большие возможности. Но Франция была не в состоянии конкурировать с Англией. Основное противоборство из-за Латинской Америки происходило между Великобританией и США. Тем не менее североамериканские представители никогда не оставляли без надлежащего внимания и французские намерения. 13 августа 1824 года Форбс, поверенный в делах Вашингтона в Буэнос-Айресе, сообщал в государственный департамент: «...здесь началась гонка в деле захвата влияния и власти между Англией и Францией... В предполагаемой борьбе за влияние между двумя державами на одну чашу весов положены торговое богатство и морская мощь, а на другую — религиозные чувства и самая хитроумная интрига». 20 января 1825 года Джеймс Браун, посланник США в Париже, сообщал: «Часть деловых кругов — промышленники, судовладельцы и торговцы — питает, пожалуй, преувеличенные надежды на выгоды, которые Франция могла бы извлечь из торговых контактов с портами Южной Америки и Гаити, склоняясь к признанию их независимости. Либеральные газеты поддерживают подобные настроения и представляют министров виновниками большой ошибки, из-за которой Соединенные Штаты и Англия имеют возможность делить между собой прибыльную торговлю с этими странами, полностью исключив Францию».

Рост североамериканской торговли наблюдается до 1819 года. Затем наступает кризисный период в мировой экономике, продолжавшийся до 1822 года. Североамериканской экономике был нанесен жестокий удар. Падение спроса на экспортируемые товары за рубежом приводит к значительному падению цен на сельскохозяйственные продукты. Англия значительно сокращает свой кредит. В Соединенных Штатах задержка платежей вызывает закрытие многих банков. Национальный банк избегает этой участи благодаря строгому контролю своих операций и своим ресурсам. Падает цена на землю: разоряются мелкие собственники; одни становятся банкротами, имущество других идет на распродажу с торгов. Растет безработица. Тюремные переполняются неплательщиками долгов. Правительство вынуждено вмешаться в экономическую неурядицу. Промышленникам предоставляются ссуды, более демократичной становится аграрная политика, издаются законы, касающиеся банкротств. В Нью-Йорке и других городах прибрежных штатов местные власти выдают обеды безработным. Некоторые штаты на Западе и Юге страны принимают законы, направленные на отсрочку судебных процессов и защиту собственности. Другие ограничивают сроки или отменяют заключение в тюрьму за неплату долга.

Вследствие кризиса приобретает силу протекционистское движение. «Тариф 1824 года был первым и самым прямым результатом этого движения», — отмечает Тассинд, специалист по таможенной политике Соединенных Штатов. Тариф 1824 года характеризуется своими высокими пошлинами и строгими карательными мерами.

Выбитые из колеи экономическим потрясением, Соединенные Штаты были вынуждены заморозить торговлю с Латинской Америкой. Вплоть до середины 80-х годов товарообмен латиноамериканских стран ориентируется главным образом на Англию. В 1825 году торговля Соединенных Штатов с Латинской Америкой не достигала и половины торговли Англии с этим районом: в Аргентине — только $\frac{1}{6}$, в Чили — $\frac{1}{20}$, в Бразилии — $\frac{1}{5}$. Лишь с Кубой североамериканская торговля продолжает оставаться значительной. И быть может, с Мексикой.

На самом деле, и цифры это подтверждают, Соединенные Штаты были не в состоянии конкурировать с Англией на новых американских рынках. Соединенные Штаты продавали главным образом сельскохозяйственные продукты, Англия продавала промышленные товары. В Колумбию Соединенные Штаты поставляли муку и изделия из хлопка; в Мексику — металлические изделия, ткани и пряжу из хлопка, мебель, солонины, муку и т. д. Следует заметить, что к этому времени Колумбия установила дискриминационный тариф, направленный против североамериканских товаров. Перу также обложила дискриминационными налогами североамериканские товары, которые конкурировали с ее собственными: зерновые (муку), мебель и т. д. Аргентина запретила ввоз североамериканской муки; Центральная Америка и Мексика ставят преграды на ввоз североамериканских тканей. В Бразилию английские товары доставлялись беспошлинно. Англоамериканская конкуренция в торговле касается только английских товаров, которые Соединенные Штаты реэкспортируют в Латинскую Америку. Даже государственный департамент признает британское превосходство на латиноамериканском рынке. Когда Буэнос-Айрес настаивал перед Вашингтоном на подписании торгового договора в 1823 году, государственный секретарь Адамс проинструктировал североамериканского посланника в Буэнос-Айресе весьма откровенно: «Практические цели, которые могут оправдать переговоры о торговом договоре между Соединенными Штатами и Буэнос-Айресом, настолько незначительны, что нам нет никакой нужды стремиться к ним... Что касается большинства товаров, то мы находимся в невыгодном положении по сравнению с британской стороной». И все же торговля с Латинской Америкой занимает видное место во внешней торговле Соединенных Штатов.

Соперничество в морских перевозках приобретает, напротив, драматические оттенки. Само собой разумеется, что обе морские державы стремились завладеть перевозкой большей части грузов в торговле с новыми республиками. Североамериканский торговый флот развивается в конце XVIII — начале XIX века в тесной зависимости от торговых перевозок между Францией и Испанией и их колониями в Америке. Но североамерикан-

ский торговый флот приходит в упадок уже со второго десятилетия XIX века. Кризис 1819—1822 годов значительно сокращает его численность. Тоннаж флота, используемого во внешней торговле в 1830 году, уменьшается по сравнению с 1810 годом еще больше. Тем не менее британский торговый флот в тот же период растет и стойко переносит обрушившиеся и на него удары кризиса.

Существовала и другая область, в которой Англия превосходила Соединенные Штаты. Это экспорт капитала. Пока Соединенные Штаты полностью отсутствовали на рынке капиталов, Англия опутала всю территорию Латинской Америки своими займами. Мехико, Гватемала, Богота, Лима, Сантьяго-де-Чили и Буэнос-Айрес получают шесть займов между 1822 и 1824 годами на общую сумму 18 542 000 фунтов стерлингов, которые приносят доход 1 081 350 фунтов ежегодно. Займы обеспечиваются таможенными пошлинами, государственными налогами, государственными землями. Лондонское правительство знает о неплатежеспособности новых государств. Его замысел ясен: поскорее сплести «прочную паутину». К 1837 году Латинская Америка задолжала Англии около двадцати шести с половиной миллионов фунтов стерлингов в счет погашения займов и просроченных процентов по ним. В результате этого освободившиеся от испанской зависимости испаноамериканские страны попали в английскую кабалу.

Но речь шла не только о займах. Было распространено мнение, что Америка обладала огромными природными богатствами, которые оставались неиспользованными в период деспотического господства Испании. Еще до 1824 года англичане начали создавать многочисленные горнорудные компании — в Чили, Колумбии, Мексике, а их капиталовложения в эти предприятия достигали 14 миллионов фунтов.

Капиталовложения увеличиваются с признанием Каннингом независимости новых государств. Население расхватывает акции; их стоимость непрерывно повышается, волна спекуляции достигает поистине бешеных размеров. Британские официальные источники оценивают капиталовложения в Латинскую Америку в 1830 году не менее чем на 40 миллионов фунтов стерлингов.

* * *

Таким образом, доктрина Монро является следствием англо-североамериканских противоречий из-за контроля над Латинской Америкой. По своей совокупности они были и политическими и экономическими. Политические противоречия возникали из-за стремления великих держав к господству над недавно освободившимся континентом. Экономические противоречия выражались в стремлении добиться этого господства путем завоевания рынков и возможностей для вложения капиталов. Борьба шла в основном в экономической области. Потерпевший поражение в неравном экономическом сражении, молодой североамериканский капитализм стремится нанести контрудар по своему противнику в политической области. Ловко перехватив инициативу своего соперника, он повернул дело таким образом, что смог выступать на сцене в роли мужественного поборника свободы и независимости новых стран перед лицом несуществующей угрозы со стороны европейских держав. С тех пор вера в этот обман все время удачно поддерживалась. Однако с течением времени и благодаря доступу к первоисточникам этот миф развеялся. Сейчас уже ясно видно политико-экономическое направление этой доктрины. Понятны стали и ее экономические предпосылки, так долго находившиеся в тени. В политическом плане доктрина Монро была призвана смягчить доходящее до враждебности недовольство правящих кругов новых стран политикой Соединенных Штатов, в частности политикой «нейтралитета», объявленной во время войны испанских колоний за независимость. В то же время она должна была ослабить симпатии этих кругов к Англии, которая направляла людей и корабли для поддержки борьбы за независимость. В экономическом плане доктрина Монро являлась североамериканским реваншем за вытеснение с латиноамериканского рынка в конце второго и начале третьего десятилетия XIX века, когда Англия переживала апогей своей промышленной революции. Адамс еще раньше говорил англичанам: «Владейте тем, что вам принадлежит, но остальную часть континента оставьте для нас». Монро только повторил это. Послание Монро совпадает с началом переговоров о подписании первого торгового договора между Соединенными Штатами и Колумбией 19 декабря 1823 года. Соединенные Штаты снова обошли Англию. Это первый договор Соединенных Штатов с

новыми республиками, и в нем США добиваются режима «наиболее благоприятствуемой нации». В дальнейшем этот договор станет моделью для других соглашений с бывшими испанскими колониями. Во внутриполитическом плане послание Монро последовало непосредственно вслед за сильным кризисом 1819—1822 годов и после значительного сокращения тоннажа торгового флота и предшествовало появлению протекционистского тарифа 1824 года. В обстановке неуверенности и слабости США на Американском континенте и появляется доктрина Монро. В остальном же мире прочно существовала британская гегемония.

Однако Соединенные Штаты смогли использовать в латиноамериканской политике свое естественное географическое преимущество. Требуя для себя привилегий, Соединенные Штаты не забывали напоминать и о том, что первые контакты с латиноамериканскими странами были установлены ими еще в последние десятилетия XVIII века; и о своем признании новых республик в 1822 году, которое произошло до того, как это сделала Англия. Но эти преимущества не шли ни в какое сравнение с экономической и политической властью, которую давали Англии ее огромная империя, ее флот и главным образом ее экономическое могущество, которое принесла промышленная революция.

К этому времени Монро передает предложение Каннинга для обсуждения Джефферсону и Мэдисону. Экспрезиденты советуют принять британское предложение. Его истинный смысл понял лишь государственный секретарь Джон Куинси Адамс. Принятие этого предложения означало признание права Англии вмешиваться в дела Америки, или, пользуясь словами Адамса, «плыть, подобно лагу, за кормой британского военного корабля».

Монро прислушался к голосу государственного секретаря и предпочел провозгласить собственную декларацию, из которой предусмотрительно исключил основную идею Каннинга — отказ от любого посягательства на территорию новых государств. Этот шаг станет понятен лишь потом, когда Техас, Нью-Мексико, Калифорния, Куба, Панама станут жертвами США.

Тем временем Каннинг вел переговоры с Францией, являвшейся самой большой континентальной державой, способной поддерживать планы, направленные против

свободы и объединения латиноамериканских народов, и эта сила могла нейтрализовать британскую политику. Согласно меморандуму Полиньяка от 9 октября 1823 года, Франция считала невозможным восстановить испанские права на колонии и не признавала никакого права на вооруженное выступление против них.

Таким образом, когда Монро прочел свое послание конгрессу в декабре 1823 года, он не сообщил ничего нового и никоим образом не изменил равновесия сил, которое до и после Монро благоприятствовало независимости бывших испанских колоний.

Но в тексте послания содержались две скрытые серьезные угрозы. Соединенные Штаты не отказывались от своих территориальных притязаний в Латинской Америке.

Соединенные Штаты отвергали европейскую интервенцию в Латинскую Америку, но оставляли за собой право на вмешательство.

Что же касается эффективности доктрины Монро, то ее история очень красноречива. Сразу же после ее провозглашения, между 1824 и 1825 годами, молодые латиноамериканские республики ищут поддержки у Соединенных Штатов для защиты от европейской угрозы. Колумбия — от Священного союза; Бразилия — от Португалии; Мексика и Гаити — от Франции. Адамс отвечает Колумбии, что Соединенные Штаты «не могли бы противостоять государствам Священного союза в военном отношении без предварительной договоренности с европейскими государствами, чьи интересы и принципы позволили бы привести к активному и эффективному взаимодействию в этом деле».

Иначе говоря, эффективность доктрины Монро зависела от Англии! И зависела в данный момент и позже, в течение всего XIX века, потому что морское могущество Соединенных Штатов уступало в этот период английскому: военный флот Соединенных Штатов был создан только в 1798 году и в 1823 году, согласно Перкинсу, едва составлял лишь четвертую часть флота Франции и менее восьмой части России.

В этих условиях послание Монро, направленное против Европы, было главным образом ловким трюком. Обычным ловким трюком торговца, пожелавшего сохранить свое лицо и надежду на барыш.

С точки зрения внутренней политики послание, как говорит Перкинс, являлось «официальным документом, который хотя и не принес практических результатов, но возбуждал у североамериканцев чувство гордости и ласкал слух малокультурных фермеров». Для Латинской Америки послание было признанием притязания Соединенных Штатов на гегемонию над новыми республиками. Так что провозглашение доктрины Монро не имело никакого отношения к освобождению Латинской Америки.

ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТСТВУЕМОЙ НАЦИИ

В 1786 году мексиканские газеты сообщили о первом судне, прибывшем из Нью-Йорка. В следующем году североамериканский парусник отважно пересек южные моря и исследовал с севера на юг Атлантическое побережье, а затем с юга на север — Тихоокеанское. В то же время североамериканские суда стали регулярно заходить в чилийские порты и, очевидно, добирались до Жальяно. В 1798 году начали торговать с районом Ла-Платы и с портом Ла-Гуайра. В 1807 году в портах Соединенных Штатов побывали 194 судна, прибывшие из различных латиноамериканских портов. И наконец, в 1808 году устанавливается официальная торговля с Бразилией. Своеобразные особенности этого процесса определяются совокупностью исторических обстоятельств начиная от потребностей мирового рынка, состоянием североамериканской экономики, ее неограниченными и многоплановыми возможностями, а также исключительно благоприятными условиями международных отношений.

В торговле Соединенных Штатов со странами Латинской Америки основную роль играли Куба, Бразилия и Мексика. Куба сохраняла за собой первое место до 80-х годов, уступив его Бразилии. Соединенные Штаты импортировали из Латинской Америки тропические продукты: кофе, какао, сахар. Бразилия поставляла кофе, Гаити, Бразилия и Центральная Америка — какао. Три пятых сахара и четыре пятых патоки поставлялись из Кубы. Из Южной Америки шли кожа и медь. Из Мексики — золото и серебро, различные красители и меха. Из североамериканского экспорта Европа поглощала сырье; Латинская Америка, Канада и Китай — про-

мышленные изделия. Хлопчатобумажные ткани находили сбыт в Мексике и Центральной Америке; мука — в Южной Америке, особенно в Бразилии.

В течение XIX века североамериканская торговля с Латинской Америкой на одну треть состояла из реэкспорта. Соединенные Штаты реэкспортируют в Европу, и особенно в Англию, сахар, патоку и кофе, а в Латинскую Америку — британские промышленные товары. Эта торговля обслуживала также другие рынки, но первым и самым главным был рынок Канады, в чьи прибрежные районы Соединенные Штаты реэкспортируют не только британские промышленные товары, но даже саму канадскую муку... благодаря лучшим путям сообщения, проходящим через североамериканскую территорию.

Англо-североамериканская торговля превышает по объему торговлю между Соединенными Штатами и Латинской Америкой почти до конца XIX века, точнее, до середины 80-х годов, когда положение начинает меняться. Происходит заметное увеличение латиноамериканского экспорта в Соединенные Штаты, сокращение его в Англию и очень значительное увеличение латиноамериканского импорта из Англии. К 1880 годам Соединенные Штаты начинают вытеснять Англию как первого покупателя из Латинской Америки, но Англия продолжает оставаться ее первым поставщиком и удержит это положение до начала XX века. Это общие данные. В то же время торговля в различных районах Латинской Америки имела свои особенности. Для южных стран континента — Аргентины и Чили, например, и, конечно, также для Уругвая — торговля с Англией и Германией оставалась более важной, чем торговля с Соединенными Штатами вплоть до первого десятилетия XX века.

В 1850 году одиннадцать латиноамериканских стран подписали торговые договоры с Англией и Францией; десять — с Соединенными Штатами; шесть — с Испанией и Германией. К концу века все латиноамериканские страны, за исключением Гаити, имели договоры с Англией; все без исключения имели их с Францией; почти все — с Германией, Бельгией, Испанией и Италией; некоторые — также с Австрией, Данией, Нидерландами и Португалией. Все, за исключением Уругвая, имели договоры с Соединенными Штатами. В то же время

торговые связи между самими латиноамериканскими странами были незначительны. Из 18 стран только Перу подписало договоры с одиннадцатью своими соседями. Остальные едва ли имели договоры с пятью или шестью, а некоторые и с двумя-тремя соседями. Аргентина имела договоры со Швецией, Норвегией и даже с Японией, но игнорировала Уругвай, Колумбию, Венесуэлу. Бразилия имела договоры с Данией, Нидерландами, Японией, Китаем и Турцией, но игнорировала Колумбию и Венесуэлу. Мексика также была связана договорами со Швецией, Норвегией, Японией и Китаем, но не имела их с Бразилией, Уругваем и Венесуэлой. Только в 1944 году Колумбия заключила договоры с одиннадцатью европейскими странами, включая Данию, Венгрию и Люксембург, и только с семью латиноамериканскими странами Южной Америки (за исключением Уругвая) и ни одного договора со странами Карибского бассейна. Латинская Америка жила и все еще живет, повернувшись спиной к самой себе.

* * *

Созданный при правящей хунте Венесуэлы 19 апреля 1810 года кабильдо¹ Каракаса уже через несколько дней после своего образования разослал свои первые дипломатические миссии. Симон Боливар, Луис Мендес и Андрес Бельо были направлены в Лондон, Хуан Висенте Боливар и Телесфоро Ореа — в Вашингтон. Это была первая латиноамериканская дипломатическая миссия в Вашингтоне.

Годом позже, в мае 1811 года, Временная хунта Чили обратилась с посланием к президенту и конгрессу Соединенных Штатов: «...нашей первой заботой является передача вам оливковой ветви вместе с декларацией о торговле...» — и сопровождала это послание открытием портов Вальпараисо, Вальдивиа, Талкауано и Кокимбо.

16 января 1816 года верховный правитель Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы Игнасио Альварес Томас обращается к президенту Мэдисону: «...Наконец преодолены препятствия, которые стояли на пути наших желаний, и мы имеем счастливую возможность на-

¹ Кабильдо — городской совет. — *Прим. перев.*

править к Вам представителя, чтобы просить Вас о покровительстве и помощи, которая необходима нам для защиты справедливого и священного дела...» Речь шла о полковнике Мартине Томпсоне, посланном в Вашингтон с секретной миссией. В инструкциях, которые он получил, среди других пунктов имелись следующие: «3. Информировать президента Соединенных Штатов о нынешнем состоянии нашей торговли и о желании... провинций установить более тесные отношения, заключив взаимовыгодные договоры. 4. Просить помощи любого рода, обещая от имени представляемого правительства преимущества в торговле с нашей страной... 5. Просить два или по крайней мере один военный фрегат для защиты нашей торговли. 6. Приглашать на службу местных или французских офицеров любого звания».

В инструкциях верховного правителя Республики Венесуэлы Боливара генералу Лино де Клементе, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Республики Венесуэлы в Соединенных Штатах Северной Америки, составленных в Ангостуре 22 июля 1818 года, есть такой параграф: «Посланник уполномочен обсуждать торговые отношения на взаимовыгодных условиях для обеих стран, которые не угрожают нашему политическому существованию и нашей свободе». В следующем параграфе Клементе рекомендуется добиваться займа в полмиллиона песо по твердому курсу и помощи в ружьях, порохе, обмундировании, продовольствии и т. д.

Так начинают складываться международные связи освобождавшейся Латинской Америки. В то время самой старшей и самой представительной из новых латиноамериканских государств была Колумбия; ее дипломатия была самой активной, а ее дипломаты, ее политика выражали в действительности интересы всех новых республик, поскольку общими были и их проблемы и их нужды. Первые шаги новых республик, их первые чаяния были обращены к Англии и Соединенным Штатам. Вместе с тем для обеих держав отношения с Колумбией Боливара приобретали исключительное значение, потому что они должны были привести их в дальнейшем к установлению отношений с остальными латиноамериканскими государствами. Характер этих отношений виден уже в первых документах, которыми обменялись стороны. Освобожденная Латинская Америка не провозгласила своего

права на признание, она вымаливала его у большой северной державы (США) и в обмен обещала ей свой рынок, свои природные богатства, труд своего народа, свои порты, освобождение от таможенных пошлин. Только Боливар уточнял характер желательных торговых отношений. Они должны были быть «взаимовыгодными... и такими, которые не угрожают нашему политическому существованию и нашей свободе». Но не хватает слов, чтобы передать действительное положение вещей: угнетение индейцев, рабство негров; колониальный уровень развития сельского хозяйства, горного дела и местных промыслов; религиозный фанатизм — в целом совершенно нетронутая колония, тщетно ожидающая ружей и продовольствия для защиты своей свободы от Испании, ждущая помощи от США — страны, которая выиграла уже две войны с Англией и где с середины века началась промышленная революция, развивавшаяся в ходе ее освободительной войны.

* * *

Две проблемы предшествовали переговорам о первом колумбийско-североамериканском торговом договоре. Ими были споры о месте переговоров и известные североамериканские возражения против таможенных пошлин, налагавшихся на североамериканские товары законом от 25 сентября 1821 года.

В 1823 году Богота и Вашингтон обменялись полномочными представителями. Богота назначила в Вашингтон Хосе Марию Саласара, Вашингтон — Ричарда С. Андерсона.

Инструкции Джона Куинси Адамса посланнику Андерсону от 27 мая 1823 года были приняты за образец для североамериканских дипломатов в странах Латинской Америки. В тексте этого документа анализировался освободительный процесс в обеих Америках и, хотя отмечалось, что революция в бывших испанских колониях является продолжением североамериканской, делался вывод, что каждая из них имела свои особенности. Приводились доводы, оправдывавшие североамериканский нейтралитет и историю с признанием, которое настойчиво характеризовалось как бескорыстное.

Посланник, говорилось в инструкциях, как только приступит к своим обязанностям, должен добиваться

«без промедления заключения договора», который предоставил бы североамериканской торговле и судоходству *статус наиболее благоприятствуемой нации*. Североамериканский президент согласился вести переговоры в Боготе. Колумбийское правительство заявляло о своем намерении вести переговоры со всеми нациями на основе равной выгоды и взаимности. Это и было то, к чему стремились Соединенные Штаты. В случае отказа они намеревались этого потребовать. В ноте говорилось, что США не будут просить ничего такого, что нанесло бы вред Республике Колумбии, и что они не предложат ничего такого, что не имело бы хорошего эквивалента. Предполагаемый договор должен основываться на принципах свободы совести и религии, которые уже были провозглашены Колумбией в своей конституции.

Инструкции Сесару А. Роднею, назначенному посланником в Буэнос-Айрес 17 мая 1823 года, уточняли юридические условия, которые выдвигали Соединенные Штаты для своих торговых отношений с новыми государствами: «Основой всей нашей внешней торговли является взаимность. Мы не домогались и не примем особых привилегий любого рода в обмен на признание независимости. Но мы имеем право настаивать на том, чтобы то, чего мы не желаем и не будем добиваться для себя, не было предоставлено другим. По своей природе признание не является разменной монетой, признание можно требовать по праву или без него. Исходя из этого, вы энергично поддержите право Соединенных Штатов на то, чтобы к ним всегда применялся статус наиболее благоприятствуемой нации, или, более точно, «*Gentis amicis-sima*», а в случае переговоров о торговом договоре вы примите за основу этот принцип при обсуждении его условий».

Сам Уррутия — бывший министр иностранных дел Колумбии — не удержался при случае высказать свое мнение: «Так в те дни вырабатывался генеральный план политики Соединенных Штатов на этом континенте, осуществляемый с упорством и энергией, потому что он предусматривал их политическое и торговое господство и исключение любой другой иностранной державы...»

Инструкции государственного департамента первым североамериканским представителям в Латинской Америке являются в действительности первым инструмен-

том закабаления латиноамериканских стран, точнее говоря — первым звеном цепи, которая в дальнейшем опутает всю Латинскую Америку.

* * *

Переговоры начались вскоре после прибытия Андерсона в Боготу, в середине декабря 1823 года, но сам договор был подписан только 3 октября следующего года и ратифицирован в 1825 году. Договор устанавливал условный статус наиболее благоприятствуемой нации в торговле и мореплавании — статья II; в торговой деятельности граждан одной договаривающейся стороны на территории другой — статья III; защищал собственность граждан одной страны, находившуюся на территории другой; гарантировал свободу убеждений; устанавливал условия спасания судов и товаров в чрезвычайных случаях.

Учитывая состояние войны между Колумбией и Испанией, договор уделял внимание тем положениям, которые касались корсарства. Он признавал свободу торговли сторон с противниками той или другой стороны и провозглашал, что принцип «свободные суда перевозят свободные товары» применим только к государствам, которые его признавали. Этот принцип распространялся на частных лиц, за исключением тех, кто находился на службе у врага. Если нейтральный флаг одной из сторон прикрывал перевозку товаров для врага, то в этом случае товары нейтральной страны, обнаруженные на вражеском корабле, считались вражескими и наоборот: если нейтральный флаг не служил прикрытием перевозки для товаров врага, то товары нейтральной страны, находившиеся на вражеских судах, оставались неприкосновенными.

Заключительная статья договора устанавливала срок действия положений, касавшихся торговли и мореплавания, в 12 лет и провозглашала их постоянно действующими в условиях мира и дружбы. При любом их нарушении ответственность нес нарушитель. В любом другом случае не должны применяться репрессалии и объявляться война, пока потерпевшая сторона не представит перечня убытков и потерь и не потребует справедливости и удовлетворения. Договор не противоречит действующим договорам с другими государствами.

При заключении договора позиция Колумбии выражала нужды победившей освободительной революции и исходила из принципов мировой практики. Позиция Соединенных Штатов была явно основана на интересах своей торговли и торгового флота. Но североамериканский дипломат Андерсон ссылаясь при этом на «свободу торговли» и «принципы гуманности»... когда в действительности речь шла только о свободе действий для североамериканского торгового флота относительно перевозок испанских товаров.

Колумбия уступила в пункте о наиболее благоприятствуемой нации и по вопросу о корсарстве. Первый договор Соединенных Штатов с Колумбией был первой победой агрессивной, накопившей опыт североамериканской дипломатии в Латинской Америке.

Договор о дружбе, торговле и мореплавании, который подписали Колумбия и Великобритания 18 апреля 1825 года, явно готовился по проекту, представленному Каннингом. Его текст включал безусловный статус наиболее благоприятствуемой нации и национальный режим для судов одной стороны в портах другой — статья V и для импорта и экспорта, перевозимого на судах из одной страны в другую, статья VI.

Едва был подписан договор с Англией, как Соединенные Штаты потребовали применения к ним статуса наиболее благоприятствуемой нации. И вскоре декретом от 30 января 1826 года Сантандер¹ распространил на Соединенные Штаты преимущества, предоставленные британским судам. «Условный» статус, который был согласован с Соединенными Штатами, обязывал Колумбию распространять статус наиболее благоприятствуемой нации лишь на условиях взаимности. Но этого не произошло. Не было даже иллюзорной «взаимности» в дополнительной статье, на которую согласились британцы. «Условный» статус действовал как безусловный. Новые уступки предоставлялись даже без переговоров...

Какие же торговые колумбийские суда могли прибывать в британские и североамериканские порты? О какой взаимовыгодности шла речь? В таком же положении находились все латиноамериканские страны. Чилиец Мартнер, комментируя первый торговый договор сво-

¹ Сантандер, Франсиско — вице-президент Великой Колумбии.

ей страны с Англией, заключенный в 1854 году, отмечал, «что внешняя торговля Чили осуществлялась в основном на судах другой стороны и что наша страна не имела судов для этой цели...».

* * *

Между 1822 и 1825 годами Колумбия подписала договоры о вечном союзе, единстве и создании конфедерации с Перу, Чили, Мексикой и Федерацией Центральной Америки и конвенцию о дружбе и союзе с Буэнос-Айресом.

Договоры с Перу, Чили, Мексикой и Федерацией Центральной Америки устанавливали, что граждане этих государств на основе взаимности будут пользоваться равными правами и привилегиями в торговле.

Колумбия инструктировала своих делегатов на Панамском конгрессе, чтобы те добивались ратификации этих договоров и подписания соглашений о торговле и мореплавании с союзниками, но... в Панаме было принято лишь заявление о перенесении на усмотрение будущей ассамблеи вопроса о торговых отношениях, «оставляя между тем действующими те, которые в настоящее время существовали...».

* * *

Конечно же, Соединенные Штаты не замедлили воспользоваться условиями договора, подписанного между Колумбией и Центральной Америкой. Когда в 1831 году колумбийское правительство повысило на 5 процентов налог на североамериканский реэкспорт в Колумбию, осуществляемый на североамериканских судах, министр США заявил, что его правительство будет рассматривать товары, ввозимые в Соединенные Штаты на колумбийских судах, как товары Колумбии, будь они собственностью этой или любой другой страны, «согласно статье II договора между Колумбией и Центральной Америкой».

Богота сразу же распространила на реэкспорт Соединенных Штатов национальный режим. Никто не вспомнил, что взаимные уступки с Центральной Америкой были предусмотрены взаимными обязательствами,

включенными в Конвенцию о союзе, единстве и т. д. Позже налог был восстановлен по настоянию британского посланника.

Но национальный режим, распространенный на реэкспорт, не удовлетворил американских судовладельцев. Они добивались его распространения на весь колумбийский импорт, перевозимый на их судах, независимо от его происхождения. Президент Джексон и государственный секретарь Ливингстон подняли этот вопрос в конгрессе Соединенных Штатов.

* * *

После договора с Колумбией Соединенные Штаты ведут переговоры с Центральноамериканской федерацией. Североамериканская дипломатия в новом документе, подписанном 5 декабря 1825 года, использует опыт, полученный при заключении первого договора.

Колумбийская модель договора подверглась существенным изменениям. Условный статус наиболее благоприятствуемой нации распространялся на торговлю и мореплавание вообще (статья II), а также на торговлю национальными продовольственными и промышленными товарами (статья V). Но уже национальный режим применялся для торговой деятельности граждан одной из сторон на территории другой, за исключением каботажа (статья III), и для доставки иностранных товаров на судах обеих сторон, включая реэкспорт (статья IV).

Центральная Америка и Колумбия договорились о национальном режиме для их реэкспорта. Но Соединенные Штаты добились национального режима, который касался не только реэкспорта, но и перевозок центральноамериканского импорта на североамериканских судах независимо от его происхождения из североамериканских или любых других портов.

* * *

Третий договор был заключен с Бразилией 12 декабря 1828 года. Общие инструкции Генри Клея поверенному в делах Соединенных Штатов в Бразилии Конди Рэджету от 14 апреля 1825 года выражают озабоченность государственного департамента по поводу привилегиро-

ванных условий, предоставленных британской торговле в этой стране. «Уже заслуживающая внимания торговля Соединенных Штатов с бразильскими территориями допускает возможность ее дальнейшего и значительного увеличения... Как Франция, так и Великобритания будут, возможно, добиваться каждая для себя особых привилегий в торговле с Бразилией. Несомненно, Великобритания будет добиваться у нового правительства подтверждения тех же особых преимуществ, которыми столько времени пользовалась ее торговля с Португалией¹, преимуществ, которые ставили Португалию почти в положение колонии Великобритании. Вы должны твердо и неустанно выступать против каких бы то ни было уступок в торговле и судоходстве тому или иному государству, которые не могут быть распространены на торговлю и судоходство Соединенных Штатов. Соединенные Штаты не требуют и не желают для себя никаких особых привилегий в торговле. Но имеют полное право ожидать, *если не требовать*, в силу всех обязательств, которые объединяют их с правительством Бразилии, что никакие особенные привилегии в торговле не будут предоставлены другим. Оставляя в стороне естественный риск, связанный с условиями прихода к власти нового правительства, и не придавая значения его аномалиям политического характера в отличие от других членов большой семьи американских государств, Соединенные Штаты были первыми, кто признал это правительство. За этот не заставивший себя ждать дружественный шаг Соединенные Штаты не требуют благодарности, но настаивают на том, чтобы им были предоставлены равные с другими условия торговли и судоходства. Президент не склонен мириться с тем, чтобы какое-либо европейское государство, позже и с оглядкой признавшее Бразилию, пользовалось в торговле преимуществами, в которых отказано самому старому и наименее расчетливому другу». Несколькими неделями позже, 30 июля, Рэджет сообщает: «Британские коммерсанты с большой уверенностью ожидают, что 15-процентная пошлина на их товары сохранится, не сомневаясь в том, что для соблюдения этого соглашения они употребят все свое влияние на свое правительство в

¹ С британских товаров взималось 15 процентов налога (договор 1810 г.), с остальных стран, включая Соединенные Штаты, — 25 процентов. — *Прим. автора.*

целях воспрепятствовать получению другими нациями подобных привилегий».

Последующие инструкции государственного департамента от 29 марта 1828 года содержат три альтернативы (для заключения договора с Бразилией.— *Прим. перев.*) в следующем порядке:

1. Статья IV и V договора с Центральной Америкой.
2. Статья II соглашения между Соединенными Штатами и Англией от 3 июля 1815 года.
3. Статьи II и III договора с Колумбией.

Англо-североамериканское соглашение признает статус наиболее благоприятствуемой нации по отношению к торговле и к навигации, определяет привилегии в обмене национальными продовольственными и промышленными товарами, перевозимыми на национальных судах.

«Из трех приведенных альтернатив первая заслуживает особого предпочтения. Поэтому приложите все свои силы к тому, чтобы она была принята. Договор с Центральной Америкой может быть взят в качестве образца для всех статей... Против принципа равенства и взаимности в судоходстве обеих стран могут возражать... исходя из того, что торговый флот Бразилии лишь только создается и он неспособен противостоять неравной конкуренции Соединенных Штатов, но конкуренция не может строиться на системе исключений, она может иметь место на основе взаимных ограничений».

В окончательном тексте содержится одно исключение, касающееся условий статуса наиболее благоприятствуемой нации: «Признано, что отношения и соглашения, которые существуют в настоящее время или могут существовать в будущем между Бразилией и Португалией, являются исключением в этой статье договора». В остальном они соответствуют статьям IV и V договора с Центральной Америкой. Статья IV впервые включает краткую британскую поправку: «Правительство Соединенных Штатов, учитывая, однако, нынешнее состояние флота Бразилии, соглашается с тем, что судно будет считаться бразильским и в том случае, если его владелец и капитан будут иметь бразильское подданство и их документы будут законными».

* * *

Переговоры о первом торговом договоре Соединенных Штатов с Мексикой начинаются в августе 1825 года, именно в то время, когда у Мексики появляются опасения, что Соединенные Штаты могут возобновить свои притязания на Техас и всю северную территорию страны, когда Мексика подписала свой первый торговый договор с Англией, добившись включения в него ряда преимуществ.

Клей указывал Пойнсетту в первых общих инструкциях: «Президент глубоко убежден, что приоритет наших действий... послужит убедительным доводом для наших южных соседей, и в частности для Мексики, чтобы отказать европейским странам в предоставлении им каких-либо выгод и привилегий в торговле и судоходстве, которые не распространялись бы на нас». Клей впервые использует в качестве аргумента приоритет североамериканского признания новых государств, чтобы добиться для себя статуса наиболее благоприятствуемой нации. До этого, в 1823 году, в инструкциях Андерсону Адамс намекает с той же целью на «нашу поспешность». Клей также использовал приоритет в своих инструкциях посланнику в Буэнос-Айресе Форбсу. И всегда, во всех случаях инструкции сопровождаются фарисейскими заявлениями о незаинтересованности: «Наша цель не заключалась в преувеличении нашего несомненного превосходства или восхвалении наших заслуг, чтобы приобрести взамен чрезвычайную выгоду... Незаинтересованность должна быть нашей компенсацией...»; «Мы не требуем никакой исключительной привилегии...»; «Соединенные Штаты не требовали и сейчас не желают никакой привилегии или специальной уступки для своей торговли или судоходства в качестве вознаграждения за либеральную политику, проводимую ими в отношении этих государств» и т. д. Приоритет североамериканского признания в течение этого времени был козырной картой государственного департамента. Но был ли приоритет? Нет, его не было! Первым правительством, как мы уже видели, признавшим независимость бывших испанских колоний, было не правительство Соединенных Штатов, которое сделало это только 8 марта 1822 года.

Итак, Мексика, естественно, берет в качестве образца свой первый договор с Англией. Клей в свою очередь настоятельно советует Пойнсетту взять за основу англо-ко-

лумбийский или вместо него колумбийско-североамериканский договор. Когда Пойнсетт отверг преимущества, предоставленные другим латиноамериканским государствам, мексиканские делегаты сослались на то, что в случае нападения Испании на их территорию они могли бы рассчитывать на поддержку остальных латиноамериканских народов и что естественно было бы поэтому предоставить им исключительные преимущества; «в то же время они уверены в том, что в этой борьбе они не могли бы рассчитывать на помощь Соединенных Штатов». Новые инструкции Клея обязывали Пойнсетта прервать переговоры, если Мексика не откажется от своей позиции, его аргументация подкреплялась ссылкой на уже подписанный договор с Центральной Америкой. Пойнсетт настойчиво просил британского посланника выступить против указанных преимуществ. Тот так и сделал, хотя позже отказался от своих требований. Несколько ранее Клей сообщал в Форин офис, что он «не будет иметь ни малейшего возражения против взаимного ознакомления посланников США и Великобритании с получаемыми ими инструкциями и против того, чтобы переговоры велись параллельно...».

Непреодоленное расхождение привело к тому, что переговоры были отложены через месяц после их начала. Возобновились они в мае 1826 года, а договор был подписан 10 июля 1826 года и передан на утверждение в мексиканский парламент, который решил договор не ратифицировать до тех пор, пока в него не будет включен пункт, подтверждающий соглашение о границах между США и Испанией от 1819 года. Это решение было вызвано первым сепаратистским актом североамериканских колонистов в Техасе в декабре 1826 года.

В марте 1827 года Клей дает инструкцию Пойнсетту, чтобы он предложил сумму от половины до одного миллиона долларов за обширные участки мексиканской территории. В первые месяцы 1828 года были подписаны одновременно первый договор о границах и второй — о торговле. Поскольку ратификация первого задерживалась североамериканцами, то Мексика не продвигала по инстанциям второй.

5 апреля 1831 года был подписан третий торговый договор. Похоже, что его содержание лишь немногим отличалось от предыдущих.

Переписка североамериканских представителей свидетельствует о том, что они прилагали все силы, чтобы добиться окончательного одобрения торгового договора, усиленно интригуя против пробританских элементов в мексиканском правительстве, используя масонские ложи, созданные Пойнсеттом, чья интервенционистская деятельность вынудила мексиканское правительство потребовать его отзыва. Правительство Мексики также потребовало, не без британского подстрекательства, одобрения и ратификации договора о границах и отложило подписание торгового соглашения до тех пор, пока договор о границах не будет подписан.

Торговый договор до последнего момента вызывал сопротивление мексиканской палаты депутатов, которая отказывалась признавать национальный режим для североамериканских судов и условия, которые шли на пользу рабовладельцам Юга Соединенных Штатов. Окончательное одобрение, состоявшееся 15 декабря 1831 года, произошло только тогда, когда новый североамериканский посланник пригрозил покинуть страну и тем самым спровоцировать серьезный кризис. Решение было принято так быстро, что даже были забыты некоторые формальности. Договор о границах, таким образом, был забыт... Североамериканский сенат ратифицировал его только в апреле 1835 года.

* * *

Открытие чилийских портов в феврале 1817 года послужило сильным толчком для североамериканской торговли. Североамериканские суда доставляли на чилийский рынок металлические изделия, табак, мебель, посуду, английский фаянс, французские ювелирные изделия, товары из Индии. Чили оплачивала свой импорт серебром (руда, добываемая в Гуаско, богаче, чем в Потоси), медью и оловом. Кокимбо производило к концу года 41 000 центнеров меди, и Соединенные Штаты были первым ее покупателем. «Ежегодное производство этих двух металлов может оцениваться примерно в 5 000 000 долларов». Торговля с Китаем и Индией приносила большую прибыль торговцам именно из-за возможности обменивать пряности на эти металлы. Но Чили не имела флота: «среди всего населения Чили не было ни одного моряка».

Инструкции государственного секретаря Мартина Ван-Бурена посланнику в Чили Джону Хэмму (15 октября 1830 года) содержат уже известные три альтернативы (торгового договора. — *Прим. перев.*), оправдавшие себя при заключении договоров с Бразилией, Англией и Колумбией.

Чили представлял в переговорах Андрес Бельо. «...Он был моим учителем», — сказал о нем С. Боливар. Его участие в переговорах полностью себя оправдало. Принимается в основном колумбийский текст договора, где статья, которая устанавливала принцип наиболее благоприятствуемой нации, исключала предоставление США преимуществ, предоставленных латиноамериканским странам.

Договор был подписан 16 мая 1832 года и одобрен североамериканским сенатом в декабре того же года. Но Чили медлило с его ратификацией и в 1833 году предложило подписать дополнительное соглашение, которое подтверждало исключение для США преимуществ, предоставленных всем новым латиноамериканским государствам, возникшим в бывшей Испанской Америке. Североамериканский сенат ратифицировал и это соглашение.

Соединенные Штаты не могли извлечь для себя выгод от уступок Чили остальным латиноамериканским странам, но они бы выиграли от уступок, предоставленных этими странами Чили, особенно от уступок тех стран, которые уже имели договоры с Соединенными Штатами: Колумбии, Центральной Америки, Мексики и Бразилии.

Обмен ратификационными грамотами произошел 29 апреля 1834 года. 5 сентября государственный секретарь Форсайт направляет свои первые инструкции Ричарду Полларду, назначенному в Сантьяго поверенным в делах США: «Практически ничего плохого не произойдет в нашей торговле с Чили из-за этих исключений по крайней мере в течение нескольких последующих лет, однако, имея в виду, что с некоторыми латиноамериканскими государствами у нас нет договоров, это может создать нежелательный для нас прецедент. Поскольку другие необходимые для нас цели были достигнуты и признаны важные принципы в этом договоре, он был все же ратифицирован нашей стороной. Пока он существует, мы не должны огорчаться, но вы должны будете путем

неофициальных переговоров с влиятельными и авторитетными лицами в Чили подготовить почву для отмены исключения, когда придет срок возобновления договора, если это станет к тому времени целью нашего правительства».

Позже Вашингтон найдет возможность ограничить применение договора.

Каждый раз, когда Чили намеревалось воспользоваться им, Соединенные Штаты протестовали против латиноамериканских преимуществ, ссылаясь на «свободу торговли».

Вашингтон нашел даже способ извлекать пользу из чилийских уступок. 13 ноября 1838 года поверенный в делах Соединенных Штатов в Сантьяго Ричард Поллард в письме государственному секретарю США Джону Форсайту писал:

«Поверенный в делах Бразилии в Сантьяго заключил наконец договор с чилийским правительством. В нем предусмотрены лучшие условия, чем те, которые были предоставлены нам. Бразилия находится в положении наиболее благоприятствуемой нации без исключений в пользу испаноамериканских государств... Этот договор для нас благоприятен, потому что во II статье нашего договора с Чили мы фигурируем как наиболее благоприятствуемая нация, но с исключениями для испаноамериканских государств. Поскольку Бразилия не является одним из этих государств, уступки ей означают уступки нам...».

* * *

В начале 1835 года Чили и Перу заключают соглашение, устанавливающее взаимовыгодные пошлины на импорт и тоннаж в соответствии с доктриной Боливара. Поллард, преемник и последователь Пойнсетта, сообщив о договоре в Вашингтон, заявляет протест правительству Сантьяго и настаивает на том, чтобы Лэрнед, североамериканский посланник в Лиме, сделал это со своей стороны.

Переписка Полларда с министерством иностранных дел Чили и госдепартаментом, касающаяся этой проблемы, представляет для изучения международных отношений большую ценность. Прежде всего Поллард составляет план действия: «Я испытываю беспокойство в том, что

касается торговых отношений между Соединенными Штатами и Чили. В моем донесении от 18 числа прошлого месяца я сообщил вам о заключении договора между правительствами Чили и Перу, согласно которому на соответственный импорт из других стран накладывалась двойная пошлина по сравнению с той, которую каждая из этих двух стран будет платить за соответствующий импорт одной из двух стран. Я объяснял вам, почему это положение вредно Соединенным Штатам.

Чили подписало этот договор до моего приезда, в противном случае я бы возражал против его одобрения. Сейчас я не знаю, как исправить нанесенный нам вред... надеюсь, что мистер Лэрнед приложит усилия в Перу, чтобы воспрепятствовать ратификации договора этим правительством; и, если договор возвратится сюда для каких-либо поправок или ратификации, я думаю, что смогу задержать его продвижение по инстанциям или способствовать его исправлению, так чтобы он не повредил интересам Соединенных Штатов.

Приходится сожалеть, что в договоре между Соединенными Штатами и Чили включена статья, предоставляющая Чили право предпринимать шаги в пользу южноамериканских государств... и против США».

Весь план сводился только к одному—вмешательству! Вмешательство Лэрнеда в Лиме, чтобы «воспрепятствовать» ратификации договора. Вмешательство в дела Сантьяго, чтобы «задержать его продвижение по инстанциям» или изменить его.

Вмешательство в Сантьяго начиналось с протеста Полларда министру иностранных дел (15 апреля 1855 года): чилийско-перуанские привилегии противоречили духу оговорок чилийско-североамериканского договора в пользу бывших испанских колоний; равным образом они были направлены против интересов Соединенных Штатов, страны, которой испаноамериканские государства были якобы обязаны своими успехами в деле получения независимости, а как же иначе? Ведь Соединенные Штаты согласились с испаноамериканскими привилегиями во время войны с Испанией.

25 апреля министр Хоакин Токорналь отверг протест: «Нижеподписавшийся имеет указания президента ответить на Ваши претензии, кратко изложив справедливые принципы, которыми руководствовалось правительство

Чили в своих торговых отношениях с другими нациями и из которых исходит в настоящем случае. Взяв за основное правило беспристрастность в деле торговли со всеми народами мира, правительство Чили считало, что предоставление взаимных привилегий новым американским государствам не противоречит ни его интересам, ни справедливости. Завоевание ими независимости не расторгло естественных уз, которые обязывают их относиться с уважением друг к другу как к членам одной семьи, обязывают их иметь между собой более тесные связи, чем с другими нациями; все они заинтересованы в укреплении этих уз, уже созданных самой природой, их национальной культурой, отсутствием торгового опыта, отсутствием капиталов, разрушениями, причиненными продолжительной войной... и в подобном положении, имея в виду уступки и привилегии, которые взаимно предоставляют одни латиноамериканские страны другим, нижеподписавшийся считает, что они должны считаться как средства не только для процветания и прогресса, но и своего самосохранения и существования. Правительство Чили уже долгое время придерживается этих политических принципов, считает своим долгом рекомендовать их братским республикам и сегодня не видит причин, чтобы действовать вопреки им.

Нижеподписавшийся охотно признает, что упомянутый договор между республиками Чили и Перу имеет главной целью предоставление взаимных преимуществ в торговле; и, если мистер Ричард Поллард примет во внимание обстоятельства дела, он сразу же увидит, что вышеупомянутые принципы находят самое прямое выражение в этом договоре. Чили и Перу до своего политического освобождения имели обыкновение обмениваться своими товарами, и этот обмен не затрагивал интересов какой-либо иностранной державы. Географическое положение этих стран лишало их возможности найти другие рынки для своих самых ценных продуктов, и отсюда следует, что лишение этой возможности вследствие войны и по другим причинам принесло неисчислимые бедствия сельскому хозяйству обеих стран. При таком положении вещей самым верным средством может быть восстановление этого обмена путем незначительных уступок. Ни зерно Чили, ни сахар Перу не являются продуктами, пользующимися спросом у держав, которые занимаются

торговлей у берегов Тихого океана. Что может быть естественнее, чем обмен одного товара на другой?

Нижеподписавшийся считает, что эти соображения опровергают все аргументы поверенного в делах Соединенных Штатов, за исключением одного: этот аргумент претендует на то, чтобы ущемить право Чили предоставлять отдельные привилегии братским республикам — право, зарезервированное за Чили статьей II договора от 16 мая 1832 года и первым дополнительным соглашением от 1 сентября 1833 года.

Я бы мог возразить на эту часть ноты мистера Полларда, заметив ему, что исходя из того положения, что это право ограничивалось периодом войны и должно быть отменено, как только испанское правительство признает политическое существование новых государств, требования Соединенных Штатов Америки в настоящее время являются преждевременными, поскольку до признания Испанией их независимости еще далеко и, раз не начались переговоры, нельзя с уверенностью предвидеть их результат...

Возникновение исключения вызвано не только тем обстоятельством, что новые республики создали военный союз против Испании, но и необходимостью поддерживать между ними тесные связи для содействия развитию их нарождающейся промышленности, — необходимостью, которая, очевидно, станет еще сильнее во время мира, чем во время войны, которой они были поглощены.

Правительство Чили, таким образом, считает неоспоримым право использовать полномочия, зарезервированные за ней упомянутыми статьями...»

В этом конкретном случае изложены историко-социологические основы испаноамериканского содружества. Они отражают общее происхождение стран этого содружества, их общую историю, общий характер и условия существования. Они не зависят, как пытается доказать представитель янки, исключительно от обстоятельств.

Последний раздел ответа был решительным и окончательным, им Токорналь завершал спор.

Поллард думал иначе. Он считал своим долгом настаивать на своем, потому что он был янки и потому что последнее слово всегда должно было быть за ним, за ян-

ки, даже если дело касалось прав и интересов других государств.

Возражение Полларда от 4 мая являлось проявлением утонченного лицемерия:

«Нижеподписавшийся не подвергает сомнению право Чили поступать в соответствии со статьей ее договора с Соединенными Штатами, которая устанавливает исключения в пользу новых американских государств со стороны Чили... но утверждает, что причин, по которым эта статья была включена в договор, уже не существует. Испания, которая была общим врагом этих государств, не только проявила желание не продолжать войну против них, но также выразила свое намерение признать их суверенитет и независимость.

Нижеподписавшийся придерживался того мнения, что отношения новых государств с Испанией к моменту заключения договора между Соединенными Штатами и Чили послужили причиной для включения этой статьи. Каковы бы ни были цели правительства Чили в отношении этой статьи, позиция правительства Соединенных Штатов не изменилась; и, поскольку Соединенные Штаты всегда желали видеть прочно утвердившуюся независимость этих новых государств, они были готовы предоставить им возможности, которые способствовали преодолению трудностей, стоящих на пути к достижению этой великой цели; отсюда и те отстаиваемые правительством Чили права, предоставленные ей Соединенными Штатами. Нижеподписавшийся, приводя вам подробное толкование, счел своим долгом еще раз напомнить то, что уже является достоянием истории: Перу не только не приняла участия в освободительном движении в Чили, но в 1813 году оно послало в это вице-королевство войска и восстановило монархическое правительство...

Если Чили, исходя из своих торговых правил, настаивает на предоставлении преимуществ американским государствам, то почему же круг этих государств так ограничен? Почему бы не позволить Соединенным Штатам войти в эту семью? Не станет ли Дарьенский перешеек их границей? В таком случае это исключило бы Мексику. Если пойти дальше перешейка, то в этот круг войдут и Соединенные Штаты...

Когда какая-либо нация принимает дискриминационные меры против Соединенных Штатов, они, как правило,

отвечают на них контрмерами. В той степени, в которой налоги, взимаемые правительствами других стран с тоннажа и других статей торговли, являются благоприятными или нет для Соединенных Штатов, они отвечают соответствующим образом...

Не только пошлины, размер которых в отношении некоторых статей торговли установлен, с тем чтобы Перу монополизировала эти статьи, но и налог на тоннаж в пользу перуанских судов дает по этому договору дополнительное преимущество этой стране в чилийских портах. Следовательно, увеличение богатства Чили, несомненно, благоприятствовало бы Перу в ее торговле с этой страной, так же как и другим, которым в равной степени правительством Чили были бы предоставлены привилегии. Но подобное положение не дает ничего тем, на кого не распространится протекционистская система...

Хотя нижеподписавшийся отвергает даже самую отдаленную попытку вмешательства во внутреннюю политику Чили, он считает себя обязанным, исходя из интересов своей родины, обсуждать с правительством Чили в духе самой глубокой дружбы и уважения вопросы, касающиеся ее внешней торговли, условия которой могут затрагивать интересы Соединенных Штатов...»

Янки отважился апеллировать к истории, чтобы интриговать против Перу. Как будто бы республиканская Перу несет ответственность за политику колониального Перу. Он также пытался утверждать, что чилийский потребитель потеряет от торговли с Перу. Он посмел говорить о «монополии». А сохранились бы те же возражения, если бы «монополия» была установлена в пользу Соединенных Штатов? И наконец, классическое ханжество: «Хотя нижеподписавшийся отвергает даже самую отдаленную попытку вмешательства...»

* * *

Наглое послание осталось без ответа. Токорналь не ответил на последнюю ноту Полларда. Тогда Поллард выдвинул некоторые из «требований» североамериканских граждан, вопрос о которых уже поднимался ранее... Это была наглая угроза. Токорналь возобновил диалог.

6 июля 1835 года Поллард сообщил Форсайту: «13 числа прошлого месяца я получил извещение от министра, возобновившего дискуссию по поводу договора с Перу, и

некоторое время спустя получил также ответ на мою ноту по делу о требованиях американских граждан... Не могу отказаться от мысли, что его откровенность относительно перуанского договора после такого промедления имеет целью отвлечь меня от требований. Его интерес к возобновлению дискуссии был неожиданным. Со времени, прошедшего после моей последней ноты по поводу договора, он ничего больше не мог сказать, и полемика была прекращена. Сейчас, когда он нарушает молчание и возобновляет дискуссию после моей ноты о претензиях наших граждан, я не могу думать иначе. Если это его план, он его не реализует. Я не буду отвлечен от своей цели такой банальной уловкой. Я повторю свои требования в отношении того, что считаю целесообразным...

Сделав эту уступку, мы не только теряем чилийский рынок для многих наших товаров, но и остаемся вне нашего большого хлебного рынка в странах, расположенных на побережье Тихого океана. Если бы Чили не сохранило возможность дискриминировать нас, оно бы не подтолкнуло Перу закрыть свои порты для нашего хлеба».

* * *

В это время в Перу вспыхнуло восстание генерала Салаверри. Салаверри не признал президента Орбегосо и взял власть в свои руки. Чилийско-перуанский договор, заключенный и одобренный президентом Орбегосо, был к этому времени еще не ратифицирован. Салаверри ратифицировал его. Тогда Чили признало Салаверри. Поллард опротестовал ратификацию.

Дискуссия с Токорналем ограничивалась теперь вопросом о законности ратификации договора Салаверри.

Поллард продолжал свое вмешательство, как будто его страна представляла одну из сторон в чилийско-перуанских отношениях и в торговом договоре между этими странами. Несмотря на недостаток аргументов, он нагло использовал все положения правовых наук, совершив головокружительный кульбит от права международного к праву государственному, а от него к административному.

Токорналь легко разбил слабые аргументы посланника янки и неопровержимо доказал: «Тем самым вопрос о законности договора должен беспокоить только стороны, которых он касается, и только им он вредит или приносит прибыль».

Салаверри был свергнут, к власти снова пришел Орбегос. Настроенный теперь против Чили, Орбегос отказался признать договор.

Поллард сразу же воспрянул духом и начал действовать. Из Сантьяго он пишет 3 июля 1836 года Форсайту:

«...я получил сообщение от сеньора Лэрнеда, подтверждающее отказ перуанского правительства от договора, заключенного между этой страной и Чили и ратифицированного узурпатором Салаверри. Это важно для Соединенных Штатов уже потому, что наша торговля, которой угрожали положения упомянутого договора, стоит наравне... с другими странами, включая тех, которые не имеют естественных границ с Чили. Я поддерживал постоянную переписку с сеньором Лэрнедом специально по вопросу о договоре, который так неблагоприятно сказывался на нашей торговле в этом районе Тихого океана.

Сеньор Лэрнед сообщил мне, что с момента отказа от договора он вел переговоры с перуанским правительством о допуске североамериканской муки в порты Перу и удовлетворен ими настолько, что надеется добиться успеха в получении выгодных условий торговли для нашей страны».

Есть ли еще какое-либо сомнение в североамериканской ответственности за неудачу чилийско-перуанского договора 1835 года?

1848 год несет с собой важные перемены. 25 апреля поверенный в делах Соединенных Штатов в Сантьяго С. Бартон сообщает государственному секретарю Джеймсу Бьюкенену о трех важных событиях.

Первое — новый чилийско-перуанский договор: «Заключен договор между правительствами Чили и Перу. Его формулировки, естественно, не были оглашены. По слухам, однако, в нем, по-видимому, содержится дискриминационная статья, благоприятствующая поставкам перуанского рафинированного сахара в порты, Чили и чилийской муки и пшеницы в перуанские порты, что наносит ущерб торговле сахаром и мукой, принадлежащим США».

Второе — очень важное: «Чили только что приняла закон, я думаю запрещающий заключение торговых договоров, которые не содержат оговорок в пользу испаноамериканских республик».

Третье — удачная находка ненасытной североамери-

канской дипломатии: «С целью получить полную информацию о договорах Чили с другими нациями, последовавшими за его соглашением с Соединенными Штатами, я неофициально спросил дона Андреса Бельо — заместителя министра иностранных дел (и чилийского представителя на переговорах, касающихся соглашений с Соединенными Штатами), удобно ли ему и возможно ли предоставить мне копии договоров между Чили и другими государствами, заключенных после их соглашения с Соединенными Штатами. Он ответил согласием и на следующий день прислал мне копии договора с Англией, в котором речь идет о торговле рабами, соглашении с Соединенными Штатами и копии двух или трех договоров, заключенных с испаноамериканскими республиками, но ничего больше.

Зная, что Испания только что признала независимость Чили, и желая узнать, почему Бельо не включил этот договор в число присланных мне, я поинтересовался, не содержит ли он пунктов, с которыми Соединенные Штаты могли бы познакомиться, и в неофициальной беседе с испанским посланником (сеньором Тавира) спросил его, будет ли ему удобно предоставить мне копию договора между Чили и Испанией. Он сразу же согласился и прислал мне договор между двумя государствами, подписанный осенью 1845 года. Изучая его, я обнаружил, что статья X предоставляет Испании во всей ее торговле и судоходстве статус наиболее благоприятствуемой нации без какого-либо исключения...

...Статья X договора с Испанией аннулирует и сводит на нет исключение в пользу испаноамериканских республик, предусмотренных в наших двух соглашениях с Чили, поскольку, пока эти соглашения действуют, мы, как бы там ни было, находимся и будем находиться в благоприятных условиях наравне с Испанией, и, если Чили решило предоставить Испании такие же привилегии, как и братским республикам, оно обязательно должно будет предоставить такие же привилегии и нам, и, даже если оно изменит свой договор с Испанией, эти преимущества сохранятся для нас, поскольку не в его власти изменить (без нашего согласия) принцип равенства в области торговли и судоходства и поскольку точно такие же соглашения заключены между Соединенными Штатами и Испанией, в то время как действующие остаются в силе...»

Случай с Чили — особенно яркий пример.

Статус наиболее благоприятствуемой нации превращается в механизм угнетения в области международной торговли. Благодаря статусу наиболее благоприятствуемой нации Соединенные Штаты добились контроля и монополии в торговле с малыми и отсталыми странами.

Статус наиболее благоприятствуемой нации навязывается под флагом свободы торговли, но в действительности этот статус, проникая в международную торговлю, затруднял малым странам организовывать свою торговлю, подчиняя ее интересам крупных государств.

Случай с Чили разоблачает Соединенные Штаты как прожорливого спрута, протягивающего свои щупальца во все уголки земного шара, присасывающегося своими ненасытными присосками ко всем источникам международной торговли.

При помощи статуса наиболее благоприятствуемой нации Соединенные Штаты вызывают распад латиноамериканского содружества, насильно подавляют все попытки организовать латиноамериканскую торговлю на основе предпочтительного режима.

Предпочтительный режим прокладывает дорогу к созданию *общего латиноамериканского рынка*, общему развитию новых республик по капиталистическому пути. Соединенные Штаты всячески пресекали малейшую возможность самостоятельного развития латиноамериканских стран, если таковая появлялась.

Сто тридцать лет спустя Соединенные Штаты, используя украденную идею, стали покровительствовать созданию общего латиноамериканского рынка — именно тогда, когда это уже почти было невозможно из-за неравномерного развития тех же латиноамериканских стран, потому что сейчас в этих странах нет такой отрасли, которая не контролировалась бы североамериканским капиталом. Но все дело в том, что сегодня эта идея служит интересам североамериканских дельцов. Ведь это еще один из способов снижения тарифов и открытия рынков для товаров с этикеткой «Сделано в Латинской Америке (Made in Latin America)»...

9 февраля 1848 года был подписан договор между Соединенными Штатами и Перу. Сенат в Вашингтоне по-

спешил ратифицировать его, но Лима его не ратифицировала.

13 июля 1850 года в Вашингтоне подписывается новый договор между обеими странами.

Следующий перуано-североамериканский договор заключается 26 июля 1851 года. Как и во всех предыдущих, в нем устанавливается статус наиболее благоприятствуемой нации. Это был первый договор, который Перу ратифицировало.

В том же 1851 году Перу и Бразилия взаимно разрешили свободу судоходства по своим рекам Амазонского бассейна (23 октября 1851 года). По настоянию Соединенных Штатов Перу нарушает договор и открывает свободу судоходства на своих восточных реках (декрет от 15 апреля 1853 года). Бразилия угрожает Перу отменой договора. Перу отказывает Соединенным Штатам в плавании по восточным рекам. Соединенные Штаты ссылаются на статус наиболее благоприятствуемой нации, предусмотренный в договоре.

Поверенный в делах Клей докладывал государственному секретарю Вильяму Л. Мэрси о встрече в Лиме 9 января 1854 года с перуанским министром иностранных дел Хосе Пас Солдана, которому он сказал, что «...если Перу предпочитает отставать в своем развитии и не открывать речных портов, Соединенные Штаты примут меры, чтобы добиться прерогатив, на которые наши граждане имеют право по законам природы и наций. Я могу заверить Ваше Превосходительство, что судоходство на Амазонке должно быть полностью открыто для всего мира...».

Тем временем развивались события в самой стране. В 1858 году в Лиме произошли первые народные выступления против внешнеторговой политики правительства, в частности, население потребовало установить протекционистские меры для защиты национальных товаров. Аналогичные выступления происходили в 1853 году в Боготе.

Начавшийся бурный процесс развития в новых республиках оказал глубокое воздействие на курс их внешних отношений и организацию их внешней торговли. Чилийско-перуанский договор предусматривал взаимные уступки. Внутренняя борьба в Перу определила его судьбу. Янки, обеспокоенные братскими чилийско-перуанскими связями, выжидали удобного случая для интриг и

раскола. Благоприятный случай не замедлил явиться, и они поспешили добиться для себя статуса наиболее благоприятствуемой нации у неустойчивой перуанско-бolivийской конфедерации. Перу сопротивлялась еще в течение пяти лет, отвергая один договор за другим, вплоть до 1851 года, когда эта страна была вынуждена прекратить сопротивление. Янки поднялись еще на одну ступень по лестнице, ведущей к мировой империи...

* * *

Уругвай подписал два торговых договора с Соединенными Штатами в XIX веке: один в 1852 году, другой в 1870-м, но не ратифицировал ни одного из них. Оба были выдержаны в духе договора Соединенных Штатов с Центральной Америкой. В последний была включена дополнительная статья, согласно которой страны взаимно разрешали свободу судоходства по своим рекам для торговых и военных судов и свободу торговли в этих районах для граждан той и другой страны на тех же условиях, которые были предоставлены ранее другим государствам. Статья могла быть применена в случае, если Уругвай добился бы подобных соглашений с соседними странами. Согласно тем же североамериканским источникам, до 1841 года между обеими странами не заключалось никакого торгового соглашения.

Англия имела торговые договоры с Уругваем с 1842 года. Национальность судов обеих сторон определялась в зависимости от того, торговлю чьей страны они обслуживали, по месту строительства, по национальности их владельцев и по составу трех четвертей их экипажа.

* * *

Первые известия о североамериканской торговле с Буэнос-Айресом относятся к 1812 году. В июле этого года консул США У. Г. Миллер сообщал в государственный департамент: «В течение шести последних месяцев торговля Соединенных Штатов с этим портом была весьма неустойчивой. Прибыло семь судов с грузом, который на $\frac{3}{5}$ состоял из немецких товаров и на $\frac{2}{5}$ из национальных, таких, как древесина, рыба, рис, канаты, семена, обувь, строительный материал, мебель, шляпы, пиво, бумага...» В 1818 году специальные уполномоченные Блэнд

и Родней добавляют к списку товаров еще смолу, гудрон, суда, порох и другие боеприпасы. «Но, — отмечает Блэнд, — в последнее время наша торговля была там очень ограниченной и заключалась больше в доставке товаров с Европейского и Азиатского континентов с целью получить товары, в которых мы нуждаемся, чем в приобретении рынка для некоторых наших товаров».

Первый аргентино-североамериканский торговый договор был заключен между президентом Пайерредоном и специальным представителем Соединенных Штатов У. Г. Д. Уортингтоном. Пайерредон отказался предоставить США статус наиболее благоприятствуемой нации, сохраняя его для Испании в обмен на признание. Согласно договору, Конфедерация назначила консулом в Соединенные Штаты североамериканского гражданина де Форреста. Но правительство Вашингтона отказалось ратифицировать договор, ссылаясь на то, что у Уортингтона нет достаточных полномочий, а также на отказ Пайерредона предоставить статус наиболее благоприятствуемой нации; не был также признан консул де Форрест. Государственный секретарь Джон Куинси Адамс изложил свою точку зрения в письме, которое послал де Форресту 31 декабря 1818 года: «...чтобы признать независимость этого правительства, Соединенным Штатам было бы необходимо знать, провозглашает ли Буэнос-Айрес полную независимость или частичную. Из некоторых переговоров между лицами, уполномоченными Верховным правителем Пайерредоном и представителем Соединенных Штатов (к тому же без согласия своего правительства)... видно, что Верховный правитель отказался предоставить Соединенным Штатам привилегии и преимущества наиболее благоприятствуемой нации, несмотря на предложение о взаимности, сделанное Соединенными Штатами. Верховный правитель сослался на то, что поскольку Испания добивалась установления своего суверенитета над Буэнос-Айресом, то в конечном счете ей можно было бы предоставить привилегии и специальные преимущества, если бы она отказалась от своих домогательств. Правительство Буэнос-Айреса должно обдумать, удастся ли ему, оставив эти привилегии в силе, добиться полной независимости и до какой степени другие государства могут рассчитывать на то, что власть Испании не будет впоследствии восстановлена. Де Форрест за-

явил, что Тукуманский конгресс одобрил резолюцию, предоставлявшую особые преимущества той нации, которая первой признает независимость этой страны. При этом ему сказали, что подобная резолюция может создать условия зависимости накануне получения самой независимости или явиться платой за признание этого государства. Соединенные Штаты не намерены вымогать у Буэнос-Айреса привилегий за признание его независимости, но, признавая ее, надеются воспользоваться в своих отношениях с ними теми же привилегиями и преимуществами, которыми пользуются другие нации, или, напротив, точно знать распространение и характер выгод, которые предоставлены другим и в которых отказано им. Верховный правитель, несомненно, должен быть поставлен в известность, что, пока сохраняется подобное неограниченное право гарантировать одной нации преимущества, в которых отказано Соединенным Штатам, признание независимости следует считать преждевременным». Государственный секретарь подтверждает свой довод примерами из истории своей страны — «как в отношениях со страной, чьей колонией она была, так и с той, которая первой признала ее независимость». Уже в самой декларации о независимости Соединенные Штаты приняли решение «относиться к британской нации так, как она относится к остальному человечеству, быть врагами в войне и друзьями в мире». Договор о дружбе и торговле с Францией от 6 февраля 1778 года — первый, в котором Соединенные Штаты выступают как самостоятельное государство, — устанавливает «в качестве основы соглашения равенство и самую полную взаимность», и в нем стороны обязываются «не предоставлять никакого особого преимущества другим нациям в отношении торговли и судоходства, которое не предоставлялось бы сразу же другой стороне» безвозмездно или с каким-то условием в зависимости от обстоятельств.

Отказ де Форресту в признании его полномочий вызвал протест палаты представителей. В середине января палата постановляет потребовать информацию по этому вопросу у президента Монро. Государственный секретарь был вынужден объяснить свое поведение президенту в пространном меморандуме от 28 января 1819 года. В нем он повторил свои аргументы и пытался снять с себя обвинение: «Не было намерения указывать де Форресту, что с

признанием независимости или суверенитета какой-либо нации совместимо предоставление торговых преимуществ одному иностранному государству и отказ в них другому... Также не говорилось, что какая-либо нация может потерять свой уже признанный суверенитет, если предоставляет без взаимности торговые преимущества одному иностранному государству и отказывает в них другому...» В то же самое время, с явно недобрыми намерениями и уклонившись от главной проблемы, государственный секретарь перегружает меморандум жалобами и обвинениями в адрес новых государств: вторжение на остров Амелия, корсарство Буэнос-Айреса и т. д.

Аргументация государственного секретаря не выдерживала никакой критики, несмотря на внешнюю убедительность. Так, всего лишь месяцем позже, 22 февраля 1819 года, в договоре о купле-продаже Флориды Соединенные Штаты предоставляли Испании исключительные привилегии. В течение двенадцати лет испанские суда могли платить в Пенсаколе и Сант-Августине те же таможенные и каботажные налоги, что и североамериканские суда.

Но и эта аргументация была направлена к одной цели. Статус наиболее благоприятствуемой нации или непризнание — таков выбор для новых государств. Кроме того, новые государства не могли строить свои международные торговые отношения, руководствуясь наибольшими выгодами. Рамки этих отношений определялись крупными государствами, в данном случае Соединенными Штатами.

Следующий торговый договор (Аргентины.— *Прим. перев.*) с Соединенными Штатами был подписан после свержения Росаса¹, 27 июля 1853 года, и включал статус наиболее благоприятствуемой нации. Он был ратифицирован в 1854 году. Соединенные Штаты начали вести переговоры о торговле с Аргентиной 29 лет спустя после Англии. За несколько дней до подписания этого договора, 10 июля, Уркис подписал договоры с Англией и Соединенными Штатами о свободе судоходства по рекам Парана и Уругвай. Несколько месяцев спустя президент Пирс провозгласил свободу судоходства по Амазонке...

¹ Росас, Хуан Мануэль — Верховный правитель Аргентины (1829—1852 гг.).

Во времена Росаса Франция навязала Аргентинской конфедерации режим наиболее благоприятствуемой нации на взаимной основе. Это было соглашение Арана — Макко, которое подвело итог французской интервенции 1838—1840 годов. Но Росас сделал оговорку о своем праве предоставлять предпочтительный режим для южноамериканских граждан (статья VI).

* * *

В 1837 году, по истечении срока первого колумбийско-североамериканского торгового договора 1824 года, Соединенные Штаты начинают переговоры о новом договоре, который должен «обеспечить общую отмену всех дискриминационных пошлин». До момента подписания этого договора (12 декабря 1846 года) проходит девять лет.

К тому времени колумбийские товары уже испытывали на себе последствия иностранной конкуренции. Ремесленники, которые принимали активное участие в освободительной борьбе, с самого провозглашения республики требовали протекционистских тарифов для защиты своих товаров. В 1847 году торговая буржуазия предложила реформу, способствующую проникновению иностранных товаров. Ремесленники готовились к большой битве. Организованные в демократические товарищества, они призвали на борьбу жителей Боготы. Движение достигло критической точки в 1849 году. В этом году конгресс должен был избрать президента из числа трех кандидатов: одного от радикально-либеральной партии и двух от консерваторов. Огромная возбужденная толпа народа, вооруженная холодным оружием, блокировала здание конгресса и потребовала избрания кандидата радикалов генерала Хосе Иларио Лопеса. «Я голосую за Лопеса, чтобы избежать убийств в конгрессе», — заявил руководитель консерваторов Мариано Ospina. Но ремесленники были обмануты. С победой генерала Лопеса колониальная система хозяйства достигла предела своих возможностей: начался рост влияния торговой буржуазии. Движение усиливается в 1853 году. Ремесленники снова потребовали у конгресса защиты своих изделий с помощью протекционистских тарифов. Но конгресс, контролируемый крупными торговцами, не внял их требованиям.

Возмущенные ремесленники восстали. Напуганная олигархия отступила; либералы объединились с консерваторами; была мобилизована армия. Ремесленники были разбиты.

Тем временем включение статуса наиболее благоприятствуемой нации в новые договоры привело латиноамериканские страны к унижительному положению. Колумбийско-североамериканский договор 1846 года содержал положения североамериканско-центральноамериканского договора от 1825 года: условный статус наиболее благоприятствуемой нации в торговле и судоходстве вообще (статья II) и в торговле национальными товарами (статья V); национальный режим для торговой деятельности граждан одной договаривающейся стороны на территории другой, включая каботаж (статья III), а в доставке товаров независимо от их происхождения на судах другой стороны, включая реэкспорт (статья IV и VI).

Но значение договора уже не ограничивается его строго торговыми положениями. Согласно договору Мальярино — Бидлака, в обмен на новые уступки в торговле и предоставление свободы передвижения по Панамскому перешейку правительству и гражданам Соединенных Штатов, а также их товарам Новая Гранада получала от Соединенных Штатов гарантию «суверенных прав и собственности, которыми Новая Гранада пользуется на указанной территории».

* * *

В тридцатые годы XX века североамериканская торговля со странами Латинской Америки столкнулась с германской экспансией. Чтобы противостоять ей, статуса наиболее благоприятствуемой нации становится недостаточно. Соединенные Штаты были вынуждены модифицировать форму договорных отношений. Старые договоры были заменены или дополнены краткосрочными соглашениями. Первое такое соглашение было подписано с Колумбией 15 декабря 1933 года. В соглашение была введена статья, освобождавшая от налогов определенные колумбийские и североамериканские товары. Соглашение было заключено на два года. Следующее соглашение заключается 14 сентября 1935 года. По этому соглашению сторонам предоставлялись взаимные таможенные уступки для товаров, включенных в прилагаемый список; предоставлялось взаимное таможенное

положение наиболее благоприятствуемой нации (статья VII); обе страны «взаимно предоставляли безоговорочный и неограниченный статус наиболее благоприятствуемой нации во всех вопросах, касающихся таможенных пошлин и налоговых обложений любого типа, как в методах наложения, так и взимания таможенных пошлин...». В этой же статье отмечалось: «Любое преимущество, выгода или льгота, которые Республика Колумбия или Соединенные Штаты Америки уже предоставили или предоставят в дальнейшем... какому-нибудь национальному или произведенному в любой третьей стране товару или предназначенному любой третьей стране, будет предоставлено немедленно и без компенсации аналогичному товару, произведенному в Соединенных Штатах Америки или в Республике Колумбия соответственно или предназначенному для них.

Ни Республика Колумбия, ни Соединенные Штаты Америки не смогут ни устанавливать какое-либо запрещение, ни поддерживать какое-либо ограничение на импорт с территории другой страны, которые не распространяются на импорт аналогичных товаров, происходящих из любой третьей страны. Всякая отмена любого запрещения или ограничения на импорт, которую Республика Колумбия или Соединенные Штаты Америки провозглашают, пусть даже временно, в пользу какого-либо товара третьей страны, будет распространена немедленно и безоговорочно на аналогичный товар, произведенный на территории Соединенных Штатов Америки или Республики Колумбии соответственно».

Из соглашения исключаются уступки соседним странам и уступки, вытекающие из любых таможенных союзов, в которые входит любая из этих двух стран, уступки, которые Соединенные Штаты предоставляют Кубе, зоне Панамского канала, Филиппинам «или любой территории или владению Соединенных Штатов Америки», и уступки в «торговле территориями и владениями Соединенных Штатов между собой». Однако «...условия этой статьи будут распространены на сырье и товары, произведенные на всей территории, находящейся под суверенитетом или властью Соединенных Штатов Америки или Республики Колумбия, и являющиеся предметом импортно-экспортной торговли с территорией, находящейся под суверенитетом или властью Соединенных Штатов Аме-

рики или Республики Колумбии соответственно. Понятно, однако, что положения этой оговорки не будут распространены на зону Панамского канала».

Статья XI предусматривает, что, пока это соглашение остается в силе, оно будет главенствовать над всеми положениями договора 1846 года, которые не совместимы с ним. «Однако по истечении срока этого соглашения условия указанного договора, действие которого временно приостановлено, автоматически снова вступят в силу и будут оставаться в полной силе и действии в соответствии с положениями, определенными условиями указанного договора».

Новое соглашение было заключено на двухлетний срок и допускало его продление.

Несколькими годами позже Колумбия подписала с Эквадором торговый договор от 6 июня 1942 года, и, «будучи соседними государствами», они договорились освободить от импортных пошлин ряд своих товаров. Но... согласно статье VII колумбийско-североамериканского соглашения от 1935 года, освобождение от пошлин, установленное договором с Эквадором, должно было распространиться «немедленно и без компенсации» на североамериканские товары... Колумбийско-эквадорский договор стал невозможным. Его судьба зависела от Вашингтона. Правительство Колумбии должно было «просить» разрешения у Вашингтона! В ноте СМ-415 министра иностранных дел Колумбии, датированной в Боготе 17 апреля 1945 года и направленной Джону К. Уайли — чрезвычайному и полномочному послу Соединенных Штатов — говорилось следующее: «Но поскольку статья VII торгового соглашения между Колумбией и Соединенными Штатами, подписанного 15 сентября 1935 года, обязывает каждую из обеих стран предоставлять другой безоговорочный и неограниченный статус наиболее благоприятствуемой нации во всех вопросах, касающихся таможенных пошлин, я убедительно прошу Ваше Превосходительство сообщить мне, согласится ли правительство Соединенных Штатов не прибегать к этому положению, чтобы требовать исключительных таможенных преимуществ, предоставленных Колумбией Эквадору». Подписывает ноту Альберто Льерас Камарго — в будущем неутомимый знаменосец «Союза ради прогресса»! Благодушно настроенный проконсул ответил нотой под № 27,

датированной тем же числом: «Принимая во внимание Ваши соображения, правительство Соединенных Штатов соглашается не прибегать к положениям, предусмотренным торговым соглашением, заключенным между нашими двумя странами, и требовать таможенных преимуществ, предоставленных Эквадору...»

* * *

Эквадор — еще один пример сопротивления статусу наиболее благоприятствуемой нации. После распада Великой Колумбии Боливара эквадорский конгресс в 1837 году провозгласил потерявшими силу договоры, заключенные ею. Президент Рокафуэрте возражал против этого заявления, исходя из того, что соглашение с Соединенными Штатами истекало несколькими месяцами позже. Переговоры о новом договоре вызвали любопытный обмен нотами. Североамериканский представитель предложил взять за образец договор, подписанный между Соединенными Штатами и Центральной Америкой. Эквадорский министр потребовал признания отдельных привилегий, которые эквадорский закон предоставил судам, построенным в Эквадоре, и исключительных привилегий, которые Эквадор был намерен предоставить Испании и испаноамериканским странам, «уже потому, что отношения, которые существуют между Эквадором, Испанией и новыми республиками Южной Америки, могут по своему характеру требовать исключительных условий и они применимы только к ним...». Североамериканский представитель ответил, что договор на таких условиях не кажется ему «ни желательным, ни выгодным». Он добавил, что ни один из договоров, подписанных между Соединенными Штатами и остальными латиноамериканскими странами, включая первый договор с Колумбией, не предусматривал подобной оговорки. США игнорировали или забыли чилийско-североамериканский договор. О нем не вспомнил и эквадорский министр.

Обсуждая североамериканскую ноту, эквадорский конгресс заявил (декрет от 13 апреля 1839 года), что латиноамериканские республики могут иметь большие привилегии, чем европейские нации; что к Соединенным Штатам следует относиться как к братской республике с правом на те же привилегии, что и латиноамериканские

страны; что размеры этих выгод должны устанавливаться самим государством; что никакой нации не могут предоставляться привилегии, возводящие ее в положение наиболее благоприятствуемой нации, и что нужно исключить из каждого договора употребление этого принципа.

Договор был подписан в редакции, предложенной североамериканским представителем, с двумя поправками: одной — в пользу судов, построенных в Эквадоре, и другой — включавшей в текст статус наиболее благоприятствуемой нации вопреки запрету конгресса. Согласно этой поправке, включение статуса наиболее благоприятствуемой нации не должно нарушать договор Эквадора с другими странами, однако в том или ином случае льготы, которые Эквадор предоставлял латиноамериканским странам, автоматически распространялись на Соединенные Штаты...

Пока президент Хуан Хосе Флорес подписывал и ратифицировал договор с Соединенными Штатами, не ожидая его одобрения законодательным органом и открыто нарушая конституцию, договоры с Англией и Францией ожидали отмены апрельского декрета, который ставил их в столь невыгодное положение.

После свержения Флореса народным движением 6 марта 1845 года правительство либералов, пришедшее ему на смену, просило конгресс не признавать этот договор. Однако конгресс, чтобы поддержать общественное мнение, объявил его действующим. Правительство настаивало и заявило, что статус наиболее благоприятствуемой нации привязывает страну к североамериканским интересам, лишая ее независимости в торговле с Испанией и латиноамериканскими странами в соответствии с ее интересами, поскольку привилегии, которые им могут быть предоставлены, должны распространяться также на Соединенные Штаты, и потребовало по крайней мере отмены этого статуса, который, помимо всего прочего, противоречит запрету конгресса от 1839 года. Конгресс согласился с доводами правительства, но подтвердил свое предыдущее решение, исходя из «необходимости считаться с общественным мнением и с тем, что договор краткосрочен».

Почти полувеком позже президент Антонио Флорес пытался вновь пересмотреть торговые договоры таким

образом, чтобы статус наиболее благоприятствуемой нации применялся на строго взаимной основе. В своем послании конгрессу в 1892 году он обращался с просьбой не одобрять в дальнейшем «ни одного договора, в который не включено это разъяснение». В таком же духе он инструктировал эквадорского делегата на первую Американскую конференцию в 1889 году. С таким же критерием он подходил к действующим договорам с Соединенными Штатами, Францией и Колумбией. Так завершилась история с эквадуро-североамериканским договором 1839 года.

Соединенные Штаты сразу же предложили новый договор. Но в это время уже действовал таможенный закон Мак-Кинли, который повысил налоги на импорт в среднем на 49—59 процентов. «Согласно закону Мак-Кинли, — говорил Флорес, — Соединенные Штаты предоставили нам выбор между договором о взаимности или пошлинами, от которых были свободны наши главные экспортные продукты... Мы ответили, что Англия еще раньше потребовала на основании статуса наиболее благоприятствуемой нации, предусмотренного III статьей ее договора, снижения пошлин в торговле с Колумбией и что она, возможно, сделает то же самое в отношении любого снижения, которое было бы сделано в пользу Соединенных Штатов, что и не замедлила осуществить...» В действительности основные экспортные продукты Эквадора, продукты тропического сельского хозяйства, были свободны от обложения налогами в Соединенных Штатах, но этим они были обязаны тому, что в них нуждались североамериканское население и их промышленность. Более того, североамериканская промышленность, накопившая к тому времени излишек экспортной продукции, нуждалась в рынках, и игра с таможенными тарифами была средством их получения. Договоры о взаимности и служили этой цели.

Именно в этот момент государственный секретарь Д. Блейн созвал в Вашингтоне представителей американских государств для участия в первой Американской конференции 1889 года, на которой был создан Панаме-риканский союз (предшественник ОАГ), предприняв широкое политическое наступление на Латинскую Америку, чтобы окончательно завоевать ее рынки, вытеснив из них британские промышленные товары.

Согласно договорам о взаимности, определенные товары одной страны должны были допускаться в порты всех других, уже будучи полностью свободными от налогов или облагаемыми только самыми умеренными налогами. Соединенные Штаты стремились к тому, чтобы Американская конференция 1889 года рекомендовала именно такой тип договоров, но благодаря энергичному заявлению Сазенса Пеньи Американская конференция ограничилась тем, что рекомендовала их правительствам, «чьи интересы совпадают». США — образцовая страна протекционизма (средний размер налогов на импорт в 1846 году — 30 процентов, в 1857 — 24, в 1864 — 47, в 1890 — 49,5, в 1897 году — 58,7 процента с положительным сальдо в 100 миллионов долларов в 1881—1882 годах), которая была обязана своим процветанием высоким таможенным пошлинам, которая предпочитала уменьшать непроизводительные расходы на потребление, чья таможенная система соответствовала хозяйственной концепции покровительства своей промышленности и сельскому хозяйству, искала континентальной поддержки, чтобы навязать ощутимое снижение налогов латиноамериканским странам, чья таможенная система соответствовала необходимости покрыть свой бюджет и увеличить свои доходы, чьи тарифы были равны тарифам любой страны, откуда импортируются товары. Собственные высокие пошлины, обширный рынок позволяли Соединенным Штатам понижать свои тарифы; продукция этой страны всегда оставалась защищенной, ее бюджет — сбалансированным. Для латиноамериканских стран снижение пошлин всегда влекло за собой опасность бюджетного дефицита и связанных с этим последствий.

Флорес все же отверг договор о взаимности. В этом его поддержала даже торговая олигархия: «Если нет справедливости, потому что нужно дать гораздо больше, чем получить; если нет выгоды для страны; если договор вреден, потому что сокращает доход государства; и если он опасен, потому что, отрываясь от остальных стран, мы попадаем, мягко говоря, под унижительную опеку, то мы не одобряем предложенный договор...» Это был голос национальной торговой буржуазии, все еще тесно связанной с Англией, объем торговли с которой вдвойне превышал торговлю с США.

Бразилия и почти все центральноамериканские страны подчинились. Страны Боливара — Колумбия, Венесуэла, Эквадор, а также Гаити — не поддались. Североамериканский экспорт в страны, которые одобрили «договор о взаимности», увеличился, несмотря на то, что в целом наблюдалась определенная тенденция к снижению. Соответственно увеличился также экспорт из этих стран. Экспорт непокорившихся стран заметно уменьшился. Эквадор избежал этого, потому что его основная торговля велась с Европой.

Вопрос этот еще раз был поднят в 1900 году. К этому времени восторжествовали либералы, руководимые Альфаро. Альфаро в очень требовательном коротком послании предоставил на рассмотрение конгресса новый договор с Соединенными Штатами. В своем ежегодном послании членам законодательного органа он, касаясь договора, писал: «О его выгоде судите сами». Согласно договору, одни товары свободно ввозились бы в ту или другую страну, другие имели бы 20% скидки. Перечень товаров вскрывал суть проблемы: кожи, кофе, какао-бобы, соломка для шляп, шляпы и т. д. — с одной стороны, инструменты и машинное оборудование всех типов для сельского хозяйства, локомотивы, грузовики, строительные материалы и железнодорожные вагоны, швейные машинки и т. д. — с другой. К тому же перечень североамериканских товаров заканчивался такими словами: «Указанные товары будут ввозиться в Эквадор и облагаться более низкими налогами, чем те же товары из других стран». Суда обеих стран должны были пользоваться правами наиболее благоприятствуемой нации. Такова была «взаимность» по-североамерикански... Комиссии по внешним связям и торговле конгресса потребовали отвергнуть договор, «как унижительный для страны». Один из докладчиков настаивал на закрытом заседании. «В любом договоре, — говорил он, — если не соблюдается справедливость, должно быть равенство, то есть это компенсация за то, что отказавшаяся от своих прав одна из договаривающихся сторон получает взамен другие, равного или аналогичного свойства». Конгресс отверг договор. Это был второй торговый договор с США, отвергнутый Эквадором менее чем за одно десятилетие.

Вопрос на этом не был исчерпан. Хосе Перальта, министр иностранных дел, запросил у конгресса принятия

«закона... против насилия над Эквадором со стороны более могущественных наций». Перальта понимал проблему и стремился предотвратить североамериканское вымогательство. Но произошло так, что посол Франции в те же дни потребовал у эквадорского правительства, чтобы французские вина были освобождены от налогов, подобно чилийским. «Это, — заявил один депутат, — скандальное дело, отражающее превосходство сильного государства над слабым. Подобные события будут происходить, если мы не предоставим исполнительному органу достаточных возможностей воспрепятствовать им. Сильные нации приписывают статьям договора положения, которые в них не содержатся, и если Франции удастся сейчас навязать нам свою волю, то позже Англия захочет сделать то же самое, используя какое-нибудь другое обстоятельство».

Тщетная попытка. В это время уже началась новая эра, эра монополистическая. Империализм янки только что выиграл свою первую войну. Ничто уже не могло воспрепятствовать ему стать хозяином латиноамериканского рынка и латиноамериканского сырья. Англо-североамериканское соперничество в борьбе за Латинскую Америку окончилось победой США. Вскоре США пустят в ход новые и более эффективные средства для упрочения своего господства.

* * *

Для развивающихся стран статус наиболее благоприятствуемой нации имеет еще большие последствия. Он препятствует созданию ими системы защитных мер на основе взаимных уступок и не распространяемой на другие страны. Навязывание статуса наиболее благоприятствуемой нации отсталым и разобщенным народам позволяло развитым капиталистическим странам беспощадно эксплуатировать их. Независимо от объема и характера торговли статус наиболее благоприятствуемой нации гарантировал Соединенным Штатам равенство в торговле, то есть распространение уступок со стороны латиноамериканских государств в пользу развития североамериканской внешней торговли.

Когда Колумбия договаривалась о предоставлении статуса наиболее благоприятствуемой нации Соединенным

Штатам и Англии, она связывала обязательством не только себя, но и другие латиноамериканские страны, предопределяя и ограничивая их связи и одновременно ограничивая свои отношения с ними, потому что в силу таких договоров любая попытка договориться об исключительных уступках с остальными латиноамериканскими странами автоматически предоставляла выгоду Соединенным Штатам и Англии, то есть искажала смысл и цель специального договора между новыми государствами, заранее исключала любую возможность сотрудничества между ними. Уже упоминалось о том, что в 1825 году Соединенные Штаты потребовали от Колумбии предоставления им того же режима, которым пользовались британские суда, а в 1831 году потребовали также распространения национального режима, установленного между Колумбией и Центральной Америкой, на суда обеих стран, и в обоих случаях требования Соединенных Штатов были удовлетворены. В нынешнем веке, в 1916 году, когда Аргентина и Парагвай подписывали договор о торговле, Англия поспешила заявить, что «договор противоречит обязательствам обеих стран, признающих за Соединенным Королевством статус наиболее благоприятствуемой нации, предоставленный ему статьей IV англо-аргентинского договора 1825 года и статьей III англо-парагвайского договора 1824 года». В это же время Чили денонсировало свои договоры с Германией, Бельгией, Колумбией, Францией, Англией и Италией: «Зависимость нашей страны от различных государств Европы, которым мы предоставили в торговых договорах статус наиболее благоприятствуемой нации, не позволяла делать таможенные уступки товарам из стран Америки без того, чтобы эти же преимущества не были распространены на аналогичные товары европейских стран». Уругвай сделал то же самое, и в своих новых договорах, которые он заключил с Францией, Германией и Англией, исключил преимущества, которые предоставил своим соседям.

Второе следствие, вытекавшее из этих договоров, было еще более серьезным. Именно они создали прецедент, придали юридическую законность, возвели в норму, узаконили неравноправные отношения. Они узаконили отношения, выгодные развитым странам и невыгодные отсталым. Эти отношения разобили братские страны,

чье единство могло бы быть мощным рычагом их коллективного развития и укрепления суверенитета. Статус стал, таким образом, орудием политики «разделяй и властвуй», которая навязывалась прямо за столом переговоров. Используемый по усмотрению крупных государств статус наиболее благоприятствуемой нации превращался в инструмент экономического и политического вмешательства.

Боливар конкретно не высказывался за экономическое объединение Латинской Америки. Но оно подразумевалось в той или иной степени в его страстном стремлении к испаноамериканскому единству. К этому приводило и развитие его мысли. Как бы в противном случае могла существовать конфедерация, которую он предлагал создать? И здесь уместно спросить: существовали ли условия для подобного единства? По крайней мере они имелись для единства в освободительной войне. Крупные объединения, однако, распадались. Разобщенность колониальной экономики лишала необходимой экономической опоры и способствовала разобщенности политической. В 1826 году Панамский конгресс отверг по инициативе Мексики все колумбийские предложения относительно беспрепятственной морской и сухопутной торговли. Но в то же время Великобритания уже подписала в 1825 году торговые договоры с Колумбией, Аргентиной, Мексикой, Венесуэлой и Бразилией; Соединенные Штаты подписали их с Колумбией в 1824 году и с Центральной Американской Федерацией в 1825 году, хотя между самими латиноамериканскими странами были подписаны только договоры о вечном единстве, союзе и конфедерации, в которые иногда вставлялась статья, носящая торговый характер, и не было ни одного торгового договора.

Боливар предупреждал об опасностях, идущих от заключения договоров с могущественными державами. 5 августа 1823 года он писал Бернардо Монтеагудо из Гуаякиля по поводу предложения Англии: «...заключенный однажды союз с сильным становится навсегда обязательством слабого. Приняв все это во внимание, можно сказать, что мы будем иметь опекунов в молодости, хозяев в зрелом возрасте и лишь к старости станем свободными...» А когда Сантандер сообщил ему о договоре, подписанном с Англией, Боливар ответил ему: «Я еще не видел договора о торговле и судоходстве с Великобри-

таний, который, по вашим словам, хорош, но я очень опасаюсь, что он не таков, потому что англичане весьма опытни и опасны в таких делах». Неделей позже он добавил: «Договор о дружбе и торговле между Англией и Колумбией равнозначен ценности веса, одна часть которого состояла бы из золота, а другая из свинца. Лишь продав то и другое, мы бы увидели, равноценны ли они... Полученная разница и будет тем равенством, которое существует между сильным и слабым. Таково положение вещей, положение, которого мы не можем избежать. Договор с Буэнос-Айресом меня рассмешил, и именно поэтому я ничего не скажу в его пользу». Все это в равной мере относилось и к договору с Соединенными Штатами. Статус наиболее благоприятствуемой нации, навязанный новым государствам, был платой за их признание могущественными державами.

ГОД НЕУДАЧ И ПОРАЖЕНИЙ

Когда Боливар рассылал приглашения на Панамский конгресс, он обращался лишь к бывшим испанским колониям. Его главной целью было единство Испанской Америки. Он мечтал о том времени, когда испаноамериканские страны заключат оборонительный союз против общих опасностей, внешних и внутренних, и мирный союз для урегулирования собственных расходов. Меморандум Лимы, составленный в феврале 1826 года, кратко излагал его намерения: «Панамский конгресс соберет всех представителей Америки и дипломатического представителя правительства английского короля. Этот конгресс призван создать более представительный, более необходимый, более прочный союз, чем какой-либо из существовавших до сегодняшнего дня на Земле. Священный союз будет слабее этой конфедерации, если только Великобритания захочет принять участие в ней как член-учредитель. Род человеческий тысячу раз благословил бы этот союз, и Америка, как и Великобритания, получит большую выгоду».

Но произошла неожиданность. Вопреки намерениям Боливара Сантандер пригласил Соединенные Штаты. Некоторые историки, желая обелить Сантандера, ссылаются на отсутствие текста его приглашения. Такого документа не существует, и его никогда не было. Сантандер лишь проинструктировал своего посланника в Вашингтоне Хосе Марию Саласара, и тот выполнил все его указания.

Работа конгресса продолжалась с 22 июня по 15 июля 1826 года. Обстановка была не очень благоприятной: среди делегаций не было единства. Перуанцы отступили от инструкций Боливара. Они соглашались за-

ключить оборонительный союз, но отказывались создавать федеральный флот. Перуанцы согласились оказать Мексике, Центральной Америке и северу Колумбии лишь денежную помощь. Перуанская делегация отказалась вести переговоры о торговом договоре до тех пор, пока конгресс ее страны не установит его основные положения. Делегация была намерена обсудить вопрос о границах с Колумбией лишь в Лиме. Перуанская делегация не имела права высказать ни одного слова по повестке дня, так как ее правительство откровенно воздержалось от обсуждения этих вопросов на конгрессе. Мексиканская делегация выступила против статей колумбийского проекта, «которые устанавливали свободу передвижения, сухопутной и морской торговли между странами, входящими в конфедерацию, запрещая одновременно введение ограничений», уполномочивали конгресс разрешать разногласия между членами конфедерации и устанавливали место пребывания конгресса в Панаме. Колумбийский делегат Брисеньо Мендес осветил в своем докладе «серьезные трудности, которые возникали всякий раз, когда речь заходила о границах. Одно это слово меняло характер всех дискуссий. Достаточно было произнести это слово, чтобы превратить заседания, на которых, как правило, господствовали хладнокровие, сдержанность, братство и самая чудесная искренность, в длительные и бурные дебаты. Можно сказать, что оно оказывало на конгресс магическое и непреодолимое влияние».

Документы, подписанные в Панаме, известны достаточно хорошо. Прежде всего это договор о вечном единстве, союзе и конфедерации. В преамбуле возрождались испаноамериканская концепция, «которая определяла нации общего происхождения как нации, одновременно боровшиеся за укрепление своей свободы и независимости». Дополнительная статья устанавливала, что после ратификации договора должны быть определены принципы его применения. Договор не был закрытым и предусматривал участие в нем «нейтральных держав». Страны, подписавшие договор, должны добиваться союзов полного искоренения и отмены работорговли. Далее следовали соглашения о воинских контингентах, положение о союзнической армии, соглашение о переводе конгресса в Такубайя (здание министерства иностран-

ных дел в Мехико. — *Прим. перев.*): «Здесь или в любом другом месте мексиканской территории он будет периодически собираться».

Такубайя стала могилой всех союзнических планов. Гуаль в своем докладе обрисовал положение в очень мрачных тонах. Венесуэла участвовала в спорах, находясь на грани гражданской войны. Картахена требовала созыва законодательного собрания. Перешеек хотел стать независимой страной. Другие департаменты не признавали правительства Боготы. Колумбия быстро шла к распаду. Хаос распространялся по всей испано-американской территории. В Лиме восстала колумбийская дивизия. В Чили было неустойчивое положение. Буэнос-Айрес был поглощен войной с Бразилией. Мексика переживала кризис. Сальвадор покинул Центрально-американский конгресс. Гуаль прибыл в Такубайю в августе 1826 года, но до октября 1828 года Мексика, страна-депозитарий, даже не ратифицировала панамских соглашений. Сержант, североамериканский наблюдатель, покинул Мексику еще в июне предыдущего года. 9 октября 1828 года Гуаль в последний раз собрал делегатов Центральной Америки и Мексики. Ответственность Мексики четко фиксируется в протоколе конференции.

Историки исписали груды бумаг, изучая события, связанные с конгрессом, но забыли или умышленно обошли один важный аспект. Не было ничего сказано о деятельности североамериканских представителей в связи с конгрессом.

Пятнадцатого ноября 1822 года специальный представитель Соединенных Штатов в Чили, Перу и Буэнос-Айресе Джон Б. Превост сообщает в государственный департамент о союзнических договорах, подписанных Перу и Чили с Колумбией, и добавляет: «Имеется намерение пригласить представителей Соединенных Штатов, как только договоры будут ратифицированы, возглавить конференцию, которая будет стремиться согласовать политику Юга и Севера». Но Превост не ограничился информацией. Видно, идея, что его страна будет руководить континентальным совещанием, наполнила его важностью и вдохновила на красноречие: «Не знаю, сеньор, какие чувства вызовет у президента это сообщение, но если бы можно было осуществить и добить-

ся результата, который я предвижу в этом мероприятии, то это будет оценено как самое важное событие в наше время. Америка в этом случае представит Европе великолепный пример союза, вдохновляющего человека, в то время как в Европе союзы создаются исключительно для его унижения». Насколько можно заключить из переписки госдепартамента, сообщение Превоста основывалось на донесениях колумбийского полномочного представителя. Хоакин Москера охотно подтверждал предположения Превоста, чтобы ввести в заблуждение Вашингтон. И Вашингтон принял эту версию, хотя и с заметной осмотрительностью.

Первые посланники, которых Вашингтон назначил в Испанскую Америку, получили конкретные инструкции относительно конгресса. Джон К. Адамс указывал Сесару Роднею, назначенному посланником в Буэнос-Айрес: «Под покровительством нового правительства Республики Колумбия проектируется более широкая конфедерация... включая как Север, так и Юг Америки, что же касается правительства Соединенных Штатов, то ему передается формальное предложение о присоединении к ней и взятии на себя руководства ею... У нашего правительства будет время обдумать это предложение, когда оно будет представлено ему в более определенной форме. Сейчас же все указывает скорее на намерение Республики Колумбии взять на себя руководящую роль в этом полушарии, чем на какую-либо достижимую цель, которая может быть выдвинута нами. В отношении Европы обращает на себя внимание лишь одна цель, в которой интересы и желания Соединенных Штатов могут быть такими же, как и у южноамериканских наций, именно то, что все они будут управляться республиканскими институтами, в политическом и торговом отношении независимыми от Европы. С конфедерацией испаноамериканских провинций, имеющей такую же цель, Соединенные Штаты согласятся...» Это послание было направлено 17 мая 1823 года.

Инструкции Ричарду С. Андерсону, назначенному посланником в Боготу, были более определенны: «В течение какого-то времени многие государственные деятели носились с сумбурными планами создания большой американской конфедерации... Пока предложенная колумбийская конфедерация имеет целью создание комбини-

рованного режима с полной и неограниченной независимостью от Европы... она будет заслуживать самого полного одобрения и самых лучших пожеланий со стороны Соединенных Штатов, но США не предпримут никаких действий для ее осуществления. Пока их усилия сосредоточиваются на том, чтобы договориться относительно общих принципов народного представительства для правительств различных независимых государств... Соединенные Штаты будут продолжать выражать им свое одобрение... И пока их намерения состоят в проведении совещания под руководством Соединенных Штатов для согласования политики Севера и Юга, необходимо получить наиболее четкое и ясное мнение о нем, чтобы... решить вопрос о нашем присутствии...» Письмо датировано 27 мая 1823 года.

Инструкции Генри Клея Дж. Робертсу Пойнсетту, назначенному посланником в Мексику за год до конференции в Панаме, подтверждали инструкции Джона К. Адамса посланнику Андерсону, «которые должны приниматься во внимание как часть данных инструкций». Но теперь его уже беспокоит возможный колумбийско-мексиканский союз в целях освобождения Кубы: «В случае если война затянется на неопределенное время, чем займутся войска новых правительств? Нет ничего невероятного в том, что они предпримут завоевание Кубы и Пуэрто-Рико и что их целями будет план единых действий между Колумбией и Мексикой. Соединенные Штаты не могут остаться безучастными перед перспективой подобного развития событий. Их торговля, мир и безопасность слишком тесно связаны с судьбой острова Куба, чтобы без глубокой тревоги и озабоченности можно было наблюдать за каким-либо изменением ее положения и ее политических связей. Они не склонны вмешиваться сегодня во внутренние дела Кубы, но не могут безучастно относиться к какому-либо изменению в положении острова. По своему расположению Куба господствует в Мексиканском заливе, и обширная торговля Соединенных Штатов непосредственно проходит вблизи ее берегов. Находясь под господством Испании, Куба имеет свои порты открытыми, а ее пушки молчат, и подобное положение обусловлено взаимными подозрениями и собственными интересами морских государств Европы. Переход во владение любого из этих государств, а не

Испании, и прежде всего во владение Великобритании, вызвал бы у Соединенных Штатов законную тревогу. Они также не могут остаться безучастными к тому, чтобы Куба перешла в руки Мексики или Колумбии, не испытывая при этом озабоченности о будущем. Ни одно из этих двух государств все еще не имеет и не в состоянии создать в ближайшее время морскую силу, необходимую для сохранения своей власти на Кубе в случае ее завоевания. Соединенные Штаты не собираются увеличивать свою территорию приобретением Кубы, но вместе с тем, если указанный остров вынужден был бы попасть под власть какого-либо американского государства, географическое положение острова прямо указывает на то, что остров должен быть присоединен к Соединенным Штатам. Поскольку почва и климат Мексики и Колумбии более благоприятны для продуктов, которыми изобилует остров, ни одна из этих стран не нуждается в нем. В то же время, основываясь на вышеизложенном, если Соединенные Штаты примут во внимание то, что подсказывает им их интерес, Куба явилась бы для них необычайно желательным приобретением. Если бы население Кубы было способно провозгласить и отстоять свою независимость, тогда, возможно, реальный интерес всех стран выразился бы в том, чтобы Куба создала свое независимое правительство. И тогда стоило бы рассмотреть вопрос о том, чтобы государства Американского континента обеспечили независимость острова перед лицом какой-либо европейской угрозы, направленной против нее. Во всяком случае, президент приказывает вам проявлять бдительное внимание к любому шагу, касающемуся Кубы, и разузнавать намерения правительства Мексики в отношении ее. И вы уполномочены, если бы в этом возникла необходимость в ходе событий, открыто изложить указанные в этих инструкциях намерения и интересы, которые народ Соединенных Штатов имеет на этом острове». Письмо было отправлено 26 марта 1825 года.

Приведенные документы показывают эволюцию североамериканской политики в испаноамериканском вопросе от Джона К. Адамса и до Генри Клея. Они свидетельствуют также о подозрениях Соединенных Штатов в отношении Колумбии и ее политического влияния, возросшего благодаря инициативе Боливара, а также потому, что она была избрана местом проведения конференции.

Джон К. Адамс был согласен с идеей созыва конгресса, но при условии, что будут ограничены цели конгресса и в нем не примет участия Англия и, самое главное, чтобы конгресс проходил под руководством Соединенных Штатов.

Но вместо ограничения целей, как того хотел Адамс, организаторы конгресса расширили их. И если Вашингтон и получил приглашение на конгресс, то отнюдь не в качестве его председателя.

Между тем североамериканские представители действовали согласно данным им инструкциям 1823 и 1825 годов.

В Сантьяго подвизался Эман Аллен. Он писал 20 марта 1826 года: «Я был проинформирован о том, что перуанские власти направили этому (чилийскому. — *Прим. перев.*) правительству ноту, в которой призывали его назначить министра на конгресс в Панаме и заявили, что Англия была или будет приглашена присутствовать на нем... Я не знаю ни о каких шагах, которые Чили попытается предпринять в этом деле. Думаю, что, подобно Буэнос-Айресу, оно отказалось послать представителей на эту встречу, и не вижу никаких причин, чтобы оно отказалось от подобной позиции, тем более что в случае участия в конгрессе оно связало бы себя теми же положениями, которые Боливар навязал Мексике, Гватемале, Колумбии и Перу. Точно так же я думаю, что подобная встреча будет преждевременной и ни к чему хорошему не приведет; что войска Испании не смогут долгое время подвергать опасности независимость новых государств; что не существовало угрозы вмешательства в их дела со стороны какой-либо иностранной державы и что при таких обстоятельствах они могли с большей пользой направить свою энергию на решение своих внутренних проблем, прежде чем расходовать часть этой энергии на бесполезные и отчасти вредные усилия».

Буэнос-Айрес первоначально решил участвовать в работе конгресса. Президент Лас Эрас переправил приглашение конгрессу, который уполномочил его назначить делегатов. Вначале был назначен доктор Мануэль Хосе Гарсия, министр иностранных дел, а затем, поскольку он отказался, доктор Хосе Мигель Диас Велес, в то время посланник в Лиме. Были даже опубликованы инструкции, датированные 16 августа 1825 года: «Свободное во-

леизъявление народов является единственным доказательством законности правительства; никто не может претендовать под каким-либо предлогом на право диктовать народам законы, на лишение этих народов и их потомков права утверждать эти законы при помощи своих полномочных представителей; никакое государство не может присваивать себе право вмешательства во внутренние дела другого независимого государства; права частной собственности, существующие на территории республик, являются неприкосновенными во время мира и войны». Почему местную олигархию так остро волновал вопрос о неприкосновенности частной собственности? Какая опасность ей угрожала? В те дни Буэнос-Айрес был озабочен проблемой Монтевидео, оккупированного Бразилией в 1816 году. Однако сам Каннинг предупреждал Буэнос-Айрес: «Лучшим путем предотвращения какого-либо враждебного акта, по мнению правительства Его Величества, была бы договоренность о передаче спорного вопроса в Конгресс американских государств, который должен собраться в Кито, если только спор дружески не разрешится до того, как эта встреча состоится». Так говорилось в инструкциях, направленных британскому посланнику в Буэнос-Айресе Уодбину Паришу 19 октября 1825 года. 18 декабря 1825 года Париш ознакомил с их содержанием министра иностранных дел Буэнос-Айреса. Даже когда уже начались военные действия, в ходе посредничества, осуществляемого Лондоном, Каннинг возвращался к этой идее. В инструкциях, датированных 18 марта 1826 года, лорду Пансонби, осуществлявшему посредничество, Каннинг отмечал: «Для Бразилии нет ничего более важного, как добиться разрешения своих споров с Буэнос-Айресом, прежде чем он обратится к конгрессу государств в Панаме, чтобы заострить их внимание (что могло бы случиться вследствие апелляции со стороны Буэнос-Айреса). Почти не вызывает сомнения, что конгресс в подобном составе принял бы неблагоприятные для Бразильской империи решения. Если тем не менее спор будет перенесен в Панаму, представитель Его Величества на конгрессе получит инструкции использовать свое посредничество для достижения дружественного и удовлетворительного решения». В последнем параграфе он добавлял: «Используйте любой подходящий случай, чтобы передавать мистеру Даукинсу,

уполномоченному Его Величества в Панаме, результаты своих переговоров в Рио-де-Жанейро». Наконец 20 апреля Париш известил правительство Буэнос-Айреса о том, что Великобритания будет присутствовать на конгрессе в Панаме. Ривадавия пообещал добиться участия Буэнос-Айреса, но делегат Буэнос-Айреса не прибыл. Мотивируя свое решение, Буэнос-Айрес дал следующее объяснение: «Влияние, которое приобрела во время переговоров Республика Колумбия или которое она уже имеет на основе завоеванного ею положения, достаточно, чтобы вызвать подозрения и сомнения в отношении договора, хотя бы в нем со всей скрупулезностью и были бы установлены одинаковые права и обязанности государств — участников союза. Эта мысль пугает нас и заставляет с ужасом смотреть на проект заключения такого несвоевременного общего договора между государствами, которые по различным причинам не могут на равных правах связать себя подобным пактом». Аргументы были явно позаимствованы из лексикона североамериканской дипломатии. Буквально то же самое внушал Эман Аллен правительству Сантьяго...

Боливар предвидел отсутствие Чили и Буэнос-Айреса. 17 февраля 1826 года он писал из Ла-Магдалены (в окрестностях Лимы) министру иностранных дел Колумбии Реванга: «Скажу Вам, что не имею никаких надежд на то, что Чили и Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы войдут в конфедерацию или прямо одобряют тот проект, который представлен. Напротив, я думаю о них с опасением. Эти две страны находятся в плачевном состоянии и почти без правительств... Интрига, посеянная США, попала в благоприятную среду, и ее семена дали обильные всходы».

Лима была другим центром интриг. Здесь вовсю действовал Уильям Тудор, поверенный в делах США. Сообщая Генри Клею о результатах первой сессии Панамского конгресса, 15 июня 1826 г. он писал: «Некоторые действия конгресса вызвали здесь большое раздражение и разочарование, учитывая существовавшее намерение перенести его заседания в этот город. Перевод их в Мексику говорит о том, что эта республика и Гватемала обеспокоены планами Боливара: Чили и Буэнос-Айрес направляют теперь своих делегатов на конгресс, и все эти государства объединятся, чтобы воспротивиться влия-

нию диктатора. Тем самым его амбиции могут нанести вред конгрессу, инициатором которого он является и идея которого возростала соответственно его репутации; его мероприятия принесли бы больше пользы, если бы не подчинялись его личным амбициям».

Пока колумбиец Гуаль находился в Такубае, Тудор снова вернулся к этой теме: «Сегодня получил датированное 4 апреля письмо от мистера Пойнсетта и мистера Сержента, назначенных полномочными представителями Соединенных Штатов на конгресс в Такубае, спрашивающих о том, имеются ли возможности назначения перуанских представителей на конгресс. Я разговаривал с доктором Луна Писаро, и тот думает, что сейчас ничего не будет сделано. Он говорит, что правительство находится в состоянии нищеты и бедности из-за того, что в этом году израсходовано 100 тысяч песо на бесполезные дипломатические миссии (чтобы удовлетворить капризы и личные дела Боливара). Я склонен думать, что конгресс потерпит неудачу, по крайней мере сейчас, и подозреваю, что Боливар помешал Чили и Буэнос-Айресу принять в нем участие, Перу будет оставаться весьма пассивным, а безрассудное поведение Колумбии и перенесение конгресса на мексиканскую территорию могут привести к тому, что Перу вообще не пришлет свою делегацию».

Секретное письмо Тудора было отправлено 15 июня 1827 года.

Джеймс Кули, новый поверенный в делах Соединенных Штатов в Лиме, писал о том же 7 ноября 1827 года: «Вчера вечером у меня была встреча с генералом Ла Маром. В беседе наряду с другими затрагивался вопрос о конгрессе в Такубае. Похоже, что по этому поводу ничего не было предпринято. Комиссия не представила никакой информации конгрессу, и на самом деле вероятно, что это дело почти затерялось среди остальных проблем, которые требуют внимания правительства». Он снова ссылается на трудности и затем заключает: «Таким образом, похоже, что вероятность участия Перу в Такубае или в Вашингтоне является в настоящее время очень проблематичной».

В Мексике продолжал исполнять обязанности посланника Соединенных Штатов Дж. Пойнсетт, мастер шпионажа и интриг, образец североамериканского дипломата.

Между январем и маем 1827 года Пойнсетт и Сержэнт официально уведомляют о своем назначении полномочными представителями на конгресс в Такубайе. Филипп С. Фонер, который внимательно изучил архивы госдепартамента, говорит, что Пойнсетт «был в курсе дискуссий на конгрессе и, находясь в Мексике, внимательно следил за развитием событий». 15 июня 1825 года Пойнсетт сообщает в госдепартамент, что правительство Колумбии предложило Мексике совместные действия в отношении Кубы. Освобождение Кубы и Пуэрто-Рико включено в повестку дня Панамского конгресса. Мексиканский конгресс счел это предприятие несоответствующим моменту. Одним из аргументов было опасение, что Великобритания сможет выступить против независимости Кубы, боясь возникновения подобного движения на Ямайке. Но в действительности Мексика вынашивала честолюбивые планы относительно Кубы и предпочла бы организовать экспедицию без участия Колумбии. Историк Маннинг привел только краткое содержание этого сообщения. Оно имело следующий вывод: «Самой лучшей гарантией против такого поворота событий будет заинтересованность правительства Колумбии и предрасположение к этому народа Кубы. И то и другое следовало немедленно использовать. У меня нет возможности связаться с нашим посланником в Боготе». Фонер изложил суть сообщения и вскрыл то, о чем Маннинг предпочел умолчать. Тем временем в Мексике Пойнсетт прилагал усилия к тому, чтобы предотвратить возможность вторжения на Кубу. Он использовал «мексиканскую обеспокоенность планами Колумбии» и сообщал Клею, что, «если бы эта обеспокоенность проявилась всерьез, она привела бы к результатам, которые устраивали бы Соединенные Штаты». Согласно Фонеру, сообщения Пойнсетта о реальности возможной экспедиции побудили президента Адамса добиваться у конгресса посылки представителей в Панаму. После того как заседания в Панаме были прерваны, Пойнсетт заявил: «Возможно, что тон призыва, с которым обратился к конгрессу его председатель, когда речь шла об этих островах, побудил полномочных представителей предпринять какие-либо шаги в этом важном вопросе».

Между тем мистер Уард, британский посланник в Мексике, сообщил в Форин офис, что главная цель ко-

миссии Пойнсетта — «подталкивать испаноамериканские государства к тому, чтобы они относились (к Соединенным Штатам) как к члену одной семьи, навечно привязанному к ним тысячами нитей, недоступных европейцам, и объединенному с ними сходными политическими институтами, что, несомненно, ставит их в одно положение с монархическими государствами Старого Света. Если бы они могли присоединить к этим аргументам в свою пользу единообразие религии, нет сомнения, что их влияние было бы очень сильным». Согласно версии Пойнсетта, североамериканский президент хотел бы, чтобы были проведены два конгресса: один, в котором приняли бы участие Соединенные Штаты, для обсуждения проблем, общих для всех американских стран, и другой — для обсуждения целесообразности продолжения войны с Испанией (9 июля 1825). Несколько позже, 27 сентября, Уард сообщил о своей беседе с Пойнсеттом по поводу мексикано-североамериканского торгового договора, который обсуждался в это время: «Пойнсетт сказал, что... было бы абсурдно предполагать, что президент Соединенных Штатов подпишет договор, согласно которому эта страна осталась бы исключенной из федерации, которую он (президент. — *Прим. перев.*) должен был возглавлять (*sic!*)». 30 сентября Уард развил свою мысль: «Создание Американской федерации, из которой будут исключены все европейские державы, и прежде всего Великобритании, — основная цель усилий Пойнсетта. С момента его прибытия в страну, несмотря на то что он уже давно вынашивал идею узкого союза бывших колоний Испании, не было ничего более чуждого желаниям мексиканцев, чем видеть Соединенные Штаты включенными в этот братский союз. К сожалению, я должен сказать, что многие члены — и члены известные — обеих палат мексиканского парламента настроены на признание законности этих претензий и в настоящее время хотят санкционировать ее договором... Не думаю также, что стремления Соединенных Штатов стать признанным главой великой Американской федерации, о которых я уже поставил в известность генерала Виктора и постараюсь сделать их должным образом известными, вызовут благоприятное отношение к ним вообще».

Гуаль, полномочный колумбийский представитель, приводит последнее донесение Пойнсетта в связи с конг-

рессом в Панаме в докладе, представленном правительству Боготы после возвращения из Тукубайи: «Зная, что сеньор Пойнсетт сделал достоянием гласности тот факт, что Перу не одобрила соглашений, принятых в Панаме, я написал ему письмо (№ 1), на которое он мне ответил письмом (№ 2), которое я имею честь представить Вашей милости». К сожалению, нам неизвестно содержание этих писем. Но можно предположить, какую кампанию проводил Пойнсетт в Панаме, если Гуаль считал себя обязанным поставить вопрос об официальном протесте.

Основная тема сообщений североамериканского посланника в Боготе также проблема экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. В начале марта 1826 года Ревенга, в то время министр иностранных дел Колумбии, заявил посланнику Андерсону: «Уполномоченные Соединенных Штатов будут иметь широкую возможность обсудить эту проблему в Панаме». Бьютфорт Т. Уотс, временный поверенный в делах в Боготе, ссылаясь на интриги англичан, которые вызвали оппозицию в вашингтонском конгрессе относительно участия Соединенных Штатов в конгрессе в Панаме: «Невоздержанные и грубые высказывания сенатора Барриэна и мистера Рандольфа об этих республиках были собраны английскими издателями Каракаса и Боготы, чтобы настроить правительство и народ против нас».

О'Лири отметил в своих мемуарах, что, «хотя дело Америки было единым, а независимость — общей целью, интересы государств юга Южной Америки отличались от интересов государств северной части Южной Америки, так как последние более пострадали от вторжений». Руфино Бланко Фомбона уточнил, что в действительности во время войны за независимость Испания прислала только 2000 солдат в Рио-де-ла-Плата в 1814 году и с тех пор до окончания войны не прибыло больше ни одного солдата. В северную часть Южной Америки, наоборот, прибывали беспрерывно экспедиции и эскадры из Испании, Кубы и Пуэрто-Рико, начиная с 1810 года и до окончания войны. Отсюда вытекала необходимость свержения испанского господства на островах для обеспечения окончательной свободы континента.

Панамский конгресс должен был обсудить не только экспедицию на Кубу и Пуэрто-Рико, но и признание негритянской республики Гаити и вопрос о гнусной торгов-

ле рабами. Все это — в обстановке непрерывного процветания рабства в США. В 1820 году в Соединенных Штатах насчитывалось уже 1 770 000 рабов. Рост рабства вызывал противодействие со стороны его противников. В том же 1820 году во время восстания рабов погибло 60 белых. Аболиционистские издания¹, и в первую очередь радикальная газета «Эль-Либертадор», энергично требовали немедленного освобождения всех рабов. По поводу существования негритянской республики представитель Южной Каролины Гамильтон заявил в палате представителей США, что нельзя было никоим образом допускать независимости Гаити. Требование разрыва отношений с любым правительством, которое признает независимость Гаити, звучало в выступлениях и других американских политических деятелей.

Как могли Соединенные Штаты и их представители не относиться к Панамскому конгрессу враждебно, если главная цель конгресса была уже достаточным поводом для враждебности? Североамериканская политика иногда выглядит противоречивой. Временами похоже, что президент, конгресс, североамериканские дипломаты в Мексике и Южной Америке идут различными путями. Это не более как оптический обман. Несомненно, они по-разному сфокусированы. Каждый со своей точки. Но все идет к одной цели.

* * *

Через три года после неудачи в Такубае Мексика предложила возобновить работу конгресса. Это сделал Лукас Аламан — министр иностранных дел. В протоколе совещаний, проходивших в Гватемале в ноябре 1831 года между министрами иностранных дел центральноамериканских республик и министром иностранных дел Мексики, констатируется, «что результатом этого конгресса могло быть в случае триумфа либеральных принципов в Европе признание независимости (испаноамериканских республик. — *Прим. перев.*) Европой, включая Испанию. Это принесло бы определенную пользу, если

¹ Органы печати, выступавшие за отмену рабства. — *Прим. ред.*

бы все республики проводили бы единую политику и договорились бы о взаимной защите в случае посягательства Европы на свободу Америки. Горький опыт непризнания этих принципов нанес большой вред испаноамериканским интересам. В качестве неравноправного договора можно привести пример соглашения с Англией. Признав новые государства, Англия направила посланников в некоторые из них. Английские дипломаты привезли с собой образец договора, в котором предлагалась абсолютная взаимность в отношениях испаноамериканских государств с Англией. Это вызвало доверие у испаноамериканских правительств, а на деле обеспечило исключительные преимущества для Англии и Соединенных Штатов, незамедлительно следовавших ее примеру. Что касается испаноамериканских стран, то они никаких выгод не получили.

Именно поэтому было необходимо во избежание пагубных последствий совершенных ошибок и в политических интересах новых республик объединить их на единой основе. Этому должно было послужить возобновление работы Панамского конгресса, перенесенного в Такубайю, но уже без той помпы, с которой он созывался раньше и дал возможность Англии и Соединенным Штатам, интересы которых были противоположны нашим, следить за его работой в целях нейтрализации его результатов».

Мексика предложила конкретную повестку дня: установить основные принципы отношений новых республик с Испанией, если она открыто заявит о своей готовности признать их независимость, и с Ватиканом; установление отношений союза в случае войны с иностранными государствами. Конгресс должен установить принципы торговли испаноамериканских государств, а также принципы разрешения их разногласий и определения границ каждой из испаноамериканских республик и обеспечения их целостности, касается ли это самих союзников или «иностранных государств, пограничных с нами...». Регулирование торговли должно было включать признание принципа испаноамериканской национальности и «распространение его на суда и признание этого принципа всеми другими республиками».

Это было предостережение против уже весьма определенной угрозы с Севера. Инициатива мексиканского

правительства появляется именно в то время, когда Вашингтон начал оказывать давление на Мексику, чтобы добиться от нее ратификации подписанного в начале 1831 года торгового договора, получившего отпор в мексиканском конгрессе, возражавшем против предпочтительного режима для североамериканских судов. Мексиканский конгресс имел важные причины для отказа в ратификации договора с США. Как раз в это время Вашингтон начал проявлять подозрительную глухоту к мексиканскому требованию уточнить договор о границах. Глухота, напавшая на американских правителей, объяснялась просто. В это время приближались к концу военные приготовления против Мексики, начатые еще в 1823 году. Понятно, что повестка дня конгресса выдвигала основные проблемы новых республик, но особенно эти проблемы в тот момент беспокоили Мексику.

Правительство Мексики, которое препятствовало работе Панамского конгресса и помогло умереть ему в Такубаке, с подозрительностью относившееся к Боливару и к Великой Колумбии — с подозрительностью, которую посеял Пойнсетт, — оставшись теперь по собственной вине в тяжелом одиночестве, возвращалось на путь Боливара, на путь испаноамериканского единства. Но теперь положение резко изменилось. Прошел год со дня смерти Боливара и распада Великой Колумбии, которая исчезла вместе со смертью своего создателя. И вот теперь территориальной целостности самой Мексики угрожал северный сосед, который в конце концов и расчленил ее. Очень скоро, неожиданно скоро, история подтвердила правоту Боливара. Но это оправдание, это признание было в то же время самым большим упреком тем, кто отвергал испаноамериканское единство, к которому стремился Боливар. Стало ясно, кто по-настоящему нагрел руки на этом. Рыбку в мутной воде ловили янки, получила выгоду и местная олигархия. Но в то время сотрудничество земельных магнатов испаноамериканских государств с грубым, кровавым и алчным врагом еще только намечалось.

Госдепартамент между тем следил за каждым шагом испаноамериканской дипломатии. Когда Каньедо, мексиканский представитель, прибыл в Лиму, североамериканский посланник Лэрнед сообщил 4 июня 1832 года: «Мистер Каньедо, чрезвычайный посланник и полномочный

министр Мексики в республиках Юга, прибыл сюда несколько недель назад и был принят местным правительством. Его главная цель — возобновить заглохшую дискуссию о конгрессе в Панаме или Такубайе и добиться, чтобы новые государства договорились о специальных взаимных привилегиях в торговле и т. д. Что касается первого, не думаю, что он добьется успеха, а что касается второго, то добиться этого будет очень трудно...»

* * *

Когда в 1846 году известия из Лондона подтвердили подготовку экспедиции Хуана Хосе Флореса против Эквадора под покровительством испанского правительства, новые республики охватило большое беспокойство. И снова перед лицом опасности начался поиск путей к единству. 9 ноября того же года правительство Лимы пригласило испаноамериканские правительства на конгресс, который должен был собраться в этом городе.

На встречу прибыли Перу, Чили, Боливия, Эквадор и Новая Гранада. Аргентина уклонилась. «Оправдание, представленное правительством Росаса, было парадоксальным», — говорит Мак-Ганн. «Чрезвычайные обстоятельства, в которых находится сама республика... не позволяют ей заняться этим вопросом...» «Чрезвычайные обстоятельства» заключались в военной интервенции Англии и Франции...

После трех месяцев работы конгресс одобрил соглашение о конфедерации, соглашение о торговле и мореплавании, почтовую и консульскую конвенции. Три первых документа были предложены делегатом от Новой Гранады Хуаном де Франсиско Мартином.

Созыв конгресса и сама его деятельность с 11 декабря 1847 года по 1 марта 1848 года точно совпадают со вторым вторжением Соединенных Штатов в Мексику. Вторжение началось в январе 1846 года; в сентябре 1847 года североамериканцы захватили город Мехико, и 2 февраля 1848 года Мексика подписывает договор Гуаделупе — Идальго. По договору Мексика лишилась Техаса, Калифорнии и Нью-Мехико. Но ни созыв конгресса, ни его решения не касались этой проблемы...

Соединенные Штаты, приглашенные правительством Лимы, отказались направить делегацию, но поспешили

направить в Лиму дипломатическую миссию ко времени начала конгресса, хотя до этого целый год там не было американских дипломатов. Задачей нового поверенного в делах, Джона Рандольфа Клея, был контроль за работой конгресса и стремление не допускать выступлений против расчленения Мексики. Задача облегчалась тем, что делегат из Новой Гранады, один из влиятельных на конгрессе, тайно выполнял указания североамериканского представителя.

В Колумбии в то время правил генерал Томас Сиприано Москера. Некогда помощник и секретарь Боливера он стал теперь консерватором и сторонником Сантандера. Позже он станет либералом. Во время своего правления Москера подписал договор Мальярино — Бидлака, который предоставлял Соединенным Штатам право свободного передвижения по перешейку... Во время своего правления он предоставил североамериканской «Панамской железнодорожной компании» право на строительство железной дороги на перешейке... Им же был подписан контракт, который передавал 150 000 фанег земли (фанега=64,5 ара. — *Прим. перев.*) в провинциях Панама и Веракрус, в Бокас-дель-Торо и Дарьене в собственность той же компании... Во время его правления началась капитуляция... Правительство, изменившее интересам народа, представлял Хуан Франсиско Мартин, услужливый агент Вашингтона.

* * *

К середине XIX века подписываются два пакта: Континентальный договор, заключенный в Сантьяго-де-Чили 15 сентября 1856 года министром иностранных дел Чили и министрами Перу и Эквадора, и Договор о союзе и конфедерации, заключенный 9 ноября того же года в Вашингтоне министрами иностранных дел Новой Гранады, Гватемалы, Сальвадора, Мексики, Перу, Коста-Рики и Венесуэлы.

Континентальный договор подтверждал основы прежних документов, упорядочивал морскую торговлю, почтовую службу, устанавливал законность судебных актов договаривающихся государств и выдачу преступников. Договор устанавливал единообразие военных званий, вводил единство денежных знаков, мер веса и измерений,

таможенных законов и тарифов. Договор включал в себя Парижскую декларацию об уничтожении морского корсарства; устанавливал привилегии дипломатических и консульских представителей; создавался арбитражный орган — Конгресс полномочных представителей, который должен был следить за выполнением договора. В случае разногласий между договаривающимися государствами конгресс устанавливал свое посредничество, решение которого должно было быть обязательным для стран-участниц.

К Континентальному договору присоединились Боливия, Коста-Рика, Никарагуа, Гондурас, Мексика и Парагвай. Аргентина отказалась присоединиться к договору. Представитель аргентинского правительства мотивировал отказ тем, что новый документ будто бы исключал страны Юга и что его правительство предпочитало двусторонние соглашения. В 1862 году Перу снова настаивала на присоединении Аргентины. Испания захватила Санто-Доминго и теперь угрожала Перу. Ответ Аргентины последовал лишь через четыре месяца: «Аргентинское правительство не имеет оснований признавать наличие этой угрозы... материальные интересы Европы... отвечают интересам американских стран... Аргентинская республика никогда не боялась угроз как самой Европы в целом, так и любой из входящих в нее стран... Действия Европы в Аргентине всегда были покровительственными и цивилизаторскими... Мы получаем от Европы капиталы, в которых нуждается наша промышленность, осуществляем взаимный обмен товарами... между американскими республиками и некоторыми европейскими нациями существует больше связей, больше интересов, больше взаимопонимания, чем между ними самими... Различные независимые страны Америки никогда не смогут образовать единое политическое целое... Конгресс полномочных представителей... является совершенно бесполезным и недейственным...» Сколько в этом письме несообразности, сколько забвения своей собственной недавней истории, сколько жалкого и постыдного подражания североамериканскому прагматизму!.. Даже Мак-Ганн не удержался от комментария: «Это важное политическое заявление Аргентины казалось дальновидным руководителям Буэнос-Айреса, возможно понимавшим, что их будущее зависело от богатых рынков Евро-

пы, а не от обедневших американских государств; но оно должно было казаться другим американским государствам просто жестоким, а с точки зрения будущего — близоруким». Отказ исходил непосредственно от правительства Митре, пришедшего к власти в том же году. Это была недалёковидная политика Митре, который являл собой «образец настойчивой воли ради собственной славы... Вся его политическая, военная и литературная деятельность подчинена мании величия».

Договор о союзе и конфедерации, заключенный по инициативе посланника Гватемалы в Вашингтоне Антонио Хосе де Ирисарри, также гарантировал суверенитет, независимость и территориальную целостность стран, вошедших в конфедерацию; кроме того, создавался защитный механизм против разбойничьих экспедиций, запрещалось отторжение территории любой иностранной державой; призыв к иностранным державам принять участие в гражданской войне расценивался как самое тяжкое преступление, а правительство, созданное при поддержке этих держав, как узурпаторское. Для претворения договора в жизнь созывался Конгресс полномочных представителей, который на этот раз должен был собраться в Лиме в декабре 1858 года. В дальнейшем конгресс должен был собираться каждые два-три года. Конгресс должен был содействовать укреплению союза. Конфедерация получала название Конфедерации испаноамериканских государств. На совещании в Лиме должен был обсуждаться вопрос об унификации мер веса, измерений и денежных знаков, консульской системы, таможенных законов и пошлин, вопрос о создании испаноамериканского морского кодекса и о действенности юридических соглашений.

Переписка Ирисарри с министром иностранных дел Гватемалы Айсененой показывает, какое значение придавал последний Вашингтонскому договору. 18 ноября, после подписания договора, Ирисарри предупреждает: «Своей стороны я убежден в том, что, каким бы ни был результат кампании против флибустьеров, Центральная Америка нуждается в предлагаемой лиге, потому что опасность не исчезнет с поражением Уокера, а, наоборот, возрастет с того момента, когда начнет править новый президент Соединенных Штатов, м-р Бьюкенен. Это человек, который не постеснялся сказать в лицо миру, что

«Вполне дозволено отнять у других наций то, в чем нуждается узурпатор. Разве можно быть уверенным в человеке, который проповедует подобные отвратительные политические принципы?»

Идеи Ирисарри были отражены в короткой преамбуле договора: «Мы, Полномочные Посланники и Поверенные в делах испаноамериканских республик, подписывающие этот документ, собравшись в городе Вашингтоне 8 ноября 1856 года с целью рассмотрения опасного положения, в котором находятся наши республики из-за распространения в этой части света¹ подрывных международных доктрин, а также в результате изоляции, в которой продолжают они оставаться, — стремясь придать каждой республике в отдельности и всем вместе соответствующие им значение, силу, власть и уважение для обеспечения внутреннего мира и их полной нерушимой независимости, пришли *sub speratis* к соглашению предложить нашим правительствам следующий Договор о союзе и конфедерации между всеми испаноамериканскими государствами».

В переписке государственного департамента проявилось его недовольство договором.

18 мая 1857 года государственный секретарь Льюис Кейсс приказал своему посланнику в Лиме разузнать, соберется ли конгресс в столице «по приглашению или с санкции перуанского правительства» и представляет ли Вашингтонский договор «поле деятельности и цель конгресса». «Вы соблаговолите изложить ситуацию перуанскому правительству так, чтобы добиться конкретного ответа».

Спустя месяц, 26 июня, посланник Джон Рандольф Клей информировал государственного секретаря: «Министр возразил... что условия Вашингтонского договора те же самые, что и у Континентального договора, подписанного между Эквадором, Перу и Чили... Сеньор Севальос, министр иностранных дел Перу, добавил, что перуанское правительство не предложило другим испаноамериканским странам прислать представителей на конгресс в Лиму и оно не сделает это до тех пор, пока зако-

¹ Это касается признания Вашингтоном марионеточного правительства Патрисιο Риваса, навязанного Уильямом Уокером, а также признания самого Уильяма Уокера.

нодательная власть не одобрит данный договор. Кроме того, он смог меня заверить в том, что посланник Перу в Вашингтоне Хуан Игнасио де Осма действовал и подписал договор без указаний своего правительства; что документ получен министерством иностранных дел в Лиме и представлен на рассмотрение в Национальный конвент его предшественником сеньором Мелгаром; что во время дебатов, которые имели место в последние дни на закрытых сессиях конвента, он, сеньор Севальос, оказал успешное сопротивление его ратификации и что конвент решил не одобрять Континентальный договор в его настоящей форме; что Вашингтонский договор был также поставлен на обсуждение и что конвент не одобрил действий господина Осма и некоторых условий соглашения, содержащихся в этом документе... Я сказал ему, что я удовлетворен тем, что Национальный конвент действовал мудро, отвергнув Континентальный договор, ратификация которого могла бы осложнить отношения между этим правительством и правительством Соединенных Штатов».

Одиннадцатого июля посланник Клей возвращается к прежней теме: «Вызванный министром иностранных дел, я беседовал с ним о договоре, подписанном в Вашингтоне представителями испаноамериканских республик... Я сказал сеньору Севальосу, что, хотя я не считаю возможным для разобщенных и отдаленных друг от друга стран, имеющих разные интересы, действовать в согласии... Соединенным Штатам было бы важно знать цели пакта... что преамбула Вашингтонского пакта касается опасного положения, в котором они находятся, создавшегося в результате распространения в этой части света подрывных международных доктрин и изоляции, в которой эти страны продолжают оставаться... что этот союз был также предложен Континентальным договором... что принятие договора на предложенной основе представило бы уникальное зрелище единства всех стран Западного полушария, за исключением Соединенных Штатов; что единственным объяснением этого исключения было бы создание странами—участницами лиги контроля над Соединенными Штатами; и я очень бы сожалел, если бы перуанское правительство разделяло мнение о том, что во внешней политике Соединенных Штатов содержится какой-нибудь аспект, ущемляющий

права какой-либо из американских республик. Это подозрение, помимо того, что оно несправедливо, может привести Перу к действиям, которые ослабят дружественные отношения, существующие между нашими странами; и я ожидал, что он, как министр иностранных дел, использует свое влияние, чтобы предупредить одобрение Континентального договора Национальным конвентом, и что, кроме того, он выразит также свое неодобрение Вашингтонского договора, когда договор будет направлен в конвент... Сеньор Севальос снова заверил меня в том, что он выступит в конвенте против ратификации Континентального договора и что он приложит также усилия к тому, чтобы помешать ратификации Вашингтонского договора. Я уверен, что он это сделал... Я не думаю, что это правительство возобновит переговоры о Континентальном договоре, а поскольку сеньор Севальос информировал меня о том, что он отказался от Вашингтонского договора, вполне вероятно, что оба документа будут окончательно отвергнуты конвентом».

Два года спустя Континентальный договор все еще продолжал беспокоить посланника Соединенных Штатов в Лиме.

Десятого февраля 1859 года в связи с назначением Сиприано Сегарра посланником Перу в Вашингтоне посланник США в Лиме напоминает госдепартаменту о договоре 1856 года: «Сеньора Сегарра знают как способного и умного... Полагают, что сеньор Сегарр играл главную роль в переговорах о так называемом Континентальном договоре, одним из основных пунктов которого было, несомненно, ограничение власти Соединенных Штатов при помощи создания Союза испаноамериканских республик — проект настолько же никчемный, насколько и невозможный для осуществления... Сеньор Сегарр самоотверженно работал над Континентальным договором и до сих пор выражал свою откровенную неприязнь к Соединенным Штатам и к нашим гражданам. Поэтому не следует доверять ему и принимать его как настоящего представителя его страны в Соединенных Штатах».

Озабоченность по поводу Континентального договора становится почти навязчивой идеей. В связи с упоминанием Континентального договора в предложении о посредничестве Чили в эквадоре-перуанском конфликте

в 1859—1860 годах посланник США 12 февраля 1859 года в Лиме запросил новые указания госдепартамента. «Из переписки сеньора Ираррасабала с сеньором Икасом¹ вытекает, что их правительства хотят решительно поддержать положения Континентального договора от 16 сентября 1856 года. Поэтому я прошу соответственных указаний сделать заявление перуанскому правительству в продуманных выражениях, с тем чтобы предостеречь его от ратификации Континентального договора».

Абсолютно независимо от главной проблемы возникает вопрос: как, каким образом североамериканский посланник в Лиме был осведомлен о переписке между министрами иностранных дел Чили и Эквадора?..

* * *

Кризис испано-перуанских отношений, кульминационным пунктом которого была агрессия Испании против Перу и Чили в 1866 году, снова возродил стремление к единству.

Одиннадцатого января 1864 года министр иностранных дел Перу пригласил правительства Южной Америки на Конгресс полномочных представителей, который должен собраться в Лиме или в любой другой столице.

Между Чили и Колумбией вновь возникли трения по поводу приглашения Соединенных Штатов на конгресс. Но теперь в Колумбии уже правил радикал Мурильо Торо, а с 1847 года там произошли важные события. В 1850 году банда североамериканских иммигрантов сместила колумбийские власти перешейка, назначила президента, ввела свои законы, строгие ограничения для местных жителей. В 1856 году разразилась «арбузная война». Соединенные Штаты направили к Колумбии соединения своего морского флота.

В конференции приняли участие Колумбия, Чили, Венесуэла, Боливия, Эквадор и Сальвадор, помимо, конечно, страны-организатора. Со стороны Аргентины в качестве наблюдателя участвовал Сармьенто. Ему были даны инструкции «изучить цели конгресса и указать на уместность приглашения Соединенных Штатов». За четыре месяца работы — с 14 ноября 1864 года по 13 марта

¹ Соответственно министры иностранных дел Чили и Эквадора. — *Прим. автора.*

1865 года — конгресс одобрил четыре договора о единстве и оборонительном союзе, о сохранении мира, о почтовой связи, о торговле и судоходстве.

После захвата испанцами островов Чинчаса 14 апреля 1864 года конгресс считал своим долгом вмешаться в конфликт. Он обратился к испанскому военачальнику, командовавшему экспедицией, генералу Луису Эрнандесу де Пинсону, требуя освободить острова и «передать их Перу на соответствующих условиях». Пинсон сослался на указания испанского короля удерживать их.

29 ноября конгресс решил направить посланников стран-участниц в Мадрид и потребовать от испанского правительства возврата островов. В случае отказа испаноамериканские государства готовы «принять меры для отражения агрессии».

Когда на смену Пинсону пришел генерал Хосе Мануэль Пареха, конгресс возобновил свои требования. Пареха отстаивал требования своего правительства. Он добавил, что этот вопрос касается только двух стран и двух правительств и что вмешательство конгресса может осложнить и затянуть конфликт.

В ходе переговоров между испанским командующим и перуанским полномочным представителем генералом Мануэлем Игнасио де Виванко в январе 1865 года Пареха признался, что правительства Франции, Англии и Соединенных Штатов «выразили правительству Испании свое одобрение проводимой им твердой политикой по отношению к Перу не для того, чтобы затронуть ее суверенитет, а чтобы заставить испаноамериканские страны уважительно относиться к интересам иностранных государств». Время подтвердило откровенное высказывание Парехи.

Информируя свое правительство о подписанных на конгрессе договорах, перуанский полномочный представитель Хосе Грегорио Пас Солдан в письме от 27 января 1865 года писал: «Если бы договоры, подписанные 23 текущего месяца, существовали до 14 апреля 1864 года, вероятно, испанская эскадра не хозяйничала бы на наших островах. Помехи, оказываемые в получении помощи от Чили и Эквадора, а также вмешательство Американского конгресса в конфликт с Испанией были связаны не с чем иным, как с естественным союзом и взаимными симпатиями американских правительств и

народов, несмотря на то что идея об американском единстве и союзе безрезультатно вынашивалась вот уже на протяжении сорока лет и так и не была претворена в жизнь. Если при благоприятных обстоятельствах, которые сложились сейчас, эта идея потерпит провал, Америка будет и впредь подвержена всяким случайностям, происходившим за последние годы. Южной Америке противодействует государство, которому, как было официально объявлено нашему правительству, провидение поручило осуществлять цивилизаторскую миссию в этом районе. И это государство при поддержке остального мира уже расправляется с Мексикой».

Мысль — ясная, серьезная; слова — точные, прямые. Главная опасность, постоянная опасность идет с Севера.

* * *

Идея свободы Латинской Америки — это прежде всего вопрос о ее прогрессе, развитии, индустриализации. Элой Альфаро понимал это. И он воспринимал ее как общую задачу, которая должна быть тщательно рассмотрена. 26 декабря 1895 года он пригласил американские правительства на Международный конгресс, который должен был собраться в Мексике 10 августа 1896 года. Одновременно с этим он аккредитовал полномочного представителя в Вашингтоне с поручением «...приложить все усилия на благо интересов континента и с помощью Международного конгресса добиваться объединения усилий, необходимых для взаимного процветания и расцвета стран Нового Света».

Повестка дня, которую предложил Альфаро, включала:

а) выработку государственного права, которое, оставляя без изменения законные права государства, давало бы американской доктрине, начало которой было положено Монро, еще большую возможность для расширения и создавало гарантии для ее лучшего соблюдения;

б) выработку средств обеспечения прогресса с помощью усовершенствования и создания промышленных предприятий, развития торговли с указанием мер, которые будут содействовать ее росту, не оставляя без внимания потребности, интересы и права каждой страны, и,

наконец, использование всего того, что без ущерба для всех остальных стран предоставит нашим республикам соответствующие средства для укрепления торговых отношений и достижения всеобщего процветания;

в) принятие решения о созыве конгресса через определенный промежуток времени, скажем через каждые десять лет, и о назначении мест, где должен попеременно проходить конгресс.

Это снова дань памяти Боливара.

* * *

Альфаро, Марти и Масео познакомились в изгнании. Их объединяла и роднила одна мечта. Они боролись за свободу и единство, против угрозы американского империализма. Их судьба сложилась по-разному. К тому времени, когда победила либеральная революция в Эквадоре, на Кубе лилась кровь патриотов. Погиб в бою Марти, пал Масео. Альфаро организовал военную помощь. Колумбия закрыла перешеек. Было ли это сделано под влиянием североамериканцев? После провала совместных действий, 19 декабря 1895 года, Альфаро открыто обратился к правящей испанской королеве Марии Кристине с призывом... «принять действенные меры, возвращающие мир Испании и Кубе».

Его голос был услышан всей Латинской Америкой. Он нарушил заговорщическое молчание официальных кругов Америки, взволновал кровь патриотов, пробудил надежду братских народов. Однако этого было мало. Куба нуждалась в большем. Что было делать? Американское содружество должно было сказать свое слово. Альфаро потребовал от Мексиканского конгресса совместного признания независимости Кубы. Но это намерение затрагивало североамериканские интересы. Соединенные Штаты поощряли в равной степени как повстанцев, так и испанцев, ожидая, что «яблоко созреет». Не об этом ли говорил когда-то Джон Куинси Адамс? В 1897 году Мак-Кинли счел «неразумным» признать Кубу. Как же могло осуществиться коллективное признание, которого так страстно желал Альфаро?..

Другой проблемой была Венесуэла.

Англия захватила ее территорию со стороны Гвианы. Венесуэла ожидала, что американское содружество вста-

нет на защиту ее прав и выразит общность интересов, диктуемых происхождением и историческим развитием «в активных, значительных совместных действиях». И она просила добавить к повестке дня конгресса следующие пункты:

1. Обеспечение в настоящем и будущем независимости и территориальной целостности американских стран в их отношениях с остальными странами.

2. Полное равенство местных жителей и иностранцев в гражданских правах.

Уравнивание в правах иностранцев и местных жителей в законодательном порядке должно было закрыть лазейки для узаконения привилегированного положения иностранцев и воспрепятствовать установлению режима капитуляций под давлением силы. Это было предчувствием последствий вооруженной интервенции Англии, Германии и Италии в 1902—1903 годах.

3. Единое законодательство для всех национальностей.

* * *

Венесуэла, Мексика, Чили, Боливия, Парагвай, Перу и центральноамериканские республики поддерживали инициативу и предлагали направить на конгресс своих представителей.

В работе конгресса участвовали Мексика, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика и Эквадор. Подготовительная хунта назначила комиссию, которая должна была изучить возможности созыва конгресса в связи с незначительным числом делегатов. Доклад отмечал, что односторонность декларации Монро, ее бездейственность по отношению к испаноамериканской войне за независимость и многократным агрессиям европейских стран подорвали доверие к ней; в силу этого доклад выдвигал новое положение, отражавшее требования континента:

«Доктрина Монро в настоящее время переживает кризис, и, кажется, уже настало время, если бы это было только возможно, подвергнуть ее с согласия всех американских правительств юридическому анализу с целью установления ее целесообразности и действительности хотя бы в той части, где ее применение не должно являться простым односторонним актом Соединенных

Штатов, а требовало бы для признания ее законности согласия всех республик».

«...Чрезвычайно важные доводы, сделанные нами, порождают другие, не менее важные, о них говорилось также в приглашении Эквадора к созыву конгресса».

«...Заслуживало бы, например, внимания в первую очередь изучение вопроса о полном уничтожении в среде американских стран так называемого права вмешательства в судьбы или во внутренние политические дела каждой из стран, каким бы мотивом или предлогом это право ни обосновывалось, а также любого права территориальной аннексии. Исключением в этом случае может стать лишь добровольное соглашение между правительством, идущим на уступку, и правительством, которому передаются права на территорию».

Единогласно одобренная резолютивная часть доклада рекомендовала распустить конгресс и обратиться к правительствам-участникам с предложением еще лучше содействовать созыву Американского конгресса с целью обсуждения доктрины Монро и общих проблем, интересующих все американские страны.

Генерал Порфирио Диас следующим образом охарактеризовал причины поражения Мексиканского конгресса 1896 года: «Конечно, мы понимали огромные трудности проведения конгресса из-за неблагоприятных обстоятельств, среди которых можно отметить сложное положение отдельных американских республик, в особенности той, что не могла открыто принять сделанного приглашения». Генерал Диас прозрачно намекает на Соединенные Штаты. Североамериканское правительство обусловило свое участие в конгрессе участием всех американских стран...

И это еще не все. Соединенные Штаты интриговали против конгресса и умышленно старались помешать участию Мексики. Доказательство? Теперь оно имеется, и этим мы обязаны Хенаро Эстраде, который извлек его из архива мексиканского министерства иностранных дел. Вот что рассказал мексиканский посланник в Вашингтоне о своей последней встрече с государственным секретарем Олни: «...должен информировать о том, что мистер

Олни коснулся ряда вопросов, о которых, возможно, не следовало бы ставить в известность сеньора Карбо¹. Беседа началась с того, что, по его мнению, Эквадор не имеет достаточного престижа, чтобы предпринять или осуществить столь важное мероприятие, как участие в Американском конгрессе; что сам сеньор Ромеро и посланник Бразилии господин Мендоса выразили ему мнение о бесполезности конгресса, так как не была предложена определенная и ясная программа; что несколько дней назад он получил письмо от посланника Бразилии сеньора Мендосы, в котором тот подтверждал свою точку зрения, присовокупляя при этом мнение о неудачно выбранном моменте, так как он полагал, что ни Чили, ни Аргентина не примут в нем участие.

М-р Олни закончил беседу словами, что нужно также иметь в виду переговоры Соединенных Штатов с Великобританией об арбитражном договоре, имеющем важное значение. Договор может привести к урегулированию вопроса о границах между Венесуэлой и Британской Гвианой, и поэтому было бы неразумно начать сейчас обсуждение доктрины Монро, пока эти переговоры еще продолжаются».

Американские конференции и сама панамериканская система всегда действовали в соответствии с политикой и североамериканскими интересами. Соединенные Штаты собрали первую из этих конференций в 1889 году, как раз накануне кризиса 1890 года, исключительно с целью расширения испаноамериканских рынков для своих экспортных излишков.

Пытаться объединять американские правительства, бросая вызов североамериканской гегемонии, вырывая у государственного департамента приоритет в континентальной политике, отказывая ему в опеке над латиноамериканскими государствами, отвергая подчинение американского сообщества североамериканскому бизнесу,— и это в то время, когда Олни провозглашал право господства над нашими странами Соединенных Штатов, «практически суверенное на этом континенте».

* * *

¹ Луис Фелипе Карбо — посланник Эквадора в Вашингтоне и делегат конгресса.

Для Соединенных Штатов и Англии Панамериканский конгресс служил, кроме всего прочего, ареной молчаливого соперничества из-за Латинской Америки. С первых же дней конгресс явился полем, где против шпионажа действовал контршпионаж, а одна интрига сменяла другую. Обе страны, Соединенные Штаты и Англия, добились от новых государств торговых уступок и даже режима наиболее благоприятствуемой нации. Боливар предупреждал: «Англичане и североамериканцы совершенно случайные и очень эгоистичные союзники».

После Панамы Латинская Америка высказывалась за объединение каждый раз, когда ей угрожала серьезная опасность. Предложение Мексики о совещании 1831 года было направлено против угрозы со стороны США. Против поползновений США был направлен и проект конгресса Уанкайо в 1839 году. Североамериканский представитель в Лиме пытался взять под свой контроль конгресс 1848 года. Договоры 1856 года были направлены против вашингтонской политики, олицетворяемой тогда Уильямом Уокером. Непосредственной причиной созыва конгресса 1864 года была агрессия Испании против Перу, однако Пас Солдан — главный вдохновитель конгресса — предупреждал делегатов о наличии постоянной угрозы со стороны Соединенных Штатов, которые к тому же были в то время соучастником испанской агрессии.

Соединенные Штаты в свою очередь наблюдали, препятствовали, задерживали, парализовывали усилия, направленные на объединение латиноамериканских стран. Они не брезговали никакими средствами. Для достижения их целей были равно хороши и интриги, и открытое запугивание. Эти методы являются неотъемлемой частью североамериканской политики в Латинской Америке.

Аргентина, стоящая лицом к Европе и спиной к Латинской Америке, систематически пренебрегала каждой попыткой объединения, какими бы ни были ее намерения и мотивы, и в конечном итоге ослабляла усилия, направленные на объединение, способствовала осуществлению североамериканской политики.

Объясняя свою слабость, новые государства повторяют каждый раз в свое оправдание: «Если бы этот союз существовал, тогда бы Техас...», «Если бы договоры, подписанные 23-го текущего месяца, существовали бы до 14 апреля...». Тем не менее Договор о союзе и конфеде-

рации и остальные договоры, подписанные в Панаме, на последующих конгрессах и во время дальнейших переговоров имели одинаковую судьбу, они никогда не были ратифицированы. Однако в них отразились их политико-юридическая концепция и незрелость историко-социальной действительности, которая так и не достигла своей завершенности по различным причинам и которая затем была жестоко подавлена варварским нашествием империализма с Севера. Именно в этом заключается сущность испаноамериканского международного права, его отличительные, характерные черты. Это был прообраз тех государственных институтов, которые были привнесены в законодательную систему, созданную и навязанную империализмом.

Это был этап непрерывного единоборства между слабеющим, неустойчивым, расплывчатым стремлением к испаноамериканскому единству и сосредоточенной имперской силой, направленной на установление своего господства. Со временем все встало на свои места. Новые испаноамериканские государства не могли сами по себе договориться о сотрудничестве. Они не могли этого сделать даже в целях совместной обороны. Они стали целиком и полностью зависеть от Севера.

Конгресс 1864 года явился последней попыткой объединения испаноамериканских стран в оборонительный союз. В 1877 году в Лиме собрался Американский конгресс юрисконсультов, носивший технический характер, работа которого была прервана войной на Тихом океане. В октябре 1881 года было разослано приглашение Колумбии на совещание, которое должно было состояться в Панаме в декабре того же года с целью разработки и подписания арбитражной конвенции: кроме делегатов Колумбии, прибыли представители Коста-Рики, Сальвадора и Гватемалы. 29 ноября 1881 года государственный секретарь Джеймс Г. Блэйн посылал ряду латиноамериканских стран приглашение на совещание, которое должно было состояться в Вашингтоне в ноябре следующего года. Этот циркуляр служит признанием вины: «Мне также кажется уместным заранее отвергнуть любое предложение США предварительно решать вопросы, которые передаются на рассмотрение в конгресс. Слишком не в духе этого правительства предстать каким-либо образом перед конгрессом в роли защитника своих соседей или в

качестве необходимого и predeterminedного арбитра в их спорах. Соединенные Штаты примут участие в работе конгресса наравне с остальными представленными на нем странами и с законной решимостью будут рассматривать любую предложенную проблему, не только затрагивающую их собственные интересы и не с целью проявления своего могущества, а как одна из многих равных и согласных между собой стран». Совещание было отложено.

14 августа 1883 года испаноамериканские дипломатические представители на праздновании столетия со дня рождения Боливара в венесуэльской столице приняли Каракасскую декларацию, в которой предлагается созвать Континентальный дипломатический конгресс с участием Соединенных Штатов. Затем последовало приглашение Альфаро на Мексиканский конгресс в 1895 году. Но уже в 1889 году состоялась первая Панамериканская конференция в Вашингтоне и был создан Панамериканский союз, предшественник ОАГ. Испаноамериканская концепция собственной политики в Испанской Америке была заменена континентальной политикой под североамериканской эгидой.

АГОНИЯ ВЕЛИКОЙ КОЛУМБИИ

Если 1825 год был годом взлета Боливара — освободителя и президента Колумбии, Верховного главнокомандующего Перу и президента Боливии, — то 1826 год был началом его заката. Судьбы Боливара и Колумбии тесно связаны. 1826 год был годом неудачи Панамского конгресса и проявления первых симптомов антиболиварской деятельности, распада колумбийской армии и расчленения Великой Колумбии.

* * *

Никоим образом нельзя заподозрить, что Соединенные Штаты и Англия были посторонними наблюдателями в кризисе, который завершился расчленением Колумбии. Историки Маннинг и Уэбстер¹ приложили немало усилий, чтобы затушевать участие государственного департамента США и министерства иностранных дел Англии в распаде Великой Колумбии. Освещая события, происшедшие за столетие, с 1826 по 1930 год, Маннинг привел лишь два документа, содержащих инструкции государственного департамента своим представителям в Лиме, но только один из них касался каким-то образом кризиса — войны между Перу и Колумбией и посредничества, запрошенного Перу у Соединенных Штатов. Однако дошедшая до нас часть переписки североамериканских представителей явно доказывает их вмешательство. Маннинг квалифицирует ее, конечно, как вмешательство, благоприятствующее испаноамериканской независимости...

¹ У. Маннинг, Ч. Уэбстер — буржуазные исследователи доктрины Монро. — *Прим. перев.*

То, что североамериканский консул в Лиме Уильям Тудор был связан с восстанием колумбийской дивизии, а затем оказал огромное и решающее влияние на новое правительство, явствует из его личной переписки. Действительно, информируя государственный департамент о событиях 26 января, он писал 3 февраля 1827 года: «Вы предполагаете, что это движение осуществилось с согласия некоторых видных перуанских патриотов... На самом деле огромнейшая ответственность, которую они возложили на себя, побуждалась самыми благородными принципами патриотизма и верности своей стране, причем храбрость и мужество, с которыми они действовали, были восхитительными.

...Среди документов Лары было найдено много важнейших писем Боливара, Сукре и других генералов, проливающих свет на намерения Боливара, ставшие мощным подспорьем для Сантандера в его усилиях, направленных на защиту колумбийской конституции против «коварных замыслов узурпатора».

...Было опубликовано воззвание о созыве конгресса на 1 мая. Был вызван доктор Луна Писсаро, а сегодня я послал ему декреты и письма к его возвращению. Я потребовал его немедленного приезда: он самый образованный, самый либеральный, самый честный из всех перуанских патриотов и самый сведущий во всех конституционных вопросах. Ла Мар, с которым он поддерживает самую тесную дружбу, также будет, несомненно, избран президентом; под руководством этих двух людей Перу может ожидать процветания и счастья, а пограничные государства — достойного соседства».

Политические и личные интересы превратили Луна Писсаро в ожесточенного врага Боливара, в руководителя антиболиварского заговора. Изворотливый политик Басадре говорил, «что его можно сравнить с артистом, управляющим вертепом». В день восстания колумбийского гарнизона Луна Писсаро находился в изгнании. Он выступил против союза с Колумбией, а затем стал защищать союз с Боливией... «на благо Перу».

В послании Тудора говорится:

«Надежда на то, что планы Боливара теперь действительно уничтожены, является одной из самых утешительных. Это служит не только поводом для радости в Южной Америке, освобожденной от военного деспотизма и

от ненасытных амбициозных планов, которые поглотили бы все ресурсы. Соединенные Штаты также будут избавлены от опасного врага в будущем... Если бы он одержал победу, то я убежден в том, что мы пострадали бы от его враждебности. Если меня спросят, каким образом, то я смогу кратко ответить.

...Декрет против испанских товаров, на который справедливо жаловались вы и английское правительство, служит примером его высокомерного деспотизма; он был продиктован из Куско, пользующегося такой же известностью, как и Милан, и хотя сфера влияния первого не такая обширная, как у Милана, однако дух у них один и тот же».

В Милане Наполеоном было подписано два декрета. В соответствии с декретом от 23 ноября 1807 года любое нейтральное судно, застигнутое в английских водах, подвергалось захвату; всякий колониальный товар считался английским. В соответствии со вторым декретом от 17 декабря того же года всякое судно, нанятое Великобританией, «будет объявлено денационализированным, лишится своего флага и будет рассматриваться как английская собственность». Это была «тотальная экономическая война». Там, где написано: Англия, читайте: Испания, и все станет ясно. Боливар действительно желал «тотальной экономической войны» против Испании. Вспомните инструкции делегатам на Панамском конгрессе. «Тотальная экономическая война» против Испании затрагивала, однако, англо-североамериканские интересы, так как Англия и Соединенные Штаты предоставляли суда для перевозки испанских товаров.

Тудор развивает свою мысль:

«...его [Боливара] главная вера, которая искупает вину перед либеральным миром, выражается в ненависти к рабству и в желании уничтожить его. Прочтите его зажигательную диатрибу против рабства во введении к неповторимой конституции; обратите внимание на ущерб и разрушения, следующие за эмансипацией, и на то, что прежний строй никогда не может быть восстановлен в этих странах; вспомните, что его солдаты и многие офицеры — африканского происхождения и что эти лица и им подобные будут, естественно, настроены против всякого, кто воспользуется подобным аргументом для свержения Боливара; взгляните на сегодняшнюю Гаити, а

затем [непременно] на Кубу, взгляните на подлинный успех английских аболиционистов; подсчитайте численность наших рабов; понаблюдайте за различием между негром, получившим свободу, и негром, поверженным в мрачное рабство; сколько дней и часов пути разделяют их друг от друга; поразмыслите над тем, что ...современная мораль тяготеет к утверждению личных прав и к уничтожению рабства; кроме того, оппозиционные партии Европы по разным причинам с ликованием отнеслись бы к тому, что «этот вопрос стал бы пересматриваться в нашей стране», а затем без новых аргументов посудите сами и скажите, мог ли не вызвать у нас беспокойство этот «сумасшедший» из Колумбии. О господи, это тот вопрос, опасные последствия которого не ограничиваются лишь одним страхом, вызываемым самим Боливаром!..

Встретив генерала Санта-Круса всего один раз с момента последних событий, вчера я навестил его и пригласил поужинать без условностей... Желая, чтобы он обстоятельно рассказал о патриотической партии, я заметил, что при этом своеобразном положении, в котором находилось правительство, он, к счастью, не подчинился ни одной из партий...»

Переписка следующих месяцев еще более красноречива. Речь идет о заговоре, направленном против Колумбии. Становится все яснее, что заговор вдохновлялся Вашингтоном, и теперь уже недостаточно говорить, что Тудор замешан в не совсем благовидной деятельности. Говорить так — значит ничего не сказать о деятельности этого дипломатического агента Вашингтона. Дело в том, что именно Тудор держал в руках все нити заговора. Он переписывался со всеми заговорщиками и сам являлся одним из них. В его руках была сосредоточена корреспонденция различных фронтов. Военачальники докладывали ему о выполнении планов операций в Боливии и Эквадоре.

Все послания, которые приводятся ниже, имеют конфиденциальный характер.

В послании от 21 февраля того же 1827 года Тудор писал: «Подсчитайте, что должно пройти три недели, прежде чем смогут прийти вести из Боливии, касающиеся предпринимаемых там шагов, но все полагают, что колумбийские войска сделают то же, что и местные, и будут готовы по предварительному соглашению принять

те же самые меры. Основные силы этой армии находятся в Ла-Пасе; ожидается, что генерал Сукре, находящийся в Чукисаке, получит той же почтой, которая везет отсюда вести, сообщение о том, что его войска уже определили свою позицию... Представители Буэнос-Айреса получили копии различных секретных министерских документов, среди них инструкции, данные сеньором Пандо (министром иностранных дел прежнего правительства) перуанскому полномочному представителю в Боливии. Вероятно, этот документ сможет попасть и на страницы наших газет...»

В послании от 23 марта: «Благоприятное чувство к последним переменам, кажется, охватило всю страну. Выборы проводятся активно, в некоторых местах они уже закончились... Среди выбранных лиц Ла Мар занимает в списке ведущее место, за ним следует Луна Писсаро. Я надеюсь видаться с последним каждый день, ибо его пребывание здесь имеет огромное значение... Последнее письмо генерала Ла Мара ко мне датировано первыми числами марта... Думаю, что он будет единогласно избран президентом Перу, не сомневаюсь, что он согласится... Не могу оставить надежду на то, что Ла Мар займет свой пост в конгрессе, как только получит известие о своем избрании. Я не стал терять времени зря и поторопил его предпринять этот шаг, ибо доверие, которое он мне оказывает, позволило сделать это, не нарушая приличий... Р. S. 25 марта. После написанного ранее я получил интересное письмо от генерала Ла Мара, датированное 5-м...»

В послании от 23 мая: «Вчера я получил письмо от полковника Элисалде, который командует дивизией, вошедшей в Гуаякиль... Он сообщает мне, что все идет самым благоприятным образом, что 27-го отправил колонну по направлению к Кито, с тем чтобы она соединилась с дивизией, которой командует Бустаманте, вступившей туда 25-го того же месяца; все они сейчас, несомненно, находятся в Кито. Бравó, офицер, который был послан отсюда с арестованными начальниками и документами для правительства, также прибыл в Куэнку по возвращении из Боготы. Генерал Сантандер с удовлетворением получил бы сообщение о здешнем выступлении, написал бы Бустаманте, одобряя его поведение, и послал бы Обандо предложение принять командование дивизи-

ей. Конечно эти шаги были предприняты до того, как он узнал о перемещении дивизии, по всей вероятности от офицера, назначенного в Кито; таким образом, правительство Боготы вновь располагает тремя департаментами, подчиненными конституционному правительству, опирающемуся на армию в 3000 человек».

* * *

Главной заботой Боливара в последние месяцы 1827 года, после того как он стал президентом Великой Колумбии, было обеспечение внутреннего мира и целостности страны до конвента в Оканье, назначенного на следующий год. Повторное уведомление об испанской экспедиции, направленной на материк в связи с роялистскими партизанскими действиями, вспыхнувшими в Баринасе; соответствующие приказы Паэсу оказать сопротивление испанской экспедиции и разгромить партизанское движение; известие о восстановлении порядка в Гуаякиле, нарушенного колумбийской дивизией Бустаманте; землетрясение в Попайяне; выборы в конвент — вот темы, которыми изобилует переписка Боливара того времени. Все они касаются основных внутренних и международных проблем, в том числе и отношений с Перу. Правительству Лимы в свою очередь не дают покоя Боливия на юге и Гуаякиль на севере. Но Гуаякиль перестал бы быть проблемой в случае распада Колумбии. И политические деятели Лимы используют колумбийскую дивизию против целостности Колумбии. Боливар держит оборону Юга, Ла Мар вторгается туда. Их позиции и действия определены. И вот в разгар событий Ла Мар, потерпевший поражение, нарушает Хиронское соглашение; Боливар требует его выполнения. Тем не менее Тудор, а вместе с Тудором и государственный департамент с самого начала выступают против Колумбии...

В конфиденциальном послании от 20 ноября 1827 года Тудор сообщает государственному секретарю Генри Клею: «Здесь получена достоверная информация об отданном [Боливаром] приказе снарядить в Гуаякиль армию для вторжения в Перу... Все эти действия не оставляют ни малейшего сомнения в его намерениях... В течение последних двух месяцев генерал Ла Мар вербует на

Севере армию, чтобы противостоять вторжению... Перуанская армия, по всей вероятности, будет равна по силам той, с которой узурпатор может выступить против нее. Так как генерал Боливар не считается ни с чем, кроме своего мужества, горячности и энергии... при случае обнаружится, действительно ли эти качества окажут такое же действие во время кампании, в которой единственно чем можно вдохновить его последователей, так это надеждой на грабеж. Ла Мар, несомненно, является первым генералом Южной Америки... Боливар, который прежде был только капитаном милиции, ниже его... Если между ними произойдет столкновение, то я совершенно уверен (разве только на стороне Боливара окажется значительное превосходство сил), что последний будет разгромлен... Когда я размышлял над этими проблемами и беспринципным характером войны, которой он теперь угрожает, мне пришло в голову, что посредничество Соединенных Штатов или Англии, совместное или раздельное, может оказаться успешным... Каждая из названных держав имеет свои собственные соображения (*sic!*), чтобы желать этим странам мира и процветания, кроме общих (*sic!*) для обеих держав великих государственных соображений, направленных против чрезмерного усиления и пагубного сосредоточения власти в руках высокомерного индивидуума. При этих обстоятельствах и благодаря огромному доверию и откровенности, которыми меня чтят генерал Ла Мар и его ближайший советник д-р Луна Писсаро, я добился конфиденциальной встречи с ними и в ходе ее изложил им причины, из-за которых, как я полагал, Перу предприняла бы политические действия, обратившись к обоим дружественным странам, обрисовав им поведение генерала Боливара и сделав обзор настоящего положения и возможной войны, которой он угрожает... Оба согласились с правильностью моих доводов и договорились о второй встрече; тут же были подготовлены и необходимые документы... если положение в этих странах, характер и взгляд Боливара, а также последствия, которые произойдут вслед за его победой, были бы вполне осознаны, то как Соединенные Штаты, так и Англия не только предложили бы свое посредничество, но, если нужно, сопровождали бы его альтернативой, которая заставила бы Боливара согласиться».

Лима действительно попросила североамериканского посредничества 16 ноября 1827 года. Богота попросила его несколько позже, в марте 1829 года, когда стало очевидным, что Ла Мар посмеялся над Хиронским соглашением. Посредничество не состоялось. Однако в декабре 1828 года вашингтонское правительство аккредитует генерала Гаррисона в качестве посла в Боготе и дает ему первое поручение — передать правительству Колумбии «горячее пожелание президента предотвратить войну, если она не вспыхнула, а если началась, то с честью закончить ее». Мэннинг не публикует инструкции Гаррисону... Зато он публикует пространную ноту государственного секретаря Генри Клея поверенному в делах Соединенных Штатов в Лиме Самуэлю Лэрнеду, датированную 1 января 1829 года. Лэрнеду сообщалось об инструкциях Гаррисону, которые рекомендовалось передать правительству Лимы: «Вы заверите правительство Перу в том, что Соединенные Штаты с вниманием относятся к его нуждам, что вы всегда готовы проявлять это внимание любыми доступными вам средствами, которые не противоречили бы воле народа Соединенных Штатов. Вы сообщите ему содержание этого послания и инструкций, отданных генералу Гаррисону». В апреле 1828 года Перу вторглась в Боливию, а уже в ноябре Перу блокировала Гуаякиль и вторглась в Эквадор. Государственный департамент мог не знать в декабре и начале января о ноябрьских событиях, но не мог не знать об апрельских событиях в Боливии, так как был информирован в ноябре 1827 года о приготовлениях Ла Мара против Колумбии. Тем не менее государственный департамент направил президенту Великой Колумбии Боливару письмо с просьбой прекратить военные действия, как будто именно он был агрессором, как будто Колумбия развязала войну. Односторонний характер требований Вашингтона и его забота о благополучии правительства Лимы свидетельствуют о пристрастности госдепартамента и раскрывают истинную суть его вмешательства.

Тудор не был обойден милостью правительства США. В награду за желательное развитие затеянной им интриги его повысили в должности и назначили поверенным в делах в Рио-де-Жанейро. Не следует, однако, думать, что Тудор был лишь удачливым заговорщиком. Он был

дальновидным дипломатом и считал, что латиноамериканская политика его страны должна иметь дальний прицел. В конфиденциальном послании от 25 ноября 1826 года он просит государственного секретаря добиться от президента устройства трех племянников Санта-Круса в Академию в Уэст-Пойнте: «Мне кажется, было бы правильно поощрить отправку нескольких юношей в нашу страну с целью сохранения в будущем нашего влияния на новое поколение Перу».

Двадцать третьего марта 1827 года он возобновил свою просьбу. Теперь речь шла о двух племянниках Ла Мара: «Не сомневаюсь в том, что он заслуживает этого внимания с нашей стороны, независимо от того, придет он к власти или не придет...»

У Тудора были последователи. Посланник в Чили Самуэль Лэрнед также внушал Клею: «...предложение со стороны правительства Соединенных Штатов, подобное предложению французского короля... окажет самое благотворное влияние на их (юношей) судьбы, а также на наши отношения с новыми государствами, как настоящие, так и будущие...»

Первый североамериканский посланник в Колумбии, полномочный представитель США на конгрессе Ричард К. Андерсон умер на пути в Панаму. Его временно заменил Б. Дж. Уаттс в качестве поверенного в делах. После восстания колумбийской дивизии в Лиме и под впечатлением начавшегося хаоса в Колумбии Уаттс обратился в марте 1827 года к Боливару с кратким посланием, настаивая на том, «чтобы он ускорил свое возвращение в столицу и, таким образом, спас свою страну. Все может погибнуть без Вашего Превосходительства». Письмо было опубликовано в Каракасе и стало известно Сантандеру, который не замедлил пожаловаться Вашингтону на действия Уаттса. Клей потребовал объяснений от своего представителя. Инцидент вызвал переписку между Клеем и министром иностранных дел Колумбии Ревенгой, между Боливаром и Клеем. Уаттс был отстранен от должности. Это был единственный североамериканский представитель, открыто отстраненный в ту эпоху от должности государственным департаментом.

При таких обстоятельствах Клей осудил вмешательство во внутренние дела Колумбии. Однако не успели просохнуть чернила на его письме, как Клей, противореча себе, начал плести интриги против Боливара в Европе. Отвечая на письмо Боливара, посланное с Уаттсом, Клей писал: «Интерес народа Соединенных Штатов к борьбе за испаноамериканское освобождение вдохновлялся надеждой на то, что вместе с независимостью могут быть созданы свободные институты и, таким образом, можно будет пользоваться благами гражданской свободы. Было бы недостойно уважения, которое Вы, Ваше Превосходительство, оказываете мне, если бы, пользуясь случаем, я не выразил Вашему Превосходительству, что амбициозные намерения, в которых обвиняют Вас Ваши враги, не породили в моей душе огромную озабоченность. В качестве доказательства этих намерений были упомянуты последние события в Колумбии. Но я не могу позволить себе поверить, что Вы, Ваше Превосходительство, хотите изменить свою блестящую и славную карьеру и вступить на кровавый путь, на который так часто вступали тираны и деспоты. Я не сомневаюсь в том, что Вы, Ваше Превосходительство, дадите при случае объяснение Колумбии и миру о своей общественной деятельности, породившей это беспокойство».

Клей требовал у Боливара объяснить свое поведение... от имени Колумбии и всего мира! Государственный департамент уже начал присваивать себе право говорить от имени «всего мира», «человечества», «принципов свободы и демократии» и т. д. Если раньше, при создании Соединенных Штатов, эти слова что-либо значили, то теперь они были лишь ширмой, за которой было угодно скрывать действительные цели североамериканской политики.

* * *

Назначение генерала Уильяма Генри Гаррисона посланником в Боготу было одним из последних дипломатических назначений администрации Адамса—Клея. Переписка Гаррисона не нуждается в комментариях. Двадцать второго июня 1829 года он пишет в госдепартамент: «Имею честь приложить копию письма генерала

Боливара одному из своих близких друзей, ясно доказывающее, что его намерения в отношении Перу не носят того бескорыстного характера, как об этом говорит его последнее воззвание. Я не в праве сообщать, каким образом я овладел этим уникальным документом, но я ручаюсь за его достоверность...»

Двадцать восьмого июня Гаррисон сообщает: «Благодаря тому же лицу, доставившему мне письмо, копию которого я имел честь шифровкой передать в послании № 14, я смог ознакомиться с перепиской одного высокопоставленного деятеля, который пользуется полным доверием Боливара, но который сейчас выступает против всех его планов...»

Седьмого сентября: «Политическая драма этой страны быстро приближается к развязке... В письме, полученном на прошлой неделе и направленном одному члену конвента, проживающему в этом городе, Боливар говорил о пожизненном президентстве... Министры верят в успех этого дела. Они надеются, что все пройдет гладко и что эта важная перемена произойдет с согласия почти всего народа...

Но их доверчивость сулит им гибель. Мина уже заряжена и готова вот-вот взорваться. Обандо находится в лагере Боливара, разлагая его войска. Кордова склонил к измене батальон, находящийся в Попаяне, и направился в Кауку и Антиохию, которые созрели для мятежа. Большая часть населения этого города вовлечена в игру. Среди войск распределяются деньги, и лишь представителям власти ничего не известно об этом.

Кордова будет действовать благоразумно. Ожидается, что в октябре или в первых числах ноября он обратится с воззванием к народу».

Четырнадцатого сентября и далее Гаррисон пишет: «Вчера прибыл сюда специальный посланник от генерала Кордовы, находящийся в Картаго, с письмом для агента либеральной партии, содержащим текст воззвания, которое он думает распространить к концу этого месяца или даже раньше».

Действительно, несколько дней спустя Кордова поднял мятеж. Как видно, Гаррисон руководил широкой шпионской сетью. Сам Боливар был окружен шпионами Гаррисона. Более того, Гаррисон находился в центре заговора Кордовы.

Но Гаррисон хотел наставить на путь истинный и Боливара. В письме от 27 сентября он писал: «Как старый солдат, я не могу испытывать других чувств, кроме доброжелательства, к тому, кто так блестяще прославил военную профессию. Гражданин родины Вашингтона не перестанет желать того, чтобы мир видел в Боливаре еще один образец самых великих военных талантов, сочетающих в себе самый настоящий патриотизм с большой способностью к гражданскому управлению.

Таковы, сеньор, горячие надежды не только народа Соединенных Штатов, но и друзей свободы во всем мире. Я не скажу, что Ваше Превосходительство создало планы, чтобы разрушить эти надежды, но нет сомнения в том, что они не только созданы, но в этот момент доводятся до совершенства и открыто признаются теми, кто располагает Вашим полным доверием...

...Хотите ли Вы, чтобы Ваше имя дошло до потомков вместе с теми, чья слава происходит от бесполезного для человечества людского кровопролития? Или Вы хотите присоединить свое имя к имени Вашингтона, основателя и отца великого и счастливого народа? Выбор в Ваших руках. Друзья свободы во всем мире, и в частности народ Соединенных Штатов, ожидают Вашего выбора с сильным волнением».

Не таким ли тоном разговаривал Клей? Тот же дух агрессора, то же оскорбительное и возмутительное высокомерие! Тот же наглый тон, та же дерзкая манера речи, та же напыщенная претенциозность и то же обильное словоизвержение!

В те дни Боливар писал из Гуаякиля министру иностранных дел Колумбии доктору Эстанислао Вергаре: «...Европа раздражена нашими ежедневными революциями и нашей отвратительной системой правления, которая, по правде говоря, не что иное, как чистая анархия. Мы лучше других, но тем не менее у нас не бывает ни одного спокойного дня, все время нам досаждают наши соседи с Юга и Севера. Нет ничего ужаснее поведения наших соотечественников на этом континенте. Это удручает нас, ибо кто может устранить зло во всем мире? Соединенные Штаты являются самыми худшими и одновременно самыми сильными».

Новая администрация Джексона — Ван-Бурена, пришедшая к власти 4 марта 1829 года, заменила Гаррисона Томасом Патриком Муром.

* * *

Процесс распада Великой Колумбии довольно сложный. Разнообразные и многочисленные противоречия, переплетаясь между собой, образовали тугой узел, который трудно развязать. Природа и население, экономика и колониальные традиции, замедленное развитие правящих классов, лидерство Боготы, процесс освободительного движения, свобода и анархия, генералы и их неудержимая амбиция, раздробленность и разобщенность, поиски собственного пути развития и другие важные проблемы стояли перед Колумбией, и Боливару пришлось отступить. Уже после первого мятежа Паэса Боливар, выехав из Боготы в октябре 1826 года, пишет письмо Санта-Крусу, советуя ему: «Исключительно в интересах Перу надо вместо американских планов принять свои собственные национальные планы». Позже, в июле 1829 года, когда процесс распада Колумбии усилился, он писал Вергаре из лагеря Буихо: «Мое мнение прежнее. Взвесив все обстоятельства, я думаю, как и прежде, что страну лучше разделить законным образом, в мире и добром согласии».

Янки, англичане и даже французы внесли свою лепту в падение Великой Колумбии и ускорили процесс ее распада.

Еще 27 ноября 1827 года консул Тудор упомянул о том, что как Англия, так и Соединенные Штаты имели свои собственные интересы в ликвидации Колумбии.

Особенно ясно сказал об интересах Соединенных Штатов их посланник в Испании Александр Г. Эверетт. Вот основная часть его послания от 7 января 1827 года: «В последнее время с удивлением и сожалением узнал о поведении Боливара в Лиме, хотя частично уже был подготовлен к этому духом конституции, которую он провозгласил ранее для своей республики. Эти события, по-моему, очень значительно меняют положение дел в Испанской Америке, и я полагаю, они должны оказать влияние и на нашу политику в этих странах. С трудом можно предположить, что Соединенные Штаты намерены вдохновлять установление военного деспотизма в

Колумбии и Перу, чьим первым делом было бы установление военного режима на острове Куба. Если Боливар осуществит свой проект, он получит почти полную поддержку цветного населения, которое, естественно, при этих обстоятельствах захватит власть в стране. Талантливый и опытный военный деспот во главе армии негров не является, разумеется, таким соседом, которого мы хотели бы иметь, если бы нам пришлось выбрать его на южной границе. Согласно моим наблюдениям, если момент будет благоприятным для возобновления здесь переговоров об американских интересах (что, возможно, пока не реально), я бы очень колебался в том, что следует настаивать на дальнейшем признании Республики Колумбии как деле, выгодном сейчас для Соединенных Штатов...» Если бы Эверетт упомянул в своем письме слово «тарифы», то интересы Соединенных Штатов стали бы достаточно ясными...

Относительно Англии Уальдо Франк говорит: «Ее интересы в Испанской Америке были широкими и разнообразными, так же как ее заинтересованность в рынках. Слабую Колумбию она могла продолжать эксплуатировать при помощи торгового договора, чрезвычайно выгодного для нее. Но Колумбию, укрепившуюся от Панама до Перу?» То же самое можно сказать и о Соединенных Штатах.

Необходимо отметить, что собственные интересы Англии были прямо связаны с планом установления монархии во главе с наследным принцем из королевской семьи Франции.

Таким образом, реставрированная Франция, либеральная Англия и республиканские Соединенные Штаты сходились в одном пункте: в разделе Колумбии.

Во всяком случае, нужно признать, что эта упряжка работала неплохо. Франция и ее «монархисты» на Севере и на Юге; Тудор, Гаррисон и их «либералы» в Лиме и Боготе; Генри Клей, выступающий против «деспотизма», в Вашингтоне... Сколько было высказано просвещенных либеральных идей — и все для того, чтобы прикрыть грубое вмешательство в дела другой страны!

ТЕХАС, НОВАЯ МЕКСИКА, КАЛИФОРНИЯ

С конца XVIII века мексиканский народ вел упорную борьбу за независимость своей родины. Одна за другой к берегам Мексики направляются экспедиции завоевателей, и организаторы каждой из них стремятся поживиться богатствами, накопленными мексиканским народом, урвать части мексиканской территории. Завоеватели шли с Севера, их направляли североамериканские власти.

В 1818 году после того, как Испания уступила Флориду, Соединенные Штаты возбуждают пограничный спор с Новой Испанией. Джон Адамс высказывал по этому поводу Луису де Онису, что «Миссисипи на всем своем протяжении до океана была открыта французскими подданными из Канады в 1663 году; что Ла Саль, француз, по поручению и полномочию Людовика XIV, открыл бухту Сан-Бернардо и основал там в 1665 году колонию — к западу от реки Колорадо и что всегда считалось, как и должно считаться по праву, что то владение в бухте Сан-Бернардо вместе с владением на реке Миссисипи простиралось до Рио-Браво...»

В 1820 году пуританин Мозес Остин из Луизианы получил от испанского губернатора Техаса право на поселение 300 североамериканских семей. Каждый колонист получил 640 акров, кроме того 320 на жену, 100 на каждого сына и 50 на каждого раба. Колонисты обещали исповедовать католическую веру, принести присягу в верности королю и обязались защищать территорию от индейцев и флибустьеров. Концессии, выторгованные у мексиканского правительства, содействовали привлечению новых колонистов из Соединенных Штатов. В 1827 году их количество выросло до 10 тысяч, в 1830 году —

до 20 тысяч. В 1826 году, почувствовав силу, они уже выступают против правительства Мексики. И в этом деле Пойнсетт оказал колонистам большую услугу.

В качестве посланника Пойнсетт был аккредитован позднее, в 1825 году. Инструкции Клея приказывали ему вести переговоры о новых границах, «более логичных и выгодных...». И Пойнсетт приложил всю свою энергию к тому, чтобы была принята граница, предложенная в 1822 году. Чтобы содействовать достижению своего плана, он организует масонские ложи, с помощью которых создаст антinationальную «американскую партию». Действуя за кулисами, Пойнсетт интригует, раскалывает, опутывает сетями, подстрекает, культивирует предательство, подготавливает территориальное расчленение, пока враждебно настроенный к нему народ не вынуждает его в конце 1829 года покинуть страну. Его преемник Антони Батлер писал из Мехико 21 мая 1830 года государственному секретарю Ван-Бурену: «Первым шагом (Пойнсетта. — *Прим. ред.*) было создание эгоистической организации, охватившей все общество, принявшей в себя людей любого рода, без какой-либо дискриминации, и ставшей, в конце концов, вершителем судеб нации... Это общество забирает в свои руки правительство, разваливает финансы, дезорганизует армию, раскалывает общественное мнение и убирает с ответственных постов всех тех, чей патриотизм мог бы служить гарантией хорошего правления...»

Один из членов конвента Виргинии писал по поводу планов захвата Техаса: «Приобретение Техаса значительно повысило бы цену на рабов». Другой член конвента, Апшер, ставший затем государственным секретарем в правительстве Тейлора, также считал, что приобретение Техаса повысило бы цену на рабов. Ради этого хороши были все средства.

Вскоре в сенате начались дебаты. Вот что говорил Кэлхаун в мае 1836 года, когда Техас был уже отделен от Мексики: «Имеются убедительные доводы того, чтобы Техас стал частью союза. Южные штаты очень заинтересованы, чтобы нация имела больше земли, заселенной рабами; морским и промышленным интересам Севера также отвечает превращение Техаса в часть союза». Кэлхаун стал позже государственным секретарем в правительстве Тейлора.

В августе 1843 года государственный секретарь Апшер сообщает поверенному в делах Соединенных Штатов в Техасе Мэрфи: «Образование в самом центре наших рабовладельческих штатов независимой страны, чье правительство запретило бы существование рабства, несмотря на то, что эта страна населена людьми, которые в своем громадном большинстве родились среди нас, воспитаны на наших традициях и говорят на нашем языке, оказало бы самое нежелательное воздействие на обе партии. Если бы Техас находился в подобной ситуации, его территория представляла бы собой доступное убежище для беглых рабов Луизианы и Арканзаса и служила бы опорой для них, подталкивала бы к побегам, чему, по всей видимости, не смогут воспрепятствовать ни муниципальные законы, ни законы этих штатов».

Восемнадцатого января 1844 года Мэрфи писал Апшеру: «Если бы Техас не присоединился к Соединенным Штатам, он бы не смог быть самостоятельным в течение пяти—десяти лет».

Двадцать четвертого сентября в его записях мы находим следующие рассуждения: «Конституция Техаса гарантирует хозяину вечное право на раба и запрещает ввоз в Техас рабов из других стран, за исключением Соединенных Штатов... Если Соединенные Штаты сохранят и гарантируют Техасу его конституцию и существующую форму правления, мы приобретем все, что сможем пожелать, а также и все то, что просит и чего желает Техас...»

Двадцать третьего мая 1844 года, когда уже был подписан договор о присоединении Техаса, Грин, поверенный в делах Соединенных Штатов в Мехико, пишет Боканегра, министру иностранных дел Мексики: «Нижеподписавшийся получил указание сообщить мексиканскому правительству, что этот шаг был сделан Соединенными Штатами вынужденно, для собственной защиты, как следствие политики, проводимой Великобританией в отношении отмены рабства в Техасе. Соединенные Штаты не могли безучастно следить за усилиями Великобритании, направленными на отмену рабства на этой территории. Нельзя было не видеть, что у Великобритании были средства для достижения целей своей политики, учитывая действительное положение Техаса. Были приняты соответствующие меры против этой политики, поскольку

осуществление ее привело бы к чрезмерно опасному положению дел для прилегающих государств и для самого союза».

* * *

Напряженные отношения между североамериканскими колонистами и мексиканскими властями должны были привести к взрыву, который произошел в конце 1826 года. В декабре этого года Гайден Эдвард, североамериканский концессионер, захватил Накогдачес и провозгласил «свободную республику Фредония». Республика существовала один месяц. Пойнсетт объясняет Вашингтону, что колонисты боялись, как бы мексиканское правительство не издало декрета об освобождении рабов. Рабство было запрещено в Мексике, но колонистам разрешалось иметь рабов. Во время дебатов в мексиканском конгрессе правительство Соединенных Штатов уже обвиняется в провоцировании и стимулировании восстания. В октябре 1827 года мексиканское правительство послало на североамериканскую границу комиссию во главе с бригадным генералом Мьер-и-Тераном с поручением ознакомиться с обстановкой в этом районе. 14 ноября 1829 года Мьер-и-Теран сообщил военному министру: «Департамент Техас граничит с самой алчной страной в мире». Он советовал усилить гарнизоны и поселить там несколько тысяч мексиканских семей, в январе следующего года он убеждал правительство приостановить «контракты североамериканцам на колонизацию», обязать колонистов «соблюдать условия поселений», а если этого не сделать, «можно будет считать, что провинция уже окончательно отдана в руки иностранцев». В другой раз он заявил: «Единственно реальная защита Техаса — это постоянная оккупация».

Но самым важным следствием сепаратистских стремлений техасских колонистов был приказ президента Адамса Пойнсетту от 15 марта 1827 года — решить целесообразным образом вопрос о новой пограничной линии. Адамс полагал, что момент для такого шага был «подходящим». В качестве решения пограничных споров президент предлагал на выбор две линии границы. Первая шла от устья Рио-Гранде, вторая — от устья Рио-Колорадо. Соединенные Штаты готовы были возместить Мексике

ущерб: миллион долларов за первую линию, полмиллиона — за вторую. На пограничной реке должен быть установлен режим свободного судоходства и она должна использоваться в интересах обеих стран. Пойнсетт был против такого решения вопроса. В 1828 году он изложил государственному секретарю Клею свои доводы. Пойнсетт считал, что, если даже центральное правительство (Мексики.— *Прим. перев.*) склонилось бы к удовлетворительному разрешению пограничного вопроса, оно не смогло бы принять решения в отношении территории какого-либо департамента без согласия местного правительства и народа, а поскольку правительство Техаса не очень-то было расположено идти навстречу притязаниям США, он предлагал признать границу, установленную договором Адамса — Ониса (договором Испании с США), подписанным в Вашингтоне в 1819 году. 12 января Пойнсетт подписывает договор, приняв за основу вашингтонский договор 1819 года. Мексиканский конгресс вскоре ратифицирует его. Согласно договору 1819 года, граница шла зигзагообразно от Мексиканского залива, по устью реки Сабина, на северо-запад, следуя иногда по руслу этой реки и дальше через Колорадо, Арканзас, Сан-Клементе, проходя по параллелям 32, 33, 33¹/₄, 42 и 43 до Тихого океана.

Пойнсетт, человек настойчивый до одержимости, убеждал свое правительство поспешить с ратификацией договора. 10 марта 1829 года он пишет новому государственному секретарю Ван-Бурену: «Кабинет Сан-Хайме опередил нас... Сам президент (генерал Викториа) чувствовал большое пристрастие к этим отношениям.... Он думал, что мы являлись истинными врагами Мексики... С согласия министра иностранных дел дона Лукаса Аламана был выдвинут план выработки нового договора о границах, по которому мы были бы отодвинуты до берегов Миссисипи, поскольку они считали, что по Вашингтонскому договору мы несправедливо лишали Испанию большей части ее территории. Следовательно, они были чрезвычайно удивлены, когда наша миссия не высказала какого-либо возражения против возобновления переговоров о проблеме в целом, заявив, что в противном случае Соединенные Штаты примут за границу линию Рио-Браво-дель-Норте, так как причины, побудившие их уступить Испании свои права на эту территорию, не

касались Мексики». Смысл этих доводов сводился к следующему: Техас до Рио-Гранде входил в состав Луизианы, которую Франция уступила Соединенным Штатам в 1803 году и которая будто бы была незаконно передана Соединенными Штатами Испании по договору 1819 года. Из этого следовало, что присоединение Техаса к Соединенным Штатам явилось бы лишь его возвращением, его реаннексией, а не захватом или приобретением. Но легалистская идея реаннексии мало чем отличалась от стремления рабовладельческой знати аннексировать чужую территорию. Так, Генри Клей, например, оспаривая президентство с Полком, заявил: «Будучи далеким от того, чтобы иметь какое-либо личное возражение против присоединения Техаса, я бы с удовольствием согласился на это, если бы все произошло без бесчестья, без войны...»

Но договор 1828 года о границах появился на свет. Он был связан с первым мексикано-североамериканским торговым договором от 10 июля 1826 года. Из документов, относящихся к этому периоду, видно, как сталкивались противоположные интересы Соединенных Штатов и Мексики. США не хотели связывать себя договором о границах, но были заинтересованы в торговле с Мексикой. Мексика стремилась в первую очередь обеспечить безопасность своих северных границ. Именно поэтому Соединенные Штаты торопили Мексику с ратификацией торгового договора, а Мексика — Соединенные Штаты с ратификацией договора о границах, именно поэтому Мексика сдерживала рассмотрение одного договора, пока Соединенные Штаты не ратифицируют другой. Во время переговоров правительство Мексики выразило протест Пойнсетту против концентрации североамериканских войск на ее границах. Пойнсетт ответил, что, хотя его «правительство и не имеет намерения вторгаться на мексиканскую территорию, он считает, однако, естественным, что президент решил расположить войска вдоль границы в качестве предохранительной меры, пока не будет ратифицирован договор о дружбе и торговле, который, в конце концов, задерживается по вине Мексики». Касаясь инцидентов с североамериканскими колонистами, Пойнсетт добавил, что «если группы, живущие на границе, полагали, что они могут продолжать нападать на североамериканские колонии, то они полностью ошибаются, так как их преследовали бы и в пределах

мексиканской территории, если бы это было необходимо».

Новый договор был опубликован в Соединенных Штатах лишь через четыре года. К тому времени мексиканское правительство потребовало от Вашингтона назначения соответствующих комиссий для определения границы. Мак-Лейн, государственный секретарь США, отметил 12 января 1834 года, что «период времени, определенный для указанного назначения, закончился в апреле 1832 года» и что он считал «необходимым выработать соглашение, на основе которого был бы подписан новый договор...».

Мексика настаивала на решении вопроса о границах. Когда госдепартамент возглавил Форсайт, мексиканский посланник в Вашингтоне Кастильо-и-Лансас изложил ему историю вопроса о границах и настаивал на назначении североамериканской комиссии. Форсайт ответил ему, что дал указание посланнику США в Мексике Батлеру продолжить переговоры в Мехико. И действительно, Батлер 21 декабря известил мексиканского министра иностранных дел Франсиско М. Ломбардо, что ему поручено вести обсуждение пограничных вопросов. Батлер выдвинул тезис Джексона¹: договор 1819 года недействителен, «Мексика владеет территорией, которая юридически ей не принадлежит». Этому положению было предпослано категорическое заявление: «Мы должны вернуть Техас, если возможно, мирным путем, и даже путем войны, если это подскажет нам наш долг». Это было развитием теории Пойнсетта. Новое заключалось в том, что США рассматривали теперь Мексику в качестве захватчика, оккупировавшего чужую территорию. Батлер настаивал на полном пересмотре проблемы. Он предупреждал, что во избежание неприятных последствий Мексике следует прекратить дискуссию о границах. Гутьерес-Эстрада, заменивший Ломбардо, ответил ему, что, ознакомившись с ходом переговоров в Вашингтоне, он дал своему представителю соответствующие указания... За Джексона голосовали враги аристократии — ремесленники, рабочие, беднота. Его имя персонифицировало народное недовольство виргинской демократией. Сначала

¹ Джек Джексон, Эндрью (1767—1845) — президент США в 1828—1836 годах.

он победил Адамса, претендовавшего на переизбрание, затем обеспечил себе второй период правления. Его первым государственным секретарем был Ван-Бурен, которого называли «североамериканским Талейраном».

Вопрос о границе все ждал своего решения. Границы, как таковой, не было. Ее линия была неточной, неустойчивой, мнимой, подвижной, динамичной, изменчивой. Она переносилась постоянно, непрерывно и бесконечно. И всегда только на запад. 25 августа 1829 года Ван-Бурен посылает Пойнсетту указание предложить Мексике продать Техас: «Все трудности могут быть преодолены с помощью денег». Ван-Бурен предлагал три пограничные линии. Все три исходили из различных пунктов Мексиканского залива, лежащих в районе бухты Матагорд, пустынной зоны в устье реки Брасос. Все они шли к 42-й параллели, а оттуда — к Тихому океану. Пойнсетт мог предлагать четыре и даже пять миллионов долларов за первую линию.

В октябре Пойнсетта сменил Батлер. Прошло три года, прежде чем Батлер решился поставить вопрос о продаже. «Страна наотрез отказывается продавать территорию», — писал Батлер Джексону 25 мая 1831 года. В декабре этого же года мексиканский конгресс ратифицировал наконец торговый договор. 23 декабря 1831 года Батлер сообщал Джексону: «У меня есть свободное время и для других проблем, думаю, что скоро смогу сообщить вам кое-что по поводу проблемы Т. ...» В июле следующего года Батлер взялся за министра Аламана: «Аламан прервал обсуждение и попросил представить ему письменный документ, чтобы можно было его изучить».

Обсуждение вопроса было приостановлено.

20 октября 1834 года Батлер пишет новому государственному секретарю Форсайту: «Если бы произошла смена правительства, казавшаяся почти осуществимой, все проблемы разрешились бы...»

Шестого августа 1835 года Форсайт посылает Батлеру новые инструкции в дополнение к инструкциям, посланным в 1829 году Пойнсетту: «Улов китов возрос значительно, и для развития этой отрасли необходимо владение портом Сан-Франциско. Предыдущие инструкции по поводу места прохождения границ должны быть изменены таким образом, чтобы этот город стал состав-

ной частью североамериканской территории. Это изменение границы могло бы компенсироваться предоставлением Мексике еще одного миллиона долларов к ранее назначенной сумме, чтобы граница между востоком и западом проходила не по 42-й, а по 37-й параллели. В случае, если Мексика посчитает, что 37-я параллель проходит слишком близко от города Монтеррей, можно сделать и уступки, но при условии, чтобы Сан-Франциско в любом случае принадлежал Соединенным Штатам».

* * *

Послание Пойнсетта Клею от 27 июля 1825 года включало один зашифрованный параграф: «Мне представляется важным выиграть время, если мы хотим расширить нашу территорию далеко за пределы границы, установленной договором 1819 года. Большая часть ценных земель от Сабиньи до Колорадо, входящих в Техас, быстро заселяется концессионерами и авантюристами из Соединенных Штатов. Это такое население, которым мексиканцам будет очень трудно управлять, и, пожалуй, через некоторое время они не будут столь противиться, как сейчас, уступить эту часть своей территории». 5 августа того же года он продолжает утверждать: «Считаю делом большой важности, чтобы Соединенные Штаты расширили свою территорию до Рио-Норте, или Колорадо, или по крайней мере до реки Брасос, чтобы иметь на этих границах сильную расу белых людей от Миссисипи до Сабиньи».

Пойнсетт определил основную цель всей внешней политики Соединенных Штатов в этот период. Вашингтон прибег бы к любым средствам для ее достижения. Попытки купить территорию провалились. Но существовало столько других путей, и для Вашингтона все они хороши...

С того времени количество проблем возросло.

Конечно, не обошлось без претензий.

Весь XIX век полон североамериканских претензий к латиноамериканским странам. Первые требования к Мексике были сформулированы еще в 1826 году. В 1828 году их набралось достаточное количество. Речь

шла главным образом о претензиях североамериканских коммерсантов, проживавших в Мексике, и касалась импортных тарифов, экспроприации товаров и прочих торговых выдуманных и невыдуманных вопросов. Некоторые требования раздувались до таких размеров, что их обсуждали даже в палате представителей в Вашингтоне. Это были проблемы, связанные с мексиканским законодательством, в некоторых случаях недостаточно гибким. Очень скоро Вашингтон превратил их в государственные проблемы.

Нагромождение частных вопросов росло из года в год. И по мере обострения техасской проблемы угрожающий тон североамериканских представителей нарастал.

В 1832 году требований не предъявлялось, но зато был сфабрикован инцидент: в связи с задержанием одного североамериканского курьера Батлер пригрозил покинуть страну...

Двадцать пятого июня 1834 года Мак-Клей приказывает Батлеру, что в случае, «если Мексика попросит жалобщиков предстать перед судом, этому необходимо решительно противиться, так как это было бы равносильно отказу от справедливого решения дела. И если, наконец, исход дела будет задерживаться более положенного, вы уполномочиваетесь затребовать свой паспорт и выехать из страны».

Одновременно с объявлением независимости Техаса в марте 1836 года Соединенные Штаты выдвинули 15 других требований. В мае Эллис, заменивший Батлера, побуждает Форсайта изменить политику в отношении Мексики, носившую до того времени мирный характер, и продемонстрировать силу для «защиты» своих граждан, ибо большое число неудовлетворенных требований могло привести мексиканское правительство к выводу, что у Соединенных Штатов не хватает средств заставить уважать свои права. 20 июля Форсайт посылает ультимативную инструкцию: «Если в течение трех недель от правительства Мексики не будет получено удовлетворительного ответа, нужно будет объявить о важном намерении считать свою миссию законченной, а если эта угроза не окажет желаемого эффекта, уведомить правительство о том, что если по истечении еще двух других недель не будет получено ответа, то Вы потребуете свой паспорт и вернетесь в свою страну».

Карреньо цитирует североамериканского историка Найяса, который приводит еще один параграф инструкции: «У департамента нет доказательств по этим делам, порождающим подобные жалобы заинтересованных в том лиц».

Что касается сущности самих требований, то сошлемся на североамериканского историка Банкрофта: «Некоторые из актов, подвергшихся рекламации, испанские власти совершили еще до того, как Мексика стала независимой нацией. Оплата требовалась с единственным обоснованием истцов, касающимся снабжения, которое, как уверялось, было предоставлено в помощь мексиканским борцам за независимость, и за имущество, конфискованное в нарушение мексиканского закона о налогах. С целью выдвинуть требования ссылались на факты, которых не было в действительности. Они появлялись в списке жалоб на действия национальной эскадры и даже на процедуру судебных трибуналов, многие из этих жалоб не подтверждены каким-либо документом...»

Министерство иностранных дел Мексики давало многочисленные объяснения. Их аккуратно подшивали в досье. Заканчивался 1836 год. Генерал Гейнс вторгся на мексиканскую землю... Дело шло к войне. Эллис покинул Мексику без паспорта.

Седьмого февраля 1837 года Джексон обратился в сенат Вашингтона, выдвинув против Мексики обвинения: оскорбление североамериканского флага, оставление без внимания претензий и т. д. Он запросил полномочий на использование сухопутных и морских сил.

С 1 января по 20 марта 1838 года Ван-Бурен выдвинул еще 39 претензий. «Они ведут к началу войны с Мексикой и являются маневром для оправдания присоединения Техаса», — говорит Адамс.

Между апрелем и маем 1838 года Мексика предложила передать решение вопроса в третейский суд и в качестве арбитра назвала Пруссию. США приняли это предложение.

10 сентября была подписана первая конвенция об арбитраже, Мексика ее не ратифицирует из-за формальных отговорок. 11 апреля 1839 года в Вашингтоне подписывается новый документ.

В ноябре 1839 года Соединенные Штаты представили новый список требований.

Смешанная арбитражная комиссия работала в Вашингтоне с сентября 1840 года по февраль 1842 года. Были рассмотрены претензии на сумму 6 291 605 долларов. Мексике присудили выплатить 2 026 296 долларов. Часть претензий, предъявленных североамериканской комиссией, была отвергнута Мексикой. Претензии на сумму 3 336 837 долларов остались без рассмотрения. Нерассмотренные претензии впоследствии явились поводом для новой конвенции.

После того как счет был определен, Соединенные Штаты потребовали гарантий. Мексика предложила ввести ипотеку для морских таможен и прямые налоги и график платежей на четыре года. Томпсон, североамериканский посланник в Мексике, возражал против таможен. «Они слишком скомпрометированы», — сказал он и предложил в ответ на это ипотеку пошлин на североамериканский импорт и в дополнение еще ипотеку внутренних налогов, помимо более жесткого графика платежей.

Но следует остановиться на этом пункте переписки североамериканского посланника. «Условия графика платежей, предложенного Мексикой, более благоприятны, чем пункты инструкций госдепартамента», — писал Томпсон Уэбстеру 8 ноября 1842 года.

Через несколько дней Томпсон пишет: «Я лишь пытался вселить в мексиканцев страх перед мерами, которые может принять конгресс Вашингтона. Я хотел также, чтобы правительство Соединенных Штатов сыграло на этом страхе, принуждая Мексику разрешить все нерешенные проблемы до следующего заседания конгресса».

И далее, объясняя свою несговорчивость, Томпсон заявляет:

«С мексиканцами невозможно вести дела; единственным средством добиться разрешения вопросов являются угрозы».

Тридцатого января 1843 года была подписана вторая конвенция по претензиям. Соединенные Штаты предложили, чтобы в качестве арбитра выступил «человек закона», назначенный королевой Англии, — царь России или король Франции. Арбитром был назначен король Бельгии.

Томпсон добился того, чтобы Мексика расплачивалась золотом и серебром, а не казначейскими билетами.

Первые платежи были сделаны в звонкой монете. Бремя долга легло своей тяжестью на мексиканское население, которое должно было выплачивать кабальные налоги.

В 1845 году, когда после присоединения Техаса и последующего разрыва отношений с Соединенными Штатами мексиканское правительство отказалось принять североамериканского посланника Шлиделя в качестве полномочного министра, он ответил на это ничем не прикрытыми угрозами: «...если Мексика считает себя оскорбленной поведением Соединенных Штатов в вопросе о Техасе, то Соединенные Штаты имеют более серьезные и более обоснованные причины для жалоб, основанных на претензиях своих граждан к Мексике».

Претензии уже достигали суммы 8 491 603 песо, включая проценты за задержку. Уже год, как Мексика запаздывала с оплатой...

Соединенные Штаты предъявляют все новые требования. Все они мелочны, несерьезны. Но из них складывались миллионы. Миллионы, сами по себе обладающие магическим свойством очень быстро возрастать.

Порой требования затихали, но с каждым кризисом техасской проблемы вновь оживали. Оба процесса сливаются в один на протяжении своего извилистого пути, пока оба они не оказались ликвидированы гваделупским договором.

Растущие претензии становятся инструментом расчленения. Они сыграли не только политическую роль. Эти требования подрывали государственную казну, ввергали государственные финансы в хаос. Они способствовали возникновению исторического фатализма, уверенности в непобедимости агрессора, бессилии мексиканского народа. Запугивание и экономическое закабаление Мексики предшествовали вторжению. Мексика сначала была привязана к столбу пыток, а затем изувечена.

Претензии и задержки, задержки и претензии накапливались накануне назревавшего преступления...

* * *

Другой проблемой была поддержка Вашингтоном набегов на мексиканскую территорию.

Иногда это были индейцы, обитавшие неподалеку от границы, иногда на мексиканскую территорию вторгались белые авантюристы, иногда и те и другие. Это уже входило в обычай, стало систематической практикой, это была необъявленная война.

В 1829 году генерал Мьер-и-Теран докладывает из пограничного района о подготовке в США новых отрядов авантюристов, направляемых в Мексику.

Лондон запросил объяснений у Вашингтона. Вашингтон ответил, что «военная подготовка не имеет другой цели, как усмирить поднявшееся цветное население Нового Орлеана».

В 1832 году в Новом Орлеане было раскрыто крупное дело о фальсификации мексиканских денег в Соединенных Штатах.

В 1834 году начался набор добровольцев. Техас стал наконечником копья. В 1842 году так называемые «техасцы» продолжали организовывать экспедиции в глубь мексиканской территории.

В 1843 году из Индепенденса отправилась экспедиция против Новой Мексики, поддерживаемая Техасом. Боканегра выразил протест Томпсону. Тот ответил, что его правительство не может воспрепятствовать эмиграции североамериканских граждан.

Другие методы, уже усвоенные ранее, также широко применялись североамериканской дипломатией. Священники и монахини, чиновники и политические деятели, генералы и всякого рода сводники использовались как тайные агенты североамериканской разведки. Они были орудием американского вмешательства, национального предательства, а затем и расчленения страны...

Ни один секрет не укрылся от разветвленной шпионской сети Пойнсетта. От президента до конгресса, от министерств до военного командования он раскрывает все секреты, проникает во все тайные планы. Пойнсетт детально разузнает о планах Мексики относительно Кубы, о переговорах Мексики с Гватемалой, сообщениях секретных агентов Мексики в Европе и, конечно, о донесениях мексиканских властей северной пограничной зоны. Всего лишь через несколько месяцев после своего приезда Пойнсетт пишет 29 октября 1825 года Клею: «Отно-

шение к нам общества почти не заслуживает доверия. С большим трудом нахожу человека, несмотря на его высокий ранг или положение, на которого можно было бы положиться, не считая того, что многие из главных членов обеих палат пошли бы на подкуп, чтобы защитить частные претензии почти без малейшего колебания, как вы получили бы гонорар за защиту какого-нибудь дела в Верховном суде.

Я бы держался подальше от подобных людей, если бы мне это было позволено, но не это требовалось от меня, и я увидел, что необходимо было образовать из этих элементов партию, которая бы представляла страну, или позволить англичанам быть хозяевами этой страны.

Так была образована американская партия. На таком рассуждении, естественно, основано полное смещение этических ценностей. По мнению Пойнсетта, Аламан — патриот, «несомненно, талантливый человек, но подозреваемый в склонности к Европе... Я говорил вам раньше, что он получал плату от одной британской компании». Тогда как Лоренсо-де-Савала, называвший себя «организатором сброда», его предводителем, бежавший после отъезда Пойнсетта в Соединенные Штаты, ставший затем главой восставших колонистов и, наконец, вице-президентом «Республики Техас», — этот человек, по мнению Пойнсетта, был «выдающимся патриотом».

Когда Пойнсетт уехал из Мексики в январе 1830 года, «судьба Техаса была уже предрешена». Колонисты в это время поддерживались из столицы американской партии: Савала, Алпуче, Мехиа. Савала, находясь уже в Соединенных Штатах («К сожалению, ему позволили покинуть живым Мексику, когда самый здравый политический смысл подсказывал, что его нужно повесить», — говорил Фуэнтес Марес¹), создал компанию по колонизации Техаса посредством передачи концессий, полученных им самим, североамериканским гражданам.

Батлер держал в сохранности этот налаженный механизм и продолжал начатое предприятие. 19 февраля 1830 года он сообщил Ван-Бурену, что «ему удалось завладеть документом, направленным министром иностранных дел национальному конгрессу». Речь идет о докладе, представленном Аламаном мексиканскому сенату

¹ *Фуэнтес, Марес Хосе* — мексиканский историк. Автор монографии «Poinsett, Historia de una gran intriga» и др.

на «секретном заседании», который лег затем в основу закона от 6 апреля того же года, направленного на защиту Техаса. «Хотя палаты договорились держать в строгом секрете этот доклад, через некоторое время он был опубликован в газетах Соединенных Штатов; копия его была передана Пойнсетту, являвшемуся одним из нью-йоркских депутатов»,— говорил Аламан. Эта копия была вручена не Пойнсетту, а Батлеру.

«Техас будет потерян республикой, если не будут приняты необходимые меры для предотвращения этого»,— писал Аламан в своем докладе. Он требовал посылки войск в этот район, запрещения англо-американской колонизации, освоения Техаса Мексикой, европейской колонизации, интенсификации мексиканской каботажной торговли и т. д. Закон был принят, но его основные положения не были выполнены.

Батлер пошел еще дальше. Он пересылает Форсайту в июне 1835 года свою переписку с Игнасио Эрнандесом: «Пятисот тысяч, использованных разумно, будет достаточно для завершения дела, и, когда Вы соизволите уполномочить меня для его урегулирования, можете быть уверенными, что я осуществляю это к Вашему полному удовлетворению». Батлер далее пояснял: «Приложенное письмо, адресованное дону Игнасио Эрнандесу, и его ответ должны говорить сами за себя; так что будет достаточно сообщить ему, что дело, о котором идет речь,— это Техас, что автором письма является один католический священник, очень тесно связанный с президентом и являющийся духовным наставником его сестры, известный как участник всех секретных дел дворца... Наконец, настоящей администрации надлежит сказать, хочет она или нет обеспечить себе владение такой желанной страной в ею самой предложенных формах, изменив лишь сумму, которую она должна уплатить; сделайте это, и мы завладеем территорией до самой западной точки, указанной в инструкциях нашего нынешнего президента». Несколько ранее, 26 февраля, Батлер с полной уверенностью писал Джексону: «Ваше правление не закончится без того, что эта «вещь» будет находиться в ваших руках...» Эта уверенность исходила от дворцового духовника... и она подкреплялась представляющейся возможностью получения «пятисот тысяч, разумно использованных...»

Но было естественным, что такой человек, как Джексон, избрал прямую дорогу — путь действий. Особенно если учесть, что «хорошие манеры» подвели... Именно в этот момент на сцену выходит Сэм Хьюстон. Давний подчиненный Джексона, бессовестный авантюрист, живший поблизости от техасской границы, он предложил Джексону план достижения независимости и присоединения Техаса. Джексон направил Хьюстона к месту действия в 1832 году. Хьюстон должен был придать форму восстанию, регулировать сепаратистское движение, организовать мятеж. Ему все благоприятствовало. Да и как же иначе, имея такое могущественное покровительство? Кроме того, он не страдал отсутствием достоинств: «крепко пил и бился крепко».

Первое письмо Хьюстона Джексону сообщало о заседании техасского конвента 1833 года и планах колонистов. Впоследствии Хьюстон был главной фигурой в игре Джексона и во всей этой проблеме, так как фактически он возглавил движение.

Профессор Принстонского университета Макнэтт Макэлрой писал: «Итак, между президентом Соединенных Штатов, с некоторыми высокопоставленными лицами, число которых мы не можем определить, и одним авантюристом без единого цента в кармане и изгнанным из общества, существовал заговор, направленный на подготовку мятежа в Техасе. Эта страница нашей истории не делает нам много чести, но у Джексона не было другого, более подходящего способа потребовать то, что действительно принадлежало нам».

Хьюстон сделал карьеру в Техасе. В 1835 году он был назначен командующим армией, а затем, в 1836—1844 годах, президентом Республики Техас.

* * *

Когда штат Коауила — в 1823 году Техас и Коауила образовывали один штат — провозгласил свою конституцию, он отменил рабство: «...никто не рождается рабом с момента публикации этой конституции... Также ни под каким предлогом не разрешается ввоз (рабов)» — ст. XIII. Стивен Остин, сын концессионера, доказывал, что это запрещение нарушало гарантии, предоставленные законом колонизации. Кроме того, рабы являются «законной

собственностью, приобретенной законным путем». Как же конституция может покушаться на «священное право»? Тогда была предложена автономия Техаса под мексиканским флагом. Был образован техасский конвент в составе представителей муниципальных корпораций. В октябре 1832 года конвент попросил отмены закона от 6 апреля 1830 года, продления свободного импорта товаров первой необходимости и образования Техаса как независимого штата, отделенного от Коауилы. Конвент 1833 года принял памятную ноту правительства Мексики и направил в столицу самого Остина. Разделение штатов не было принято, но закон 1830 года был пересмотрен, вновь было дано разрешение на англо-американскую колонизацию. Законодательные органы Коауилы в свою очередь удовлетворили мелкие требования колонистов.

Но все было бесполезно. Напряженность оставалась.

Когда Санта-Ана захватил в 1835 году власть в Мексике и отменил федеральную конституцию 1824 года, колонисты подняли «конституционный» флаг и решили дать отпор... Находясь в постоянном конфликте с федеральным режимом, иностранные колонисты оказались в конечном счете «федералистами», такими пламенными «конституционалистами», какими не были сами мексиканцы. Разве это не смехотворный фарс? Но смешного в этом фарсе оказалось мало. Уже начался процесс расчленения.

Естественно, фарс должен иметь какое-то оправдание. 10 ноября 1835 года техасский конвент сформулировал «декларацию прав»... И тотчас же Виекса, губернатор Коауилы, перешедший на сторону врагов Мексики, призвал к восстанию: «Граждане техасцы! Поднимайтесь с оружием в руках или усните навечно! Ваши самые дорогие интересы, ваша свобода, ваша собственность и более того — ваше собственное существование зависят от переменчивой прихоти ваших жестоких врагов. Уже решено вас уничтожить, и только ваша твердость и ваша особая энергия могут спасти вас». 17 ноября было образовано первое техасское правительство. Губернатором штата был назначен Генри Смит. В генеральном совете был только один латиноамериканец — Х. А. Падилья. Сэм Хьюстон был назначен главнокомандующим. Стивен Остин, Брэнг Д. Аргер и Уильям Х. Вартон отправились

в составе комиссии в Соединенные Штаты просить о помощи.

Санта-Ана приготовился к схватке: «Правительство Соединенных Штатов претендует на часть нашей территории и для достижения своей цели уже давно ведет там тайную деятельность, направленную на разжигание и даже прямую поддержку мятежных движений. Это оно спровоцировало нынешние беспорядки, но я лично иду усмирять мятежников, и, когда я выполню эту задачу, граница между Мексикой и Соединенными Штатами будет проведена под прицелом моих пушек». Хвастовства, храбрости на словах в этом заявлении сколько угодно, а чего они стоили на деле? Но как бы то ни было, враг был назван. Сталкивались не Мексика и Техас и даже не Мексика и колонисты Техаса, а правительство и народ Мексики с правительством и господствующими группами Соединенных Штатов. Экспансионизм правительства и господствующих групп Соединенных Штатов выступал против территориальной целостности одной из стран Латинской Америки.

Так началась война.

* * *

Это была бесцветная, ничем не примечательная кампания, а для мексиканских генералов, без сомнения, позорная. Уже 5 декабря 1835 года, в начале военных действий, генерал Кос терпит от восставших поражение при Сан-Антонио-де-Бехар. Кос капитулировал и обязался не поднимать оружия против «конституционалистов». Затем последовали события при Аламо 9 марта 1836 года. После кровопролитного сражения Санта-Ана подавил гарнизон восставших. Он не помиловал и оставшихся в живых. Хьюстон выбросил лозунг: «Помнить Аламо!» Через несколько дней, 19 марта, генерал Фаннин сдается в Эль-Льяно-дель-Пердидо силам генерала Урреа. Фаннин и его люди, более трехсот человек, были расстреляны в Голиаде. Санта-Ана считал кампанию завершенной и рассредоточил свои войска — около шести тысяч человек — по всей территории для операций по окончательной очистке. Тут и произошло сражение при Сан-Хасинто. Это была месть за Аламо. Санта-Ана и его небольшие силы были застигнуты врасплох в полдень 21 апреля. Санта-Ана попал в руки Хьюстона. Он капиту-

лировал. В обмен на сохранение ему жизни Санта-Ана подписал соглашение, сложил оружие и взял на себя обязательство предпринять шаги к признанию независимости Техаса с границей по Рио-Браво.

* * *

Между тем 2 марта 1836 года техасский конвент провозгласил республику.

С другой стороны границы широким потоком шла помощь восставшим. По всему Югу проводились общественные собрания по сбору средств. В Нью-Йорке открыто действовала контора по записи наемников. Техасские части именовались по месту своего происхождения: Новорорлеанский батальон, Цинциннатский полк и т. п. Из нового Орлеана, Нью-Йорка совершенно открыто выходили суда с вооружением. Судов было столько, что иногда их сопровождал конвой. Однажды мексиканский вице-консул в Нью-Йорке сделал заявление по поводу двух таких судов. Североамериканская береговая служба организовала преследование этих судов, но захватила как раз то, которое не направлялось в Техас. Незахваченное судно спокойно следовало в Техас без изменения курса с трюмами, полными боеприпасов... Со своей стороны мексиканский военный корабль захватил одно из североамериканских торговых судов в водах Техаса и был обвинен в разбое. Мексиканское правительство не признало техасский флаг, но суда под этим флагом с почестями встречались в Нью-Йорке, а на запрос мексиканского посланника ответили, что это были «национальные суда»... Мексиканское правительство закрыло техасские порты, но североамериканский посланник в Мексике заявил протест по поводу этой меры. Театр Нового Орлеана прославлял взятие Сан-Антонио-де-Бехар...

Мексиканские протесты продолжались. Мексика даже потребовала отставки посланника Батлера: его возвращение через Техас совпало с восстанием. Батлер действительно рассматривал восстание как «свою победу». Форсайт ответил, что к этому случаю применимы те же самые принципы, что и к войне за независимость Мексики против Испании. Были-де приняты все меры для обеспечения нейтралитета, но правительство не нашло способа сдержать помощь частных лиц. С таким же циниз-

мом он скажет позднее комиссии по иностранным делам сената своей страны 18 июня 1836 года: «Правительство Соединенных Штатов не приняло участия в споре между Техасом и Мексикой, но заявило о своем намерении поддерживать самый строгий нейтралитет... если же частные лица Соединенных Штатов, движимые симпатией к тем, кто считал, что они борются за свободу и независимость против угнетения и тирании, вмешались в этот спор, то они сделали это без разрешения своего правительства...»

Но с Севера шла другая, более серьезная помощь.

В середине марта печать Нового Орлеана объявила, что североамериканское правительство приказало передвинуть к границе армейский корпус. Месяцем позже это сообщение было подтверждено в Вашингтоне. Государственный секретарь Форсайт информирует мексиканского посланника Горостису, что части генерала Гейнса расположатся так, чтобы они могли сохранять и обеспечивать спокойствие на границе, «так как на ней наблюдалось движение североамериканских граждан, а также индейцев, с обеих сторон готовых броситься на соседнюю страну». Гейнс должен был устранять любой беспорядок и нарушение границы со стороны мексиканцев, техасцев или индейцев. «Если североамериканские войска во исполнение его приказаний перейдут границу Мексики, согласно демаркационной линии, установленной договором, это не будет означать, что был совершен какой-либо враждебный акт, и, как только кончится особое положение, эта территория будет возвращена». Горостиса попросил записать беседы для фиксирования положений Форсайта и для того, чтобы он мог ответить на них, поскольку не мог сделать этого при встрече из-за незнания языка. Беседа происходила в апреле, а генерал Гейнс находился на границе уже с 26 января, то есть уже в течение трех месяцев.

Хьюстон, поддерживая постоянный прямой контакт с Джексоном, знал, что североамериканская армия перейдет границу во время техасско-мексиканских военных действий. Поэтому после сражения при Аламо он открыто отступил. Он призвал Гейнса оказать поддержку.

Горостиса протестует. В письме Форсайту он пишет:

«Гейнс войдет на территории, которые в соответствии с намеченной линией границы могут принадлежать в будущем Соединенным Штатам. Статус-кво может перестать существовать лишь в случае, если комиссия определит новую границу. До этого ни под каким предлогом Гейнс не мог перейти установленные границы...»

Форсайт подтвердил свою прежнюю позицию. Диалог продолжался. Но 9 мая Горостиса вдруг обнаружил, что правительство Вашингтона еще 25 апреля приказало Гейнсу продвигаться со своими войсками до Накогдочеса, «поскольку эта старая крепость... находится в пределах Соединенных Штатов». Накогдочес никогда не был на территории США. Он расположен на расстоянии 50 миль к югу от границы, в глубине исторически сложившейся мексиканской территории!

Гейнс пересек границу, в то время как Форсайт отвлекал внимание мексиканского посланника в Вашингтоне. Вероломство уже стало привычным методом североамериканской дипломатии. Весь процесс расчленения Мексики характеризуется именно самым отвратительным двоедушием великой державы.

Горостиса вновь выступил с протестом. Он рассматривал указания, данные Гейнсу, «по их сути и по их возможному результату как явное вторжение на мексиканскую территорию».

Форсайт превращает серьезную дискуссию в словесную игру: Гейнсу был, мол, дан приказ не продвигаться до Накогдочеса, а не переходить за Накогдочес... В конечном счете Мексика не владела пограничной территорией. Этого факта было достаточно для оправдания приказов Гейнсу.

Когда палата представителей Вашингтона затребовала полную информацию, туда попала лишь небольшая часть документов, к тому же беседа между Форсайтом и Горостисой была искажена, и в нее не были включены ответы последнего. В письме правительству Горостиса сообщал: «Друзья правительства утверждали, что сказанное Горостисой не имело значения, так как единственно важным было продвигать вперед мероприятия по защите границы от команчей»

Как и следовало ожидать, продвижение Гейнса вдохновило техасских сепаратистов. Усилился рекрутский набор. Уже открыто из Соединенных Штатов в Техас от-

правлялись новые войсковые соединения. Если Форсайт хитроумно оправдывал вторжение Гейнса передвижением индейцев, то техасские главари не уступали ему в изобретательности. Было объявлено, что команчи направляются к границе Соединенных Штатов. Шли разговоры об убийстве четырех белых индейцами каддо. Гейнс запросил 4000 человек у губернаторов южных штатов. Позднее агрессию будут оправдывать разговорами о мексиканских приготовлениях для изгнания североамериканцев из Накогдочеса. Были приведены в готовность войска, чтобы идти на поддержку Гейнсу. Слухи наслаивались один на другой и приводили в замешательство. Временами столкновение между силами Мексики и Соединенных Штатов казалось неизбежным и неотвратимым. Именно этого и добивались деятели Техаса и Вашингтона...

Полномочия Гейнсу были подтверждены 11 июля...

Тем временем прошло два месяца, как Горостиса заявил протест. А ответа все еще не было. 27 июля Горостиса выдвинул ультиматум: отмена приказов Гейнсу или отзыв миссии.

Пожалуй, следствием ультиматума явилось то, что президент Джексон дезавуировал запрос Гейнса губернаторам Юга в письме губернатору штата Теннесси. Ожидалось, что документ удовлетворит Горостису. Однако Горостиса продолжал настаивать. Форсайт кончил тем, что вернул ему последнюю ноту от 16 сентября 1836 года. Через несколько дней Горостиса сообщал своему правительству: «Ничего, ничего нельзя ожидать от этого кабинета. Он нейтрален лишь на словах, а это нам в тысячу раз опасней открытой вражды».

Только 13 октября пришел ответ на ультиматум Горостисы: в соответствии с действующим договором, обе страны обязуются избегать нападений индейцев с обеих сторон. Мексика не смогла выполнить этого обязательства. Соединенные Штаты делали это за обе стороны. Если Мексика не желала, чтобы Соединенные Штаты защищали ее от индейцев, — это ее дело. Мексика должна быть благодарна Соединенным Штатам. Долг правительства Соединенных Штатов, кроме того, защищать свой народ. И этот долг священ и непререкаем. И если во исполнение его оно должно занять мексиканскую территорию, оно это сделает. Следовательно, пре-

зидент не оставит без последствий инструкции, данные Гейнсу и его преемнику.

Горостиса ответил тотчас. Угрозы индейцев воображаемые. Если признать этот довод, Соединенные Штаты могли занять и всю мексиканскую территорию. Лишь в марте, после мексиканской победы при Аламо и когда полагали, что мексиканская армия будет продвигаться до Сабины, впервые заговорили об индейцах. Но индейцы исчезли после битвы при Сан-Хасинто, и в то время сам Гейнс заявил, что речь шла о «ложной тревоге», и даже вернул назад подкрепления. И как по волшебству, они вновь появились в июне, когда Мексика отвергла договоры, подписанные плененным Санта-Аной, который взял обязательство признать независимость Техаса, и когда зашел разговор о новой кампании Мексики против Техаса. Инструкции, данные преемнику Гейнса, были еще хуже, поскольку ему разрешалось преследовать индейцев, пока они не будут настигнуты, не считаясь ни с какими пределами проникновения в глубь мексиканской территории. Под свою личную ответственность Горостиса счел свою миссию законченной и запросил свои паспорта.

Одновременно Эллис, посланник, заменивший в Мексике Батлера, также угрожал своим отъездом, если немедленно не будут рассмотрены его требования, так как его присутствие стало «совершенно бесполезным».

Уже в нашем веке биограф Джексона, Уильям Соамнэр, касаясь североамерикано-мексиканской переписки того времени, писал, что «ни один североамериканец не должен бы читать (ее) без стыда. Было бы трудно отыскать в истории такой же грубый пример запугивания со стороны какой-либо крупной державы по отношению к небольшой стране».

Республика Техас, естественно, имела право определить свои границы. С согласия своих соседей или без него. Эти границы техасский конгресс определил декретом от 19 декабря 1836 года. И границы Техаса дошли до Рио-Гранде. Так того хотело правительство Вашингтона!

Первого марта 1837 года североамериканский сенат признал новую республику.

Джексон выполнил свою задачу. Его заменил Ван-Бурен.

Дебаты о рабовладении в Соединенных Штатах были на некоторое время отсрочены. И даже когда в августе был представлен проект аннексии, конгресс Вашингтона его отверг.

* * *

1843 год стал решающим. Началось с того, что Соединенные Штаты предложили свое посредничество между Мексикой и Техасом. Мексика отвергла его. По настоянию Англии Техас объявил о перемирии. Затем была подписана новая мексикано-североамериканская конвенция о претензиях. Но главным моментом, определившим развитие дальнейших событий, было категорическое мексиканское предупреждение Вашингтону: присоединение Техаса к Соединенным Штатам — это война.

23 августа Боканegra заявил Томпсону: «Мексиканское правительство собрало достаточное количество данных, широко публикующихся американской прессой, о намерении представить на рассмотрение ближайшей сессии конгресса Соединенных Штатов предложение о включении в повестку дня вопроса о так называемой Республике Техас... Его Высокопревосходительство господин президент... поручил нижеподписавшемуся сообщить его превосходительству г-ну Томпсону, с тем чтобы он довел до сведения своего правительства, что правительство Мексики будет рассматривать как объявление войны Мексиканской республике соглашение о включении Техаса в территорию Соединенных Штатов. Убедившись в достоверности факта, Мексика объявит войну, предоставляя цивилизованному миру возможность судить о правоте мексиканского народа в борьбе, которую он так не хотел бы начинать... Правительство Мексики все еще надеется, что правительство Соединенных Штатов предотвратит печальные последствия разрыва как для своей страны, так и для нашей, сохранив таким образом отношения, которые с такой настойчивостью желает сохранить Его Высокопревосходительство г-н Президент, и предотвратив также и то, чтобы славная Республика, основанная бессмертным Вашингтоном, не запятнала себя позором и бесчестьем».

Предоставив отвечать на предупреждение самому государственному секретарю, Томпсон ограничился заявлением: «...Угрозы... если они имеют целью запугать, не

окажут воздействия; если же они имеют целью предупредить, то они не нужны, потому что моя страна всегда находится в состоянии готовности противостоять любой неожиданности. Он должен также указать Его Высочайшему Превосходительству, что о добром имени «славной Республики, основанной Вашингтоном», они заботятся сами и не нуждаются в заботах никакой другой республики, чтобы сохранить его чистым от позора бесчестья».

Когда Апшер, заменивший Уэбстера, ознакомился с нотой, он дал указание Томсону: «...если повторится тот же самый тон, вы должны будете возвратить их ноту или добиться, чтобы мексиканцы принесли вам извинения... Поддерживать отношения можно лишь с теми нациями, которые способны проявлять вежливость и уважение к Соединенным Штатам... Если Техас является независимым, он свободен в своем праве присоединяться к кому захочет... Если начнется война, агрессором будет Мексика...»

Вмешательство Англии в дела Техаса тревожило Вашингтон, и Апшер сообщил о своем беспокойстве Эверетту, своему посланнику в Лондоне: «Англия хочет отменить рабство, поскольку она не извлекает из него пользы и чтобы разорить своих соперников, в первую очередь Соединенные Штаты. Взамен своего посредничества Англия навязала бы Техасу отмену рабства. А через Техас она попыталась бы сделать это и в Соединенных Штатах. Но отмена рабства привела бы к разорению Соединенных Штатов, поскольку три четверти ее экспорта — продукт труда рабов. Вся хлопковая промышленность в этом случае пришла бы в упадок. Импортная торговля потерпела бы крах. Были бы потеряны каналы, железные дороги. Отмена рабства достигла бы даже Кубы». Было очевидно, что Англия пыталась вторгнуться в проблемы исключительно американские.

* * *

Договор о присоединении был подписан 12 апреля 1844 года.

12 июня североамериканский сенат в первом чтении отверг договор 35 голосами против 16.

«Я устраниюсь, — сказал сенатор Бентон, — от всяких попыток расчленить Мексиканскую республику, за-

владев ее территориями в Новой Мексике, Чиуауа, Коауиле и Тамаулипасе. Договор во всем том, что касается границы по Рио-Гранде, является для Мексики беспримерным оскорблением. Это захват 200 тысяч миль ее территории без единого слова объяснения и в силу договора с Техасом, в котором Мексика не принимает участия». Он заключил свое выступление следующим предложением: «*Постановляется*: что включение левого берега Рио-дель-Норте в Американский союз в силу договора с Техасом, в состав которого во время присоединения вошла часть мексиканских департаментов — Новая Мексика, Чиуауа, Коауила и Тамаулипас, явилось бы актом прямой агрессии против Мексики, во всех последствиях которой ответственными были бы Соединенные Штаты».

* * *

В январе — феврале 1845-года палата представителей и сенат Соединенных Штатов утвердили договор о присоединении. Президент США Тейлор санкционировал его 1 марта.

Мексика объявила отношения прерванными, вручила североамериканскому посланнику Шеннону паспорта и отозвала Алмонте из Вашингтона. Алмонте обвинил Соединенные Штаты в «ограблении значительной части территории дружественной нации». Конгресс закрыл порты для североамериканских судов и приказал коммерсантам этой национальности покинуть страну. Но объявления войны не было. Наоборот, в конце апреля конгресс уполномочил правительство рассмотреть предложения Техаса и даже в зависимости от обстоятельств подписать договор.

Вашингтон, напротив, объявил о мобилизации. Он разместил девять военных кораблей в Мексиканском заливе. Направил в Тихий океан эскадру коммодора Слэйта — 7 военных кораблей с двумя-тремя тысячами человек — с конфиденциальным приказом занять Сан-Франциско и другие мексиканские порты с первым получением известия о войне. В апреле он направил тайного представителя Пэррота в Мехико с инструкцией Бьюкенена: «Соединенные Штаты хотели бы восстановить отношения... Он должен войти в контакт с членами правительства и показать им целесообразность такого шага

для Мексики... Соединенные Штаты готовы послать представителя, как только узнают, что его примут достойно... Он должен неустанно повторять, что вопрос о Техасе решен окончательно, но настаивать также на том, что все нерешенные вопросы будут обсуждены при самом благоприятном отношении США... Он должен широко информировать нас о правительстве страны и его склонностях и предпочтениях, отдаваемых другим нациям».

Пэррот не имел доступа в официальные круги, но он, без сомнения, был усердным представителем. В донесении Бьюкенену он сообщал: «Кабинет является пацифистским... Но военный дух дает себя чувствовать в провинциях, по которым проходят почти раздетые солдаты... Филисола должен был задержаться на середине своего пути к границе из-за нехватки ресурсов. Власти Калифорнии отказывались принимать подкрепления, посылаемые центральным правительством... К несчастьям, переживаемым мексиканской нацией, добавляется еще то, что барон де Сипрей разорвал отношения между Францией и Мексикой... Отношения с Францией, похоже, достигли *casus belli*. В Сан-Луис-де-Потоси восстал генерал Паредес, захватив все деньги и амунисию, предназначенные Аристу, находящемуся на границе. Положение настолько серьезно, что здесь опасаются возникновения гражданской войны вместо мировой... [Пэррот] убедил директора газеты оппозиции «*Ла вос дель пуэбло*» в том, что воевать с Соединенными Штатами было бы безумием, и таким образом было положено начало кампании в печати...»

В то же самое время, как Вашингтон направлял Пэррота, 29 марта правительство Техаса поставило в известность барона де Сипрей, посланника Франции в Мексике, о следующих предложениях, направленных мексиканскому правительству: «Первое: Мексика соглашается признать независимость Техаса; второе: Техас обязуется предусмотреть в договоре, что он не примкнет и не присоединится ни к какой другой стране; третье: границы и другие вопросы явятся предметом урегулирования в окончательном договоре; четвертое: Техас быстро представит спорные пограничные и другие вопросы на решение арбитров».

Мексиканский конгресс со своей стороны уполномочил правительство «рассмотреть предложения, сделан-

ные Техасом, и перейти к урегулированию или подписанию договора, который был бы целесообразным и достойным для Республики...»

Но государственный секретарь Техаса Эшбел Смит информировал конгресс новой республики о двух синхронных шагах: «Одновременно с рекомендацией обсудить предложение о присоединении Техаса к Соединенным Штатам правительство имеет удовольствие известить конгресс... что в городе Мехико 10 мая были подписаны некоторые предварительные условия мира, базирующиеся на признании Мексикой независимости Техаса».

Государственный департамент воспользуется затем готовностью Мексики признать независимость Техаса как доказательство того, что он является действительно «независимым»...

«...Эти переговоры были не чем иным, как хитростью со стороны техасского и американского правительств, чтобы придать некоторую видимость законности своих действий...» — говорит Карреньо.

* * *

Консул Соединенных Штатов в мексиканской столице Блэк добился согласия правительства Мексики принять североамериканского уполномоченного с условием, что прежде будут отозваны американские морские силы, расположенные в районе Веракруса. Пенья-и-Пенья, мексиканский министр иностранных дел, «очень настаивал на требованиях, которым должна отвечать персона, которая будет наделена полномочиями, что она, помимо прочего, должна быть персоной грата и ни в коем случае не лицом, подобным Пойнсетту...» — сообщал Блэк Бьюкенену.

В качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Бьюкенен назначил Джона Слайдела. Его первой задачей было воскресить доктрину Монро: «Противодействовать влиянию иностранных держав, направленному против Соединенных Штатов... Все, что не направлено на применение принципов доктрины Монро, равноценно утрате собственной независимости». Он должен был отвергнуть любое предложение об арбитраже и противодействовать вмешательству Европы в

американские дела. (А разве Пруссия не выступала раньше арбитром в претензиях Соединенных Штатов к Мексике?) Он должен был вновь поставить вопрос о претензиях. Североамериканские граждане имели достаточно терпения, и не стоило бы испытывать его снова. К счастью, присоединение Техаса предоставляло возможность окончательной оплаты счета, включая проценты. Но самой важной проблемой являлась новая граница. Техас — проблема решенная. Проблема Новой Мексики была новой проблемой, но она находилась в отдалении от административных центров, и Мексика не могла бы защитить ее. К тому же этот шаг был бы причиной постоянного беспокойства на североамериканской границе. Пограничная линия должна включить Новую Мексику в территорию Соединенных Штатов. В обмен на это Соединенные Штаты отказались бы от своих собственных претензий и, кроме того, уплатили бы пять миллионов долларов. Что же касается Калифорнии, то Соединенные Штаты не могут позволить, чтобы она попала в руки англичан или французов. Соединенные Штаты особенно заинтересованы в бухте и порте Сан-Франциско. Если бы эта бухта была уступлена Соединенным Штатам, они, помимо погашения сумм по претензиям, предложили бы 25 миллионов долларов. А если будет исключен Монтеррей, эта сумма снизится до 20 миллионов. Все это — максимальные цифры. Переговоры должны проходить быстро. Если же появятся трудности, Соединенные Штаты займут более энергичную позицию. Договор должен быть доставлен в Вашингтон уже ратифицированным мексиканским правительством. Таковы были инструкции Слайделу.

Слайдел не смог выполнить свою особую миссию, но его вмешательство ускорило процесс. Правительство Эрреры не приняло его верительных грамот. Признать его в качестве полномочного представителя было бы равносильно восстановлению отношений. Если его миссия ограничивалась проблемой Техаса, то и он был представителем США (*ad hoc*) лишь в этом вопросе. В своем ответе мексиканскому министру иностранных дел Слайдел подчеркнул проблему претензий. Почти в самом конце ответа он нравоучительно добавил: «Мексика отвергает оливковую ветвь, которую ей предлагают Соединенные Штаты».

В самом начале 1846 года Эррера должен был оставить президентский дворец. Победу одержал Паредес, поднявший мятеж. Слайдел надеялся, что Паредес его примет. Но Паредес также его не принял. Новый министр иностранных дел Кастильо-и-Лансас даже не ответил на его ноту от 24 декабря. Так прошли январь и февраль. 1 марта Слайдел выдвинул ультиматум: он ожидает ответа до 15 марта. В противном случае он будет вынужден запросить свои паспорта.

На этот раз Кастильо-и-Лансас ответил. Его ответ был серьезным, умеренным, сдержанным и спокойным, исполненным достоинства, твердой и непреложной решимости. «Правительство считает несовместимым наличие военных сил, выставленных Соединенными Штатами по обоим берегам Мексики, и войск, передвигающихся вдоль северной границы, с предложениями мира и взаимопонимания, сделанными Слайделом». Намерения Соединенных Штатов расширить свою территорию за счет Мексики были ясно видны. Техасские события подтвердили это. Мексика неоднократно заявляла, что присоединение Техаса будет рассматриваться как *casus belli*. Мексика приняла предложение Техаса начать переговоры. Но Соединенные Штаты поспешили с аннексией. Соединенные Штаты чередовали в своих отношениях с Мексикой интриги с насилием. Мексика была оскорблена и унижена. Но Соединенные Штаты настаивали на мирном урегулировании, не восстановив нанесенного ущерба, претендовали на то, чтобы был принят полномочный посланник, как если бы не было вопроса о Техасе. Но по этому вопросу Мексика придерживалась своих прежних позиций: присоединение Техаса означало войну, чтобы предотвратить ее, она была готова вести переговоры. В любом случае ответственность за войну падает исключительно на Соединенные Штаты, которые вторглись на территорию Мексики и угрожали ее портам. Что касается Слайдела, Мексика согласилась принять его *ad hoc*.

Слайдел ответил 17 марта 1846 года. Но этот ответ лишь показывал беспомощность его аргументов. Главный из них основывался на праве Техаса на независимость. В 1824 году Мексика гарантировала Техасу его положение как автономного штата, члена Федерального союза. Когда Мексика ввела централистский режим, Те-

хас не признал центрального правительства. Затем он провозгласил свою независимость и объявил о присоединении к Соединенным Штатам. «По какой причине Мексика приписывает Соединенным Штатам желание найти повод для начала военных действий?.. Вопрос дошел сейчас до такого момента, когда слова должны уступить место делам...» Слайдел, разумеется, игнорировал Пойнсетта. В 1828 году, когда Мексике приписывались властолюбивые намерения относительно Гватемалы, в то время являвшейся частью Федерации Центральной Америки, Пойнсетт писал Клею: «Похоже, Мексика не знает, на что идет, пытаясь установить принцип, что часть федерации может свободно отказаться от первоначального договора и объединиться с другим государством, когда она сочтет это удобным».

Второго апреля Слайдел писал Бьюкенену с борта корабля «Миссисипи»: «Североамериканские войска должны выиграть время, занимая позиции вдоль берегов Рио-Гранде-дель-Норте. Наибольшее препятствие для Паредеса состоит в трудности поднять армию, способную идти на столкновение с генералом Тейлором. Он никоим образом не может собрать сейчас 6 тысяч человек...»

* * *

Ревниво относясь к форме, госдепартамент не опускает деталей. Все тяготы войны должны пасть на Мексику. Вся польза и все выгоды достаются Соединенным Штатам. Последние инструкции Бьюкенена Слайделу содержат окончательные детали «утонченного преступления».

Инструкция от 20 января 1846 года гласит: «Если мексиканское правительство так же, как и раньше, будет упорствовать в безумном и бесчестном акте, отказываясь принимать североамериканского уполномоченного, Соединенные Штаты вынуждены будут действовать по своему усмотрению и решительно поставить вопрос о претензиях своих граждан... Президент хотел бы, чтобы вы вели себя настолько умно и твердо, чтобы голос американского народа был единодушным и в требовании удовлетворить претензии наших обиженных истцов, которые страдали столько времени... На случай, если они откажутся пойти на переговоры, президент уже отдал приказ армии, находящейся в Техасе, расположиться вдоль Рио-

Гранде, а эскадре сосредоточиться в Мексиканском заливе так, чтобы она могла действовать, не теряя времени...»

Инструкция от 28 января 1846 года: «Если будет необходимо полностью порвать отношения, американскому народу и всему миру нужно со всей ясностью показать, что этого невозможно было избежать без бесчестия... Президент направил бы этот вопрос конгрессу и призвал бы нацию к защите своих справедливых прав и отмщению за оскорбленную честь. Военные силы, расположенные уже в стратегических пунктах, будут наготове; президент уже отдал приказ нескольким фрегатам сосредоточиться в районе Веракруса...»

12 марта Бьюкенен потребовал соблюдения мелких формальностей. Необходимо было показать североамериканскому народу, что как правительство Эрреры, так и правительство Паредеса отказались принять североамериканского уполномоченного, а также продемонстрировать те усилия, которые были предприняты для возмещения претензий. «Все это должно быть очень ясно продемонстрировано, прежде чем начать военные действия». Кроме того, «если это будет возможным, напомните в деликатной и тактичной форме правительству, что Соединенные Штаты с большим удовольствием оказали бы экономическую помощь в случае положительного урегулирования пограничного вопроса. Мы были бы готовы разрешить Паредесу поездку в Вашингтон на время процедуры подготовки договора».

Слайдел со своей стороны подталкивал Бьюкенена. 6 февраля он сообщил ему, что его не примут, «пока не будет разрешена проблема штата Орегон и пока не появится настоящая угроза войны». Вновь и вновь он утверждал, что «невозможно иметь дела с мексиканцами, пока они не получают назидательного наказания».

* * *

Дипломатический кризис достиг наивысшего накала. Теперь слово было за генералом Тейлором. Но здесь необходимо вернуться к генералу Гранту: «Присутствия войск Соединенных Штатов на окраинах спорной территории, за пределами мексиканских населенных пунктов, не было достаточно для провоцирования военных действий».

вий. Мы были использованы для провоцирования войны, но суть заключалась в том, чтобы войну начала Мексика... Поскольку Мексика не изъявляла какого-либо желания присутствовать на Рио-де-лас-Нуэсес, для «агрессора» (*sic!*) стало необходимым приблизиться на такое расстояние, чтобы его атаковать; в соответствии с этим была предпринята подготовка к тому, чтобы двинуть армию к Рио-Гранде, к месту, находящемуся поблизости от Матамороса...»

25 апреля 1846 года в Ла-Росите произошло первое вооруженное столкновение. Агрессоры потеряли одного офицера и восемь солдат, кроме того, двое были ранены. Капитан Торнстон и 46 солдат были взяты в плен.

11 мая Полк заявил североамериканскому конгрессу: «После неоднократных угроз Мексика перешла границу Соединенных Штатов, вторглась на нашу территорию и пролила североамериканскую кровь на североамериканской земле. Война стала фактом, и, несмотря на все усилия, направленные на ее предотвращение, она ведется по вине Мексики».

13 мая война была объявлена.

Но уже к этому времени произошли бои при Пало-Альто (8 мая) и при Ресака-де-ла-Пальма (9 мая)...

Приказ о вторжении отдал сам Полк, 13 января военный министр США Мэрси писал генералу Тейлору: «Президент поручил мне дать вам указание, чтобы вы продвигались вперед и с войсками, находящимися под вашим командованием, заняли позиции на восточном берегу Рио-дель-Норте или недалеко от него, как только будет целесообразно это сделать... При существующих у нас отношениях с Мексикой у нас нет намерения, чтобы вы считали ее врагом, но, если Мексика станет им, будь это объявление войны или какой-либо другой акт открытой вражды по отношению к нам, вы не должны занимать исключительно оборонительную позицию». Тейлор выполнил приказ. Он продвинулся до левого берега реки и укрепился там. Была середина марта.

Это сопоставление дат более красноречиво, чем самая сильная защитительная речь.

Зачем говорить о языке официальных заявлений? И зачем говорить об отношениях между президентом и конгрессом?

* * *

Слэйт со своей стороны поспешил выполнить конфиденциальные приказы. 7 июля 1846 года он захватил Монтеррей. «Отныне и впредь Калифорния будет частью Соединенных Штатов», — писал он в одном из воззваний.

Одновременно действовала «научная миссия» Фримонта... Назначенная официально для топографических и научных исследований в Калифорнии и Орегоне, она должна была ждать восстания. Выдворенный из Калифорнии, Фримонт проник в Орегон. Там он получил письмо от своего свекра сенатора Бентона и государственного секретаря Бьюкенена: «Одно из писем, хотя и казалось изъявлением простой дружбы, содержало в себе темные и загадочные места, но я их изучил, и они мне дали понять, что правительство требовало от меня, чтобы я разыскал любые иностранные планы в отношении Калифорнии и противодействовал им». Взрыв произошел. Калифорнийцы провозгласили свою независимость. Республика Калифорния родилась под защитой Фримонта. Но ее существование было чересчур эфемерным. Оно длилось лишь до тех пор, пока не объединились силы Фримонта и коммодора Стоктона.

* * *

Месяцем позже, 15 августа, полковник Керни обратился из Лас-Вегас к жителям Новой Мексики: «Я пришел к вам по приказу моего правительства, чтобы овладеть этой страной и распространить на нее законы Соединенных Штатов. Мы считаем ее, и считаем уже длительное время, частью территории Соединенных Штатов, мы прибыли к вам как друзья, а не как враги; как защитники, а не как завоеватели; для вашего блага, а не для вреда вам. Вследствие этого я объявляю вас свободными от любой зависимости от мексиканского правительства...»

Керни проследовал в Калифорнию. Прибыв туда, он увидел, что Слэйт арестовал восставших патриотов: «Они подлежали наказанию по закону, а их собственность конфискована». Керни решил пощадить их: «Я, нижеподписавшийся, от имени моего правительства освобождаю всех, кто проживает на занятых нами территориях под американским флагом, ранее принадлежавших

Мексике, от всяких обязательств, какие они имели к своей стране, и объявляю их, отныне и навсегда, гражданами Соединенных Штатов...»

* * *

Североамериканские силы наступали по всем фронтам.

А тут еще этот Паредес, отказавшийся принять Слайдела, отвергший экономическую помощь Вашингтона...

5 июля адмирал Алекс Слайдел Маккензи посетил в Гаване Санта-Ану. «Соединенные Штаты лишь отразили несправедливую агрессию милитаристского деспотического правительства Паредеса», — сказал Маккензи Санта-Ане. Если бы это правительство было заменено другим, более верно отражавшим интересы и чувства мексиканского народа, война закончилась бы очень быстро. Считая, что генерал Санта-Ана обладал качествами для образования такого правительства, президент Соединенных Штатов выражает надежду на возможность его восстановления у власти... «В качестве доказательства своей искренности президент отдал приказ командующему эскадрой, блокирующей Веракрус, не чинить никаких препятствий, если Санта-Ана захочет возвратиться». Взамен за такую поддержку Соединенные Штаты рассчитывают лишь на «некоторые участки Северной Мексики, представляющие собой пустоши и малонаселенные районы... Эта часть ее территории, которая, возможно, уже находится... во власти Соединенных Штатов, была бы той частью, которую Мексика должна была бы уступить в обмен на крупную компенсацию наличными деньгами для восстановления ее финансов, упрочения ее правительства и учреждений и для того, чтобы заложить основу ее власти и процветания с целью оградить ее от будущих незаконных захватов...».

Санта-Ана не мог ожидать ничего лучшего: «Если правительство Соединенных Штатов идет навстречу его патриотическим желаниям, он обещает добиться предлагаемых выше условий мира...» Санта-Ана вернулся, как было условлено. Он свободно высадился в Веракрусе. И через некоторое время вновь встал у власти.

* * *

Два года длилась война. Борьба была неравной.

17 миллионов европейцев и лиц европейского происхождения и 3 миллиона рабов против 4 миллионов индейцев и 3 миллионов метисов и белых.

Эта неравная борьба явилась, кроме того, отражением неодинакового развития двух частей Америки, столкнувшихся впервые на поле битвы.

Это было столкновение двух цивилизаций, двух общественных систем, которые представляли собой соответственно прошлое и будущее и выражали медленную агонию испаноамериканского средневековья и агрессивную мощь англо-американского капитализма, едва успевшего возмужать.

Рабское положение индейцев и крупная церковная собственность характеризовали Мексику в период вторжения. Колониальные порядки, заведенные там средневековой Испанией, продолжали существовать, их тлетворное влияние ощущалось в деревне и в городе, в сельском хозяйстве и в мастерских, в горной промышленности и в торговле, в разобщенности и в отсутствии национального духа. И на вершине — нищее государство и церковь-миллионер. В час нашествия церковь отказала в помощи, которую запросила республика. Тогда началась реформа. Церковь выступила против республики, способствовала агрессору.

Агрессор же, наоборот, несмотря на структурный раскол на Юг и Север, являлся знаменосцем промышленной революции. Железо, уголь, сталь, тысячи километров рельсов, миллионы лошадиных сил, громадный торговый флот. А в деревне земля, «свободная от феодальных повинностей» в руках «свободного владельца», и металлический плуг, сноповязальная, хлопкоуборочная машины. И государственная рента, все возрастающая.

Североамериканская пехота применяла ружья с ударным механизмом. Мексиканская — старые английские кремневые ружья.

Североамериканская кавалерия имела мушкеты, пистолеты и сабли. Мексиканская — кремневые мушкеты, сабли и копыя.

Североамериканская артиллерия пользовалась пушками крупного калибра; батареи располагали обозами, которые подвозили боеприпасы во время боя. Мексикан-

ская артиллерия испытывала недостаток в снарядах, передвигалась на мулах, боеприпасы доставлялись также на мулах. «У нас было большое преимущество в артиллерии», — говорит Грант.

Ядро североамериканской армии — 100 тысяч человек, включая 8 тысяч человек на флоте, — было профессиональной армией. У Мексики не было профессиональной армии.

В североамериканской армии солдаты хорошо оплачивались. В мексиканской армии были войска, которые никогда не получали полностью своего жалованья. Говоря о техасской кампании 1836 года, генерал Филисола¹ рассказывал в своих «Мемуарах»: «Состояние войск было ужасным. Одежду, которая разваливалась от грязи, не счищавшейся в течение трех месяцев, не стирали. Командиры и офицеры были разуты...» В одном своем сообщении военному ведомству Филисола пишет: «Задолженность армии выросла до 600 тысяч долларов. Офицерский состав закладывает даже рубашки. Никто им уже не продает ничего в кредит...» Положение в 1846—1848 годах было не лучше.

Кроме того, в североамериканской армии «каждый имел какой-то личный интерес», а за что сражались мексиканские индейцы и метисы? Половина всей земли в штате Коауила, пишет Марио Хиль, около 150 тысяч квадратных километров, принадлежала маркизу Сан-Мигель де Агуайо, а остальная часть распределялась между двумя латифундиями — братства Иисуса и Хосе Мигеля Санчеса Наварро².

Может показаться, что от Пало-Альто до Чапультепека североамериканская армия в непрерывных боях добивалась побед.

Это было не так.

Неоднократно сами мексиканские генералы превращали бесспорную победу своих войск в неожиданное поражение. Такой была битва при Ла-Ангостуре (Буэнависта) 22 и 23 февраля 1847 года. «Генерал Тейлор был заперт в одном ущелье, выходы из которого были заняты мексиканской армией». Однако Санта-Ана вер-

¹ Филисола, Висенте — мексиканский военачальник, автор книги «Memorias de Vicente Filisola».

² См.: Марио Хиль, Наши добрые соседи (перевод с исп.), М., 1959, стр. 55.

нул 400 пленников и покинул поле сражения. Позднее капитан Блэд рассказал, что Тейлор, уже полностью разгромленный, поручил ему встретиться с Санта-Аной и предложить ему 4 миллиона долларов. Санта-Ана «тут же согласился и получил деньги». Также известно, что в этот день было получено известие о восстании, вдохновляемом епископами.

Было и несколько пирровых побед. Генерал-инспектор Хитчкок записал в своем дневнике в день битвы при Молино-дель-Рей: «Хотя мы захватили 6 артиллерийских орудий — все, какие враг имел на поле битвы, — 48 офицеров и 632 солдата в плен, мы сокрушены, как Ганнибал после битвы при Каннах; 20 августа мы могли войти в столицу, но не сделали этого (что я могу подтвердить). 8 сентября мы были в положении Пирра после его схватки с Фабрицио: «Еще несколько подобных побед, и мы остались бы без армии».

Но агрессор не доверил свою судьбу полю битвы. С помощью высшего духовенства и господствующих классов внутренний фронт был подорван до такой степени, что парализовал национальную армию в самые решающие моменты. Государственный департамент без зазрения совести опубликовал донесение своего конфиденциального агента Мозеса Й. Бича после его возвращения из Мексики, датированное в Нью-Йорке 4 июля 1847 года. Бич был в Мексике на положении торгового агента. Задержанный в качестве шпиона, он рассказал о проекте строительства канала через перешеек Теуантепек и таким образом добился своего освобождения... Президенту Гомесу Фариасу он говорил о создании национального банка... Санта-Ане — снова о канале. Но лучше ознакомиться с записями самого Бича: «Справедливости ради следует признать, что столь важное завоевание доверия у мексиканской церкви было во многом облегчено дружескими советами и рекомендательными письмами некоторых высших сановников католической церкви в Соединенных Штатах и на Кубе, которые они направляли лицам, занимавшим в мексиканской столице аналогичное положение...»

«Я обнаружил, что обе партии, как друзья, так и противники генерала Санта-Аны, были страстно заинтересованы в продолжении войны... Главные епископы вели переговоры с Санта-Аной, и я не только убедил их в опас-

ности оказывать ему помощь в борьбе против Соединенных Штатов, но и добился того, чтобы они вернули курьера, которого они послали к нему в лагерь с обещанием поддержать его. Не колеблясь, я давал обещание, что наше правительство будет уважать свободу и собственность церкви; и, таким образом, у меня не было больших трудностей уговорить влиятельных епископов Пуэблы, Гуадалупе и Мичоакана через их представителя, главу ордена Сан-Висенте де Пуала, не оказывать никакой поддержки, ни прямой, ни косвенной, для продолжения войны. Я убежден, что любой последующий вклад их или казначейства архиепископства Мексики можно просто взять силой. Они обещали также убедить своих друзей в конгрессе защищать мир в подходящий момент, а тем временем проваливать мероприятия партии, которая *bona fide* способствует войне. У меня имеются все основания полагать, что они это сделали с большой эффективностью на секретных собраниях в феврале и марте. Когда правительство решило наложить новую контрибуцию на церковь, я подбил их на организованное сопротивление¹. И действительно, когда генерал Скотт объявил о своей высадке в Веракрусе, они подняли знамя гражданской войны в столице, в Пуэбле и до определенной степени в Мичоакане. Пять тысяч человек, все вооружение и боеприпасы и другие средства правительства были отвлечены в течение 23 дней, что помешало им оказаться в Веракрусе, укрепить Пуэблу и крепости, находящиеся поблизости от берега.

На десятый день мятежа мне сообщили, что у духовенства просят 50 тысяч долларов, чтобы повстанцы могли продержаться еще неделю, и что требуемая сумма будет выдана лишь в том случае, если серьезность положения оправдывает эту меру. Так как генерал Скотт еще только выгружал свою артиллерию в Веракрусе и должен был там задержаться на некоторое время, я решил, что при данных условиях любая денежная поддержка будет оправданной, и восстание продолжалось до тех пор, пока неожиданное прибытие генерала Санта-Аны не положило ему конец.

10 марта я направил послание генералу Скотту, сооб-

¹ Декретом от 11 января 1847 г. конгресс уполномочил правительство Гомеса Фаринаса заложить или продать недвижимое имущество церкви за 15 миллионов песо. Церковь ответила восстанием.

шая ему о благоприятной нам позиции духовенства, и представил ему всю необходимую информацию для его продвижения к столице».

Захватчики вели войну с неопишущим садизмом. Достаточно обратиться к высказываниям самих североамериканцев. Ливермур и Банкрофт, современники этих событий, оставили правдивые свидетельства, их никто не опровергал.

«Бомбардировка Веракруса продолжалась четыре дня. Она была ужасной и совершенно ненужной», — пишет Банкрофт.

Ливермур говорит, что раненых приканчивали прямо на поле битвы, а пленников сжигали живьем. «Эти факты подтверждаются самыми высокими официальными кругами», — пишет он.

Пресса рабовладельцев подстрекала к геноциду.

«Мы должны разрушить город Мехико и сравнять его с землей. Сделаем то же самое с Пуэблой, Пероте, Халапой, Сальтильо и Монтерреем. Выполнив это, мы должны повесить наши требования», — писала одна газета.

«Уничтожим мексиканцев, принесем смерть и разрушение во все семьи; пусть они сгибаются под этим железным гнетом, это их научит уважению», — писала другая.

Методы североамериканской оккупации останутся неизгладимым пятном в истории человечества.

6 октября 1846 года генерал Тейлор пишет из Монтеррея в военный департамент о добровольцах Техаса: «Надеюсь, что с их отъездом спокойствие и порядок будут восстановлены в Монтеррее, так как я с сожалением сообщаю, что с момента капитуляции города этими добровольцами были совершены позорные зверства».

Приказ самого Тейлора от 2 декабря гласил: «Честь страны и армии была скомпрометирована в этом смысле; и в интересах всех следить за тем, чтобы репутация той и другой не была бы дискредитирована актами разбоя и мародерства. Войска достаточно снабжены продовольствием и фуражом в соответствии с законом, и ничто не может оправдать скандальное нарушение прав частной собственности».

Другой приказ Тейлора гласил: «Такие факты, наподобие только что совершенных кавалерийской группой

из Арканзаса, покрывают неизгладимым позором наше оружие и репутацию нашей страны».

Донесение от 16 июня 1847 года в военный департамент содержит следующие утверждения: «Едва ли есть вид преступления, которое бы не было совершено... Эти зверства происходят постоянно, и потому я воздерживался сообщать в департамент...»

Скотт, заменивший Тейлора, в секретном донесении от 25 сентября 1848 года, когда столица была уже оккупирована, писал: «...нет надежды вывести на правильный путь дальние гарнизоны и отряды, которыми невозможно управлять никаким писаным кодексом приказов и инструкций, присылаемым издалека».

Ни перед чем не останавливались оккупанты. Церкви, монастыри и школы были превращены в казармы. Сотни детей были силой изгнаны оттуда, «они бродили по улицам, многие из них не имели ни семьи, ни крыши над головой». Викарий, член капитула архиепископства Мехико, заявил Скотту о ежедневных нападениях солдатни: «Срывают все иконы, опустошают ящики, комоды и стеллажи с орнаментом и другими украшениями храмов, уже украдены ковры и все, что представляло какую-либо ценность... Самое скандальное и кощунственное ограбление было совершено в церквях и ризницах Третьего ордена, где были просверлены стены, взломаны двери, окна, стеллажи и ниши церкви, были даже подняты крышки гробниц и выдраны спинки стульев в поисках денег и драгоценностей».

Но и сам Скотт ограбил университет и отправил в Вашингтон знаменитый архив Сигуэнсы и Гонгоры — 28 томов лучших рукописей.

И как будто захватчикам не было достаточно того, что они грабили сами, они организовали и вооружили, финансировали и взяли под свою защиту еще и местных бандитов и, соединившись с ними, расширили разбой, вели опустошительные и подрывные действия и таким образом извлекли еще большую прибыль для себя.

И этому не было предела.

Многие из этих преступлений были отмщены партизанами.

А что касается чести и мужества мексиканского народа, достаточно вспомнить гибель подростков из Военной академии Чапультепека...

Америка в руках каудильо, усыпленная алчным духовенством, кажется безразличной, бесчувственной к этой трагедии. Это были времена Карреры в Гватемале, Монагаса в Венесуэле, Боливиана в Боливии, Росаса в Аргентине, Лопеса в Парагвае. В Чили шла глухая борьба консервативной олигархии с либеральными идеями. Это были дни экспедиции Флореса, проводившейся под покровительством Испании. Ни «либерал», «сержант из Айякучо» Кастилья, ни «боливарец» Москера не смогли противостоять агрессору, хотя последний и требовал территориальной гарантии Колумбии... но и он сдался, подписав договор Мальярино — Бидлака в 1846 году...

Но было исключение.

Маленький Гондурас. Близость хищника разбудила его. Только он приготовился отразить общую опасность.

1 июля 1847 года Хуан Линдо, президент Республики Гондурас, обратился к народу с призывом оказать помощь Мексике:

«Рок вершит сейчас судьбами Мексики и угрожает ее сыновьям уничтожением и скорбью. Североамериканцы уничтожили прекрасный город Веракрус, завладели его развалинами и двигаются на столицу...

Они наши братья, их опасность — наша опасность, и их судьба — это та судьба, которая ожидает нас; мы не должны хранить молчание, а наоборот, помочь им каким-либо образом в их благородной борьбе.

Пусть знают все, что гондурасцы готовы исполнить свой долг, каким бы он ни был...

Сегодня я обращаюсь с призывом к руководителям Мексиканской республики, делая им соответствующие предложения, для того, чтобы, если это будет воспринято положительно, мы постарались прийти им на помощь, насколько это будет возможно, или по крайней мере заявить о нашей солидарности с их делом и свободой...»

* * *

Мирные переговоры начались в августе 1847 года, после сражения при Чурубуско.

5 апреля Полк предоставил широкие полномочия Николасу П. Тресту, бывшему консулу в Гаване, второму человеку в иерархии госдепартамента, «для ведения пе-

переговоров и урегулирования разногласий между двумя странами и заключения договора о прочном мире, дружбе и границах». Трист получил, кроме того, ноту от государственного секретаря для министра иностранных дел Мексики, извещающую о его назначении, и проект договора. Инструкции были простой таблицей эквивалентов. Новая Мексика и Верхняя Калифорния были условием *sine qua non*. За Новую Мексику и Нижнюю Калифорнию Соединенные Штаты заплатили бы 15 миллионов песо, но если к тому же будет предоставлено право транзита по перешейку Теуантепек, эта сумма возрастет до 30 миллионов, срок оплаты 10 лет. За Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию предлагалось 20 миллионов, а с правом транзита по перешейку — 25 миллионов. За Новую Мексику и обе Калифорнии — также 25 миллионов. Суммы максимальные, и они должны были быть предложены лишь в случае крайней необходимости, а пределом на переговорах должны быть 15 миллионов долларов.

Через два месяца, 22 июня, из североамериканской штаб-квартиры и через британскую миссию Скотт и Трист сообщили мексиканскому правительству о назначении последнего полномочным представителем.

Прошло еще два месяца. 21 августа Скотт предложил перемирие и настаивал перед мексиканским правительством на присутствии Триста и на целесообразности переговоров, чтобы положить конец «войне», в которой «пролилось чересчур много крови».

22 августа было подписано перемирие в Такубайе.

Теперь Санта-Ана намеревался выслушать предложения о мире. Ранее он отложил свой ответ, бесполезно ожидая полномочий от конгресса. Совет министров назначил уполномоченных и выдвинул условия, приемлемые для Мексики. Для начала уполномоченные должны были ограничиться выслушиванием и передачей правительству североамериканских предложений.

27 августа начались переговоры в Атцкапотцалько. На следующий день Трист представил проект договора.

Намерение обоих правительств определяются в это время в соответствующих документах.

Планы мексиканского правительства были изложены в 21 пункте и двух предварительных инструкциях. Вторая из них содержала следующие пункты: «Мексике

необходимо обдумать, намеревались ли Соединенные Штаты расширить свою территорию, если да, то почему они не остались на той территории, которую фактически оккупировали? Если их представитель прибыл в столицу в поисках санкции на согласие, следует отказаться от того, чего не желают уступать; в противном случае пусть они завершают свои дела и война продолжается». Немедленно признавалась независимость Техаса при «соответствующем возмещении убытков». Территория Техаса простиралась до реки Нуэсес, и «ни в коем случае» до Рио-Браво. Условием для обсуждения других территориальных вопросов должна быть эвакуация североамериканских войск с оккупированной территории и снятие блокады портов. Можно было начать переговоры о Верхней Калифорнии. «Граница ни в коем случае не должна проходить по 26° широты», если будет уступлен какой-нибудь порт и если этим портом явится Сан-Франциско, он будет «факторией, но только не границей». Предусматривалось возмещение за порт и дорогу в Орегон; за нанесенный ущерб, вред и чрезвычайные военные расходы; за нанесенный ущерб семьям и владениям Матамороса, Монтеррея, Веракруса и других городов и усадеб республики; за грабеж, совершенный войсками и бандами, организованными оккупационной армией. В качестве оплаты за понесенные убытки Соединенные Штаты предложили считать погашенными суммы по претензиям, предъявленным Мексике. «Соединенные Штаты обязуются не допускать системы рабовладения на территории, получаемой по договору». Договор будет составлен «на основе взаимности». Гарантия его соблюдения будет обеспечиваться какой-либо европейской страной или континентальным конгрессом. «Подписываемый договор никоим образом не может нанести вред принципу наиболее благоприятствуемой нации, предоставленному республикой другим нациям, с которыми она заключила договоры».

Люди, считающие себя «практиками» и «реалистами», критикуют некоторые аспекты мексиканского документа, носящие характер зависимости. Но они забывают о существенных аспектах, хотя некоторые из них имеют громадное значение для испаноамериканских стран. Мексиканское правительство стремилось спасти достоинство нации и в меру возможности — целост-

ность своей территории. Несмотря на это, оно было готово под давлением жестокой действительности вести переговоры о территории, которую жаждал получить агрессор, и требовало, чтобы Мексике было разрешено хотя бы обдумать претензии завоевателя. Мексиканское правительство противопоставило диктату захватчика и его так называемому праву на завоевание ясные гуманистические принципы, право народов и мораль. Мексика, поверженная, оккупированная, побежденная, распятая на кресте, истекающая кровью тысяч ран, требовала от победителя, чтобы он не распространял рабства на завоеванные территории. Требовала европейской гарантии государств или континентального конгресса. Требовала уважения к статусу наиболее благоприятствуемой нации, предусмотренному соглашениями, заключенными с другими странами, то есть уважения общественного мнения страны. Мексика защищала свою торговлю от североамериканской монополии и свою свободу торговли. Наивность, романтизм, отсутствие чувства реальности, скажет креольский патриций. Как будто военное поражение обязывало отречься от принципов и национального достоинства.

Североамериканский проект договора устанавливал, что с его ратификацией прекращались военные действия, а с обменом ратификационными грамотами должны были быть окончательно прекращены военные действия. В этом случае Соединенные Штаты возвращали все укрепления, территории и т. п., которые находились за пределами новой границы. Новая разделительная линия передавала Соединенным Штатам Техас, территорию, расположенную между Рио-Нуэсес и Рио-Гранде, Новую Мексику, обе Калифорнии и значительную часть штатов Тамаулипас, Коауила, Чиуауа и Сонора. Соединенные Штаты снимали все свои требования по военным расходам и обязывались уплатить Мексике сумму, установленную на переговорах. Соединенные Штаты брали на себя удовлетворение претензий североамериканских граждан. Мексика предоставляла Соединенным Штатам право свободного передвижения по перешейку Теуантепек, используя существующие средства транзита и те, которые будут введены в будущем. Все североамериканские товары, ввезенные в Мексику во время войны, оставались там и должны были быть проданы в стране, как ес-

ли бы была произведена оплата пошлин и налогов, установленных законом. Мексикано-североамериканский торговый договор 1831 года автоматически продлевался на восемь лет.

Это было североамериканским изданием старой дилеммы: «Кошелек или жизнь!» Оккупированная Мексика должна была подписать договор о своем собственном расчленении. А юридическая ценность нового договора? Где оно, свободное согласие оккупированной страны? Фикция... Вашингтон не был способен обосновать и обсудить свое право в мирные годы. Он не был способен на это и теперь, когда его войска были готовы занять ацтекскую столицу, потому что его доводы не исходили из права. Сейчас же, в предвкушении победы, он говорил и действовал, как самый изощренный преступник: вонзив кинжал в сердце жертвы, предварительно обезоруженной и связанной. Мир, освобождение оккупированной территории могли прийти лишь после ратификации и обмена ратификационными грамотами... Эта была дипломатия так называемой «страны свободы»! Война началась из-за Техаса, из-за одного Техаса, граничившего на юге с Рио-Нуэсес. Но Вашингтон перенес военные действия до Рио-Гранде. Теперь США требовали передачи Техаса с границами до Рио-Гранде, Новой Мексики, Калифорнии, требовали установления свободного транзита по перешейку Теуантепек и продления торгового договора с национальным режимом для своих судов и товаров. По существу, к Соединенным Штатам отходила северная половина мексиканской территории, устанавливался их контроль над перешейком, а это значило, что североамериканские интересы распространились и на южные районы мексиканской территории. Последствия этого должны были скоро сказаться и привести к новому разделу Мексики. Ее территория уменьшится до центральной области, щупальца спрута прочно охватят ее с севера и юга и будут сжимать, вытягивая жизненные соки, до тех пор пока мексиканская нация не будет доведена до полного рабского положения, до роли покорной служанки североамериканских толстосумов.

Что касается рабства, то Трист заявил, что, «если оно будет запрещено на новой территории, он не сможет ее принять ни при каких условиях, даже если бы она дала в десять раз больше того, что за нее заплачено, и вдоба-

вок была бы покрыта слоем чистого золота в целый фут толщиной».

Ознакомившись с североамериканским проектом, мексиканское правительство подтвердило свою первоначальную точку зрения, хотя и приспособило некоторые детали к обстоятельствам, предоставив своим делегатам определенные возможности для ведения переговоров.

Переговоры начались 1 сентября. Трист согласился на отказ от Нижней Калифорнии и от той части Верхней, которая связывала Нижнюю Калифорнию с континентальной частью страны. Зона между Рио-Нуэсес и Рио-Гранде должна была быть объявлена нейтральной и не заселяться ни одной из сторон, но об этом пункте должны были запросить инструкций у Вашингтона. Что касается Новой Мексики, то она была условием *sine qua non* мира. Перемирие продлевалось на 45 дней, до получения ответа из Вашингтона.

Мексиканское правительство дало новые указания своим делегатам и представило контрпроект, который был передан Триту в ноте от 6 сентября. Мексика уступала Техас и Верхнюю Калифорнию до Орегона. И ничего больше. Ни одного клочка территории ниже Рио-Нуэсес, требование большего означало возобновление военных действий. Не могло быть речи о Нижней Калифорнии и Новой Мексике. Транзит по перешейку Теуантепек уступался английским предпринимателям. За уступленную территорию Соединенные Штаты должны выдать денежную компенсацию, которая должна быть выплачена при обмене ратификационными грамотами. Соединенные Штаты обязуются полностью погасить оставшуюся сумму по рекламациям североамериканских граждан. За товары, ввезенные на мексиканскую территорию во время войны, будут выплачены соответствующие пошлины. Инструкции заканчивались следующим параграфом: «В Новой Мексике и на площади в несколько лиг между правым берегом Рио-Нуэсес и левым берегом Рио-Гранде — мир или война. Если уполномоченный Соединенных Штатов не даст возможность Мексике никакой другой альтернативы, кроме поражения или смерти, то его правительство напрасно прислало его; они еще раньше могли дать свой ответ». Трист должен был дать ответ в течение трех дней.

Пограничный вопрос сводился к следующему. Согласно североамериканскому проекту, граница шла от устья Рио-Гранде в Мексиканском заливе до верховьев 26-й параллели, следуя по течению реки до южной границы Новой Мексики на 32-й параллели и отсюда — по прямой линии до Калифорнийского залива, включая Нижнюю Калифорнию на Тихоокеанском побережье. Согласно мексиканскому контрпроекту, линия границы шла от бухты Корпус Кристи в Мексиканском заливе до верховьев 27 1/2 параллели, вдоль Рио-Нуэсес до ее истоков и отсюда по прямой линии до юго-восточной границы Новой Мексики, которая, идя на восток, север и запад, доходила до 37-й параллели и отсюда по прямой линии — до Тихого океана.

Трист отверг ноту и прервал переговоры, заявив, что «Соединенные Штаты предлагают мир согласно договору, а не выступают в роли торговцев, намеревающихся вынудить к продаже территории, действуют по закону завоевания, не в одиозном смысле этого слова, а в соответствии с правилами, более известными под названием «международной нравственности».

...«завоевание»... «международная нравственность»...

Как понимать такую несообразность?

Полная потеря смысла слов? В любом случае приведенных терминов недостаточно для прикрытия отвратительного преступления.

А как же тогда расценивать это заявление?

Лицемерие? Сарказм? Бесстыдство? Цинизм? Жестокость? Фарисейство?

Не хватает слов.

Война возобновилась.

Последовали кровавые дни Молино-дель-Рей и Чальтепека.

14 сентября североамериканская армия вошла в город Мехико.

* * *

Новые переговоры начались по инициативе Триста 2 января 1848 года в местечке Гуаделупе-Идальго. Теперь без перемирия. В ноябре 1847 года попытка бри-

танского посредничества была отвергнута Вашингтоном «в не очень вежливой форме».

Мексиканским делегатам были даны указания попытаться добиться немедленного вывода оккупационных сил и перенести обсуждение североамериканских претензий в «Американский конгресс, состоящий из представителей независимых государств Америки», или на арбитраж какой-нибудь дружественной нации. В предвидении того, что эти требования будут отвергнуты, делегаты были уполномочены признать следующую границу: от устья Рио-Гранде, затем — по ее течению до населенного пункта Эль-Пасо и оттуда — до Сьерры-делос-Мимбрес; там граница поворачивала на север до берега реки Хил, затем она следовала по ее течению до впадения в Рио-Колорадо и по параллели до Тихого океана так, что Сан-Диего оставался на мексиканской стороне.

Переговоры велись весь январь. Ввиду твердой позиции мексиканцев Трист пригрозил прервать переговоры и вернуться в Вашингтон. Он выдвинул на первый план последние указания: немедленно вернуться, с договором или без него. Скотт в свою очередь дал понять, что Вашингтон принуждал его возобновить операции, но в случае переговоров он пойдет на подписание соглашения о прекращении военных действий; в противном случае он отказывался признать правительство Керетаро, так как имел четкие указания «не давать центральному правительству никакой возможности обосновываться ни в каком другом месте республики». Таким образом, это означало полную и неограниченную оккупацию.

Договор был подписан 2 февраля 1848 года. Символично — в час захода солнца. За несколько дней до этого в Калифорнии было обнаружено золото.

Окончательная граница была определена в соответствии с первоначальной североамериканской линией, с тем лишь изменением, что была предоставлена возможность связи Нижней Калифорнии с остальной частью Мексики.

Соединенные Штаты выплачивают 15 миллионов песо, «на 5 миллионов меньше, чем было позволено инструкториями»; Мексика «освобождалась» от оплаты всех рекламаций североамериканских граждан, подлежавших оплате или ликвидации... Между тем лишь в Калифор-

нии с 1849 по 1860 год было добыто 27 миллионов унций золота — «в две тысячи раз больше того, что добыли за 60 предыдущих лет все прииски Соединенных Штатов, — на восемь лет продлевался торговый договор 1831 года, североамериканские товары, ввезенные в период оккупации и в течение 60 дней после восстановления таможен, полностью освобождались от уплаты пошлин; «металл и всякая другая собственность», экспортированные в период оккупации и до восстановления таможен, также полностью освобождались от пошлин, и никакой счет не мог быть представлен по этим статьям.

Мексика теряла территорию площадью 1 528 241 кв. км: 689 836 кв. км — Техас, 838 405 кв. км — Новая Мексика и Верхняя Калифорния. Это составляло 51 процент прежней территории Мексики. В 1849 году Ливермур писал: «Эта площадь так обширна, как Англия, Ирландия, Шотландия, Франция, Испания, Португалия, Италия и Германия, вместе взятые». На этой территории возникли затем штаты Техас, Новая Мексика, Аризона, Калифорния, Невада, Юта и часть штатов Колорадо, Оклахома, Канзас и Вайоминг.

Североамериканский сенатор Криттенден предложил пересмотреть договор. Он считал, что «согласованная территориальная уступка имела цену, превышающую справедливую сумму возмещения убытков». Это было североамериканское чувство справедливости, чувство исключительно «количественное». Однако сенатор не был неправ. Еще в ходе полемики в Мексике говорилось, что Соединенные Штаты должны были оплатить новые земли по цене, установленной североамериканскими законами для национальных земель Соединенных Штатов.

Стоит познакомиться с цифрами.

Североамериканский закон 1832 года устанавливал цену в 1,25 доллара за акр наличными. Один квадратный километр стоил 30,88 доллара. Площадь, отвоеванная у Мексики, стоила точно 47 192 082,08 доллара. Вычтя 15 миллионов и еще 3,5 миллиона за рекламации, от уплаты которых Соединенные Штаты «освободили» Мексику, в пользу Мексики оставалось еще 28 942 082,08 доллара. Но не надо забывать, что оплата, по североамериканскому закону 1832 года, производилась наличными. Соединенные Штаты же платили не наличными, а в рассрочку...

Осталось произвести подсчет населения. С переданными Соединенным Штатам территориями к ним переходили около 108 000 жителей. Но... сколько могли стоить 108 000 мексиканцев?

И тем не менее договор не удовлетворил Вашингтон. Сенат провел пересмотр. Ни эвакуация, ни снятие блокады не могли осуществиться, пока не был произведен обмен ратификационными грамотами. Соединенные Штаты не приняли во внимание мексиканские уступки в Техасе. Соглашение об оплате считалось всего лишь объявленным, отменялись детали, о которых была достигнута первоначальная договоренность, — сроки и т. п. Вашингтон не ограничивал себя сроками оплаты. Он это сделает, когда ему захочется. Отменялось также продление срока обмена ратификационными грамотами, предусмотренное «ввиду обстоятельств, в которых находилась Мексиканская республика».

Бьюкенен направил в Мехико Эмброуса Севира с поручением добиться ратификации пересмотренного текста. Поправки считались обязательными. «Если возобновится война из-за того, что Мексика не захочет принять поправки, у мексиканского правительства больше уже не будет возможности для подписания такого благоприятного договора, как-й был подписан в Гуаделупе-Идальго... Президент Соединенных Штатов может потребовать от Мексики большей компенсации... Если война продолжится, вместо того чтобы купить часть территории, а остальную вернуть Мексике, как сейчас, Соединенные Штаты с полным правом захватят всю страну и потребуют от мексиканцев возмещения за расходы...» Это послание Бьюкенена Севиру от 18 марта 1848 года — незаменимое пособие для изучения истории подлости и гнусности. История преступления была уже завершена.

Но граница 1848 года была еще не окончательной.

В 1853 году Соединенные Штаты потребовали продать им Нижнюю Калифорнию, Сонору, Синалоа, часть Дуранго и Чиуауа. Переговоры завершились продажей долины Ла-Месилья (договор от 30 декабря 1853 года) за 10 миллионов долларов. Санта-Ана запросил вначале 50 миллионов долларов, прервал переговоры на 20 миллионах и наконец согласился на 10... Он пытается затем оправдать торговлю родиной. Впоследствии он скажет, что он вполне удовлетворен тем, что полу-

чил за этот «относительно небольшой клочок необрабатываемой земли», и то, что это составляло сумму, которая была получена как «за половину национальной территории»... уступленной ранее.

И поскольку бог «больше помогает грешникам, чем праведникам», Рио-Гранде также была втянута в игру североамериканской экспансии...

Во времена Хуареса она проложила себе новое русло на мексиканской земле. И водам Рио-Гранде потребовалось времени больше, чтобы изменить свое русло, чем правительству Вашингтона на обоснование своего права на полосу в 175 гектаров, которая осталась между старым и новым руслом...

* * *

Так были созданы Соединенные Штаты.

Об этом надо помнить.

«Таково было предопределение судьбы нашей расы, — говорил в своем послании 7 января 1857 года президент Бьюкенен, — распространиться на всю Северную Америку, и это будет сделано в ближайшее время, если события будут идти нормальным курсом. Эмиграция будет продвигаться на Юг, и никто не сможет остановить ее. Через некоторое время в Центральной Америке будет англо-американское население, которое будет трудиться на благо местных жителей».

«...Наше предопределение судьбы, — скажет первый Рузвельт, — заключалось в поглощении территорий соседних наций, которые были слишком слабы, чтобы противостоять нам... Люди Запада честно считали себя врожденными наследниками мира или по крайней мере той части, которая известна под именем Северной Америки, и были готовы самоотверженно бороться за обладание своим наследством».

Кроме того, североамериканская экспансия «расширяла зону свободы...» и власть Соединенных Штатов над «полуварварскими народами». Тем, кого Соединенные Штаты считали своим долгом «возродить и цивилизовать», они хотели показать преимущества, имевшиеся у них, но о которых те не знали, и подготовить их для «лучших дней, когда они будут находиться под их добродетельным правлением...».

* * *

Расчленение Мексики отражается в американской истории роковыми последствиями.

Лишь после того как были присоединены новые территории и укрепилось рабство, началась война между Севером и Югом. 800 000 убитых: 600 000 — со стороны Юга, 200 000 — со стороны Севера. 7 миллиардов потерянных долларов. Таков был баланс. Союз был на грани распада. От североамериканских историков не скрылась прямая и непосредственная связь между двумя конфликтами. Сам генерал Грант указал на нее в своих «Мемуарах»: «Восстание Юга явилось в большей степени следствием мексиканской войны. Нации, как и индивидуумы, наказываются за свои нарушения закона. Мы получили свое наказание в самой кровопролитной и дорогой войне современности».

* * *

Прошел целый век... Лишь в октябре 1967 года второй Джонсон признал мексиканские права и вернул полосу Эль-Чамисаль.

Над сценой, где проходило шумное веселье по этому поводу, укреплен был плакат со словами Хуареса: «Уважение чужих прав — краеугольный камень мира». Джонсон сказал тогда: «Слова Хуареса — это краеугольный камень политики Соединенных Штатов...» Немного дальше был виден другой плакат: «Не сбрасывайте напалм на детей Вьетнама!»

МИСТЕР УОКЕР — ПРЕЗИДЕНТ НИКАРАГУА

В пятидесятые — шестидесятые годы в ряде государств Центральной Америки разыгрались события, связанные с именем Уильяма Уокера. Свои «подвиги» во славу духа наживы и предпринимательства он совершил во главе банды наемников, или, как ее именовали более высоким стилем, «американской фаланги».

В 1853 году Уокер выехал из Сан-Франциско и высадился в столице Нижней Калифорнии Ла-Пасе. Там он провозгласил себя президентом Нижне-Калифорнийской республики. Это было разыграно по техасскому образцу...

В мае 1854 года его банда захватила Сонору...

Израсходовав имевшиеся у него средства, он сдался американским властям. Отданный по настоянию Мексики под суд, он добился оправдания.

Президент Пирс и государственный секретарь Мэрсис не обращали ни малейшего внимания на неоднократные протесты мексиканского правительства.

Руководители мятежа в Никарагуа приняли Уокера в никарагуанское подданство, произвели в полковники и назначили главнокомандующим. За услуги никарагуанскому государству ему был пожалован участок — 52 тысячи акров земли и денежное вознаграждение.

«Подвиги» Уокера продолжались.

13 октября он захватил Гранаду и обратился к никарагуанцам с манифестом:

«...Я заинтересован в сохранении интересов государства, в охране рабочего, безопасности граждан, развитии искусства, науки, сельского хозяйства и т. д. и т. п. и в поддержании порядка... Я продолжу захват других городов страны и предам смерти каждого, кто осмелится оказать сопротивление имперскому маршу моих войск...»

Город был отдан на разграбление солдатам. Жители бежали. Они вернулись позже, когда получили обещание, что к ним будут относиться с уважением. Но обещания в устах янки ничего не стоили. Жителей по приказу Уокера расстреливали группами, без суда и следствия.

Когда в стране свирепствовал террор, когда американские вояки жгли, убивали и грабили мирных жителей Гранады, Уокер вел переговоры с командующим правительственными войсками генералом Понсиано Корралем и поставил на пост президента Патрисио Риваса.

Месяц спустя он расстрелял Корраля.

В июне следующего года он заменил Риваса Феррером, которого отстранил несколькими днями позже, и объявил себя президентом Никарагуа.

* * *

Это были годы правления Пирса, по свидетельству историков «человека серого и невзрачного, представлявшего коалицию плантаторов Юга и крупных торговцев восточных штатов».

Но это было и временем экономического процветания...

Президент Пирс поспешил признать своего коллегу и соотечественника президента Уокера... До того он с такой же поспешностью признал Патрисио Риваса.

Оба правительства обменялись дипломатическими представителями. Пирс назначил своим представителем Джона Г. Уилера, который и раньше действовал в Никарагуа, Уокер — священника Агустина Вихиля.

Случилось так, что дипломатический представитель Соединенных Штатов вручил верительные грамоты гражданину Соединенных Штатов, ставшему президентом испаноамериканского государства.

* * *

Президент Уокер начинал американизацию страны...

Декретом от 22 сентября 1856 года он вновь ввел рабство: «Жизненно важные отношения между капиталом и трудом покоятся на сохранении рабства, ибо подведение под труд надежной основы позволяет разумному обществу продвигаться решительно вперед, к освоению новых форм цивилизации...»

«Варварские» народы Центральной Америки отменили рабство еще тридцать два года назад!..

Хотя и отмеченные печатью вековой отсталости, они достигли политической независимости без этого позорного пятна.

А Соединенные Штаты? Эти чванливые янки, которые выдают себя за демократов и поборников свободы, запятнали себя позорной работорговлей. Они презрительно называют латиноамериканцев «варварами»... Но разве не политические деятели США поддерживали рабство и утверждали в нем свой жалкий престиж? Чем же отличался от них Уильям Уокер, новый «национальный герой»?

По приказу Уокера английский язык должен был стать государственным языком наравне с испанским.

Земля должна перейти в руки белых. Белыми были американцы из «славной фаланги»... Он распределил между ними земли, находившиеся вокруг вероятного направления будущего канала.

Наконец, Уильям Уокер отменил лицензию британского консула.

18 февраля 1856 года он отменил концессии, предоставленные коммодору Вандербильту, «первому американскому финансовому и промышленному магнату». Но декрет был подписан Патрисιο Ривасом — «владыкой на бумаге», а действительный владыка — Уокер — остался в стороне, хотя приказ исходил от него. Вандербильт основал «Аксесори транзит компани» и добился у никарагуанского правительства концессии на перевозку грузов и пассажиров от побережья к побережью. Это были дни калифорнийской золотой лихорадки. Среди тех, кто финансировал Уокера, был Морган, враг коммодора. Уокер возвращал свой долг...

Можно догадаться, что речь шла о правительственной программе... Всеобъемлющей, идущей от утверждения рабства и «раздела земли» до «захвата» зоны предполагаемого канала, от устранения Англии до расправы с Вандербильтом в интересах Моргана... Более полный план американизации небольшой страны трудно было придумать.

* * *

Историографы едва упоминают Уильяма Уокера: подумаешь, еще один флибустьер! Разве мог простой авантюрист захватить власть в стране, расположенной в таком конфликтном районе, как Центральная Америка, в стране, в которой было намечено строительство канала? Разве можно обо всем этом говорить, не связывая действия Уокера с политикой государства, больше всего заинтересованного в этом районе?

Ответ очевиден.

Несмотря на эти очевидные факты, историографы преуменьшают значение авантюры Уокера и отрывают этот эпизод центральноамериканской истории от эпохи великого конфликта, связанного с вторжением Соединенных Штатов в старую Испанскую Америку.

Все это делается в ущерб разоблачению американской политики и ее методов. Уильяма Уокера можно понять, только исходя из американской политики в Латинской Америке, и особенно в районе перешейка, направленной на установление контроля над межокеанскими путями через будущий канал, англо-американских противоречий в Латинской Америке в целом и в вопросе о путях через перешеек в частности.

К такому выводу приведет нас даже поверхностный анализ.

Однако если по поводу анализа имеются разногласия, то существуют еще и документы. Документы самих американцев. Они иногда настолько цинично объективны, что вполне достаточны и конкретны.

15 мая 1856 года президент Пирс направляет сенату и палате специальное послание о состоянии дел в районе перешейка, в том числе о внутреннем положении Никарагуа в тот период, о воззвании к американскому экспедиционному корпусу, о действительной интервенции последнего с целью восстановления порядка, о признании нового правительства согласно американской практике, то есть не считаясь ни с его историей, ни с его формой и т. п.

В нем президент Соединенных Штатов определяет Уильяма Уокера как механизм сцепления, как политическое орудие. Но как определить самого Пирса, ибо Уокер был связан с Пирсом в такой же степени, как Пирс с Уокером. Один диктовал свою волю, другой ее исполнял. Но Пирса разоблачают его собственные слова.

Он сам заявил о своем преступлении, которое некоторые заинтересованные историографы простили ему.

В послании определена американская политика в деле Уильяма Уокера. Она развязала ему руки. Защищает его. Оправдывает. Укрывает. Она как бы разгребает жар чужими руками. И предвкушает результаты затеянной интриги. Уокера посылают в качестве пробного шара, чтобы проверить реакцию народов других государств. О тайных связях с ним никто не должен знать. Пирс готов отказаться от него, едва только счастье изменит Уокеру.

«Поскольку республика Никарагуа, — говорится в послании Пирса, — в политическом смысле слаба и ее население истощено вследствие длительной гражданской войны между партиями, ни одна из которых не была достаточно сильной для одержания победы или поддержания постоянного внутреннего порядка, одна из борющихся партий республики обратилась за помощью и содействием к небольшой группе граждан Соединенных Штатов в штате Калифорния, появление которой, кажется, положило конец гражданской войне и одновременно восстановило порядок на всей территории Никарагуа...

Неизменной политикой Соединенных Штатов было признание всех правительств, не вдаваясь в их происхождение или организацию, а также в средства, с помощью которых правители добиваются власти, если только эти правительства — фактические правительства...

Для нас безразлично, содействовала ли победоносной революции иностранная интервенция или нет...»

* * *

В Центре и на Юге континента поднялась волна протеста.

Для финансирования кампании против Уокера правительство Перу предоставило Коста-Рике сто тысяч песо.

Коста-Рика, Гватемала, Гондурас и Сальвадор заключили наступательный и оборонительный пакт и бросили все свои силы против Уокера.

Президент Коста-Рики Мора перешел границу Никарагуа и 20 марта 1856 года разгромил Уокера в бою под Санта-Роса.

В ответ Уокер провозгласил себя президентом Сальвадора.

Война стала народной. В армию прибывали патриоты со всего перешейка.

В то же время в Соединенных Штатах открыто собирали деньги и вербовали добровольцев для Уокера. Только 1 марта 1856 года с Севера прибыло к нему 1200 человек....

Несмотря на это, Уокер не был в состоянии оказать сопротивление храбрым центральноамериканцам.

Пирс признал его как раз в то время, когда он был на грани полного поражения. «Согласно последним сообщениям, войска Уокера загнаны в тупик между озером Никарагуа и Тихим океаном армией враждебных туземцев и костариканцев, которые отрезали его коммуникации от Атлантического океана».

Но и проиграв, Уокер поджег Гранаду.

Чуть не попав в руки патриотов, он спасается благодаря вмешательству капитана Дэвиса, командира американского военного корабля «Сент-Мэри».

Дэвис подобрал Уокера и его 260 человек, посадил на свой корабль и доставил их в Нью-Орлеан, где им была устроена торжественная встреча.

Правительство Вашингтона приказало флоту помочь Уокеру. Это признал в 1857 году в своем докладе министр военно-морских сил: «Правительство сочло нужным в качестве гуманной и политической меры дать командиру дивизиона коммодору Марвину инструкции, чтобы он в случае необходимости содействовал эвакуации генерала Уокера и его товарищей из Никарагуа». Действия капитана Дэвиса по спасению и эвакуации генерала Уокера из Никарагуа на корабле «Сент-Мэри» были санкционированы, следовательно, этим департаментом.

* * *

Прослеживая осуществление доктрины Монро в середине века, Перкинс утверждает, что поддержка, оказанная Вашингтоном Уокеру, усугубила антиамериканский дух: «В Центральной Америке, в частности, можно было ожидать, что Соединенные Штаты увеличат свой престиж. В действительности, однако, этого не случилось. Гватемала и Коста-Рика всегда в какой-то мере ориен-

тировались на Англию; в 1853 году в Сальвадоре власть перешла в руки антиамериканской партии... Кроме того, в 1855 году произошел инцидент, вызвавший у населения перешейка страх и возмущение. Пиратская экспедиция Уильяма Уокера, захват власти в Никарагуа, терпимость и в конечном итоге признание президентом Пирсом и его советниками — все это, казалось, свидетельствовало о том, что алчность в политике Соединенных Штатов играла большую роль, чем все остальное. Менее чем десять лет назад велась война с Мексикой; с тех пор, за исключением лишь короткого периода правительства вигов (и оно было не без пятен), по отношению к Мексике велась политика запугивания. Следовало ли удивляться, что латиноамериканцы не высказывали благодарности северному колоссу?»

* * *

В Нью-Орлеане Уокер подготовил вторую экспедицию.

11 ноября 1857 года Уокер отправляется в сопровождении 400 человек на корабле «Фэшнс». Через несколько дней он высаживается в Пунта-Аренасе под прикрытием орудий американского фрегата «Саратога», выделенного для этой цели...

Через несколько недель капитан американского военно-морского флота Польдинг, не имея инструкций, арестовывает его и доставляет в Нью-Йорк. За проявленные ненужные рвение и недальновидность Польдинг сам был отдан под суд...

В августе 1860 года Уокер высаживается в Трухильо, в Гондурасе. Он ограбил город и захватил крепость. Капитан корабля британского военно-морского флота «Икарус» Сельмон арестовал Уокера и передал его правительству Гондураса. И здесь он нашел свой конец. Он был отдан под суд, приговорен к смертной казни и расстрелян.

* * *

«Уокеризм» был состоянием духа американского общества.

Невозможно определить его происхождение, размах и глубину с историко-географической позиции. Тем не

менее он существовал до Уокера и после него. Позднее он был назван «джингоизмом».

Появившись на рабовладельческом Юге, он, видимо, не вызвал удивления у промышленного Севера.

И если на первых порах он был просто рассадником эпидемии, то общие и частные исторические условия превратили его в эндемию, которая неподконтрольна и ныне...

* * *

Излишне говорить теперь, что Уильям Уокер действовал под сенью доктрины Монро и что он был одним из наиболее смелых ее интерпретаторов. Сенатор Браун высказал это еще тогда: «В наших интересах владеть Никарагуа; быть может, вам кажется странным, что я так говорю и заявляю о нашей необходимости завладеть Центральной Америкой, но если мы нуждаемся в ней, то наилучшее, что мы можем сделать, — это вести себя как хозяева, войти в эту страну как господа. Если жители ее желают иметь хорошее правительство, тем лучше, если же нет — пусть уходят. Возможно, существуют договоры, так что же из этого? Я повторяю: если мы нуждаемся в Центральной Америке, то мы сумеем завладеть ею, если Франция и Англия будут вмешиваться, то мы напомним им доктрину Монро».

Однако Уильям Уокер представляет нечто большее.

В свое время, когда официальный представитель Соединенных Штатов Уилер при обмене речами называл мир одним из «наиболее дорогих сердцу американцев понятий», Уокер обязывался «подавлять восстания и революции».

Не здесь ли следует искать истоки американской политики? Не тогда ли появилось это стремление «подавлять восстания и революции»?

Разве не перешло оно от Уокера к Джонсону второму? И разве оно не отразилось в «Союзе ради прогресса?»

Уильям Уокер — это раннее воплощение американской внешней политики и дипломатии, ее предшественник, ее духовный отец, ее апостол.

Последователи Уокера — законные наследники его духа и традиций — ограничились лишь плагиатом, стали его повторением и подражанием.

Уильям Уокер и его американская фаланга — пираты?

Какая ужасная несправедливость!

Как же называть тогда Фостера Даллеса и его рейд в Гватемалу?

А интервенцию на Плайя-Хирон, чтобы защитить «свободный мир»?

И вторжение Джонсона в Санто-Доминго?

И его агрессию в Боливии?

И американский агрессивный курс во всей Латинской Америке?

А агрессию в Индокитае?

Они ведь также хотели «подавлять революции»...

Уокер пират?

Что вы! Ни в коем случае!

Уильям Уокер прибыл в Никарагуа по приглашению либералов...

Как Фостер Даллес — в Гватемалу по приглашению «Юнайтед фрут»...

Как Джонсон — в Санто-Доминго и Боливию, чтобы «помешать возникновению второй Кубы»... И во Вьетнаме, чтобы «сдержать коммунизм» и защитить «американских советников»...

«СВОБОДНОЕ» СУДОХОДСТВО ПО РЕКАМ

Американские империалисты использовали принцип свободного судоходства по международным рекам для захвата внутреннего рынка и природных богатств латиноамериканских государств.

История поставила слаборазвитые страны — хозяев важных речных путей — перед роковой альтернативой: открыть свои реки для свободного судоходства, то есть уступить иностранным торговцам свой рынок, свои основные богатства, свой суверенитет, или же остаться в изоляции и сохранить свою независимость ценой жизни в стороне от международной торговли, пока какая-либо великая держава не нарушит эту изоляцию с помощью дипломатических или других, более убедительных аргументов...

Страны — совладельцы рек, лишенные возможности проводить единую политику, легко становятся добычей империализма.

Принцип свободного речного судоходства можно встретить в раннюю пору истории Соединенных Штатов, при первых их шагах на Запад, когда они в 1785—1786 годах вступают в переговоры с Испанией по поводу заключения торгового договора и открытия Миссисипи для американской торговли.

В 1853 году президент Пирс сообщил в своем ежегодном послании конгрессу, что американское правительство, заключив договоры о свободном судоходстве в бассейне Ла-Платы, намерено добиться свободного судоходства и по Амазонке: «Учитывая обширные территории этого континента и количество государств, которые стали бы доступными с помощью свободного судоходства по Амазонке, мы уделили этому вопросу особое

внимание. Бразилия, через территорию которой протекает эта река на ее пути к океану, придерживалась до сих пор по отношению к ее использованию настолько активной политики ограничения, что эта политика стала тормозом или почти свела на нет внешний товарооборот с государствами, расположенными на ее главных притоках. Нашему посланнику в этой стране поручено добиться изменения этой политики и приложить усилия к тому, чтобы бразильское правительство открыло этот великий природный путь для общего пользования и международной торговли под своим таможенным надзором.

Ряд южноамериканских государств глубоко заинтересованы в этой политике обеспечения свободного судоходства по Амазонке, и мы вправе ожидать их сотрудничества в этом проекте. По мере того как выгоды свободного товарообмена между народами будут пониматься лучше, могут формироваться и более либеральные взгляды на общие права всех относительно свободного использования тех путей, которые природа предусмотрела для международных связей. Следует ожидать, что Бразилия приведет свою политику в соответствие с этими более либеральными и просвещенными взглядами и отменит все ненужные ограничения по свободному использованию реки, которая омывает столько государств и пересекает такую огромную часть континента. Мне приятно сообщить вам, что Республика Парагвай и Аргентинская конфедерация встали на путь либеральной политики, которую все еще отвергает Бразилия, по поводу судоходных рек, находящихся соответственно на их территориях. Мы заключили с этими правительствами договоры, которые, помимо других вопросов, охватывают и этот и будут представлены сенату».

* * *

Амазонка, одна из величайших рек в мире, пересекает Южноамериканский континент в наиболее широком его месте. Ее большая часть протекает по территории Бразилии. Бассейн реки площадью более 5 миллионов кв. км., который большей частью не исследован, содержит неисчислимые богатства.

Бразилия, Перу, Эквадор, Колумбия и Венесуэла, ко-

торым также принадлежат участки этой реки, на протяжении XIX и XX веков неоднократно конфликтовали из-за Верхней Амазонки.

Из Кито, нынешней столицы Эквадора, в 1541 году отправилась экспедиция, которая открыла Амазонку. Во главе ее шли Гонсало Писарро и Франсиско де Орельяна — губернаторы Кито и Гуаякиля.

Через четыре года после сражения при Аякучо (1824 год) Перу вторглась на территорию, принадлежавшую в то время Колумбии.

Несмотря на неблагоприятный для Перу ход военных действий, колумбийские руководители уступили перуанцам весь юг Амазонки и пересмотрели Гуаякильский договор 1829 года и протокол Педемонте — Москера 1830 года.

В середине века американский флот получил приказ исследовать Амазонку. Задание должен был выполнить лейтенант Герндон. Эдуардо Прадо рассказывает, что Герндон советовал при обращении с индейцами виселицу предпочитать катехизису.

Когда Бразилия отказалась ввести свободное судоходство по Амазонке, Вашингтон мобилизовал всех своих представителей, чтобы восстановить прибрежные государства против правительства Рио и заставить их просить у Соединенных Штатов «помощи» против него. Чтобы обосновать эфемерное право Соединенных Штатов на использование Амазонки для судоходства, государственный департамент распространил брошюру капитана Мори «The Amazon and the Atlantic Slopes of South America». В ответ на этот «демарш» в Бразилии издается исследование де Анжелиса «О судоходстве по Амазонке». Бразилия дает отпор попытке госдепартамента США восстановить другие латиноамериканские государства против нее и признает за ними в 1853 году право на судоходство по этой реке на их собственных судах и под их национальным флагом «при условии, что они не предоставят и не распространят эту привилегию на флаги других государств... Бразилия никогда не согласится на свободное судоходство по Амазонке, поскольку опасается проникновения англичан и янки».

Перу и Боливия в свою очередь также дали отпор американским проискам. Не ограничившись дипломатическими и политическими интригами, американцы решили

направить к берегам Бразилии экспедиционный отряд под командованием капитана Мори для захвата бассейна Амазонки.

События развивались следующим образом. Бразильская миссия в Вашингтоне раскрывает приготовления капитана Мори, предполагаемого командира десанта. Посланник Бразилии барон де Пенедо обращается в госдепартамент за разъяснениями. Государственный департамент в своих ответах от 20 апреля и 23 сентября 1853 года заявляет, что ответственные лица Соединенных Штатов не будут содействовать отправлению какого-либо корабля, предназначенного для нарушения бразильских законов, что любое намерение войти с помощью силы в устье реки означало бы нарушение законов Бразилии и что если кто-либо из подданных Соединенных Штатов осмелится на это, то он будет нести ответственность по всей строгости закона. Большого лицемерия трудно было придумать. Экспедицию готовили «ответственные лица», которые, по словам госдепартамента, не имели к этому никакого отношения. Бразильская миссия была начеку. Благодаря ее усилиям пираты были пойманы за руку в момент отплытия.

Бразилия предложила созвать в Лиме съезд полномочных представителей «амазонских» народов. Она стремилась консолидировать силы приамазонских государств, утвердить принципы своей политики. Предполагалось создать союз всех «амазонских» государств, организовать оборонительный пакт против экспансии Соединенных Штатов и Великобритании в бассейне Амазонки. Бразилия была не только инициатором этих мероприятий, но и использовала для этого свой авторитет крупнейшего государства Южной Америки, которому принадлежит основная и большая часть Амазонки.

Правительство Эквадора, наоборот, втянулось в фарватер североамериканской политики.

В 1852—1956 годах Эквадором управлял конституционный президент генерал Хосе Мария Урбина — один из первых вдохновителей местного национального милитаризма, унаследовавший методы великоколумбийского милитаризма времен расцвета этой страны. Будучи решительным либералом, антиклерикалом и прогрессистом, он упразднил рабство, отменил дань с индейцев. Как все либералы его времени, он был влюблен в Соединенные

Штаты с их войной за независимость, «великими деятелями», быстрым прогрессом, «общественным развитием».

Американским представителям не стоило труда привлечь Урбину на свою сторону и воспользоваться им в собственных интересах. Через своего поверенного в делах в Эквадоре государственный департамент привлекает Урбину в тенета своей политики. Вскоре он уже направлял каждый его шаг в амазонской проблеме.

В то время как эмиссар Бразилии Мигель Мария Лисбоа, подписав соответствующие договоры о границах и судоходстве с Венесуэлой, Колумбией и Перу, направлялся в Эквадор, поверенный в делах Соединенных Штатов в Кито Кэртленд Каннинг старался настроить Урбину против миссии Лисбоа. Американский дипломат извращает смысл амазонской политики Бразилии и миссии ее представителя. Свои доводы Каннинг изложил в ноте, адресованной Урбине. Документ датирован 5 октября 1853 года из Гуаякиля.

Чтобы сделать свои доводы более убедительными, он противопоставляет интересы Эквадора интересам Бразилии, проводит параллель между имперским образом правления в Бразилии и республиканским в Эквадоре.

Он бросает тень на политику Бразилии и заявляет, что «Бразилия заковала руки Перу, Венесуэлы и Новой Гранады и надеется теперь сделать то же с Эквадором», уверяет Урбину, что бразильские «проекты чреваты опасностью для южноамериканской либеральной партии» и что он не должен «верить в обещания и уверения Бразилии, касающиеся Амазонки». Каннинг старается убедить эквадорское правительство, что «Бразилия желает лишь достичь своей цели — отстранения янки и ничего больше».

Каннинг не ограничивается только клеветой и извращением внешней политики Бразилии.

Каннинг подогревает Урбину, воинственный дух Урбины и говорит, что развитие «амазонских областей является единственной надеждой Эквадора на погашение своей задолженности Англии».

Каннинг предлагает свой план: «Я уже объяснил Вам в своих предыдущих письмах тот план, который мне представляется наиболее верным и эффективным: основание нескольких портов в устьях притоков Амазонки, которые принадлежат Эквадору, а налоги ассигновать

Вашим английским кредиторам. Одновременно следует стимулировать колонизацию амазонских областей предпринимателями и промышленниками всех наций на правах эквадорских граждан. Кроме того, следует разрешить судам и флагу великих морских держав участвовать в торговле этих рек наравне с эквадорскими судами в течение, скажем, 16—20 лет при условии, что на этот промежуток времени одна или несколько держав гарантируют национальную независимость Эквадора».

Следовательно, план Каннинга так называемого «развития амазонских областей» включал в себя следующие положения:

Эквадор обязывался передать свои амазонские области «предпринимателям и промышленникам всех наций» и в первую очередь, конечно, «английским и американским колонистам».

Предоставить свои амазонские области для торговли «судам и флагам великих морских держав», то есть опять тем же «Англии и Соединенным Штатам».

Каннинг обязал эквадорское правительство дать разрешение американским судам участвовать в торговых перевозках по Амазонке «наравне с эквадорскими судами». С какими эквадорскими судами? Верх цинизма!

Соединенные Штаты и Англия «гарантируют национальную независимость Эквадора». Не предполагается ли здесь установить протекторат над Эквадором? Не идет ли здесь речь о гарантии наподобие той, которую Соединенные Штаты однажды уже давали Колумбии, пообещав ей охранять ее суверенные права на Панамский перешеек, что им потом не помешало содействовать отделению зоны канала?

«Какое Эквадору дело, — спрашивает Каннинг, — признает ли Бразилия за ним право на судоходство по Амазонке под собственным флагом или нет? Даже наши внуки не доживут до такого дня. Необходимо начать это великое дело под защитой флага одной или нескольких великих морских держав».

А на тот случай, если кто-нибудь еще помнит раздел Мексики, инспирированный американскими колонистами в Техасе, Каннинг поспешил гарантировать хорошее поведение тех колонистов США, которым позволят прибыть на Амазонку: «Янки не революционеры. Они всегда от-

носятся с уважением к конституции и общественным институтам любой страны».

Урбина в свою очередь заверил американского посланника: «...ничего не будет предпринято... против данных мне указаний».

Так и случилось.

План Каннинга был выполнен.

Эквадорский конгресс в том же, 1853 году единогласно одобрил декрет, открывавший свободное судоходство по Амазонке и ее притокам в пределах территории Эквадора, и дал свое согласие на заселение этого района эквадорскими и американскими колонистами. Эмиссар Лисбоа ничего не добился. Новый поверенный в делах Соединенных Штатов в Кито Фило Уайт еще до вручения верительных грамот принимал активное участие в работе конгресса. Уайт уверяет государственного секретаря, что в случае, «если декрет не удовлетворит целям и стремлениям президента и госдепартамента, то он будет ждать соответствующих инструкций и предпримет шаги к пересмотру декрета». В следующем году правительство Эквадора дало согласие на поселение группы американских колонистов в Сан-Борхе, на левом берегу Амазонки, на месте слияния с рекой Сантьяго.

Тотчас же эквадорский конгресс приступил к решению проблемы, связанной с задолженностью Англии.

При распаде Великой Колумбии в 1830 году Эквадор принял на себя 21,5 процента первоначального долга Колумбии Англии. В денежном выражении это равнялось 1 424 579 фунтам стерлингов плюс 683 798 фунтов в виде процентов.

По соглашению Эспинель — Мокотты, заключенному в ноябре 1854 года, правительство Эквадора обязалось выпустить боны и выделить в пользу кредиторов причитающуюся им долю в промышленных предприятиях, рудниках, дорогах и т. д.

По соглашению Икаса — Причетта, заключенному в сентябре 1857 года, правительство Эквадора обязалось выкупить у английских кредиторов боны в обмен на 500 тысяч гектаров лучших земель, разбросанных в виде участков различной величины в западных и восточных областях, как правило — в наиболее богатых гидрографических бассейнах, в том числе на берегах реки Саморы у подножия Восточных Анд. К этому времени в президент-

ское кресло вместо Урбины сел генерал Франсиско Роблес.

Урбина и Роблес отдали страну во власть англо-американских колонизаторов.

Подведем итог.

Амазонская политика Бразилии основывалась на трех принципах: свободное судоходство по Амазонке и ее притокам исключительно для «амазонских» государств; закрытие бассейна Амазонки для английских и американских судов; единство «амазонских» государств по этим вопросам.

В противовес этой программе Соединенные Штаты выдвинули лозунг свободного речного судоходства. Этот лозунг маскировал намерение Соединенных Штатов открыть реки Южной Америки для американских судов, американской торговли и для американской колонизации.

Две исключаяющие друг друга программы, две прямо противоположные цели.

Но Соединенные Штаты еще не в силах открыто препятствовать амазонской политике Бразилии или открыто вмешиваться в эту проблему. Однако и «амазонские» государства не представляли собой монолитного блока. Его раздирали противоречия и конфликты, и крупнейшим из них был старый спор между Эквадором и Перу из-за владения Верхней Амазонкой. Американская дипломатия постаралась еще больше расширить пропасть между этими двумя странами.

Государственный департамент использовал правительство Эквадора в своих целях и направлял политику Урбины в нужное для себя русло.

Намерения США освещает американский посланник в Кито в секретном письме государственному секретарю от 22 августа 1854 года: «...поскольку нас не пригласили принимать участие в их споре, мы воспользуемся в будущем дополнительными статьями, заключенными с Эквадором (какова бы ни была судьба Эквадора в окончательном решении пограничного вопроса), и действиями Перу и Эквадора, что больше подойдет нашим интересам».

Эквадор представлял для США ценность как проводник американских интересов на Амазонке.

Судьба Эквадора не интересовала Соединенные Штаты, и, какой бы она ни была в «окончательном решении пограничного вопроса», Соединенные Штаты постараются воспользоваться Перу и Эквадором, «что больше подойдет» для их интересов...

* * *

Внутри континента, в самом центре американской сельвы, расположено государство Парагвай. Отделившись от вице-королевства Буэнос-Айрес и получив политическую независимость, Парагвай унаследовал все ту же проблему свободного судоходства по рекам Парана и Парагвай, вокруг которых сложилась вся его история.

Парагвай заинтересован в свободном судоходстве по своим рекам вплоть до Атлантики для развития торговли, перевозки продуктов на внешние рынки и укрепления экономики.

Правительства и правящие классы Аргентины и Бразилии в свою очередь желают участвовать в свободном судоходстве по парагвайским рекам, чтобы захватить парагвайский рынок и подчинить эту небольшую страну своим политическим целям. Именно они боролись за господство над устьем Ла-Платы. Бразилию, кроме того, занимала судьба Мату-Гросу, расположенного так далеко от Рио, но зато так близко к Парагваю. Покоренный бразильцами Парагвай означал для них безопасность и обеспечивал решение вопроса о судоходстве по Парагваю и Паране, протекавшим по территории этого государства.

Однако намерения Аргентины и Бразилии опередил британский империализм, ведущий борьбу за господство в этом районе с французским и молодым агрессивным американским империализмом. Для империалистических интересов свободное судоходство по парагвайским рекам являлось ключом к установлению их господства в этих богатых внутренних землях. Реки всего лишь дорога в Чако.

Парагвай находился в центре аргентино-бразильских и англо-франко-американских противоречий, и национальные интересы Парагвая наталкивались на притязания его великих соседей и планы империалистов.

Это было сильное государство, имевшее хорошо вооруженную и обученную армию, которая была вынуждена постоянно заботиться о безопасности границ государства и охранять его спокойствие. Парагвай был серьезным противником, и только мощная превосходящая сила могла его сломить.

Парагвай располагал большим торговым флотом и был заинтересован в свободном судоходстве по рекам и развитии внешней торговли. Но Парагвай не имел своего выхода к морю и был от него изолирован. Парагвайское судоходство прочно заблокировал Росас — правитель Аргентины. В отместку Родригес де Франсиа, стоявший у власти в Парагвае, запретил торговлю с аргентинскими провинциями, за исключением провинции Корриентес, восставшей против Буэнос-Айреса. Тем самым он хотел принудить Аргентину признать независимость Парагвая и его права на свободное судоходство по рекам Парана и Парагвай вплоть до океана. Он ориентировался на установление связей с Европой и особенно с Лондоном.

В 1845—1846 годах, уже в дни Лопеса, преемника Родригеса де Франсиа, эмиссар государственного департамента Эдвард Гопкинс предложил Лопесу свои услуги, чтобы заручиться признанием Росаса и добиться свободного судоходства по внутренним рекам Аргентины, если Лопес в обмен уступит Соединенным Штатам контроль над парагвайскими реками.

Независимость Парагвая после свержения Росаса признал Уркиса. Парагвай подписал договоры о дружбе, торговле и судоходстве. Вначале, 14 марта 1859 года, — с Англией и Соединенными Штатами, а затем, месяцем позже, — с Францией и Италией. Комиссия по вопросам внешней политики американского Сената жалуется, что «...в то время как в Англии или английскими механиками в Парагвае были построены восемь пароходов, которые обслуживаются английскими машинистами, в Парагвае за последние четыре года, за исключением одного случая, не видели ни одного американского флага или гражданина». Американский посланник в Боливии добавляет, что «в то время как высокомерие и политика парагвайского правительства лишают наше знамя доступа к реке Парагвай и ее притокам, другие приобретают привилегии, содействующие тому, чтобы исключить его в будущем на целые годы». Сенат заканчивает тем,

что вносит поправки, которые Парагвай не принимает. Договор остается нератифицированным.

Уркиса в свою очередь в манифесте 1 мая 1851 года, в самом начале военной кампании, которая закончилась 3 февраля у Монте-Касерос разгромом Росаса, обещал открыть речную систему Ла-Платы для международной торговли. Великие державы—Англия, Франция, Соединенные Штаты—взяли с него слово и «поспешили ему на помощь». Британский представитель Готхэм получил инструкции тесно сотрудничать с представителями Франции и Соединенных Штатов. И действительно, 10 мая 1853 года Уркиса подписал договоры о свободном судоходстве с этими странами в Сан-Хосе-де-Флорес. В следующем году их ратифицировал конгресс конфедерации. Таким образом, Уркиса и конфедерация приняли на себя перед великими державами и всем миром представительство своей страны в целом. Эти договоры опротестовал Буэнос-Айрес, но великие державы-концессионеры остались глухи.

В договоре с Соединенными Штатами — первом между двумя странами — Уркиса дает им разрешение на свободное судоходство по рекам Парана и Парагвай на условиях наиболее благоприятствуемой нации и обязуется воспрепятствовать захвату Парагваем острова Мартин-Гарсиа в устье Параны.

Американцы добились привлечения Уркисы на свою сторону, теперь сопротивляться продолжал лишь один Лопес. Однако вскоре государственный департамент нашел способ покорить и его.

Правительство Асунсьона беспокоила деятельность «Компани де навигасьон де Эстадос Унидос и Парагвай», которую создал Гопкинс на американские капиталы для эксплуатации природных богатств и судоходства страны. Отношения между правительством и компанией становятся натянутыми. В это время американское судно «Water Witch» нарушило запрет судоходства по реке Парагвай. Артиллеристы в Итапиру открыли по нему огонь и причинили ущерб. Гопкинс, который действовал в стране в качестве консула, был объявлен персоной нон грата. Он и его компаньоны покинули страну. Они обратились в государственный департамент, и последний заявил протест парагвайскому правительству.

Кризис в отношениях начался после того, как Параг-

вай отверг требование американцев присоединиться к договору Уркисы с Соединенными Штатами.

В декабре 1857 года президент Бьюкенен просит «у конгресса разрешения на применение силы» против Парагвая, и конгресс удовлетворяет эту просьбу.

Чилийский консул в Вашингтоне проинформировал об этом свое правительство, последнее — Уркису, а Уркиса — Лопеса. Лопес стал готовиться к отражению агрессии.

Бьюкенен послал против него двадцать кораблей, доставивших к берегам Парагвая экспедиционный отряд в составе 2500 человек. В первых числах января 1859 года эскадра бросила якорь перед Росарио: «...это было значительное событие того времени, вызвавшее немалый резонанс. Оно вызвало переполох у половины континента. Оно подняло на ноги дипломатию Бразилии, Чили и, разумеется, стран Ла-Платы».

Уркиса предложил свое посредничество и выехал в Асунсьон. «Я нашел Лопеса спокойным, готовым дать решительный отпор иностранной интервенции». Уркиса воспользовался случаем, чтобы попытаться заручиться поддержкой Лопеса против Буэнос-Айреса и рассмотреть пограничный спор между Парагваем и конфедерацией. Лопес отверг опрометчивые намерения посредника и ограничил деятельность последнего посредничеством с Вашингтоном. Только при таких обстоятельствах «после усердных хлопот» Лопес обязался 9 февраля 1859 года подписать новый договор о дружбе, торговле и судоходстве с Соединенными Штатами, включая на сей раз и поправки американского сената. То был первый договор, ратифицированный этими двумя государствами.

Отношения между соседями обострились и вылились в войну 1856—1870 годов.

Благодаря случайному совпадению своих до сих пор антагонистических интересов правительства Аргентины, Бразилии и Уругвая заключили Тройственный союз, направленный против Парагвая. В договоре говорилось, что война будет вестись с целью «обеспечить свободное судоходство по рекам Парана и Парагвай». Кроме общих целей, Бразилия предложила перекроить границы.

Военные действия и сама агрессия направлялись правящими кругами Англии и Соединенных Штатов, сплотившихся после заключения Тройственного союза. Гос-

подставлющая роль принадлежала, естественно, английскому капиталу. «...Английский капитал... отважился на всякие крайности, связанные с войной против Парагвая», — говорит бразилец Прадо. Так, в то время как англичане финансировали Тройственный союз (Перейра говорит, что Бразилия, для того чтобы получить от Англии 91 миллион фунтов стерлингов, признала за собой долг в 125 миллионов фунтов!), американцы стремились подорвать внутренний фронт Парагвая с помощью церкви и всякого рода предателей.

Однако противоречия между союзниками сохранились и в ходе военных действий лишь маскировались. Союз усилил взаимное недоверие аргентинцев и бразильцев. В некоторых случаях, особенно после совместного поражения при Курапаити в сентябре 1866 года, генерал Митре горько сетовал на бразильцев, бразильцы в свою очередь жаловались на Митре. Соединенные Штаты старались подорвать позиции своего основного соперника. В 1867 году они предложили свое посредничество с явным намерением помешать торговле Англии.

Война велась на истребление, и путь к победе союзников был вымощен трупами. Героизм парагвайцев легендарен. Парагвай, по всей вероятности, потерял более полумиллиона убитыми, в живых остались лишь старики и инвалиды, женщины и грудные дети. Из 1 337 489 жителей в 1871 году в живых осталось лишь 222 079.

Вначале союзники говорили, что они вели войну не против Парагвая, а против Солано Лопеса. Это не мешало им навязать Парагваю новые границы. Парагвай лишился левого берега Параны и территорий, за раздел которых впоследствии спорили Аргентина и Бразилия. Аргентина захватила Чако-Аустраль. Она стремилась дальше — в Чако-Сентраль, за Пилькомайо, но Бразилия воспрепятствовала этому, и США пришлось мирить их в третейском суде. Президент Хейс признал правоту Парагвая, что весьма устраивало Бразилию, так как удерживало Аргентину подальше от этих мест; это было на руку и Соединенным Штатам, которые оспаривали эту добычу у Англии и извлекали немалые выгоды для своего судоходства.

В войне столкнулись различные социально-экономические системы. В Парагвае господствовала государственная и мелкая земельная собственность, над страной пока

еще не нависла опасность иностранных инвестиций. Тройственный союз представлял «сахарных баронов» Бразилии — хозяев более двух миллионов рабов — и крупных коммерсантов и латифундистов Аргентины, причем и те и другие зависели от английского капитала.

Победители оккупировали страну в течение шести долгих лет и по-своему изменили ее границы. Земли, принадлежавшие государству и мелким собственникам, экспроприировались в пользу иностранных инвесторов. Настал день, когда несчастного парагвайского крестьянина разбудила весть, что его земли не были больше защищены правом собственности. Короче говоря, земли парагвайцев продало правительство Парагвая. Это было равносильно закабалению народа. «Синдикаты Нью-Йорка, Лондона и Амстердама стали хозяином крестьянина, хозяином горожанина...» — говорит Перейра. В 1871—1872 годах в Лондоне были размещены два займа — один в 1 миллион и другой в 2 миллиона фунтов стерлингов при 8 процентах годовых. Перейра считает, что по обоим займам парагвайское государство получило только 200 тысяч фунтов... В 1866 году кредиты были частично погашены продажей 300 тыс. га обрабатываемой земли. В 1880 году английские предприниматели создали «Парагвай сентрал рейлуэй компани», которая приобрела единственную в стране железную дорогу протяженностью 75 км, принадлежавшую правительству Парагвая. Американский капитал появился позже. Тем не менее уже в 1919 году одна американская компания контролировала 1 389 600 акров земли в Чако. Так появились иностранные латифундии, а с ними и новый очаг англо-американских противоречий, которые позднее, подстрекаемые нефтяными монополиями, вызовут войну в Чако... Монополии старались делать ставку на извечное стремление Боливии к выходу в Атлантический океан по реке Парагвай, что давало боливийскому востоку единственную возможность для развития экономического комплекса.

«Наиболее пагубным для Парагвая было не поражение... Наиболее пагубной для Парагвая, превращенного в развалины, была немедленная модернизация этих развалин».

* * *

В начале 1966 года пограничный спор между Бразилией и Парагваем стал снова актуальным, теперь уже в связи с возможностью строительства «одной из крупнейших потенциальных гидроэлектростанций в мире» — «Сьете Кедас» (Гуайра) на Паране — и возможностями судоходства по этой реке.

МИФ О ДОКТРИНЕ МОНРО

В июле 1829 года испанский бригадный генерал Баррадас высадился в Тампико с намерением снова захватить Мексику. Вскоре, однако, он капитулировал, но факт интервенции был налицо. Хотя это и было явным нарушением доктрины Монро, которая была принята пять лет назад, сам Монро обошел это событие молчанием.

В марте—апреле 1861 года испанские войска вторглись в пределы Доминиканской Республики, оккупировали Санто-Доминго.

Испанские войска находились в Санто-Доминго, пока смелые рейды партизан, а также губительный климат не заставили их подумать о возвращении восвояси. Желтая лихорадка беспощадно уносила жизни испанских солдат, посланных сюда во имя захвата чужих земель. Партизанские отряды, которые уже разрослись в общенациональную армию, спаянную высоким чувством дисциплины и патриотизма, наносили интервентам чувствительные удары. Испанские войска таяли с каждым месяцем пребывания в Санто-Доминго. В мае 1865 года испанское правительство отдало приказ об эвакуации своих войск из Санто-Доминго. Доминиканский народ выдержал испытание и, сражаясь в одиночестве, без посторонней помощи, изгнал из своей страны кадровую испанскую армию. С Севера не донеслось даже ободряющего голоса. О доктрине Монро не вспомнили и в этот раз.

* * *

Французская интервенция в Латинскую Америку началась в 1838 году.

В середине апреля французская эскадра блокировала все мексиканские порты в Мексиканском заливе.

Вслед за этим французы обстреляли из тяжелых орудий город Веракрус и крепость Сан-Хуан-де-Улуа. Мексика объявила Франции войну. Блокада длилась год — с апреля 1838 по март 1839 года. Предлогом к этой войне послужило требование Франции выплатить ей 600 тысяч долларов в возмещение ущерба, понесенного французскими подданными в период гражданских волнений в Мексике. Англия отправила в Мексиканский залив часть своего флота. Тогда Франция начала переговоры. Несколько лет спустя А. Тьер¹ разоблачил в парламенте сущность французских притязаний: «К началу экспедиции в Сан-Хуан-де-Улуа французское правительство значительно сократило сумму репараций в пользу своих подданных, доведя ее до 3 млн. франков. И все же когда министерство иностранных дел приступило к раздаче этой суммы, то оказалось, что она на целый миллион больше, чем действительная сумма ущерба. Этот лишний миллион мы употребили впоследствии на другие нужды».

В сентябре 1838 года сотрудник французского консульства в Буэнос-Айресе предъявил местному правительству настоящий ультиматум. Он потребовал возмещения убытков, понесенных несколькими французскими гражданами, и особого отношения к своим соотечественникам как к представителям наиболее благоприятствуемой нации. Президент Росас воспротивился такому нажиму. Попытка англичан выступить в роли посредника провалилась. Такая же попытка североамериканцев была отвергнута французами. И тогда заговорили пушки. Французы заняли остров Мартин-Гарсиа, блокировали Буэнос-Айрес и вторглись в пределы Аргентины и Уругвая. «Я не собираюсь дискутировать о принципах международного права, — сказал контрадмирал Лебланк. — Я пришел диктовать условия». Конфликт разрешился подписанием конвенции Мокау — Арана 29 октября 1840 года. Согласно этой конвенции, вопрос о возмещении убытков переносился в арбитражный суд, остров Мартин-Гарсиа возвращался Аргентине, последняя признавала независимость Уругвая, французским гражданам, как представителям наиболее благоприятствуемой

¹ Адольф Тьер (1797—1877) — французский политический деятель, палач Парижской Коммуны.

нации, было обещано подобающее отношение с одной, впрочем, оговоркой: остаются в силе и без малейших изменений «особые и исключительные» привилегии, оказываемые Аргентинской конфедерацией южноамериканским странам, как всем вместе, так и каждой стране, взятой отдельно.

В обоих случаях, как в Мексике, так и в Буэнос-Айресе, в качестве посредника выступила Англия, а не Соединенные Штаты.

Истинные цели второй французской экспедиции против Мексики были ясно определены в письме Наполеона III генералу Фори от 3 июля 1862 года: «Учитывая нынешнее состояние цивилизации, для Европы не безразлично благосостояние Америки, ибо она питает нашу промышленность и дает жизнь нашей торговле. Мы заинтересованы в процветании и могуществе Республики Соединенных Штатов, однако мы очень далеки от желания видеть, как Соединенные Штаты завладевают всем Мексиканским заливом и превращаются в единственного распределителя продуктов Нового Света. Если североамериканцы овладеют Мексикой, а следовательно, Центральной Америкой и *перешейком между двумя океанами*, то во всей Америке останется только одна держава — Соединенные Штаты.

Если же, напротив, Мексика завоеует независимость и сохранит целостность своей территории, если там с помощью французского оружия придет к власти устойчивое правительство, то мы *сможем поставить непреодолимый заслон экспансии Соединенных Штатов*, поддержать независимость наших испанских колоний на Антильских островах и укрепить наше благотворное влияние в Центральной Америке, и это влияние распространится как к северу, так и к югу, способствуя созданию широкого рынка для торговли и снабжению нашей промышленности необходимым сырьем».

Французский император имел в виду факты, которые были еще свежи в памяти. Половина мексиканской территории не удовлетворила захватнические аппетиты Соединенных Штатов. Бьюкенен, ставший государственным секретарем, всячески противился ратификации договора Гуаделупе-Идальго, «ибо, — говорил он, — победы и страдания североамериканских солдат... не могут быть компенсированы половиной территории побежденной

страны...». В самый канун наполеоновской экспедиции техасский сенатор Хьюстон, «герой Сан-Хасинто», предложил установить над Мексикой и Центральной Америкой североамериканский протекторат. Сам Бьюкенен, который стал к этому времени президентом, требовал в своем послании 1858 года оккупации Соноры и Чиуауа. Наконец, договор Мак—Лейн—Окампо от 14 декабря 1859 года давал Соединенным Штатам право, если они этого захотели бы, оккупировать мексиканскую территорию.

Что касается наполеоновских планов, в частности строительства канала «Наполеон» через территорию Никарагуа, то они были «сущей химерой». Наполеон III был абсолютно не способен провести грань между мечтой и действительностью.

Два года спустя после письма Фори, 12 июня 1864 года, Максимилиан¹ вступил в город Мехико. Гражданская война в Соединенных Штатах близилась к концу. 3 апреля 1865 года Линкольн прибыл в Ричмонд — столицу южан, завоеванную Грантом.

В первых числах апреля 1864 года палата представителей Вашингтона приняла следующую резолюцию: «Конгресс Соединенных Штатов не хочет, чтобы его молчание толковалось мировыми нациями как свидетельство его безразличия к достойным сожаления событиям, развивающимся в настоящий момент в Мексике. Конгресс полагает своевременным заявить, что народ Соединенных Штатов не намерен признавать в Америке монархическое правительство, возникшее на руинах республиканского правительства с благословения европейской державы, кто бы она ни была».

Палата отказывалась признать монархическое правительство, но против оккупации не было сказано ни слова. Государственный секретарь США Сьюард еще раньше наставлял своего посланника в Париже: «Франция вправе вести войну с Мексикой и улаживать свои отношения с ней по своему усмотрению...»

Но и резолюция такого содержания была необходима именно потому, что Вашингтон объявил о своем нейтралитете в мексиканско-французском конфликте.

¹ Максимилиан Габсбург — австрийский эрцгерцог, в апреле 1864 г. стал императором Мексики под именем Максимилиана I, расстрелян в июне 1867 г. в Мексике.

В ответ на резолюцию палаты государственный секретарь Сьюард дал указание своему посланнику в Париже информировать императорское правительство о том, что Вашингтон «в настоящий момент не намеревается отказаться от политики, которой он следовал до сих пор в войне между Францией и Мексикой... Едва ли надо добавлять, что палата представителей действовала по собственной инициативе, без участия органа исполнительной власти».

Императорское правительство в свою очередь опубликовало заявление, где говорилось, что оно «получило вполне удовлетворительное объяснение относительно смысла и действительности резолюции, принятой палатой представителей Вашингтона по вопросу о мексиканских делах». Более того, с гордостью, легко объяснимой, добавлялось: «Известно также, что сенат отложил на неопределенное время рассмотрение этой резолюции и что орган исполнительной власти ее не одобрил».

Такова была попустительская политика Вашингтона перед лицом наполеоновского вторжения в Мексику. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать переписку госдепартамента. Сьюард дошел до того, что потребовал от мексиканского посланника в Вашингтоне взять назад ноту от 22 декабря 1866 года, в которой говорилось об узурпаторских действиях правительства Франции и Максимилиан был назван узурпатором; при этом государственный секретарь предупреждал мексиканского дипломата о недопустимости столь резких выражений в отношении французов. А ведь в эти дни мексиканцы требовали вывода французских войск! Некоторые историки слишком легковерно приписывали это требование о выводе французских войск «энергичным политическим шагом Сьюарда».

Нелишне вспомнить, что вначале интервенция была трехсторонней. Англия, Испания и Франция — кредиторы Мексики — договорились на лондонском совещании 31 октября 1861 года о санкциях против Мексики, приостановившей на два года выплату внешних долгов. Лондонское совещание категорически исключало «территориальные приобретения» за счет Мексики и «какое бы то ни было давление с целью ущемить право мексиканской нации свободно выбирать и устанавливать форму государственного правления». Соединенным Штатам, также

кредитору Мексики, было предложено присоединиться к этому решению, но США отказались от этого. Испания первой мобилизовала свой флот. 10 декабря к Веракрусу подошли 38 испанских кораблей различных типов, имевших 5800 человек на борту. Экспедицию таких масштабов трудно было оправдать простым желанием получить долг. Англичане, убедившись, что их векселя будут оплачены, не пожелали участвовать в карательной экспедиции. Испания, которой стали ясны намерения Франции, также решила воздержаться от участия в операциях против Мексики. Вашингтон отказался поддерживать Мексику, но госдепартамент вдруг решил сделать благородный жест. Правительство США решило взять на себя мексиканский долг — 62 миллиона песо. Но на каких условиях? Условия, на которых правительство США соглашалось погасить мексиканские долги, были грабительскими. Мексика должна была выплатить свой долг США из расчета 6 процентов годовых, тогда как своим кредиторам она выплачивала 3 процента годовых. Но этого мало, США потребовали в качестве гарантии все государственные земли и рудники в штатах Нижняя Калифорния, Чиуауа, Сонора и Синалоа. Право эксплуатировать эти земли передавалось США на шесть лет. Если по истечении этого срока заем окажется невыплаченным, то североамериканское правительство воспользуется своим правом гаранта. Естественно, Хуарес¹ отверг это «благодеение». Циркуляр госдепартамента от 3 марта 1862 года гласил: «Президент положился на заверения союзников в том, что они не будут преследовать политических целей и лишь хлопочут о возмещении материальных убытков... В настоящий момент правительство Соединенных Штатов могло только выразить доверие доброй воле монархов-союзников и, следуя традиционной политике сопротивления европейскому вмешательству в дела Нового Света, терпеливо ожидать, когда можно будет в более ясной и категоричной форме проявить свое несогласие с наполеоновскими планами». Год спустя, в декабре 1863 года, в ежегодном послании конгрессу президент Линкольн умолчал об этой проблеме. В январе 1864 года сенатская комиссия по иностранным делам оставила без внимания ультимативное требование сена-

¹ *Хуарес, Бенито* — президент Мексики.

тора Мак-Дугала о немедленном выводе французских войск.

Что касается вывода войск, то инициатива исходила как раз не от североамериканцев. Конкретные меры в этом отношении предусматривались франко-австрийским Мирамарским соглашением, заключенным 10 апреля 1864 года. Впоследствии, 18 октября 1865 года, министр иностранных дел Франции в письме государственному секретарю США Сьюарду дал понять, что признание Вашингтоном правительства Максимилиана *обеспечило бы* вывод французских войск. Переписка по этому вопросу продолжалась до тех пор, пока министерство иностранных дел Франции не известило Вашингтон о выводе своих войск 5 апреля 1866 года. Гражданская война в Соединенных Штатах была окончена в августе 1865 года.

Госдепартамент не предпринял никаких мер против французской интервенции, хотя эта интервенция и была чревата серьезными последствиями. По примеру палаты депутатов он лишь осудил возврат монархизма «вопреки воле мексиканского народа». Осуждение прозвучало невразумительно и в таких уклончивых, туманных и обтекаемых выражениях, что граничило с откровенной трусостью. Угодливым языком Пилата, по-лакейски расшаркиваясь перед сильным противником, он, чтобы оправдать присутствие североамериканских солдат на мексиканских границах, одобрил назначенные французским правительством сроки эвакуации войск из Мексики: «Я очень хорошо понимаю, что столь значительную армию, какую держит сейчас император французов в Мексике, невозможно вывести в один день или даже в несколько дней, и тем более всю сразу. Я охотно верю также, что французское правительство не считает для себя удобным объявить заранее, какое количество войск оно намерено отзывать каждый раз и точный срок их погрузки на суда... При таком положении вещей мы также должны держать под контролем наши войска наблюдения на северном берегу Рио-Гранде. Подобная ситуация не соответствует нашим чувствам и нашим национальным привычкам. Кроме того, никто не мог бы, игнорируя практику, поручиться, что военачальники двух армий, разделенных всего-навсего линией границы, проявят достаточную осмотрительность, чтобы избежать непредви-

денных столкновений» (Сьюард маркизу де Монтолону, французскому посланнику, Вашингтон, 25 апреля 1866 года). На эту жалкую, фарисейскую ноту, которую передал Сьюард посланнику Франции маркизу де Монтолону, французы дали дерзкий и презрительный ответ: «...что касается соображений господина государственного секретаря, которые он счел своим долгом изложить в конце ответа, то, как Вы понимаете, они не могут оказать никакого влияния на сроки и прочие условия вывода наших войск. Правительство Вашингтона, надо думать, не ждет от нас еще каких-либо заявлений по этому поводу, ибо мы достаточно ясно изложили наше мнение и сделали это первыми... если же тем не менее федеральному правительству заблагорассудится сохранять свои войска наблюдения на берегу Рио-Гранде, то мы не намерены вообще обсуждать эту меру, на наш взгляд совершенно бесполезную и, по выражению самого кабинета, необычную. Но я ни в малейшей степени не разделяю опасений господина Сьюарда относительно чувств и осмотрительности военачальников двух армий, стоящих на границе лицом к лицу».

Подошел к концу первый из назначенных сроков вывода французских войск, но французы даже и не думали приступать к эвакуации. Наполеон изменил свои планы, даже не поставив об этом в известность Соединенные Штаты. Сьюард разыграл драматический спектакль: было созвано экстренное заседание правительства с участием генерала Гранта. Газеты писали, что правительство решило заставить Наполеона убрать свои войска. В действительности же реакция властей не шла дальше ноты от 23 ноября: «Наше правительство удивлено и обескуражено, узнав, что обещанная на ноябрь отправка части французских войск из Мексики была отменена императором... Принятое императором решение изменить без предварительного согласования с Соединенными Штатами установленный порядок и держать по сей день всю экспедиционную французскую армию в Мексике, между тем как в соответствии с обещанием часть ее должна была отбыть в ноябре, — факт огорчительный во всех отношениях... Президент желает и искренне надеется, что эвакуация французских войск произойдет согласно установленному порядку...» Ничего похожего на ультиматум! Речь, скорее, идет об успокоении обществен-

ного мнения и конгресса. Париж ответил предельно сухо. О принятых решениях было сказано: «Мы приняли их по неотъемлемому нашему праву на свободу действий, которую намерены сохранить до конца. Такой характер действий диктуется чувством собственного достоинства, и любой шаг иностранной державы, предпринятый с целью нажима, лишь вынудит нас, к сожалению, продлить нынешнее положение вещей, в то время как по вполне понятным причинам мы хотели бы изменить его. Трудно поверить, что правительство Вашингтона не понимает этой ситуации и не пожелает приложить все усилия, чтобы избежать инцидентов, которые могли бы привести к огорчительным результатам, упомянутым мною выше».

Но на этом трусливая политика Вашингтона в отношении Франции не кончилась. Соединенные Штаты отказались продать оружие Мексике. Когда же стало известно, что мексиканский посланник в Вашингтоне все же ведет переговоры о закупке партии ружей, то Сьюард, договорившись с министром обороны, свел на нет результаты этих переговоров. Груз, приготовленный к отправке из Квебека и Сан-Франциско в Матаморос, в армию Хуареса, был задержан и арестован. Что же касается французской армии, то она, напротив, с благожелательного разрешения местных властей снабжалась беспрепятственно из Вашингтона и Нового Орлеана, и корабли североамериканского флота эскортировали до Панамского перешейка французские войска, направлявшиеся на помощь эскадре, которая блокировала мексиканские порты на Тихоокеанском побережье.

Осуждение такого «нейтралитета» выразили в те дни многие дипломаты южноамериканских стран. Представители Чили и Перу в Вашингтоне опубликовали переписку между представительством Мексики и госдепартаментом. Во вступительном слове говорилось: «...следует обратить внимание на то обстоятельство, что общепризнанные нормы были применены к Мексике отнюдь не беспристрастно. Нас в высшей степени огорчает, что Соединенные Штаты поступили несправедливо с нашей братской республикой, презрев ее принципы, доктрины и традиции. Желание угодить Франции, чрезмерный страх перед коварными действиями императора французов, предпринятыми им в Мексике во время недавней граж-

данской войны, — вот причина столь беспомощной по своей сути и несправедливой в отношении Мексики политики Соединенных Штатов. Эта политика навсегда останется сомнительным пятном на блестящем и гордом гербе Соединенных Штатов».

Янки начали обхаживать генерала Санта-Ану, в то время сосланного в Сан-Томас. В его честь был дан прием на борту американского корабля. Затем Санта-Ане нанес визит сам министр Уильям Сьюард (март 1866 года). Договорились о необходимости выдворить французов. «...он пообещал мне поддержку, — вспоминал в своих мемуарах Санта-Ана. — Прощаясь, он многозначительно посмотрел мне в глаза, крепко пожал руку и сказал: «На Мексику, генерал!» Сьюард покинул Вашингтон для того лишь, чтобы навестить генерала Санта-Ану в изгнании? Конечно, он готовился использовать его вместо Хуареса. Это обвинение никогда не было опровергнуто.

Французские войска покинули наконец Мексику. Их уход был следствием целого ряда обстоятельств: изменения обстановки в Европе не в пользу Франции, бедственного состояния французской казны и финансовых возможностей оккупированной страны. Бисмарк, следуя своей политике объединения Германии вокруг Пруссии, разбил Австрию при Садовой 3 июля 1866 года. Прусский канцлер заранее заручился нейтралитетом Наполеона III. «Наполеон III вынужден был смириться с усилением Пруссии, поскольку его колебания не позволили ему оказать эффективную помощь Австрии и воспротивиться территориальным притязаниям Бисмарка», — говорит Висенте Вивес. Укрепление Германии, несогласие Наполеона III с планами Бисмарка вылились затем во франко-прусскую войну 1870 года, окончившуюся победой пруссаков и отречением Наполеона III в Седане. Таким образом, во второй половине 1866 года основной заботой Наполеона III были концентрация и реорганизация армии. «Пушки Садовой, а вовсе не твердая дипломатия североамериканцев покончили с вооруженным вторжением Франции», — свидетельствует Иглесиас Кальдерон. И добавляет: «...дипломатическая помощь — единственный вид помощи, полученной нами от Соединенных Штатов, — была запоздалой, корыстной, и хотя и полезной в какой-то степени, все же не необходимой, не существен-

ной для нашей победы». И президент Хуарес имел полное право сказать в манифесте по случаю победы, выпущенном 15 июля 1867 года: «Эту победу добыли верные сыны Мексики, сражаясь в одиночку, без какой бы то ни было помощи со стороны, без ресурсов и продовольствия, нужных для ведения войны».

А ведь французская интервенция в Мексику имела исключительно важное значение для самих Соединенных Штатов. В донесении генерала Шеридана, датированном 11 ноября 1866 года в Новом Орлеане, подчеркивалось: «...французская интервенция в Мексику являлась составной частью мятежа на Юге».

Перкинс посвятил более двадцати страниц французскому нашествию на Мексику в 1862 году. Никакая другая тема не была удостоена столь пристального внимания. Перкинс имел доступ к архивам Форин офиса и госдепартамента, к архивам в Париже, Мадриде, Мехико, к архивам Максимилиана. Он пользовался обширнейшей и во множестве случаев неизданной документацией. В своем анализе он учитывал даже самые, казалось бы, незначительные факты. Для него «великая дипломатическая кампания (Сьюарда), приведшая к уверенности в выводе французских войск из Мексики... была одной из самых блестящих в анналах североамериканской внешней политики... Дух доктрины (Монро) постоянно присутствовал в его депешах, и именно упрочение ее было конечной целью всех его действий». В заключительной части своего труда Перкинс с некоторым сожалением констатирует: «...вне всякого сомнения, уходом своим из Мексики французы частично обязаны деятельности Соединенных Штатов... однако вполне очевидно также, что это не было единственным фактором, и возможно даже, что других причин было бы достаточно, чтобы вызвать тот же результат... Поэтому вполне вероятно, что и без дипломатического вмешательства Соединенных Штатов мексиканские события закончились бы так же, как они завершились». Касаясь финансовых затруднений Наполеона III, Перкинс говорит: «...если на поле боя французы не раз показывали себя храбрецами, то в преодолении налогового бремени они никогда не проявляли заметного героизма». В другом месте он отмечал стойкость мексиканцев: «...она становилась все упорнее по мере того, как слабело правительство Максимилиана».

И добавляет: «Мексиканцы не могли бы сражаться так хорошо, если бы не получали некоторой помощи от Соединенных Штатов». Но тут Перкинсу изменила его привычная точность. Он не только не привел ни одного конкретного факта такой помощи, но даже не сделал ни одного намека на такую помощь, не подкрепил своего утверждения фактами. Мексиканские источники полны свидетельств, опровергающих утверждение Перкинса. Судьбу Мексики решили сами мексиканцы. В одиночку, без какой-либо помощи извне, как об этом заявил уже Хуарес. Впоследствии североамериканская дипломатия попыталась встать под сень лавров, которые осеняли чело тысяч и тысяч неизвестных, простых мексиканцев, поливших своей кровью родную землю. Но разве могла дипломатия выиграть посредством обмена нотами то, что она потеряла на полях сражений! Излишне добавлять, что Перкинс обошел молчанием причины необычного поведения Сьюарда с генералом Санта-Аной...

Принято считать, что Соединенные Штаты, занятые в ту пору собственной гражданской войной, не могли сделать много для Мексики. Вмешаться военной силой — да, безусловно, не могли. Но ничто не мешало им своевременно и решительно действовать на дипломатическом фронте, тем более что европейская интервенция могла оказать поддержку мятежникам-южанам. Предложение взять поручительство над мексиканским долгом свидетельствует о том, что Соединенные Штаты сделали этот шаг из ростовщических побуждений и даже больше — из склонности к чудовищной эксплуатации. Зная о бедственном положении Мексики, они кровожадно предвкушали возможность проглотить в скором времени часть ее территории. Так поступал Шейлок: в уплату долга — фунт мяса, «ближайшего к сердцу должника».

О доктрине Монро не вспомнили и на этот раз.

* * *

В период с двадцатых по пятидесятые годы, когда шли споры вокруг вопроса о Панамском перешейке и о кратчайшем пути по нему между двумя океанами, Англия неоднократно бросала вызов доктрине Монро.

В 1834 году старинная британская колония Белисе расширилась к югу за счет территории центральноамериканской республики. Правительство последней апеллировало к Вашингтону, однако госдепартамент отказался вмешаться в конфликт.

В 1838 году Англия захватила Руатан, самый большой из прибрежных островов Гондураса и островов Бааи.

В 1841 году Англия овладела устьем реки Сан-Хуан — подступом к предполагаемому каналу через Никарагуа, установила свой протекторат над захваченной территорией.

Сразу же после ратификации североамериканцами в 1848 году договора Мальярино — Бидлака, по которому Новая Гранада предоставляла Соединенным Штатам право транзита по территории Панамы и другие привилегии, Англия снова оккупировала Сан-Хуан, присоединив на этот раз несколько гондурасских островов в Тихом океане, опять-таки ближайших к возможному каналу через Никарагуа, в том числе остров Тигр в заливе Фонсека. Для закрепления своего права на эти земли Англия навязала Никарагуа договор от 7 марта 1848 года, заставляя признать законными свои приобретения. Никарагуа, предупрежденное о грозящей ему агрессии, задолго до этого обратилось в США с просьбой о помощи, но его обращения никто не услышал в Вашингтоне. Напротив, североамериканцы потребовали предоставления им концессии на уже захваченные Англией земли. Договором от 28 сентября 1849 года Гондурас уступил Соединенным Штатам остров Тигр. Договором от 21 июня того же года Никарагуа предоставило Соединенным Штатам право на строительство канала по своей территории и фортификаций на обоих его концах. 27 августа правительство Никарагуа заключило контракт на строительные работы с «Америка Атлантик энд Пасифик шип кэнэл компани», особо оговорив за этим предприятием право контроля над будущей водной артерией. Тогда Англия заявила как правительству Никарагуа, так и подрядчику, что река Сан-Хуан, включая устье, принадлежит королевству индейцев-москитов и что без их разрешения и без согласия Великобритании, осуществляющей над ними протекторат, строительство канала невозможно; кроме того, канал разделил бы королевство Москитию на две части, а это тоже недопустимо. Законода-

тельные ассамблеи Никарагуа, Гондураса и Сальвадора попросили Вашингтон принять меры согласно доктрине Монро, но Вашингтон раздраженно отмахнулся от них. И пока Соединенные Штаты заключали договоры один за другим, Англия расширяла границы Белизе, оккупировала Сан-Хуан, Руатан, остров Тигр, устанавливала там свою эффективную, реальную и прочную власть.

Договор Клейтона — Бульвера 1850 года символизировал собой наиболее серьезное поражение доктрины Монро. Соединенные Штаты и Англия заключили пакт о совместном контроле, защите и нейтралитете будущих водных путей через перешеек, включая путь через территорию Панамы. Обе стороны согласились воздерживаться от «оккупации, возведения укреплений, колонизации, присоединения или распространения своего влияния в Никарагуа, Коста-Рике, Москитии или какой-либо другой части Центральной Америки». При ратификации Англия выдвинула условие: настоящая договоренность не касается Белизе и прилежащих к ней территорий. Англия фактически осталась в своих владениях. Больше того, в 1852 году она, опираясь на Руатан, простерла свое господство на соседние с ним острова и провозгласила острова Баия британской колонией. А два года спустя британские власти в Сан-Хуане сделали попытку почти закрыть для Соединенных Штатов свободный проход от океана до океана по территории Никарагуа, не считаясь с разрешением никарагуанского правительства.

Соединенные Штаты продолжали занимать примиренческую позицию. Они послали в Лондон специального посланца с инструкцией, один из параграфов которой мы решили процитировать: «Если возникнут серьезные препятствия как материального, так и морального характера, мешающие переговорам по другим пунктам, то президент согласится, если вы на худой конец прибегнете к уступкам в этом вопросе как к средству добиться согласованности по вышеназванным пунктам при условии, что Великобритания будет расположена рассматривать это как уступку Соединенным Штатам». И Соединенные Штаты предложили Англии разделить Центральную Америку на зоны влияния... В конечном итоге был подписан договор Далласа — Клэрндона 1856 года. Англия сохранила за собой Белизе, Сан-Хуан был объявлен свободным городом. Две державы по своему усмотрению поде-

лили между собой территорию центральноамериканских стран, которые даже не подозревали о существовании этого сговора... На случай, если Никарагуа воспротивится, высокие договаривающиеся стороны заранее решили заставить ее подчиниться их воле, не стесняясь в выборе средств.

Договор не был ратифицирован, но это не меняло существа дела. Североамериканская политика предстает как нечто гнусное и порочное.

Совершенно очевидно также полное банкротство доктрины Монро.

* * *

Было много подобных фактов, но большинство из них давно забыто.

На протяжении последних десятилетий XIX века европейские державы непрерывно осаждали Гаити. Перкинс откопал в архивных склепах некоторые даты. 1869-й год — Франция; 1871-й — Испания; 1872-й — Германия; 1877-й — Англия; 1883-й — Франция, Испания и Англия вместе; 1887-й год — Англия. Все они прибегали к силе или к угрозе применить силу. Джон Мур приводит еще один факт. В 1897 году Германия послала два военных корабля к берегам Гаити с приказом обстрелять Пуэрто-Принсипе, если гаитянское правительство не возместит немедленно убытки, понесенные неким германским подданным. В связи с этим государственный секретарь Шерман инструктировал своего дипломатического представителя на острове: «Наше правительство не чувствует себя ни в малейшей степени обязанным вмешиваться в постоянные конфликты республик Западного полушария с другими государствами. Доктрина Монро, на которую вы ссылаетесь, абсолютно неприменима в данном случае; нашим отношениям с соседями и нашим интересам ошибочное толкование политики, провозглашенной президентом Монро, не принесет никакой *выгоды*». Выгода — вот на чем строилась и чем приводилась в движение политика этого государства. Беспрерывные атаки на гаитянцев, кажется, не очень-то волновали Вашингтон.

Другой жертвой была Никарагуа. В 1874 году Англия, в 1878-м Германия, в 1882 году Франция угрожали ей интервенцией. Перкинс напомнил о подобных инцидентах между Италией и Колумбией в 1886 году и меж-

ду Францией и Санто-Доминго в 1893-м. Верный поборник доктрины Монро, он говорил в заключение: «На протяжении XIX века Соединенные Штаты ни разу не попытались воспрепятствовать истязанию плохо управляемых республик Нового Света...»

* * *

Монро закрывал глаза на вооруженные вторжения европейцев в Америку.

Он молчал, лицемерил.

Но среди преступников сообщничество имеет свой смысл.

Шерман называет его «выгодой».

Слово со множеством значений. Применимо как в торговле, так и в международной политике капиталистических государств.

ТРАГЕДИЯ САНТО-ДОМИНГО. ПОПРАВКА РУЗВЕЛЬТА

Президент Соединенных Штатов Грант наконец добился осуществления давно вынашиваемой идеи — аннексии республики Санто-Доминго. «Грант, обладавший тонким чутьем, — говорит доминиканец Энрикес Уренья, — сразу понял, что президент Доминиканской Республики Баэс очень подходящая для такого предприятия фигура». Секретарь Гранта, полковник Бэбкок, договорился с Баэсом об аннексии Санто-Доминго за полтора миллиона долларов. Баэс представлял незаконное правительство и не мог вести переговоры о территориальных изменениях республики, тем более продавать какую-либо часть территории другому государству. Бэбкок об этом знал и, несмотря на это, совершил с ним торговую сделку. «От этой торговой операции пахнет дележом чужих земель и личной, корыстной заинтересованностью», — пишет Перкинс. Договор был подписан *ad referendum* 29 ноября 1869 года.

В декабре того же года Грант направил послание сенату. В нем президент мотивирует свои действия тем, что, не будь аннексии, одна из европейских держав купила бы залив Самана. «В случае войны, — говорится в послании, — приобретение Санто-Доминго позволит нам держать в подчинении все упомянутые острова и, таким образом, не допустить неприятеля на наши собственные берега». Опасения Гранта были не без основания. Между сороковыми и пятидесятыми годами Франция и Испания пытались взять Санто-Доминго под свой протекторат. Франция предложила куплю или просто оккупацию залива и даже вмешалась в вопрос об аренде, решенный между Санто-Доминго и Соединенными Штатами еще в 1854 году.

Второе послание Гранта, касавшееся доминиканской проблемы, относится к 1870 году. Президент предложил внести изменения в договор. Грант подчеркивал, что Доминиканская Республика может стать добычей европейских кредиторов, и настаивал на одобрении аннексии.

В июле 1871 года сенат Соединенных Штатов отклонил договор об аннексии Санто-Доминго.

Доминиканская Республика попала в долговую кабалу. Начало этому положил эпизод, ставший уже хрестоматийным. Совершив в 1865 году государственный переворот, Баэс захватил власть. Заговор Баэса финансировал некий Херусум, коммерсант с острова Кюрасао. Когда Баэс пришел к власти, Херусум потребовал вернуть ему ссуду — около 38 тысяч долларов. По мнению Баэса, платить должна была государственная казна. Но казна была пуста. Бедственное состояние казны и необходимость вернуть долг заставили Баэса в 1866 году выпустить бонь на 420 тысяч фунтов стерлингов, обеспечение которых взяла на себя лондонская «Хармонт и К°», потребовавшая за услуги 100 тысяч фунтов комиссионных. Бонь были размещены на 372 тысячи фунтов. Хармонт получил свои комиссионные плюс определенную сумму на издержки и начал выплату процентов держателям этих ценных бумаг, чтобы поддержать их биржевую стоимость. Согласно данным Энрикеса Уреньи, доминиканское правительство получило 37,5 тысячи фунтов стерлингов, согласно данным Мелвина М. Найта — 190 тысяч и оказалось должно 4 миллиона, считая из 6 процентов годовых.

Но этот кабальный заем был лишь первым в бесконечной цепи следовавших за ним долгов.

В 1888 году доминиканское правительство попросило ссуду в 770 тысяч фунтов у амстердамской фирмы «Вестендорп и К°», в результате сделки в руки фирмы перешло право на сбор таможенных пошлин, однако фирма была обязана ежемесячно отчислять от этих доходов 60 тысяч песо в фонд доминиканского бюджета.

В 1890 году доминиканское правительство снова просит у Вестендорпа ссуду на обеспечение займа в 900 тысяч фунтов.

Два года спустя стало ясно, что фирме Вестендорпа грозит банкротство, под угрозу попали и взятые им на откуп займы. По дипломатическим каналам голландское

правительство предъявило иск. Фирма проконсультировалась с североамериканскими банкирами о возможности перевести на них свои кредиты — 300 тысяч фунтов, поскольку большая часть была распределена между вкладчиками — голландскими, бельгийскими, французскими и итальянскими. По свидетельству Найта, фирма «Вестендорп» пыталась перепродать правительству Соединенных Штатов доминиканские боны, а также право на сбор таможенных пошлин.

Хлопоты фирмы «Вестендорп» привели к открытию 8 апреля 1892 года в Санто-Доминго фирмы «Импрувмент компани оф Нью-Йорк», получившей благословение вашингтонского правительства. Новоиспеченная компания взяла на себя долги, право таможенных сборов, обеспечила займы на март 1893 года — 2030 тысяч фунтов и выпустила еще один заем на 1250 тысяч долларов, который был удвоен в следующем году.

В 1895 году Франция предъявила доминиканскому правительству рекламации. Правительство Санто-Доминго заключило новые сделки. Долг рос, и конца этому процессу не было видно.

1897 год был тоже тяжелым. Сумма долга выросла до 3 885 350 фунтов стерлингов. За неполных тридцать лет она увеличилась более чем в десять раз.

В 1899 — 1900-х годах последовал взрыв народного возмущения деятельностью «Импрувмент компани». Доминиканскому правительству удалось уладить конфликт. Оно потребовало от «Импрувмент компани» предоставления отчетов о таможенных поступлениях и урегулирования финансовых отношений с европейскими кредиторами Доминиканской Республики. Однако держатели доминиканских бон, сперва бельгийцы, а затем и все остальные, составлявшие большую часть держателей ценных бумаг, заявили об отказе иметь дело с «Импрувмент компани» и через свои правительства предъявили иск о погашении долгов.

В 1901 году доминиканское правительство расторгло контракт с «Импрувмент компани» и взяло в свои руки таможенную службу, чтобы без посредников вести дела с европейскими кредиторами. Доминиканский конгресс потребовал от «Импрувмент компани» финансового отчета, на что компания предложила заключить новый контракт. Конгресс ответил отказом. Тогда «Импрув-

мент компани» обратилась за содействием к госдепартаменту и предъявила требование погасить долг в 11 миллионов долларов. Итогом этого конфликта было подписание 31 января 1903 года протокола, согласно которому доминиканское правительство признало себя должником правительства Соединенных Штатов на сумму 4,5 миллиона долларов, определенную как компенсация за ущерб, понесенный «Импрувмент компани». Вопрос о форме компенсации должен был решить арбитражный суд из трех членов с преимуществом для североамериканской стороны: одного члена назначал президент Доминиканской Республики, другого — президент Соединенных Штатов, третьего — доминиканское правительство выбрало из состава Верховного суда Соединенных Штатов. Решением арбитражного суда от апреля 1904 года в доминиканскую таможенную службу назначался правительственный финансовый агент североамериканец, которому предоставлялось право вмешиваться в ведение финансовых дел, а при возникновении задержек при погашении долга он мог взять под свой контроль наиболее важные таможни.

Финансовый кризис породил политический, а последний в свою очередь углубил и обострил финансовый. С каждой сменой правительства рос внешний долг, росли и североамериканские требования. И в силу всеобщего кризиса североамериканский капитал все больше овладевал экономикой страны-должника — Доминиканской Республики. При этом не упускалась из виду другая очень важная цель — контроль над Карибским бассейном и политико-экономическое подчинение всей Латинской Америки. Но хотя обстоятельства складывались поразительно удачно для Вашингтона, игра, которую он вел, была нелегкой. Империалистическому проникновению способствовала продажная политика правящих кругов Доминиканской Республики. Однако на пути империалистов и их пособников стоял народ и прогрессивно настроенные лица из буржуазных кругов. Они требовали уважения к национальному суверенитету республики, затрудняли наступление захватчиков. Вашингтон менял марionеток, а когда те переставали служить ему верой и правдой, высаживал в портах непокорной страны своих морских пехотинцев.

В 1877 году генерал Хороэкс низложил Баэса и про-

возгласил себя диктатором. «Свирепый, жестокий, он отдал приказ об обстреле Остоса», — рассказывает Санчес. При Хороэксе внешний долг страны возрос еще более. Диктатор сдал в концессию таможенную службу — сперва голландской «Вестендорп и К°», затем североамериканской «Импрувмент компани».

В июле 1899 года, после убийства Хороэкса, борьба доминиканского народа вспыхнула с новой силой. Шла ожесточенная борьба за власть и среди правящей верхушки. Мятеж против вице-президента Фигеро привел к власти временное правительство Васкеса, а затем последовал дуумвират Хименес — Васкес.

Хименес, «человек честный и прямой, чувствительный к бесцеремонности кредиторов-янки», начал борьбу за ликвидацию долгов фирме «Импрувмент компани» и возвращение таможенной службы в руки национальных властей. Тогда Васкес, поддержанный североамериканским правительством и «Импрувмент компани», низложил Хименеса. Некоторое время спустя, в январе 1903 года, Васкес подписал протокол, который обязывал Доминиканскую Республику уплатить — уже не «Импрувмент компани», а правительству Соединенных Штатов — скандально раздутую сумму долга и признать в качестве постоянного контролера при доминиканской таможенной службе североамериканского представителя.

Два месяца спустя, в марте 1903 года, Алехандро Восс-и-Хиль поднял мятеж и сверг Васкеса. Немедленно на острове высадились экспедиционные отряды стран-кредиторов: североамериканцы, немцы, итальянцы, голландцы, французы... «для защиты» своих граждан. В сентябре Восс-и-Хиль предпринял наивную попытку очистить доминиканские территориальные воды от иностранных кораблей с помощью юридических аргументов. Глава североамериканской дипломатической миссии в Санто-Доминго, ярый поборник интервенционизма, сообщил об этом плане в государственный департамент, пояснив, что речь шла о попытке объявить в интересах Германии ряд прибрежных городов свободными портами. Перкинс считает, что это подозрение не имело оснований. Вашингтон решил покарать доминиканское правительство, осмелившееся проявить самостоятельность. Несколько дней спустя, в октябре 1903 года, в результате мятежа, который возглавил Моралес, сторонник Хименеса и Васкеса,

правительство Восс-и-Хиля было свергнуто. Месяцем позже, в ноябре, Хименес, поняв, что Моралес был пособником североамериканцев, восстал против него. Но североамериканцы поддерживали Моралеса. Они подвергли окрестности Санто-Доминго артиллерийскому обстрелу, а затем оккупировали город, проложив Моралесу дорогу к президентскому креслу.

Пролетел год 1904-й, и начались задержки в платежах. Агент Соединенных Штатов, он же служащий «Импрувмент компани», взял под свой контроль таможенную в Пуэрто-Плато и отдал распоряжение провести досрочный учет на других таможнях, где поступления от сборов шли в пользу французских, бельгийских и итальянских кредиторов. Европейские кредиторы заявили протест. В послании конгрессу президент Т. Рузвельт предупредил, что, «следуя доктрине Монро в Западном полушарии, Соединенные Штаты могут оказаться вынужденными вопреки своему желанию в случае вопиющего беспорядка или несостоятельности взять на себя функции международной полицейской силы».

20 декабря 1904 года Вашингтон запросил правительство Санто-Доминго о его согласии передать правительству Соединенных Штатов право взимать таможенные пошлины и распределять их между кредиторами. И, демонстрируя серьезные намерения правительства США, его решение применить «полицейскую силу», 1 января 1905 года в водах Пуэрто-Принсипе бросили якорь два военных североамериканских корабля. Несколько дней спустя Моралес подписал протокол, отдававший в руки правительства Соединенных Штатов доминиканскую таможенную службу на срок до полного погашения долга. Этот механизм вступил в действие, не дожидаясь утверждения его в законном порядке. Однако североамериканский сенат отклонил этот протокол — внешне из формальных соображений: как всякий международный договор, он требовал утверждения *ad referendum*. По сути же — из-за того, что президент в нарушение конституции поставил сенат перед свершившимся фактом, предлагая ему утвердить документ, уже находившийся в действии.

Моралес настаивал на утверждении документа и составил новый вариант протокола, более совершенный по форме. Но поскольку утверждение и этого варианта запаздывало, то Т. Рузвельт и Моралес договорились о

том, чтобы президент Соединенных Штатов назначил главного сборщика таможенных пошлин. Рузвельт назначил некоего Колтона, известного специалиста в таможенных делах, служившего на Филиппинах. Североамериканский сенат отклонил и этот вариант.

Тем временем в Доминиканской Республике росло сопротивление политике, открывавшей дорогу иностранному вмешательству. Положение Моралеса становилось до такой степени шатким, что он уже не только перестал интересоваться госдепартаментом, но и превратился в помеху для решения серьезных проблем. Настало время «смены часового». В январе 1906 года вице-президент, генерал Касерес, сместил Моралеса и захватил власть в стране. Это произошло с одобрения североамериканцев. Через год, в феврале 1907 года Касерес подписал 3-й протокол, который был утвержден североамериканским сенатом.

В течение всего этого долгого и критического периода соединения североамериканского флота находились в территориальных водах Санто-Доминго. Перкинс цитирует приказ президента Т. Рузвельта военноморскому министру, направленный сразу же после подписания договора от 7 февраля 1907 года: «В том, что касается доминиканского вопроса, скажите адмиралу Брэдфорду, чтобы он не допускал на острове революции. Я предлагаю поддерживать там статус-кво, пока сенат найдет время принять решение по договору, и буду рассматривать всякое революционное движение как попытку нарушить модус виденди. Я совершенно уверен, что все это в основе своей законно, хотя и предвижу трудности технического порядка и даже намеренную волокиту».

«...в 1905 году почти не было торговых связей, которые затем, под сенью новой таможенной политики, разрослись в разветвленную сеть...» В 1906 году «общий долг Санто-Доминго, включая проценты, достиг суммы 40 миллионов долларов».

Так США стали хозяевами положения в Санто-Доминго.

* * *

Заявление Рузвельта о готовности США «взять на себя функции международной полицейской силы» основано на «теории превентивных действий».

Перкинс видит корни этой теории в конфликтах между Венесуэлой и европейскими государствами, относящихся к 1871 году. Он утверждает даже, что однажды, в 1880 году, правительство Венесуэлы предложило правительству Вашингтона взять на себя сбор таможенных пошлин с последующей выплатой венесуэльских долгов европейским правительствам и что госдепартамент в своем ответе «пошел дальше предложения венесуэльцев» и взял на себя вообще все управление венесуэльской таможенной службой.

Однако из поля зрения Перкинса ускользнули корни, более глубокие и более близкие к истокам пресловутой «теории превентивных действий», ясно видимые уже в послании Джонсона¹ конгрессу в 1868 году: «Разумная государственная политика не исключает приобретения и включения в нашу федерацию различных прилегающих к ее территории сообществ, как континентальных, так и островных, и возможно скорее, лишь бы это было совместно с мирными и законными средствами и не наносило ущерба справедливости, вере или чести Соединенных Штатов. Власть или контроль над этими странами со стороны других иностранных держав приносит вред развитию нашей нации и ослабляет наше влияние. Также вредно для нас состояние хронической революции или анархии в этих странах. Присоединившись же к Соединенным Штатам, каждая из них превратилась бы в источник силы и мощи». Но это состояние «хронической революции или анархии», столь беспокоящее Джонсона, не есть ли то же самое, что «вопиющий беспорядок и несостоятельность», борьбой с которыми Т. Рузвельт пытался оправдать свою «поправку»? Не важно, что Джонсон предложил включить в федерацию «прилегающие к ее территории сообщества», в то время как Рузвельт говорил лишь о применении «полицейской силы в международном масштабе». Перкинс просто не уловил единства процесса. Процесс един и идет издалека. От самых истоков североамериканской истории. Более того, он заложен в самой сути системы, выпестовавшей североамериканскую нацию.

Но в чем бы ни заключались главные корни «теории превентивных действий», Т. Рузвельт, едва сев в прези-

¹ Джонсон, Эндрю — президент США (1808—1875).

дентское кресло, в первом же своем послании конгрессу в 1902 году предупредил латиноамериканские страны, конфликтовавшие с европейскими государствами, что Соединенные Штаты не гарантируют ни одну из этих стран от репрессий, которые могут быть вызваны их дурным поведением, исключая случаи, когда эти репрессии примут форму территориальных претензий европейских держав. Предупреждение это, подтвержденное в последующие годы, относилось тогда прежде всего к Венесуэле.

Что касается Санто-Доминго, то аннулирование договора с «Импрувмент компани», ставшее возможным благодаря движению народных масс в 1901 году, продемонстрировало уязвимость юридических позиций частного североамериканского капитала, а факт «предвидения» задержки платежей, которая действительно возникла уже в середине 1904 года, вскрыл всю несостоятельность или бесчестность — а скорее, то и другое вместе — протокола 1903 года, объявившего Доминиканскую Республику прямым должником североамериканского правительства, и решения арбитража от апреля 1904 года, которое узаконило постоянный контроль североамериканского финансового агента за деятельностью доминиканской таможни. Для правителей Вашингтона стало очевидной необходимость нажима более сильного, вмешательства более глубокого и полного, которые поставили бы на службу североамериканским интересам все доминиканское национальное имущество — иными словами, само доминиканское государство. Именно в этот момент и была провозглашена «поправка Рузвельта». Она явилась кульминационным пунктом в развитии «теории превентивных действий». Интервенция США предупреждала европейскую интервенцию...

Конечно, нельзя объяснить появления «поправки Рузвельта» стремлением укрепить позиции лишь в Санто-Доминго. Ясно, что «поправка» соответствовала общей линии империализма янки в Латинской Америке, и в частности политике, направленной на превращение Карибского моря в «маре нострум» Соединенных Штатов. Однако не вызывает сомнений и тот факт, что доминиканская ситуация вообще и замешанные там североамериканские капиталы были более определяющей и непосредственной причиной конкретной угрозы интервенции,

чем в конечном итоге была пресловутая «поправка Рузвельта».

«Поправка Рузвельта» в свою очередь прошла свой собственный путь развития.

По свидетельству Перкинса, уже в мае того же 1904 года президент Т. Рузвельт произвел зондаж. В письме по случаю второй годовщины независимости Кубы, которое зачитал на праздновании государственный секретарь Рут, президент Т. Рузвельт говорил: «Если нация умеет с достоинством вести себя в вопросах индустрии и политики, если она способна поддерживать у себя порядок и выполняет свои обязательства, то ей нечего бояться вмешательства со стороны Соединенных Штатов. И напротив, дикость и порочность или беспомощность, которые ведут к всестороннему ослаблению связей в цивилизованном обществе, могут в конце концов вызвать интервенцию цивилизованной страны, и Соединенные Штаты здесь, в Западном полушарии, не смогут игнорировать этот долг». «Подобный язык,—комментирует Перкинс,—может означать лишь одно: подготовку почвы для реальной интервенции, которая, кстати, была уже не за горами». Решение арбитражного суда, «предвидевшее» задержку платежей, состоялось в апреле, а в мае началась интервенция.

За майским письмом последовало президентское послание, провозгласившее «поправку Рузвельта» и угрозу применения Соединенными Штатами полицейской силы в Латинской Америке...

События развивались в соответствии со строгим курсом: 1901 год — расторжение контракта с «Импрувмент компани»; январь 1903-го — протокол, объявивший доминиканское правительство должником правительства Соединенных Штатов; апрель 1904-го — решение арбитражного суда, предусматривающее кару за возможную задержку в выплате доминиканцами долга; май 1904-го — зондаж Рузвельта по поводу возможной интервенции; середина 1904-го — произошли задержки в платежах; декабрь 1904 года — «поправка Рузвельта». Можно проследить развитие экспансионистских устремлений США и дальше. Но важен сам порядок, логическая последовательность фактов, вскрывающих коварный замысел американских империалистов. О санкциях за возможную задержку платежей было объявлено незадолго до того, как

они последовали, с явным намерением мотивировать и оправдать уже готовившуюся интервенцию. Слабое, жалкое, несостоятельное в юридическом плане основание, на котором готовились возвести чудовищное здание «полицейской силы». Мост для кровавой и хищнической интервенции. Орудие законности, превращенное в прямую улику сговора между продажными креольскими правителями и заморскими пиратами.

В послании 1905 года содержался уже откровенный план захвата. Тон послания фарисейский. Язык — столь же грубый, как его автор: «Не надо забывать, что несправедливые акты в отношении нашей нации или в отношении граждан нашей нации... могут привести к тому, что мы должны будем принять меры для защиты наших прав... Кроме того, мы должны дать понять, что не позволим, чтобы доктрина Монро была использована какой-либо нацией этого континента как щит, за который можно спрятаться от последствий собственных преступлений, совершенных против других наций...»

Однако только в послании от февраля 1906 года, в котором сенату преподносится подписанный договор с Моралесом, «поправка Рузвельта» обрела окончательную форму. Немногословное и грубое послание это прямо ставит перед Латинской Америкой роковую дилемму: либо европейские кредиторы с их блокадой, обстрелом и присвоением таможенных сборов, либо североамериканская интервенция. «Понесшая ущерб нация может в рамках доктрины Монро принять меры, которые она считает необходимыми, к устранению разногласий с американскими государствами, если эти меры не являются замаскированной формой насаждения своих государственных порядков или территориального захвата. За исключением этого, в вопросах финансовых претензий действительно остается только один способ получить возмещение убытков — блокада, обстрел или присвоение таможенных сборов, и это, по сути, есть овладение территорией, хотя и временное. Соединенные Штаты в таком случае становятся заинтересованной стороной, поскольку, согласно доктрине Монро, не могут допустить, чтобы какая-либо европейская держава овладела территорией одной из американских республик или непрерывно оккупировала ее. Тем не менее нельзя не признать, что подобное присвоение территорий, замаскированное или явное, пред-

ставляет собой, возможно, единственный способ истребования долга, разве только Соединенные Штаты сами не предпримут интервенцию...»

26 ноября 1916 года президент США В. Вильсон объявил о введении в Доминиканской Республике оккупационного режима и военного положения. Так претворял в жизнь свои идеи этот «глашатай мира», «апостол права и справедливости», «защитник слабых народов», «пророк новой международной морали». Вильсон попирает не только нормы международных отношений, но и конституцию собственной страны, воспрепятствующую мобилизации военных сил без согласия конгресса. «С нынешнего дня в силу изложенного я, Х. С. Нэпп, капитан морского флота Соединенных Штатов, в качестве командующего соединением крейсеров атлантической эскадры и войсками Соединенных Штатов Америки, расположенными в различных пунктах на территории Доминиканской Республики, действуя в соответствии с данной мне властью и по приказу правительства Соединенных Штатов Америки, торжественно заявляю всем заинтересованным в этом лицам, что настоящим Доминиканская Республика объявляется оккупированной войсками под моим командованием, должна подчиняться военному правительству и соблюдать законы военного времени, соответствующие статусу оккупации.

Английский, изначальный, вариант текста является единственным документом в вопросах спорного толкования настоящего указа».

Предвосхищая нацистские порядки, североамериканские власти заставляли побежденный народ подчиняться указу, написанному на чужом, непонятном этому народу языке.

Доминиканский народ ответил сопротивлением. Крестьяне создавали партизанские отряды; захватчики окрестили их «бандитами» и «мятежниками». Карательные действия против партизан сопровождались такими зверствами, что они навсегда опозорили «западную христианскую цивилизацию». Мирное население подвергалось бесчеловечным средневековым пыткам, в частности пытке каленым железом, сотни крестьянских семей были загнаны в страшные концентрационные лагеря, патологически часто применялся закон о расстреле при попытке к бегству.

В 1921 году комиссия североамериканского сената подтвердила эти факты. Один из военных начальников был заключен в тюрьму, другой — капитан Меркель, обвинявшийся в «систематических убийствах», — покончил с собой...

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ РЕКЛАМАЦИИ

Бесчисленные иски и требования «возмещения убытков» использовались Соединенными Штатами как предлог для насилия и произвола в отношении латиноамериканских стран.

Финансовые претензии наполняют историю отношений между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки на протяжении всего XIX века. Можно сказать, что в этот период они представляют собой одну из неизменных черт североамериканской политики в Латинской Америке.

Эти финансовые претензии, получившие более уважительное название — «рекламации», были лишь вспомогательным средством в истории дипломатии. Сначала следовало требование: «Деньги на бочку!» — затем заносился кинжал. Так было при расчленении Мексики.

Из-за недостаточной обоснованности и отсутствия других, более существенных мотивов «рекламации» иногда оказывались неэффективными. Так случилось в первом позорном эпизоде Джонсона с Эквадором.

И все-таки «рекламации» были средством беззастенчивого и незаконного вымогательства и нередко использовались для наглой агрессии.

Мексика была в этом отношении идеальным объектом.

«Наша история, — говорит мексиканец Антонио Гомес Робледо, — есть история рекламаций, предъявленных нам иностранцами. Не было такого момента, чтобы Мексика так или иначе не находилась в зависимости от решения какой-либо комиссии по рекламациям, или ее не вынуждали идти на новые уступки для покрытия старых, неудовлетворенных исков».

К североамериканским «рекламациям», о которых говорилось в главе, посвященной расчленению Мексики, следует добавить еще одну, заявленную «Теуантепек шип кэнэл энд Мексикан энд Пасифик рэйлроуд компани», которая пользовалась покровительством вашингтонского правительства. «Рекламация» эта требовала суший «пустяк» — всего каких-то 546 315 638,66 доллара...

В искусстве предъявлять «рекламации» Европе было чему поучиться у Соединенных Штатов. И она научилась. Вот список ее вымогательских претензий к Мексике (в долларах):

	Требуемая сумма	Признанная сумма
Германия . . .	6 169 086,52	508 912,31
Франция . . .	43 883 458,10	1 300 000,00
Англия	138 505 063,97	3 795 897,53

Куба тоже все время «давала повод» для «рекламаций».

В 1870 году на острове полыхала «большая война».

12 октября 1870 года президент Грант огласил свое заявление о нейтралитете.

Испания ответила взаимностью: 12 февраля 1871 года был подписан договор, согласно которому вопрос о североамериканских «рекламациях» передавался в смешанную комиссию. Речь шла о рекламациях за ущерб и убытки, понесенные североамериканскими гражданами от испанских властей на Кубе начиная с 1868 года.

Решение комиссии было оглашено 1 января 1883 года: из 130 представленных на рассмотрение случаев были признаны справедливыми и заслуживающими компенсации всего 35. Из требуемых 29 млн. долларов были признаны 1 293 450.

Очень «подходила» для предъявления «рекламаций» также и Венесуэла.

В 1890 году Соединенные Штаты представили ей три иска от трех фирм: «Мелвилл И. Дэй энд Дейвид И. Гаррисон», «Генри Вудруфф» и «Флэнаган Бредли, Кларк энд К°». Только один из них, первый, исчислялся суммой в 487 500 долларов.

«Рекламации» конца XIX века вызвали англо-итало-германскую интервенцию в 1902 году. Обратимся к цифрам.

	Требуемая сумма (в боливахах)	Признанная сумма (в боливахах)
Германия	7 376 885	2 091 908
Англия	14 743 572	9 401 267
Италия	39 844 256	2 975 906
Соединенные Штаты . . .	81 410 952	2 182 253
Голландия	5 242 519	544 301
Испания	5 307 626	1 974 718
Швеция и Норвегия . . .	1 017 701	174 350
	<hr/> 154 943 311	<hr/> 19 344 703

Североамериканские «рекламации», естественно, самые большие. Но обратите внимание, из 81 миллиона долларов, требуемых Соединенными Штатами, арбитры признают обоснованными всего лишь 2 млн.

Госдепартамент всегда выдвигал самые большие, вероятно большие, требования.

И всегда хозяева Белого дома в своих манипуляциях с «рекламациями» чувствовали себя официально правыми.

Нередко иски становились объектом спекуляции между различными группами гангстеров от политики.

11 мая 1860 года газета «Меркурио», выходившая в Вальпараисо, опубликовала письмо из Вашингтона: «Почему не сказать ясно и открыто? Сенатор Бьюкенен всецело зависит от милости определенных *спекулянтов от рекламаций* в Южной Америке, которые бродят здесь и, к несчастью, нередко средства завсегдатаев Белого дома, или, как его здесь называют, «кабинета для стряпни президента».

Барыш бывал тем прибыльней, чем больше удавалось насочинять параграфов, чем выше умудрялись указать сумму иска.

ОСТРОВ КОШМАРОВ

На фок-мачте — злобещий черный штандарт с черепом и перекрещенными костями...

Под таким флагом они впервые появились на самом большом из Антильских островов — Кубе.

К концу XVII века весь североамериканский берег от Чарльстона до Мэна кишел пиратами. Пиратство стало излюбленным промыслом колонистов.

Потом на мрачном, черном флаге возникли бледные звезды и кроваво-красные полосы. Эта «счетная доска» стала символом новоиспеченной республики.

Новые формы грабежа, естественно, требовали новых символов. Отныне разбой облакался в законную форму.

* * *

Контрабандисты — английские и североамериканские — соперничали между собой за первенство в торговле с островом Куба начиная с XVI века.

Но «географический фатализм» склонил чашу весов в пользу более молодого североамериканского хищника.

Англо-североамериканская тяжба за остров началась как вульгарный спор контрабандистов. Такой характер она сохраняла на протяжении всей истории.

* * *

Североамериканские колонисты упорно пресекали все попытки англичан захватить остров.

План Хантера, относящийся к 1726 году, а также все последующие планы, составленные по этому поводу,

предусматривали применение североамериканских войск.

В 1741 году адмирал Вернон, возвращавшийся после поражения при Картахене, высадился в Гуантанамо. В состав его войск входили шестьсот североамериканцев. Вернон решил основать на острове колонию, но это ему не удалось. В своей реляции он объяснял причины неудачи: плохой климат, сопротивление испанцев и креолов, а также разногласия между североамериканцами и британцами. Первые желали заложить колонию именно на Кубе, «предпочтительно перед другими местами»; англичане же наотрез отказались «добывать колонии для североамериканцев».

Три тысячи североамериканцев участвовали в английской экспедиции против Гаваны в 1762 году. Город капитулировал. Британское господство продолжалось одиннадцать месяцев. В течение этого времени местное население пожинало плоды свободной торговли, которая была невозможна при испанской монархии. По шесть кораблей в год прибывало на остров, с ними приехали тысячи англичан и североамериканцев. Бенджамин Франклин заявил, что, поскольку англичане и испанцы живут в мире, «мы можем добиться определенных привилегий в торговле или территорий, которые в будущем могли бы вознаградить нас за огромные потери от этого предприятия».

В 1767 году Франклин в письме к своему сыну Вильяму говорил о колонизации долины реки Миссисипи с целью «использовать ее против Кубы или Мексики».

* * *

Затем в североамериканских колониях началась революция.

В 1782 году, после окончания войны за независимость, Соединенные Штаты предложили Испании заключить торговый договор.

Испанский представитель в Филадельфии, дон Франсиско Рендон, поинтересовался у государственного секретаря Ливингстона насчет характера коммерческих отношений между Америкой и Испанией «в случае, если последняя согласится на предложенный договор».

Ливингстон ответил: «Коммерческое сообщество между Испанией и Соединенными Штатами будет взаимным».

на всем пространстве, и если обитатели испанских островов будут его поддерживать, то эти острова будут снабжаться очень легко продуктами по исключительно выгодным для них ценам, а ради увеличения посевов сахарного тростника на островах... корабли могут возвращаться с грузом сахара и соли, если, конечно, пошлины будут умеренными...»

Это была первая попытка направить торговые отношения между двумя Америками в определенное русло. Уже здесь ясно проглядывал характер будущих отношений, которые вытекали из неравномерного развития этих стран.

Совершенно ясно, что североамериканцы оставляли за собой роль поставщиков. Куба же должна была лишь увеличивать посевы сахарного тростника, а в остальном «коммерческое сообщество» было «взаимно выгодно».

Шел 1782 год. Соединенные Штаты уже подписали торговые договоры с Францией, с Голландией.

Республика превращалась в великую державу. И не столько благодаря своему быстрому прогрессу стремительно продвигалась она вперед, сколько в силу своей алчности, хищничества, тщеславия, в силу своего жестокого презрения к менее развитым народам.

Рендон предупредил Мадрид, что испанские коммерсанты не смогли бы конкурировать с североамериканскими.

В 1784 году Испания попыталась восстановить свою монополию. Торговые связи между Кубой и Соединенными Штатами были на некоторое время прерваны.

* * *

Но Испания не могла удовлетворить нужды населения острова. И еще в меньшей степени она была способна поддержать свою монополию.

Королевские чиновники на Кубе и само мадридское правительство вынуждены были считаться с духом времени. Новые указы 1786, 1789 и 1791 годов, касавшиеся ввоза рабов и сельскохозяйственных орудий, смягчили прежние жесткие ограничения.

Тем временем революция 1789 года ускорила восстание негров во главе с Туссен-Лувертюром против колониального гнета французов на Гаити.

Перед Кубой открылись новые перспективы.

Королевские чиновники в Гаване это хорошо понимали. 23 февраля 1793 года североамериканские корабли получили разрешение ввозить в Гавану и Сантьяго продукты питания и другие товары.

Перед американской республикой также открылись новые возможности, тем более что она не имела права свободно торговать с британскими владениями.

Объем экспорта и импорта североамерикано-кубинской торговли рос с небывалой быстротой из года в год. К 1798 году он превосходил даже объем испано-кубинской торговли.

Подобная статистика вызвала тревогу у испанских колониалистов. Они всегда сопротивлялись идее открытия колониального рынка. Теперь они молили небо отвести североамериканскую угрозу. Однако молитвы не помогли и правительство Мадрида решило воспрепятствовать натиску североамериканских штатов. Между 1799 и 1801 годами были аннулированы все уступки в пользу Соединенных Штатов в области торговли. В начале 1802 года немногим североамериканским коммерсантам, поселившимся на острове, было предложено покинуть его.

Но к этому времени кубино-североамериканская торговля охватывала уже широкий круг лиц, связанных взаимными интересами. Это кубинские сахарозаводчики, крупные коммерсанты Гаваны, посредники и североамериканские поставщики. Для владельцев крупных плантаций Север был надежным, беспрестанно расширяющимся рынком сбыта. Жители острова предпочитали всем другим товары с Севера — разнообразные, быстро доставляемые и не только наиболее полно удовлетворяющие привычные потребности, но и совершенствующие и расширяющие спрос. Эту мощную реку не могли повернуть вспять высочайшие указы испанского короля. Королевские власти вынуждены были сложить оружие под напором действительности. Так, в том же 1802 году граф де Момпо получил разрешение ввезти на остров сто тысяч баррелей североамериканской муки.

Торговля продолжалась, и цифры, как по ступенькам, поднимались все выше. В первые четыре месяца 1805 года из Гаваны вышло 175 североамериканских торговых судов и только 25 испанских...

В это время, в самый разгар наполеоновских войн, европейские конфликты, франко-британские блокады и контрблокады делали морские путешествия невозможными для нейтральных стран. Англия запретила всякую торговлю с континентальными европейскими портами. Наполеон запретил всякую торговлю с Англией. Однажды он распорядился секвестровать североамериканские корабли во французских портах. Англичане задерживали, брали на abordаж и обыскивали корабли под иностранным флагом, шедшие в одном караване с английскими. Североамериканский торговый флот, выросший в тихом укрытии, пока в Европе бушевал ветер войны, подвергался теперь серьезным ударам. Джефферсон попытался самортизировать эти удары, запретив североамериканцам торговлю с границей. Коммерческий обмен между Кубой и Соединенными Штатами в 1808—1809 годах резко сократился. Одновременно заметно оживились торговые отношения Кубы с Англией. Испанские власти снизили тарифы для британских товаров, и Англия начала проявлять заинтересованность в том, чтобы Флорида и Куба не отошли к другим державам.

Но вот ураган запретов стих, и отношения возобновились. Североамериканские корабли и купцы вернулись на остров, «на этот раз чтобы остаться там надолго». «Около 1815 года, — говорит Кирклэнд, — Большая Антилья встала на путь, который вел ее к превращению в общепризнанную госпожу Карибского моря, в центр производства тростникового сахара и в одного из крупнейших в мире производителей кофе. Львиная доля кубинской внешней торговли, формально открытой с 1818 года для всех стран, находилась в руках североамериканских коммерсантов. Тот факт, что три пятых сахара и четыре пятых мелассы (патоки), ввозимые североамериканцами, были кубинского происхождения, указывает, что остров попал в орбиту североамериканского империализма».

Отношения между островом и молодой республикой развивались в направлении, определенном государственным секретарем Ливингстоном в его ответе испанскому представителю Франсиско Рендону в 1782 году. США выполняли роль поставщика, Куба же расширяла посевы сахарного тростника, а вместе с ними и численные границы рабства. Кубино-североамериканские отношения с самого начала складывались как колониальные.

И пока шел этот процесс, Куба как бы раздваивалась. С политической стороны она — колония Испании; экономически — колония Соединенных Штатов. А так как Соединенные Штаты все еще сохраняли колониальную структуру, то Куба представляла собой колонию другой колонии, некую колонию второстепенного разряда.

* * *

Североамериканскую политику в отношении Кубы, безусловно, определяли и другие факторы.

Географическая близость, стратегическое положение острова, этого ключа к Мексиканскому заливу, неизбежно должны были подсказать геополитическую концепцию, Куба представляла собой часть оборонительной системы северной республики, и основатели последней не стеснялись откровенно заявлять об этом.

С тех пор Кубе всегда отводилось исключительно важное место в североамериканской внешней политике и она неизменно привлекала к себе внимание, какие бы потрясения ни происходили внутри Соединенных Штатов и как бы ни менялась мировая политика.

Как кубинские, так и североамериканские историки исчерпали до дна насыщенную хронику этих отношений. И все же небезынтересно обратиться еще раз к архивам госдепартамента и к частным архивам. Лучше к последним. Потому что документы, опубликованные госдепартаментом, обходят молчанием начальный период этих отношений, когда в правящих североамериканских кругах вызревала специфическая политика в отношении Кубы.

Самым убежденным и ярким сторонником этой империалистической тенденции был, без сомнения, Джефферсон.

Джефферсон поднял вопрос о гражданских правах. Настаивал на включении в конституцию Декларации прав. Сменивший его Мэдисон предложил поправки, которые и были внесены затем в текст конституции. Все это так. И все же портрет президента неточен. Он показывает Джефферсона «домашнего». Совсем в другом свете предстает Джефферсон перед нами, как только он устремляет взгляд за границу. Этот «другой» Джефферсон вынашивает мечту о царственной судьбе для своей страны. И когда промышленная революция — движущая сила де-

мократии фермеров, «простых людей», — дает возможность этой демократии выплеснуться за пределы государственных границ и придает ей откровенно империалистический характер, Джефферсон выступает как философ нового империализма. Искушающая близость почти необитаемого континента, где правят епископы и политики-проходимцы, где нет ничего, кроме пышных храмов да деревянной сохи, так и подталкивает его на экспансию. Куба, такая близкая, давала дополнительные силы экономике североамериканской республики и была так необходима для ее обороны. Попади Куба в чужие руки, она стала бы вражеским аванпостом. Что и говорить, было бы самоубийством оставить Кубу на произвол судьбы. Так Джефферсон «домашний», демократ, и Джефферсон-империалист сливались в одно диалектическое целое, в действительно полный, а потому истинный образ. Джефферсон — выразитель идей опьяненного властью, победно шествующего по историческому пути класса, чьи устремления не желали признавать географических рубежей.

В 1801 году Джефферсон писал Монро: «Хотя наши нынешние интересы могут заставить нас замкнуться в наших собственных границах, мы должны смотреть вперед, в то время когда наше быстрое развитие потребует раздвинуть эти границы не только к северу, но также и на юг континента».

Обратите внимание: не просто воля людей, не презренная жажда территориальных приобретений, не экспансионистский зуд... нет. «Наше быстрое развитие» — вот сила, которой предстояло раздвинуть границы «не только к северу, но также и на юг континента».

На другом берегу Атлантического океана промышленная революция позволила Англии округлить и пополнить свою империю. Той же самой революции суждено было стать бабкой-повитухой, усилиями которой появился на свет новый империализм. Новая Англия перегрызла пуповину, связывавшую ее с матерью-метрополией — доброй старой Англией. Идеи Джефферсона стали компасом для североамериканской политики в Латинской Америке.

Но планы в отношении Латинской Америки были пока отдаленной мечтой, которая не так скоро могла сбыться, и планы эти были рассчитаны на длительный срок.

Куба же представляла насущную проблему дня. Географически и исторически она требовала быстрого решения.

Куба заботила Джефферсона еще до 1801 года.

В 1793 году он сурово критиковал Испанию за ограничения в торговле североамериканцев с испанскими колониями.

Потом, став президентом, с 1801 по 1809 год, Джефферсон ни на минуту не забывал о Кубе. Обе Флориды и Куба пока стояли еще на повестке дня, а судьба приготовила дяде Сэму неожиданный подарок.

* * *

Этим неожиданным подарком была Луизиана. Ее история очень коротка.

Основанная Людовиком XIV, она была уступлена Испании, согласно Парижскому мирному договору 1763 года, закрепившему после Семилетней войны победу Англии. Французы попытались вернуть Луизиану себе, но безуспешно. Наконец, по договору Сан-Ильдефонсо 1800 года Наполеон добился переуступки прав на Луизиану, обязавшись не передавать ее никакому государству, кроме той же Испании. Тем не менее, когда Туссен-Лувртур разгромил его лучшие войска и вместе с ними надежду создать в Америке империю, Наполеон неожиданно решил продать Луизиану Соединенным Штатам. И пока Монро настаивал на уступке Нового Орлеана и на посредничестве Наполеона между Соединенными Штатами и Мадридом в вопросе о Флоридах, Наполеон взял да и вложил ему в руки Луизиану.

К моменту подписания договора 2 мая 1803 года Луизиана не была даже передана Испанией Франции. Эта передача и последующая — Соединенным Штатам — совершилась одновременно, на одной и той же церемонии, 20 декабря того же года.

Соединенные Штаты удвоили размеры своей территории. К 892 135 квадратным милям (официальные данные на 1800 год) прибавилось еще 885 000. Миссисипи стала внутренней рекой. Граница подошла вплотную к Новой Испании.

Однако Луизиана не могла заменить Флориды. Отказ Мадрида внять домогательствам уполномоченного Сое-

диненных Штатов Монро (январь—август 1805 года) заставил Джефферсона искать другие пути. И «великий демократ» без зазрения совести идет на шарлатанский трюк, заявляя, что Луизиана первоначально включала в себя Флориду. Джефферсона не смущало то обстоятельство, что к этому моменту обе территории имели настолько точно и четко определенные границы, насколько это вообще возможно.

Такой план требовал сообщества Наполеона. Само собой разумеется, были предъявлены «рекламации» Испании. Джефферсон надеялся, что политические страсти, бушевавшие в Европе, предоставят ему удобный для действия момент. Началось страстное, напряженное выжидание, сопровождавшееся тщательными военными приготовлениями, которые могли мгновенно перейти в яростный бросок. В ожиданиях закончился второй период правления Джефферсона. Продолжать начатое дело предстояло Мэдисону. И вот, воспользовавшись тем, что 26 сентября 1810 года североамериканские поселенцы провозгласили Республику Западная Флорида, Мэдисон 27 октября того же года ввел туда войска. «Рекламации», предъявленные Испании, все еще не были удовлетворены. Ловко манипулируя этим, Мэдисон и Монро вытесняют Испанию из Восточной Флориды. «Рекламации» были аннулированы испано-североамериканским договором от 22 февраля 1819 года, по которому Испания *уступила* Соединенным Штатам обе Флориды. Теперь граница стала проходить по реке Сабина.

Вторжение в Восточную Флориду было начато «волонтерами» и завершено регулярной армией.

Так начали свою экспансию Соединенные Штаты. Зачинателями экспансии были основатели республики. Они создали философию и выработали методы экспансии: «рекламации», «независимость колонистов» и т. д.

Позднее эти методы были с успехом применены в Мексике. Нет нужды говорить, что их пытались применить также и на Кубе.

* * *

Когда хлопоты Монро о приобретении Флорид потерпели в Мадриде неудачу, Джефферсон дал понять, что готов объявить войну. В ноябре 1805 года Джефферсон

лично предупредил британского посланника в Вашингтоне о том, что «в случае враждебных действий легко было бы завоевать Западную и Восточную Флориды, а впоследствии и остров Куба, обладание которыми необходимо для защиты Луизианы».

И когда в 1807 году испано-североамериканские отношения вновь стали натянутыми, Джефферсон, подведя баланс своим возможностям, остановился на мысли о добровольной аннексии Кубы: «Наши оборонительные силы на юге могут взять Флориды, мексиканские волонтеры могут сражаться под нашими знаменами, наши корсары получили бы богатую поживу, грабя лавки и береговые поселения... И тогда, возможно, Куба сама присоединится к нашей конфедерации...»

На следующий год развитие европейской политики, и в частности противоречий Испании с Англией, Францией и собственными колониями, дают основание Джефферсону изложить правительству свои соображения относительно Кубы. 22 сентября кабинет принимает следующий меморандум: «Единодушные в чувствах, которые будут выражены нашими представителями в Мексике и на Кубе влиятельным персонам этих стран в менее официальной обстановке, мы хотели бы заявить следующее. Если вы продолжаете находиться под властью короны и правящей фамилии Испании, то мы довольны. Но нам было бы крайне нежелательно видеть, как вы переходите под власть Франции или Англии. В последнем случае вы должны объявить себя независимыми. Мы не можем компрометировать себя, обещая вам поддержку, однако мы оставляем за собой право действовать в соответствии с обстановкой. В любом случае на наше поведение будет влиять наша дружба к вам, твердое убеждение, что наши интересы тесно связаны, и сильное нежелание видеть вас подчиненными Франции или Англии».

Неделю спустя, 29 октября, Джефферсон инструктирует Клейборна, губернатора Луизианы: «...мы будем довольны, если Куба и Мексика сохраняют свой сегодняшний статус, и отнюдь не желаем быть свидетелями их перехода в политическую или экономическую зависимость от Франции или Англии...»

Таково основное содержание североамериканской политики в отношении Кубы в XIX веке. В нем, как ростки в зерне, скрытые до поры до времени, заложены все по-

следующие решения, вплоть до аннексии, и все они лишь производные одной, первородной идеи.

В марте следующего, 1809 года кончался второй срок президентства Джефферсона, и тем не менее его беспокойство по поводу Кубы не только не ослабевало, но становилось все более нетерпеливым. В начале года он приказал генералу Уилкинсону поселиться неофициально на острове, распространять там мнение президента, теперь апробированное кабинетом министров, и присматриваться к реакции местных влиятельных кругов.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Джефферсон вынашивал идею применить на Кубе флоридский метод, который затем был использован в Техасе: провозглашение независимости с последующим присоединением к Соединенным Штатам. На Кубе не было североамериканских колонистов, зато существовали проамериканские представители и проамериканские интересы. Торговля, рабовладительство — факторы, безусловно, очень важные. Правда, не настолько, чтобы возможно было автоматически рассчитывать на аннексию. Лишь позднее из них вырос кубинский аннексионизм.

Даже перестав быть президентом, Джефферсон постоянно твердил своему преемнику, бывшему государственному секретарю Мэдисону, о кубинской проблеме. Его не успокаивало то, что Мэдисон сам был одним из авторов плана присоединения Кубы. Ему было мало уверенности, что Мэдисон продолжал его политику. Его настойчивость граничила с одержимостью. Это была мания, граничащая с помешательством.

Прошло всего полтора месяца, как Джефферсон оставил президентское кресло, а он уже писал Мэдисону: «Мне думается, что завоевание Наполеоном Испании вскоре поставит перед Вами деликатный вопрос о Флоридах и Кубе, и обе эти страны сами предложат себя Вам. Наполеон наверняка согласится, чтобы мы *приняли* Флориду. Он также даст согласие, хотя, возможно, не столь охотно, чтобы мы допустили к нам и Кубу». Письмо датировано 19 апреля 1809 года.

Неделей позже Джефферсон расширил рамки своих прогнозов: он предполагал, что в обмен на свободу действий в Испанской Америке Наполеон, очень вероятно, уступит Флориды. «Но эта цена не может нас устроить, потому что Флориды так или иначе станут нашими с пер-

вого момента первой же войны, а пока война не началась, они не представляют для нас предмета неотложной необходимости. Хотя и с трудом, но он, очевидно, согласится, чтобы мы приняли в нашу конфедерацию Кубу, чтобы предупредить нашу помощь Мексике и другим провинциям. Это было бы приемлемой ценой, и если бы это произошло, то я немедленно воздвиг бы на южной оконечности Кубы колонну и написал бы на ней: «Нон плюс ультра» в этом направлении». *Нам осталось бы включить в нашу конфедерацию только Север*, что, конечно, и произойдет в первую же войну. И тогда мы имели бы свободную *империю*, какой не видывали с сотворения мира. Я убежден, не было и нет конституции, так хорошо, как наша, приспособленной для развивающейся империи, которая правит сама собой... Могут возразить, что если мы примем Кубу, то не будет предела нашим будущим приобретениям. Кубу мы можем защищать, не применяя флот. Этот факт положит начало принципу, свидетельствующему о том, что наши устремления не безграничны. Итак, ничего, что требовало бы применения флота! Чтобы защищать, надо просто принять».

В 1823 году, уже стоя одной ногой в могиле, Джефферсон снова возвращается к кубинской теме. 23 июня, информируя президента Монро об одной акции в пользу независимости Кубы, Джефферсон рекомендует: «Вхождение Кубы в нашу конфедерацию — вот что нужно для окончательного укрепления нашей национальной мощи и повышения нашего благосостояния». А 22 октября, отвечая на запрос Монро относительно предложения Каннинга по совместной декларации, Джефферсон говорит о Кубе еще конкретнее: «Желаем ли мы приобрести для нашей конфедерации какую или какие-либо из испанских провинций? Откровенно сознаюсь, я всегда рассматривал остров Куба как наиболее интересное для нашего государства приобретение. Добавив к мысу Флориды этот остров, мы держали бы в своих руках весь Мексиканский залив, все страны и перешеек, омываемые его водами, а также реки, в него впадающие или с ним соседствующие, и тогда мы могли бы быть спокойны за наше политическое благополучие».

Шестой национальный конгресс по истории Кубы, в 1947 году, объявил Джефферсона «предвозвестником ан-

нексии нашего острова Соединенными Штатами» и «верным паладином вхождения Кубы в конфедерацию».

* * *

Англия и Франция встретили в штыки усиленные хлопоты Уилкинсона.

Мэдисон постарался заверить их, что причин для беспокойства нет. Французам он сказал, что присоединение Кубы всего лишь идея Джефферсона, которую не разделял даже его кабинет.

Мэдисон говорил по меньшей мере неправду. На самом деле он изучал возможности аннексии Кубы. Уильям Шейлер, назначенный в 1810 году консулом в Гавану, получил инструкцию предупредить кубинские власти и влиятельных лиц, что Соединенные Штаты не разрешат перехода острова в руки другой державы. Уже 24 октября Шейлер сообщал, что крупные землевладельцы «склонны считать тесную связь с нами необходимой для их счастья и преуспевания».

И вот вспыхнула вторая англо-североамериканская война.

Пока шла война, государственный департамент усиленно избегал каких бы то ни было осложнений в связи с Кубой.

Его домогательства возобновились в 1822 году.

В течение всего этого срока обсуждался вопрос о признании образовавшихся в освободительной борьбе южных республик. Народные массы требовали их признания. Торговая олигархия была против этого. Признание — стимул для кубинского аннексионизма — угрожало парализовать интенсивную и прибыльную торговлю с островом.

Сама Куба в этот период играла противоречивую, двойственную роль. С одной стороны, она была базой распределения и снабжения войск, которые Испания посылала против освободительных армий в Южной Америке. С другой — здесь сосредоточивался фокус усиленной конспиративной деятельности против испанского господства. Революция на юге вдохновляла освободительное движение на острове.

В 1822 году борьба «индепендистов» с «аннексионистами» обострилась. «Аннексионисты» обратились за помощью к Монро. Британская секретная служба узнает

об этой возне. В Лондоне встревожены. В ноябре Каннинг мобилизовал свой флот в Карибском море. Кораблям был отдан приказ — расправляться с корсарами, нападавшими на британские коммерческие суда, и препятствовать любым поползновениям Соединенных Штатов в отношении Кубы. В случае необходимости англичане были готовы высадиться на остров. Франция не скрывала своего недовольства этой мерой и предупредила Лондон о поддержке Фердинанда VII. Одновременно в середине октября состоялся конгресс в Вероне, который одобрил военные действия Франции против конституционной Испании.

Предшественник Каннинга Кэстльри в свое время обещал покончить с конституцией 1820 года. Но Каннинг был ставленником промышленной, торговой и банковской буржуазии, страстно тянувшейся к испаноамериканским рынкам, его внешняя политика отвечала ее интересам. Государственный руль резко повернул влево. Веллингтон, поверенный Каннинга в Вене, заявил протест против интервенции. Несмотря на это, интервенция все же состоялась. 24 мая 1823 года герцог Ангулемский вошел в Мадрид. Конституция была отменена, статус Фердинанда VII как самодержца был восстановлен.

Интервенция выдвинула еще ряд проблем. Во что обойдется реставрация королевской власти? Коснется ли интервенция испанских колоний в Америке? Каковы французские претензии? И как будет обстоять дело с Кубой? Эти вопросы занимали Лондон и Вашингтон.

Когда стало ясно, что интервенция неминуема, Лондон потребовал от Парижа объяснений. Вторжение французских войск было ответом на это требование.

Возникло опасение, что Лондон поспешит захватить Кубу. Вашингтон запросил об этом Лондон. Англичане отрицали наличие у себя таких намерений, но заявили, что будут противиться оккупации острова какой-либо другой державой.

Вашингтон, взвесив все «за» и «против», решил не ускорять войну. Разумнее было выждать. Пока было важно, чтобы Куба не вышла из-под власти Испании. И поэтому Соединенные Штаты не только внимательно следили за каждым действием других держав, но и сами были готовы подавить любую попытку освобождения острова кубинцами.

Позиция правительства Вашингтона выражена в широко известных инструкциях государственного секретаря Джона Куинси Адамса Хью Нельсону, посланнику в Мадриде.

28 апреля 1823 года Д. К. Адамс писал: «Очевидно, что для этого события (аннексия Кубы Соединенными Штатами) мы еще не готовы, так как, учитывая, что между нами и Кубой лежит море, нам пришлось бы столкнуться с очень серьезными возражениями против распространения нашего господства... Но в политике, как и в физике, существует закон тяготения, и, так же как созревший плод, сорванный с дерева силой ветра, не может не упасть на землю, так и Куба, отделившись от Испании и порвав искусственные связи, соединяющие ее с метрополией, не сможет висеть в воздухе сама по себе и, хочет она того или нет, станет обязательно тяготеть к Североамериканской конфедерации, и только к ней, а конфедерация со своей стороны в силу собственных законов не сможет не принять Кубу в свое лоно».

* * *

В декабре 1823 года Монро зачитал свое послание конгрессу. Документ этот излагал в сжатом виде суть противоречий между Соединенными Штатами и европейскими державами из-за испанского наследства в Латинской Америке. В этом его основное историческое значение. Никакого другого значения, как уже говорилось выше, он не имел.

Такое послание не могло, естественно, обойти молчанием Кубу. Отраженный в нем конфликт охватывал более обширную сферу и развертывался в нескольких планах. Но Куба занимала первое место в политике Вашингтона.

«С тех пор Куба сосредоточила все свои силы на производстве сахара для мирового рынка», — говорит североамериканец Байрон Уайт.

* * *

Панамский конгресс был ответом Боливара на доктрину Монро.

И не потому, что этого хотел Боливар. А потому, что объединение южных республик диктовалось объективными обстоятельствами.

Идея конфедерации испаноамериканских стран была реакцией на гегемонистские планы северной республики.

В противоположность стараниям североамериканцев продлить зависимость Кубы от Испании план Боливара предусматривал освобождение Кубы и Пуэрто-Рико войсками южных республик.

В инструкции североамериканским делегатам недвусмысленно подчеркивалась угроза применить силу, если Колумбия или Мексика попытаются освободить эти два острова.

Делегаты не прибыли в Панаму, но Колумбия и Мексика были предупреждены еще за год до события. 20 мая 1825 года Клей в ноте Хосе Марии Саласару, посланнику Колумбии в Вашингтоне, писал: «В силу изложенного президент поручил мне просить Вас незамедлительно сообщить мнение правительства Соединенных Штатов правительству Республики Колумбия, указав, что при таком положении вещей от него ждут согласия не посылать войска на эти острова, пока не пройдет достаточно времени и не будут известны результаты мирных усилий, которые, как можно предположить, предпринимают великие державы в переговорах с Испанией».

4 марта 1826 года Хосе Р. Ревенга, министр иностранных дел Колумбии, говорил Кристобалью Армеро, посланнику Колумбии в Лиме: «Вице-президент хочет, чтобы Вы поставили в известность правительство страны пребывания о требованиях Соединенных Штатов Америки отложить любые враждебные операции против Кубы и Пуэрто-Рико... Соединенные Штаты желают избежать как перехода этих островов в руки континентальных государств, так и последствий на своей территории тех волнений и непослушания, которые неизбежно произойдут среди кубинских рабов».

15 марта президент Адамс обратился к конгрессу своей страны с настойчивой просьбой послать делегатов в Панаму. Ввиду того что Мексика и Колумбия, «эти воинственные государства», намереваются освободить острова и отпустить негров на свободу, что явилось бы серьезной опасностью для южных штатов конфедерации, Соединенные Штаты обязаны присутствовать на Панамском конгрессе именно для того, чтобы сорвать эти намерения. «Нет необходимости пространно излагать нашу точку зрения на этот вопрос, чтобы заявить, что все наши уси-

лия будут направлены на сохранение существующего положения вещей, спокойствия на островах, мира и безопасности их жителей».

* * *

В следующее десятилетие на разногласия между великими державами по поводу Кубы оказывали влияние ее экономическое развитие и внутривнутриполитические проблемы.

Вопреки всяческим ограничениям кубино-североамериканская торговля твердо сохраняла свой экспансионистский характер. Правительство Мадрида то и дело шагаало от одной крайности к другой — от либеральной политики к самым суровым монополистическим запретам. В 1832 году Соединенные Штаты добились некоторого снижения пошлин на тоннаж, дискриминационно высоких для иностранных судов. Успех был кратковременным. В этом же году Мадрид, уступая нажиму собственных крупных коммерсантов, ввел чрезвычайно высокие пошлины на товары, импортируемые на Кубу из Соединенных Штатов. В 1834 году Мадрид ввел небывало высокие пошлины на североамериканскую муку, доставляемую североамериканскими кораблями. Это был чувствительный удар по североамериканским интересам: мука была важнейшим предметом экспорта Соединенных Штатов на остров. В ответ на это Соединенные Штаты подняли пошлины на тоннаж испанских судов и обложили налогом кубинский кофе. Производство кофе на острове стало резко падать. Несмотря на испано-американскую торговую войну, торговля Кубы с Соединенными Штатами занимала первое место во внешнеторговых связях острова. За десятилетие, с 1827 по 1837 год, экспорт Кубы достиг в денежном выражении 147 702 483 песо; четыре пятых груза отбыли на североамериканских кораблях.

Вскоре на Кубу пришла промышленная революция. В 1819 году сахарные заводы начали переходить на паровые двигатели. В 1837 году было открыто движение на железной дороге Гавана — Бехукаль, а год спустя — на ветке Бехукаль — Гуинес. Построенная на английские капиталы, эта железнодорожная ветка перешла в 1842 году в руки группы плантаторов-сахарозаводчиков. Паровые машины и железные дороги, естественно, способствовали

увеличению посевов сахарного тростника. Но как известно, сахарный тростник и рабство существовали бок о бок. И поэтому вскоре рабство превратилось в еще один источник конфликтов.

В 1833 году британский парламент отменил рабство в империи, и Ямайка автоматически оказалась в худшем по сравнению с Кубой положении. Резко поднялась стоимость производства ямайского сахара. Англия, зачинательница работорговли, превратилась вдруг в благородную, либеральную и великодушную аболиционистку, которая считала своим долгом бороться за отмену рабства, особенно на Кубе, конкурировавшей с Ямайкой. Испания была вынуждена отменить ввоз рабов — сперва по соглашению 1817 года, затем по соглашению 1835 года. Но Испания и не думала придерживаться этих соглашений. Работорговля продолжала процветать под покровительством высоких защитников и благодетелей. Среди них была и королева Кристина. Между 1821 и 1840 годами на Кубу прибывало ежегодно до 20 000 рабов. Британским землевладельцам на Ямайке грозило банкротство. Жестоко наказавшая сама себя Англия принялась плести заговоры на собственном острове с целью поднять восстание рабов.

Когда агенты североамериканской секретной службы раскрыли эту подрывную деятельность англичан, госдепартамент командировал в Гавану Александра Эверетта, своего бывшего посланника в Мадриде. Эверетту было приказано подробнее разведать о британских планах и расследовать обвинения против североамериканского консула Триста, замешанного в контрабандной торговле рабами. Имея на руках доклад Эверетта, Вашингтон отдал своему дипломатическому представителю в Мадриде Аарону Вейлу распоряжение: «Заверить испанское правительство, что в случае попытки отторгнуть от Испании эту часть ее территории, от кого бы такая попытка ни исходила, оно может со всей уверенностью рассчитывать на то, что военные и военно-морские силы Соединенных Штатов помогут Испании сохранить или вернуть остров». Распоряжение было дано 15 июля 1840 года.

Соединенные Штаты пристально следили за развитием событий на Кубе. Когда в 1836 году генерал Лоренсо, губернатор провинции Орьенте, провозгласил восстановление конституции 1812 года и на острове была готова

вспыхнуть гражданская война, Соединенные Штаты вместе с Англией и Францией без колебаний оказали поддержку в подавлении этого движения свирепому генерал-капитану Такону.

Англия вмешалась открыто.

Соединенные Штаты, забыв о доктрине Монро, предоставили Англии свободу действий.

Чтобы понять цель этой интервенции, достаточно представить себе объем англо-североамериканской торговли с Кубой. Но были и другие причины. Английский капитал владел концессиями на разработку медных залежей. Англичане финансировали строительство железных дорог. Североамериканский капитал владел железными рудниками в Хурагуа. Среди наиболее богатых землевладельцев и рабовладельцев на Кубе было немало североамериканцев. Гражданская война могла перевернуть все это вверх дном. Дело защиты прибылей породило соперников. Достаточно ли крепко и надолго ли? Лишь настолько, чтобы снять угрозу, нависшую над капиталовложениями каждой из стран. Не больше. Капитан Джонсон, командир британского корабля «Весталь», срочно перебазировавшегося с Ямайки в Сантьяго-де-Куба, назвал среди прочих мотивов интервенции такой: желание предотвратить «вмешательство Соединенных Штатов».

Донесение консула Триста было более выразительным: «Мы, Соединенные Штаты, Англия и Франция, в прошлом могли расходиться в вопросе о том, кто имеет больше прав на влияние на этом острове, но мне доставляет большое удовольствие сообщить, что, когда здешнее правительство встало перед фактом кризиса — гораздо более опасного, чем, возможно, представляли себе в Вашингтоне из официальных донесений, — никто не подумал воспользоваться этой ситуацией в своих корыстных целях. Единственная мысль была поддерживать авторитет правительства и обеспечить дальнейшее господство испанцев на острове. И это, к счастью, достигнуто».

* * *

Еще не высохла кровь мексиканских героев, отдавших жизнь за родину, еще свежи были чернила на договоре Гуаделупе-Идальго, а президент Полк уже представил на рассмотрение кабинета план покупки Кубы.

Впервые североамериканские вожеления относительно Кубы были изложены в коммерческих терминах.

В течение следующего месяца кабинет утвердил предложение, а также инструкции посланнику в Мадриде Сандеру, составленные государственным секретарем Бьюкененом.

Соединенные Штаты могли дать до ста миллионов долларов — за сам остров, за окружающие его более мелкие острова и островки и за все население: белых, негров, мулатов и метисов, свободных и рабов. «Но это максимальная цена. И если Испания действительно хочет продать остров, то сделайте все, что в Ваших силах, чтобы купить его за возможно более низкую цену».

Глобальный характер сделки не позволял узнать, каковы были бы расценки, пожелай кабинет купить Кубу и все сущее на ней не оптом, а в розницу.

Считалось, что остров имел округленно 118 000 квадратных километров площади и один миллион обитателей. Около половины населения было активным. Из них около 250 000 были рабы. Сто тысяч с небольшим белых и около семидесяти тысяч свободных негров.

Во сколько же оценивал кабинет министров Вашингтона саму кубинскую землю?

Почем шел рабочий люд? Нетрудоспособные? Люди с белой кожей? Свободные негры? Женщины? Дети?

На рынке была известна продажная цена лишь черных рабов.

А как оценить географическое положение острова?

Слишком уж трудно это определить. На какой бирже можно прикинуть стоимость географического положения страны?

Впрочем, если принять эту статью, предложенную выдающимся летописцем острова¹, то человеческое стадо и вовсе оценивать не надо. Оно пойдет как приложение к землям... И тогда белые и черные, свободные и рабы — все были бы «равны». Совсем как в конституции Джефферсона!

Но кто проникнет в тайные мысли государственных умов Вашингтона?

¹ *Роиг де Леучсенринг, Эмилио* — кубинский историк.

Государственный министр Испании Педро Х. Пидаль ответил североамериканскому посланнику: «Чувства моей страны таковы, что она предпочла бы видеть остров Кубу погружившимся в пучину океана, чем попавшим во власть другой державы».

Бьюкенен, бывший государственным секретарем, когда возникло это предложение, писал своему преемнику: «Куба — наша. Я уже ощущаю ее кончиками пальцев».

* * *

В октябре 1868 года на Кубе вспыхнула десятилетняя война.

В Соединенных Штатах в результате гражданской войны было отменено рабство.

«Эсклавизм» южан перестал быть определяющим фактором североамериканской политики на Кубе.

Но цели этой политики были прежними, и это свидетельствует, что «эсклавизм» южан был фактором постоянным.

То же самое можно сказать и о североамериканской политике в Латинской Америке.

Кубинская проблема привлекла к себе внимание вновь во время правления Гранта.

В июне 1869 года государственный секретарь Г. Фиш ставит в известность Хосе Моралеса Лемуса, представителя кубинских революционеров в Соединенных Штатах, о том, что его правительство не собирается признавать воинственных повстанцев на острове и, больше того, решило предложить правительству Мадрида свое посредничество. План Фиша состоял из четырех пунктов: Испания признает независимость Кубы; Куба платит Испании определенную сумму денег за полный и окончательный отказ от прав на остров; на острове отменяется рабство; на время переговоров заключается перемирие.

В содержание этого плана был посвящен генерал Сиклз, назначенный полномочным посланником в Мадрид.

Правительство Мадрида затянуло переговоры, а потом через третьих лиц предало их гласности.

Затем министерство иностранных дел Испании попросило Сиклза отказаться от посредничества и заявило о своем намерении провести на острове реформы.

В итоге 12 октября 1871 года правительство Гранта объявило о своем нейтралитете. Действия в поддержку кубинских повстанцев объявлялись запрещенными и наказуемыми.

* * *

К 1895 году, когда возобновилась кубино-испанская война, Соединенные Штаты стояли на пороге новой эры.

К концу столетия в североамериканской экономике уже в полную силу властвовали монополии. В стране началась перестройка национальной экономики на монополистической базе. Перед внешней политикой встали новые цели. Вооруженным силам предстояло срочно прийти в соответствие с новой экономической структурой страны. Лихорадочные работы шли на верфях, на которых строились мощные корабли для военно-морского флота.

Вмешательство Соединенных Штатов в войну 1895 года было результатом новой расстановки сил внутри страны и соответствовало новым условиям и обстоятельствам, новым историческим требованиям.

Детали излишни, они хорошо известны. И все же сделаем краткий обзор.

При общем взгляде на североамериканское вмешательство бросается в глаза нечестная игра госдепартамента. Он поощряет революцию, поддерживает кровавые репрессии испанцев и подстрекает североамериканский народ. Все это в одно время. Все подчинено одному плану: довести обе враждующие стороны до полного истощения сил, ускорить «созревание яблока», приблизить момент интервенции.

Доказательства?

«...за три года испанцы и кубинцы измотали друг друга в братоубийственной войне, и этому в известной мере способствовали 157 флибустьерских экспедиций, отправленных из Северной Америки на Кубу для помощи восставшим»¹.

В апреле 1896 года госдепартамент направил посланнику Испании в Вашингтоне Депуи де Лому следующую ноту: «Основываясь на опыте, Испания совершенно разумно решила, что войну против повстанцев надо вести

¹ См.: A. M. Fabie, Cánovas del Castillo, Barcelona, 1928.

быстро, энергично и жестоко». В таких выражениях государственный секретарь Олни одобрял действия Испании на Кубе.

Испанские архивы сохранили запись беседы герцога Тетуана, государственного министра Испании, с Тейлором, посланником США в Мадриде. В отчете о беседе говорится: «Североамериканский посланник посоветовал испанскому правительству не посылать меморандум, а прибегнуть к военным и политическим мерам, чтобы как можно скорее задуть восстание на Кубе»¹.

Теперь взглянем на все это под другим углом.

В 1895 году Альфаро, Марти и Масео изыскивали возможности совместных действий.

Либеральная революция в Эквадоре победила, и Альфаро намеревался послать войска на помощь кубинской революции. Но Колумбия не разрешила проход войск по своей территории.

Несмотря на это, Альфаро надеялся помочь Кубе. Он просит королеву-регентшу Марию-Кристину способствовать установлению мира, решает созвать Международный американский конгресс в Мексике.

Альфаро надеялся добиться коллективного признания независимости Кубы, которое узаконило бы взаимную коллективную или индивидуальную поддержку.

Могли ли испаноамериканцы совместно отнять у Соединенных Штатов «созревшее яблоко»?

Во всяком случае, конгресс, созыва которого добивался Альфаро, мог перепутать североамериканские планы.

Соединенные Штаты отказались присутствовать на конгрессе.

Мотивы? В это время арбитражный суд пытался мирными средствами разрешить конфликт между Венесуэлой и Англией из-за Гвианы...

Так или иначе, а Куба в 1895 году осталась в одиночестве.

Народы континента поддерживали ее морально. Латиноамериканские правительства решили остаться в стороне. Лишь эквадорец Альфаро не щадил усилий, чтобы оживить испано-американскую солидарность и добиться от союзных правительств конкретных действий.

¹ O. Ferrara, *The Last Spanish War*, New York, London, 1937.

Но огромная, бездушная, коварная и алчная страна — Соединенные Штаты — уже начала возводить стену между Кубой и Латинской Америкой. Остров был полностью изолирован от остального мира. Прежние цели — провозгласить себя единственным и всемогущим властителем Кубы — были близки к осуществлению.

Начался второй этап североамериканской блокады острова.

Теперь, при детальном рассмотрении североамериканского вмешательства, становится ясно, что с первых же шагов США стремились спровоцировать конфликт между Кубой и Испанией.

Как и в случае с Мексикой, госдепартамент заботился о соблюдении *формы*. Американская дипломатия постаралась изобразить дело таким образом, что сделать что-либо еще невозможно и будто все средства мирного воздействия исчерпаны. Затем был спровоцирован взрыв броненосца «Мэн» на гаванском рейде. Предлог был наконец найден, и долгожданная война стала явью.

12 июня 1895 года Гровер Кливленд¹ объявил о нейтралитете Соединенных Штатов.

Технически и юридически Испания могла по-прежнему пользоваться североамериканским рынком: «нейтралитет» Вашингтона не препятствовал этому. Кубинцы, защищавшие свою страну, революционное правительство Кубы были лишены такой возможности, поскольку их не признавали воюющей стороной. Таким образом, этот так называемый нейтралитет касался только Кубы и был направлен против кубинской революции.

Но Вашингтону было мало этого. В своей антикубинской политике он пошел дальше. Испании было разрешено установить ряд наблюдательных постов на атлантическом и карибском берегах, чтобы воспрепятствовать доставке оружия для Кубы.

Что касается признания Кубы воюющей стороной, то об этом и не думали. Североамериканские компании на Кубе — «Спэниш Америкэн айрон компани», «Хурагуа айрон компани», филиал «Бетлхем стил» — первыми воспротивились такому признанию. «... в этом случае наши интересы окажутся в опасности, так как будут выведены войска и, значит, немедленно закрыты наши рудники

¹ Кливленд, Гровер — президент США (1837—1908).

и, возможно, разрушена наша собственность, особенно железные дороги, пристани и портовые сооружения». Тщетными были воззвания широких кругов североамериканского народа. Бессильной оказалась даже суровая резолюция обеих палат конгресса от 6 апреля 1896 года, требовавшая признания.

Но хочешь не хочешь, а нужно было что-то предпринять, чтобы успокоить общественное мнение и не оставить без внимания резолюцию конгресса.

4 апреля госдепартамент направил министерству иностранных дел Мадрида ноту. Соединенные Штаты, дескать, не преследуют никаких корыстных целей в отношении острова, они лишь жаждут восстановления мира. Их заинтересованность в конфликте объясняется многими причинами: экономическими, политическими и чисто гуманистическими. «...Есть серьезные основания опасаться, что с уходом Испании с острова порвется единственная связующая нить между различными слоями повстанцев... вспыхнет расовая вражда, тем более кровопролитная, что на опыте мятежа противные стороны уже научились жестоким порядкам... Главная отличительная черта революции состоит в том, что она неизбежно перерождается в расовую войну... Для поддержания господства Испании над островом уже давно необходимо предоставить ему автономию в разумных пределах. Если бы Испания предложила такой устраивающий США план, то последние поддержали бы его без колебаний».

14 мая Томас Эстрада Пальма, эмиссар революционного правительства Кубы в Соединенных Штатах, передал госдепартаменту манифест, составленный в очень решительном тоне: «Кубинцы никогда не согласятся ни на автономию, ни на реформы. Мы боремся за независимость и примем мир на одном условии: полное отделение от Испании».

4 июня мадридское правительство отклонило инициативу Соединенных Штатов.

В ответ на это решение Мадрида Кливленд предупредил испанское правительство, что, если будет продолжаться война против Кубы, над которой Испания утратила всякую власть, США не будут оставаться в стороне.

Мак-Кинли¹, сменивший Кливленда, в своем заявле-

¹ Мак-Кинли, Уильям — президент США (1843—1901).

нии 4 марта 1897 года дал понять, что разделяет идею экс-президента.

Если послание его предшественника достаточно намекало на то, что североамериканское правительство не прочь вмешаться в конфликт, то вся политика Мак-Кинли есть прямое и открытое осуществление этого намерения.

И Мак-Кинли начал действовать.

Но прежде ему необходимы были убедительные доводы. Он начал с изучения обстановки на месте через своих тайных агентов.

Один из них, Уильям Кэлхаун, доносил, что обе стороны, кубинцы и испанцы, «очень устали, находятся при последнем издыхании», поэтому не в состоянии оказать серьезное сопротивление.

Может быть, «яблоко» уже созрело?

Примерно в мае месяце более трехсот промышленников, коммерсантов и банкиров восточных штатов направили президенту петицию, требовавшую вмешательства в конфликт ради защиты североамериканских интересов на острове, погрязшем в повстанцах, и ради торговли, прерванной военными действиями.

26 июня государственный секретарь Шерман изложил испанскому посланнику в Вашингтоне, Дюпуи де Лому, аргументы восточных предпринимателей. Заявление заканчивалось предупреждением, что эти... «основания дают президенту право на особо суровое заявление».

В ответ на намек государственного секретаря о том, что Испания применяет на Кубе «слишком жестокие репрессивные меры», Дюпуи де Лом с иронией заметил, что действия испанцев на Кубе были жестоки не более тех, которые применял во время гражданской войны генерал Шерман. Посланник имел в виду брата государственного секретаря.

Следующим шагом Соединенных Штатов было назначение в Мадрид нового посланника — генерала Стюарда Л. Вудфорда.

В инструкциях, данных новому представителю, вновь и вновь повторялись пропагандистские лозунги: «Разорение... торговля... жизнь и имущество североамериканских граждан...» Но был также и намек на характер дальнейшего развития событий, а также и неприкрытые угрозы: «...какой-либо непредвиденный инцидент, вне-

запно вспыхнув, может так накалить страсти, что их уже ничем нельзя будет сдержать. Это приведет к возникновению проблем, которые, как бы это ни было прискорбно, нельзя будет обойти стороной». *Инцидент*, как известно, произошел. Не был ли он заранее предreshен президентом?

«Разумеется, Испания не может надеяться, что правительство Соединенных Штатов будет пребывать в бездействии, допуская, чтобы страдали наши интересы, нарушались наши политические основы и страна находилась практически в ненормальном состоянии, и дожидаясь, пока наметится сдвиг в урегулировании кубинского вопроса.

Вы не сможете скрыть серьезность положения и замолчать убеждение президента в том, что если настоящее предложение окажется безрезультатным, то чувство долга перед соотечественниками заставит его немедленно принять решение начать действия, которых потребуют момент и чрезвычайность ситуации».

Вудфорд заявил о своих требованиях в Мадриде 8 сентября.

Дальнейшее развитие событий было предreshено. Посланник США поставил перед испанским правительством жесткий срок окончания войны и установления мира. Роковой срок, назначенный Вашингтоном, кончался 1 ноября. Это был ничем не прикрытый ультиматум.

С каждым шагом становилось яснее, каким путем идет Вашингтон.

Мадрид согласился на уступки. С Кубы был отозван жестокий Вейлер. Война несколько смягчилась. Острову готовили автономию. Соединенные Штаты должны были тоже внести свой «вклад»: соблюдать закон о нейтралитете и запретить кубинскую хунту, действовавшую в Нью-Йорке.

В декабре в своем первом послании Мак-Кинли высказался против признания: «Я полагаю, что признание кубинских революционеров воюющей стороной есть в настоящее время шаг неосторожный и потому неприемлемый».

В другом месте послания говорится: «Если позднее выяснится, что наши обязанности по отношению к нам самим, к цивилизации и человечеству заставляют нас применить силу, то никто не посмеет нас за это упрек-

нуть, поскольку необходимость таких действий будет столь очевидной, что встретит поддержку и согласие цивилизованного мира».

Тогда же, в декабре, североамериканская атлантическая эскадра провела маневры в Карибском море. Невинные зимние маневры... Всего лишь... Никакой угрозы применения силы не было.

Но события уже следовали своим чередом.

1 января 1898 года на Кубе была провозглашена автономия.

В ответ на это среди испанских офицеров поднялся протест. Они потребовали возвращения смещенного Вейлера.

Несколько дней спустя в Гавану был направлен «с дружеским визитом» крейсер «Мэн». Североамериканский консул в Гаване попросил отсрочить этот визит. Но невзирая ни на что, без разрешения испанских властей 24 января «Мэн» стал на якорь в гаванском порту. Провокация была подготовлена. 15 февраля «Мэн» взлетел на воздух в результате взрыва, причины которого остались неизвестны. Североамериканская пресса и правительственные круги обвинили испанское правительство.

В стране развернулась антииспанская кампания.

Большинство прогрессивных историков отмечают неблагоприятную роль американской прессы в обработке общественного мнения для оправдания готовящейся интервенции.

Флэгг Бемис¹ говорит: «Настроение народа день ото дня становилось все беспокойнее; желтая пресса Нью-Йорка, из соображений конкуренции спекулировавшая чем угодно, лишь бы увеличить свои тиражи, будоражила читателей описаниями зверств, которые якобы совершают испанские войска на Кубе...»

Фонер² свидетельствует, что в первую неделю после взрыва «Мэна» херстовская газета «Джорнэл» посвящала ежедневно более восьми полос кубинским собы-

¹ Бемис Ф. А. — американский историк.

² Фонер С., Филип — современный североамериканский историк-марксист. В СССР изданы его работы «История рабочего движения в США», т. I—IV, М., изд-во «Прогресс», 1960, и «История Кубы и ее отношения с США, 1492—1845», М., «Изд-во иностранной литературы», 1963; «История Кубы и ее отношения с США, 1845—1895», М., изд-во «Прогресс», 1964.

тиям и менее чем за месяц увеличила свой тираж с 416 885 до 1 036 140 экземпляров. «Джорнэл» уверяла, что «Мэн» был взорван «предательски».

Соединенные Штаты и Испания вели сепаратное расследование причин взрыва на «Мэне», так как Соединенные Штаты отказались создать смешанную комиссию или передать дело в арбитраж.

Североамериканская комиссия переехала в Гавану и действовала там не только без разрешения испанских властей, но и вопреки их протесту. Заключение этой комиссии было таково: «Мэн» взорван подводной миной. В заключении также говорилось, что не было найдено улик против какого-либо лица или группы лиц. Но поскольку взрыв произошел в территориальных водах Испании, то испанское правительство подразумевалось замешанным в этом преступлении. Прямо об этом было сказано в североамериканской ноте правительству Мадрида от 28 марта того же года.

Испанская комиссия, лишенная возможности обследовать сам корабль, ограничилась изучением морского дна под ним и животного мира в районе происшествия и пришла к выводу, что взрыв произошел «по внутренним причинам».

Поведение североамериканцев в связи с расследованием возбудило подозрения, не является ли этот взрыв делом рук самих янки и не был ли он подготовлен определенными кругами, заинтересованными в ускорении начала войны. В самом деле, ведь янки запретили испанской комиссии осмотреть корпус и внутренние помещения пострадавшего корабля, отказались от совместного расследования в любой форме и, наконец, с подозрительной поспешностью в марте того же 1898 года взорвали останки «Мэна».

В 1911 году, когда североамериканцами проводилось повторное расследование взрыва, корпус «Мэна» подняли из воды и, осмотрев, пришли к новому заключению, которое поддерживало версию о взрыве изнутри корабля. На этот раз останки броненосца были затоплены на большой глубине.

Война стояла на пороге.

1 марта 1898 года испанское правительство потребовало отзыва североамериканского консула в Гаване.

4 марта Вашингтон отклонил это требование.

9 марта конгресс Соединенных Штатов решил ассигновать на военные нужды пятьдесят миллионов долларов.

В донесении от 17 марта Вудфорд, североамериканский посланник в Мадриде, писал президенту Мак-Кинли: «...Я превратился, сперва без особого желания, затем постепенно и полностью, в сторонника безотлагательной оккупации и овладения Соединенными Штатами островом... Если бы можно было сегодня же купить Кубу за сходную цену, мы бы избежали ужасов и расходов войны...» Мадрид отверг все предложения купить у него остров.

23 марта правительство Вашингтона пригрозило передать на рассмотрение конгресса вопрос об отношениях с Мадридом, включая и дело о взрыве на «Мэне», если испанская корона не согласится на «немедленный и пристойный мир».

24 марта испанское правительство отвергло всякую связь между кубинской проблемой и взрывом на «Мэне» и поставило под сомнение заключение североамериканской комиссии.

27 марта Вашингтон довел до сведения правительства Мадрида предложение из трех пунктов: уничтожение концлагерей, снабжение нуждающихся продуктами питания и немедленное перемирие до 1 октября. Предложение содержало альтернативу: в случае если испанское правительство выразит свое согласие с предложением США, то Соединенные Штаты предоставят весь свой опыт и умение для мирного урегулирования; в случае же если к указанному сроку договоренность не будет достигнута, президент Соединенных Штатов возьмет на себя роль арбитра, решение которого будет окончательным.

31 марта пришел ответ из Мадрида: испанские власти обязались закрыть концлагеря и ассигновать три миллиона песо на нужды бедствующих на Кубе; Испания обещала объявить о перемирии, как только его запросят повстанцы; вопрос о мире передавался в автономный парламент, который должен бы собраться на Кубе и облакался для этого всей полнотой власти. В ответ не содержалось ни слова о немедленном прекращении военных действий; посредничество Соединенных Штатов не принималось.

Но и этого было более чем достаточно.

Тем не менее Мак-Кинли представил на рассмотрение конгресса вопрос об отношениях с Мадридом, включая и взрыв на крейсере «Мэн».

Испания хотела избежать войны. Соединенные Штаты стремились ее развязать.

Между 4 и 5 апреля госдепартамент дал указания своим консульским и дипломатическим представителям в Испании о шагах, которые им следовало предпринять в ближайшее время, после того как конгресс одобрит «решительные действия». Это было не чем иным, как подготовкой к неминуемому разрыву.

7 апреля Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия и Италия обратились к президенту и народу Соединенных Штатов с просьбой проявить «чувства гуманизма и благоразумия в их разногласиях с Испанией». Они выражали искреннюю надежду, «что последующие переговоры приведут к соглашению, которое, обеспечив сохранение мира, даст необходимые гарантии восстановления порядка на Кубе».

Традиционное британское вероломство позволило госдепартаменту приправить ответную ноту по своему вкусу, и Мак-Кинли смог ответить, что ожидает «такого же понимания его собственных гуманных и бескорыстных усилий...».

Беззубость европейского ходатайства обрекла Испанию на одиночество.

9 апреля те же великие державы побудили испанское правительство принять «совет папы предоставить инсургентам перемирие».

Испанское правительство приказало прекратить военные действия.

Словно ничего не замечая, Мак-Кинли 11 апреля обратился к конгрессу: «Интервенция есть наш особый долг, ибо все это происходит вблизи наших границ... Наше право вмешаться оправдывается тяжелым ущербом, нанесенным торговле и предприятиям нашего народа, необузданным разрушением собственности и опустошением острова». Мак-Кинли возложил на Испанию вину за взрыв на «Мэне», высказался против признания независимости Кубы. Обращение заканчивалось просьбой дать согласие на применение сухопутных и военно-морских сил против «обеих борющихся сторон», а заодно и

против сторонников независимости, ибо только так, по его мнению, можно осуществить защиту мира на острове и сформировать там стабильное правительство.

Нью-Йоркская «Трибюн» писала, что после того, как Соединенные Штаты прогонят Испанию, нужно будет «остерегаться, чтобы на Кубе не посадили слишком достойное правительство».

13 апреля палата представителей утвердила ходатайство Мак-Кинли.

Между 14 и 15 апреля испанское правительство выпустило в обращение военный заем.

16 апреля североамериканский сенат подтвердил резолюцию палаты представителей с двумя поправками. Первая — признание независимости Кубы. Вторая — заявление о том, что Соединенные Штаты желают лишь усмирить вражду на острове и затем передать его в руки кубинского народа и что они отнюдь не намереваются подчинить Кубу своей юрисдикции.

19 апреля сенат и палата представителей приняли так называемую «Совместную резолюцию»:

«Первое. Народ острова Куба является и по праву должен быть независимым.

Второе. Долг Соединенных Штатов — требовать, как настоящим и требует правительство Соединенных Штатов, чтобы правительство Испании незамедлительно отреклось от своей власти и правления на острове Куба и вывело с его территории и прилегающих вод свои сухопутные и морские силы.

Третье. Настоящим президенту Соединенных Штатов отдается приказ и предоставляется власть привести в действие все сухопутные и морские силы Соединенных Штатов и призвать на действительную военную службу милицию в различных штатах в таком количестве, какое потребуется для претворения в жизнь настоящей резолюции.

Четвертое. Настоящим Соединенные Штаты заявляют, что не имеют ни желания, ни намерения установить на упомянутом острове свое владычество, юрисдикцию или иную власть, за исключением власти, необходимой для умиротворения, и заявляют о своем твердом решении, как только будет установлен мир, передать правление и власть на острове в руки его народа».

Позднее сенатор Бэкон так прокомментировал истинные цели «Совместной резолюции»: «Я точно знаю, — сказал он, — что некоторые лица, не входившие в состав этого законодательного органа, склонны считать резолюцию смешным и глупым сентиментализмом. Но, господин президент, сентиментализма здесь нет. Это заявление сделано при очень торжественных обстоятельствах, и, делая его, мы руководствовались мудрой и осторожной политикой. Вступая в войну с Испанией, мы не были уверены, что не вступаем в мировую войну. Готовясь к дуэли и бросая перчатку, мы не могли сказать твердо, что вся Европа не поддержит Испанию. Это были очень серьезные и естественные опасения.

И вот, господин президент, перед фактом столь чрезвычайной важности, ввиду столь грозной опасности мы сочли за лучшее предстать перед *всем миром, в котором мы уже, возможно, успели пробудить всеобщую неприязнь*, с такими словами: мы не ждем от этой войны собственного возвеличения, мы идем на нее не с целью приобрести Кубу; мы хотим, чтобы вы до конца поняли наше желание: уберите руки, мы будем восстанавливать на Кубе справедливость и мир. И это, повторяю, не имело ничего общего с сентиментализмом. Это было важное и торжественное заявление, сделанное ради высших целей, представлявших насущно важными для собственной нашей безопасности».

20 апреля Мак-Кинли санкционировал резолюцию конгресса.

21 апреля последовали ультиматум Вашингтона и разрыв отношений.

22 апреля североамериканская атлантическая эскадра вышла из Ки-Уэста в направлении Кубы с целью блокировать остров.

23 апреля североамериканская тихоокеанская эскадра вышла из Гонконга, взяв курс на Филиппины.

Речь шла не только о Кубе. Соединенные Штаты готовились отнять у Испании остатки ее империи.

25 апреля конгресс заявил, что «война уже идет начиная с 21 апреля». Североамериканский морской флот превосходил испанский в пропорции 3:1.

30 апреля адмирал Дьюи разбил наголову испанскую эскадру, стоявшую на якоре в Манильском заливе.

Всего три месяца шла эта война, а ее хроника еще короче.

После того как кубинские повстанцы разгромили на всех фронтах испанскую армию, североамериканский флот покончил с испанской эскадрой адмирала Серверы в заливе Сантьяго.

После того как народная филиппинская армия взяла в свои руки острова и осадила Манилу, североамериканский тихоокеанский флот вступил в «победоносный» бой с испанской эскадрой адмирала Монтехо в Манильском заливе.

Но... разбит Сервера, а североамериканцы вместо того, чтобы ликвидировать испанские власти на острове, поворачивают оружие против филиппинских патриотов.

...разбит Монтехо, а североамериканцы вместо того, чтобы ликвидировать испанские власти на островах, поворачивают оружие против филиппинских патриотов.

* * *

12 августа 1898 года был подписан протокол мирного договора.

Испания отказалась от всяких прав на Кубу. Однако Соединенные Штаты не признали независимости Кубы, как это было обещано в резолюции конгресса.

Испания отдала Соединенным Штатам остров Пуэрто-Рико и другие острова из числа Вест-Индских, находившихся под ее властью, а также предложила на выбор один из островов под названием — о ирония истории! — острова Воров.

Соединенные Штаты оккупировали Манилу — город, залив и порт — и заявили, что будут держать ее в своих руках до окончательного заключения мирного договора, который определит контроль, государственную принадлежность и управление Филиппин.

Делегации Соединенных Штатов и Испании должны были уточнить порядок вывода испанских войск с Кубы, из Пуэрто-Рико и с прилегающих островов.

О кубинских патриотах ни слова.

О филиппинских патриотах ни слова.

При чем тут патриоты? Они уже сделали свое дело. Реками пролитой крови, тысячами жизней они заплатили за победу над испанской армией, больше от них ничего не требовалось.

Теперь...

Соединенные Штаты оккупировали Кубу, удерживали в своих руках Манилу и готовились потребовать Филиппины...

Мирный договор был подписан в Париже 10 декабря 1898 года.

Он не был плодом взаимной договоренности, его навязали Испании под угрозой возобновления военных действий. Навязали так нагло, что испанская делегация открыто выразила возмущение нарушением североамериканской делегацией процессуальных порядков.

Испания подтвердила свой отказ от прав на Кубу.

Она отдала Соединенным Штатам остров Пуэрто-Рико и прочие Вест-Индские острова, а также остров Гуам.

Она отдала Филиппины, за которые Соединенные Штаты должны были уплатить двадцать миллионов долларов. «Филиппины были нужны как база для торговой экспансии на Восток. Эти острова должны были стать для Соединенных Штатов тем же, чем для других держав были порты и концессии в Китае... они были основной частью добычи», — говорит Киркленд.

Что касается гражданских и политических прав населения отданных Соединенным Штатам островов, то предполагалось, что их определит конгресс Соединенных Штатов. Но уже заранее договором запрещались любые выступления и публикации, которые могли нарушить «общественный порядок».

Итог: Соединенные Штаты аннексировали 300 тысяч квадратных километров площади с десятью миллионами жителей.

Парижский договор, кроме всего прочего, принудил Испанию согласиться на очень обременительные для нее коммерческие условия, облеченные в поистине фарисейскую форму:

а) Соединенные Штаты разрешали доступ испанских торговых судов и товаров на Филиппины в период ближайших десяти лет на равных с североамериканскими кораблями и товарами условиях.

б) На этот же срок Соединенные Штаты и Испания устанавливали в своих портах взаимно равные таможенные пошлины.

«Равные условия» для двух стран с абсолютно неодинаковыми возможностями.

Соединенные Штаты к этому времени были сильной индустриальной державой, нуждавшейся в рынках сбыта. Испания же, напротив, была отсталой страной, неспособной к конкуренции даже при «равных условиях».

Соединенные Штаты могли буквально наводнить рынки своими товарами в этих «равных» условиях, в действительности представлявших исключительную выгоду для сильного. Такая «взаимовыгодность» была подобна жестокой насмешке...

Достоверные свидетельства указывают на оппозицию североамериканского народа империалистической политике своего правительства.

Североамериканским оккупантам потребовалось развязать войну против филиппинского народа, который больше трех лет сопротивлялся вражескому нашествию, и заявить сенату о «филиппинской агрессии», чтобы сенат согласился одобрить мирный договор, да и то лишь одним голосом сверх требуемых двух третей.

В 90-х годах внешняя политика Соединенных Штатов приняла новый курс.

Североамериканская экономика уже завершила свой бег по пути свободной конкуренции.

Пришло время концентрации капитала, время монополий, более высокого индустриального развития, более высокой производительности.

Внутренний рынок был тесен.

Неудержимый процесс экономической экспансии окрашивал в агрессивные тона и внешнюю политику.

Но это уже была не территориальная аннексия для распространения рабства. И не только война позиций. Теперь это была борьба за рынки сбыта и источники сырья.

Были нужны исключительные рынки, исключительные источники. Делить латиноамериканский рынок с другими уже не устраивало уолл-стритских магнатов.

Час долгожданной гегемонии на континенте пробил.

Испания стала лишней на Кубе. Англия стала лишней на Юге.

Англия проиграла в дипломатической борьбе.

Испания, сбита с ног, переживала разгром.

Мак-Кинли покончил с испанской империей, взял Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины.

Потом Теодор Рузвельт взял Панаму. И почти сразу же Уолл-стрит обосновался в Санто-Доминго.

Кажется, что развитие событий следует простой, не однажды уже примененной схеме.

Так оно и есть. Схема действует, зачем ее менять? Но важно и другое.

Важно, что официальные круги Вашингтона разделяют такое понимание североамериканской политики конца прошлого века. Важно, что такое понимание проявилось в этих кругах. Фредерик Эмери, начальник отдела внешней торговли департамента торговли, писал в 1902 году: «Нечто гораздо большее, нежели чувства народных масс, которые, как известно, со временем улетучиваются, заставило Соединенные Штаты поднять оружие на испанское владычество на Кубе. Нас заставили сделать это наши экономические отношения с Вест-Индией и южноамериканскими республиками. Коммерческий инстинкт был так силен, что, даже если бы не существовало таких эмоциональных причин, как навязшие в зубах испанские злодеяния или взрыв на «Мэне», все равно в конце концов этот инстинкт заставил бы разрушить мощной рукой то, что, как нам казалось, наносит вред нашей экономике... Испано-американская война была не более чем инцидент в общем развитии экспансии, корни которой кроются в возросшей производительности, слишком обогнавшей возможности внутреннего потребления. Стало ясно, что нам необходимо искать не только иностранных покупателей на наши товары, но и способы легкого, выгодного и надежного доступа к иностранным рынкам».

История отметила проклятием судьбу центральноамериканского перешейка.

Узкая полоска земли между двумя самыми большими океанами, на полпути к сказочному миру пряностей, на полпути из одной Америки в другую стала неизбежным перекрестком дорог из Европы в Америку и яблоком раздора между Испанией, Англией, Францией и Соединенными Штатами...

Наиболее жестоким было столкновение англичан с североамериканцами. Поводом для борьбы послужили пути через Никарагуа и Панаму.

История Панамского перешейка и его насильственного отчуждения у законного владельца явилась заключительной главой в истории борьбы за межокеанские пути.

К этому времени испанский колониализм пришел в упадок, а Англия уже лишилась своих тринадцати колоний в Северной Америке, ставших самостоятельным государством — США.

И вдруг мир заговорил о кампешевом дереве. Необыкновенно красивый вид его древесины после полировки привлек англичан к восточным берегам Карибской Америки, богатым зарослями кампешевого дерева.

Разрешения на разработку этой ценной древесины в зоне Белисе, на полуострове Юкатан, Англия добилась по соглашениям с Испанией от 1783, 1786 и 1814 годов.

После окончания войны за независимость в Испанской Америке англичане произвольно раздвинули границы концессионной зоны, заняв территориальные участки на континенте и даже на острове. В 1838 году они захватывают Руатан, самый большой из островов Баия. В 1840 году Британский Гондурас был объявлен колонией.

Затем британское правительство добивается учреждения протектората над индейцами-москитами. Английские территориальные владения в Латинской Америке распространились от Бокас-дель-Торо (ближайшей к Коста-Рике части территории Новой Гранады, ныне Панамы) почти до устья реки Сан-Хуан в Никарагуа.

В конце 1834 года Центральная Америка обратилась с просьбой о поддержке к Соединенным Штатам. Монро зачитал свое послание конгрессу еще в 1823 году. Однако доктрина Монро пока еще не находила должного международного отклика. Действия англичан вызвали тревогу и в Новой Гранаде. Особенное беспокойство вызвал отказ Англии и Франции заключить соглашение о нейтрализации перешейка.

Настоящая паника вспыхнула в 1846 году, когда стало известно об экспедиции Хуана Хосе Флореса, которую снарядило правительство Испании, стремившееся вернуть свои бывшие колонии.

Пока происходили эти события, Соединенные Штаты предпринимали попытки изменить таможенные пошлины. Новая Гранада предложила заключить торговый договор, выгодный для Соединенных Штатов. США должны были взамен гарантировать Новой Гранаде право на владение и управление перешейком. 12 декабря 1846 года такой договор был заключен и получил в истории дипломатии название договора Мальярино—Бидлака.

* * *

Англия реагировала довольно решительно и немедленно. Ее ответ сводился к следующему. Если Соединенные Штаты получают право прохода через Панаму, Англия захватит концевые пункты проектируемого канала через Никарагуа: устье реки Сан-Хуан, впадающей в Карибское море (январь 1848 года), и несколько гондурасских островов у Тихоокеанского побережья. 7 марта 1848 года частично оккупированная Никарагуа была вынуждена согласиться на соблюдение британских «прав».

Естественно, противоборство на этом не кончилось.

Договором от 21 июня 1849 года Соединенные Штаты приобрели у Никарагуа право построить на ее территории канал с укреплениями на подступах к нему. А договором от сентября того же года Соединенные Штаты и

Никарагуа предоставили прочим заинтересованным странам право свободного прохода по каналу на условии, что эти страны обязывались совместно охранять будущий канал.

Тем временем Англия заняла еще одну часть территории Гондураса — остров Тигр у Тихоокеанского побережья. Соединенные Штаты не замедлили ответить. 28 сентября 1849 года Гондурас уступил им этот остров. Уступка была оформлена в виде соглашения.

Казалось бы, североамериканская контратака закончилась успешно. Однако успех этот существовал лишь на бумаге. Соглашение Гондураса с Соединенными Штатами не смутило англичан. Они и не думали выпускать остров из своих рук. Более того, в 1852 году англичане объявили об образовании «британской колонии на островах Баия». Соединенные Штаты были вынуждены вступить в переговоры с Англией.

Так появляется договор Клейтона—Бульвера от 19 апреля 1850 года: «Правительства Соединенных Штатов и Великобритании настоящим заявляют, что ни то, ни другое ни при каких условиях не будут добиваться для себя права на исключительное превосходство в том, что касается упомянутого канала...»

В начале переговоров Клейтон потребовал, чтобы Англия отказалась от протектората над королевством индейцев-москитов. Бульвер запротестовал: если Соединенным Штатам нужен лишь нейтралитет проектируемого канала, то им должно быть достаточно и того, что Англия обязывалась гарантировать этот нейтралитет.

Толкование договора породило целый ряд инцидентов. Первый из них спровоцировала сама Англия, потребовав, чтобы в договоре предусматривался нейтралитет Белисе. Вашингтон пошел на уступку.

По мнению англичан, договор совершенно ясно обязывал Соединенные Штаты принять к сведению тот факт, что Англия имеет одинаковые с ними права в этой части мира, откуда теоретически ее изгнало применение доктрины Монро, и что контроль над перешейком разделен поровну между обеими державами. И в течение ряда лет, уже после заключения договора Гуаделупе—Идальго, договор Клейтона—Бульвера препятствовал территориальной экспансии Соединенных Штатов на юге, а пушки британского флота настойчиво советовали им не зарываться.

Что же касается Соединенных Штатов, то, оказавшись перед таким реальным фактом, как присутствие британского флота в устье реки Сан-Хуан, они были вынуждены признать, что послание Монро конгрессу было всего лишь благим пожеланием этого президента. И, стремясь спасти престиж страны, один из североамериканских историков говорил: «В данный момент мы предпочитаем мир... мы следуем линии наименьшего сопротивления».

Сам Клейтон, автор договора, признал историческое поражение США. «Наша война с Мексикой началась в мае 1846 года. В конце 1847 года мы уже торговались с ней за Калифорнию и Новую Мексику, а в феврале 1848 года подписали договор о покупке этих мексиканских территорий. Путь через Никарагуа давал нам единственную возможность проложить канал, железнодорожную линию или еще какую-либо дорогу для прохода по перешейку, и вот в самый разгар торгов Великобритании обвела нас вокруг пальца, оккупировав от имени короля индейцев-москитов единственно возможный выход канала и вообще любого пути».

Знаменательно, что страны, расположенные на перешейке, не принимали никакого участия в решении проблемы канала. Они сами еще не решили, что лучше — канал или железная дорога, они даже не выбирали трассу, не заключали контрактов на строительство. Но их неотъемлемое право на перешеек присвоили себе США и Англия, которые и утверждали контракты на прокладку канала и условия движения по нему, заранее обеспечив преимущества для своей торговли. Мексика, Новая Гранада, Никарагуа не шли в счет. Что канал? Сама жизнь их зависела от Соединенных Штатов и Англии! Их географическое положение несло им не благосостояние и богатство, как должно было бы быть, а угрозу их суверенитету и целостности. Империалистам же география приносила щедрые барыши.

* * *

Случилось так, что именно в это время в Калифорнии обнаружили золото. Через Панаму и через Никарагуа в погоню за «желтым дьяволом» хлынули толпы обесумевших авантюристов-янки.

Новая Гранада заключила контракт на прокладку железной дороги от Карибского побережья до Тихоокеанского. Сперва с французами, а когда те потерпели неудачу, то с североамериканской железнодорожной компанией. Эта фирма, положившая «начало североамериканскому господству на перешейке», выплатила своим акционерам до 44 % прибылей.

Эмигранты-гринго то и дело провоцировали беспорядки.

В начале 1850 года они устроили налет на панамскую тюрьму и освободили из заключения своего соотечественника, осужденного за уголовное преступление.

Затем они провозгласили одного из своих земляков президентом Панама, обложили налогом население, ввели свою полицейскую власть и т. д.

Никарагуа уполномочила нести транспортную службу от одного берега до другого фирму «Ассесори транзит компани» Корнелиуса Вандербильта. Сан-Хуан, или, как его нарекли англичане, Грэйтаун, был неизбежным этапом на этом транспортном пути. Английские власти отказались признать заключенную правительством Никарагуа концессию. Но в начале 1854 года один североамериканец, служащий Вандербильта, убил местного жителя. Никарагуанская полиция попыталась осудить убийцу. В дело вмешался североамериканский посланник, но его заступничество с треском провалилось. И вот тут-то и разразилась гроза. Соединенные Штаты послали к месту происшествия крейсер «Кайена». Капитан крейсера потребовал от Никарагуа 24 тысячи долларов в возмещение «ущерба» и, невзирая ни на что, подверг Сан-Хуан обстрелу.

В 1856 году некий североамериканец, находившийся в Панаме, отказался уплатить за ломоть арбуза, который он взял с лотка уличного торговца. Когда торговец потребовал денег, янки выхватил пистолет и застрелил его. Произошла стычка между панамцами и североамериканцами. Местные власти и североамериканский уполномоченный, расследовавший дело, консулы Великобритании, Франции и Эквадора — все подтвердили, что зачинщиками этого трагического происшествия были североамериканцы. Тем не менее уполномоченный в донесении Вашингтону рекомендовал оккупировать перешеек. Вашингтонское правительство послало два военных корабля, и

оккупация стала фактом. Соединенные Штаты потребовали, чтобы Колумбия объявила Панаму и Колон вольными городами, уступила панамские острова Баия и железную дорогу Панама — Колон, а также возместила деньгами Соединенным Штатам потерю нескольких североамериканцев, убитых в драке. Колумбия отступила перед превосходящими силами противника и обязалась оплатить счета Великого Капитана¹: 195 410 долларов за убитых; 65 070 — за разные другие убытки; 9277 — на «расходы комиссии» и 142 637 долларов в качестве процентов. В общей сложности 412 394 доллара.

* * *

Бьюкенен открыто бросил вызов договору Клейтона—Бульвера.

Несколько месяцев спустя после своего прихода в Белый дом он подписал договор с Никарагуа (ноябрь 1857 года).

Никарагуа предоставляла Соединенным Штатам право свободного прохода по проектируемому каналу и его использования в торговых и военных целях. Нейтралитет канала гарантировался. Соединенные Штаты могли прибегнуть к силе для обеспечения нормального судоходства иностранных судов.

Однако вашингтонские законодатели указали, что президент не уполномочен обещать применение военной силы.

Англия сослалась на договор Клейтона—Бульвера.

Столкнувшись с таким положением вещей, Бьюкенен предложил конгрессу аннулировать договор: «Когда две такие нации, как Великобритания и Соединенные Штаты, взаимно желающие, как это и есть в действительности и, позволю себе надеяться, будет всегда, поддерживать между собой самые дружеские отношения, заключают договор, который понимается, к несчастью, в прямо противоположном смысле, то самое разумное в таком случае — аннулировать такой договор по взаимному согласию и начать все сначала... Если бы это было сделано

¹ Счет Великого Капитана — заведомо преувеличенные счета, подобные тем, какие коннетабль Неаполя Гонсало де Кордоба, по прозвищу Великий Капитан (род. в 1453 г.), посылал испанскому королю Фердинанду. — *Прим. перев.*

вовремя, то, возможно, все трудности в Центральной Америке были бы давно улажены, к удовольствию обеих сторон. Время, потраченное на споры вокруг договора Клейтона — Бульвера, можно было посвятить более достойной цели, и задача была бы решена, тем более что интересы обеих стран в отношении Центральной Америки совпадают, ибо речь идет лишь о сохранении беспрепятственного прохода по всему пути через перешеек».

Лорд Нейпер, британский посланник в Вашингтоне, приложил немало стараний, чтобы предотвратить кризис. Им было предложено решение, согласно которому Лондону в его отношениях со странами Центральной Америки предлагалось придерживаться рамок североамериканских поправок к договору Далласа — Клерендона. Вашингтон принял это предложение.

Договоры были приведены в соответствие с требованиями сторон.

Гватемала удовлетворила все британские притязания относительно территории Белисе.

Англия вернула Гондурасу острова Баия на условии, что Гондурас не уступит их никакой другой державе. Англия отказывалась от Королевства Москитии.

Грэйтаун возвращался Никарагуа и становился свободным портом.

Что означали эти договоры?

Англия отказывалась от некоторых территориальных притязаний. Но она сохраняла за собой Белисе. Между тем договор Клейтона — Бульвера оставался в силе...

* * *

Первая концессия на строительство канала по территории Панама была подписана 14 января 1869 года. Предоставлялась она североамериканцам. Однако колумбийский сенат отверг ее: «Предоставляемая Соединенным Штатам в соответствии с конституцией и действующими законами Колумбии гарантия свободного пользования, управления и руководства каналом — вещь ненужная и опасная».

На следующий год предпринимается попытка составить новый документ, содержащий поправки, внесенные сенатом Боготы. Но американский сенат отказался его ратифицировать.

Богота сделала уже однажды неверный шаг, подписав договор Мальярино—Бидлака, и теперь Соединенные Штаты пожелали, чтобы их гарантии были оплачены. 22 февраля 1869 года Богота подписала дополнительный протокол к договору и узаконила свободное передвижение североамериканских войск по перешейку. Это была плата за фиктивные североамериканские гарантии.

Однако вопрос о канале пока не был решен.

17 мая 1878 года колумбийский конгресс утвердил контракт Салгара—Уайза, который предоставлял Международной гражданской ассоциации межокеанского канала исключительное право на открытие канала и его эксплуатацию в течение 99 лет.

Статья V концессионного контракта устанавливала нейтралитет канала: «Правительство республики провозглашает нейтральными порты в обеих концевых точках канала и воды канала от одного океана до другого, и, следовательно, в случае войны между другими странами передвижение по каналу не будет прервано по этой причине. Торговые суда и частные лица любой национальности, входя в упомянутые порты, не будут ничем обеспокоены или задержаны. Любое судно сможет следовать по каналу свободно, без различия, исключений или преимуществ для какой-либо одной национальности или персоны при условии, что оно уплатило пошлину и соблюдает установленные компанией-концессионером условия пользования каналом и его службами. Исключения представляют собой иностранные войска, которые для своего передвижения по каналу должны получить разрешение конгресса Колумбии, и корабли стран, находящихся в состоянии войны с Соединенными Штатами Колумбии, если эти страны еще раньше не получили право прохода по каналу в любое время на основе общепризнанных соглашений и обязательств уважать верховную власть Колумбии над Панамским перешейком и территорией, по которой он проложен, неприкосновенность и нейтралитет канала, его портов, бухт и подсобных сооружений, равно как и моря в непосредственной близости».

Некоторое время спустя компания-концессионер передала свои права «Всеобщей компании межокеанского Панамского канала», которую возглавил граф Фердинанд Лессепс, строивший Суэцкий канал.

Работы по сооружению канала начались в 1881 году.

Имя Лессепа было достаточной гарантией успеха, и французская буржуазия без колебаний вкладывала в дело свои капиталы, а мелкие собственники охотно покупали на свои скромные сбережения акции нового предприятия... Бедная парижская швея и та вкладывала свои гроши в кассу этого великого национального дела.

В Панаму прибывали механизмы, инструменты, «шампанское заменяло воду», а желтая лихорадка косила ряды строителей...

* * *

Реакция Соединенных Штатов показала, что они готовы на все.

В 1880 году государственный секретарь Эварт предложил колумбийскому посланнику в Вашингтоне, генералу Санто-Доминго Вила, дополнительную статью к договору 1846 года: «...Все концессии и привилегии, предоставленные раньше и предоставляемые в данное время Соединенными Штатами Колумбии кому бы то ни было с целью обеспечить строительство межокеанского канала через Панамский перешеек, отныне ставятся в зависимость от прав, приобретенных Соединенными Штатами Америки в силу гарантии, данной последними в статье XXXV договора 1846 года, и Колумбия не предоставит в будущем никому никакой привилегии без предварительного согласования с Соединенными Штатами Америки».

Эварт, кроме всего прочего, надеялся, что его правительству будет разрешено построить оборонительные укрепления в конечных пунктах канала.

Вила отверг предложение Эварта. И все же «некое» соглашение было подписано 17 февраля.

Колумбийский сенат его не одобрил.

Президент Хейс, считая проблему чрезвычайно важной, обратился к конгрессу со специальным посланием от 8 марта: «Цель нашей политики в этом вопросе — канал под американским контролем. Соединенные Штаты не могут смириться с предоставлением такого контроля какому-либо европейскому государству или союзу европейских держав... Межокеанский канал через американский перешеек изменит самым коренным образом отношения между атлантическим и тихоокеанским берега-

ми Соединенных Штатов, равно как и отношения между Соединенными Штатами и всем остальным миром. Возникнет великий океанский путь между нашими двумя побережьями, который, возможно, явится частью береговой линии Соединенных Штатов. С точки зрения чисто коммерческой наша заинтересованность в этом пути много превосходит заинтересованность всех других стран. Одновременно важность этого сооружения для нашей национальной мощи и благосостояния, для нашей обороноспособности, для нашего единства, спокойствия и безопасности представляется вопросом, который должен крайне волновать народ Соединенных Штатов. Никакая другая держава, оказавшись она в подобных обстоятельствах, не упустила бы случая утвердить свое господство над таким сооружением, тесно связанным с жизненно важными интересами национального благополучия».

В своем ежегодном послании Хейс подчеркивал: «Отношения между нашим правительством и правительством Соединенных Штатов Колумбии привлекали внимание общественности в течение последнего года главным образом из-за проекта межокеанского канала через Панамский перешеек, который должен быть построен на частные капиталы согласно концессии, предоставленной правительством Колумбии. Существующие договорные обязательства между Соединенными Штатами и Колумбией, по которым мы гарантируем Колумбии нейтралитет транзита, а также ее верховную власть и право собственности над перешейком, требуют, чтобы условия, на которых должны произойти столь серьезные перемены в районе, обозначенном в вышеупомянутых гарантиях, — перемены, которые совершенно преобразят перешеек: превратят его из барьера между Атлантическим и Тихим океанами в широкую дорогу, в торный путь для торговых кораблей всего мира, — чтобы эти условия осуществлялись с согласия нашего правительства, как совместимые с обязательствами, принятыми нашей стороной, и как соответствующие нашим интересам, интересам первой в Западном полушарии коммерческой державы».

Послание получило широкий отклик в конгрессе.

Член палаты представителей от штата Массачусетс Крейпо предложил проект резолюции: «Если строительство межокеанского канала, соединяющего воды Атлан-

тического и Тихого океанов, будет осуществляться с помощью иностранных капиталов и под покровительством любого из европейских правительств, то нужно считать его враждебным политике, проводимой Соединёнными Штатами, как подрывающее дух и букву доктрины Монро, и такое строительство не может получить разрешения и сочувствия нашего правительства... Соединенные Штаты обязаны установить и поддерживать наблюдение и контроль над любым межокеанским каналом, чтобы защищать свои национальные интересы, свою обороноспособность, целостность и безопасность страны и чтобы способствовать процветанию и торговле штатов Атлантического и Тихоокеанского побережий нашей конфедерации».

Лессепс давно добивался от европейских держав гарантий нейтралитета. Теперь он телеграфировал своему сыну: «Послание президента есть политическая гарантия канала».

Без одобрения североамериканцев нельзя было идти вперед.

Стремясь заручиться поддержкой вашингтонского правительства, Лессепс создал Американский комитет, который должен был представлять «интересы компании во всем, что касается выполнения нейтралитета канала, как этот нейтралитет определен в статье V закона Соединенных Штатов Колумбии о концессии на упомянутый канал».

Должность президента комитета поручалась полковнику Ричарду Гомпсону, министру военно-морского флота при президенте Хейсе.

Президенту комитета был положен оклад — 25 тысяч долларов в месяц.

Человек искушенный, Лессепс торопился показать прибыльность предприятия.

* * *

В 1881 году в Белый дом пришел «темный генерал» Гэрфилд, а в государственный департамент — сенатор Блэйн.

24 июня Блэйн издал циркуляр для североамериканских дипломатических представителей за границей с напоминанием, что Соединенные Штаты по договору Мальярино—Бидлака 1846 года гарантировали Колумбии со-

хранение ее верховной власти над перешейком и нейтралитет последнего.

Эта гарантия оставалась в силе и действовала автоматически. Она не нуждалась в подтверждении, поддержке или солидарности какого бы то ни было европейского государства. Любая попытка дополнить или заменить ее «неизбежно была бы расценена нашим правительством как необоснованное вторжение в область, где местные и общие интересы Соединенных Штатов Америки должны уважаться в первую очередь сравнительно с интересами любого другого государства, за исключением Соединенных Штатов Колумбии... любая попытка заменить вышеуказанную гарантию на договор между европейскими державами, чьи армии многочисленны, чьи эскадры бороздят моря и чья заинтересованность в канале и судоходстве по нему никогда не сможет быть столь жизненно важной, как наша, представляла бы по характеру своему и природе сговор против Соединенных Штатов».

Североамериканским дипломатам предлагалось довести эти соображения до сведения правительств, перед которыми они аккредитованы.

Одновременно Блэйн провоцировал своего противника. Он предложил созвать Конгресс центральноамериканских государств в Вашингтоне в 1882 году.

Англия тоже не упускала из виду свои интересы в районе перешейка.

Никарагуа не выполняла договор 1860 года, обязавший ее возместить убытки индейцам-москитам.

В 1880 году Англия вдруг потребовала от Никарагуа удовлетворить эти невыполненные обязательства.

Обе страны согласились передать спор на арбитраж императора Австрии.

В июле 1881 года император вынес решение: «Ограничить власть Никарагуа над Москитией». Москития представляет собой неотделимый «политический аппендикс метрополии».

Никарагуа не может регламентировать торговлю Москитии.

Грэйтаун — открытый порт, и Никарагуа не может взимать в нем в свою пользу пошлину от импорта и экспорта.

Никарагуа сохранит право на Москитию лишь в том случае, если выполнит условия договора, в противном

случае Англия приобретала право вмешаться, ибо у нее «имелись» собственные «основания желать, чтобы выполнялись условия, защищающие выгоду тех, кто прежде находился под ее покровительством».

Англия фактически продолжала осуществлять протекторат над Москитией.

А как же быть с договором Клейтона — Бульвера? Англичане о нем забыли.

Впрочем, Соединенные Штаты его не выполняли тоже.

* * *

Блэйн был человеком воинственным и пришел в госдепартамент с твердым намерением сражаться за окончательное утверждение прав своей страны на Американском континенте.

В том же 1881 году Блэйн решил торпедировать договор Клейтона—Бульвера.

Еще до конца года, 19 ноября, он направил Лоуэллу, своему посланнику в Лондоне, подробные инструкции.

Договор Клейтона—Бульвера отвечал обстоятельствам и нуждам своего времени. Теперь же североамериканские интересы в рассматриваемом районе приобрели жизненно важное значение, в то время как британские интересы в зоне перешейка сравнительно ничтожны. Соединенные Штаты не имеют агрессивных намерений. Однако — и это безусловно — они имеют право взять под свою власть межокеанский канал. Следовательно, договор Клейтона—Бульвера должен быть пересмотрен и заменен другим с учетом изменившейся обстановки.

Из нового договора нужно исключить все пункты, запрещающие Соединенным Штатам контролировать канал и возводить там оборонительные сооружения. Что же касается запрещения обеим договаривающимся сторонам приобретать территории в Центральной Америке, то оно остается в силе. Но при этом необходимо сделать исключение для военных и военно-морских баз, предназначенных для охраны канала и «по доброй воле предоставленных центральноамериканскими государствами Соединенным Штатам...». Договор на установление совместного протектората над любой железной дорогой или каналом в Теуантепеке или Панаме должен быть аннулирован.

Инструкция подтверждала «твердое намерение Соединенных Штатов считать его (нейтралитет канала) исключительно и единственно американским вопросом, обсуждение и решение которого относится к компетенции лишь американских государств».

Форин офис не замедлил ответить на этот выпад.

Разногласия брали начало отнюдь не в положениях договора Клейтона—Бульвера. Они были обусловлены колонизацией Центральной Америки. Когда-то Англия предлагала вернуться к статус-кво 1850 года, но Соединенные Штаты отказались. С тех пор, в течение двадцати лет, между обеими сторонами сохранялось полное взаимопонимание.

Фредерик Т. Фрилингхайзен, новый государственный секретарь, поставил перед Форин офис глухую стену: Соединенные Штаты отказываются подписать соглашение о совместном протекторате «...они с неудовольствием отнеслись бы к любой попытке узаконить в этой сфере совместные политические действия с другими державами».

* * *

В середине 1883 года в зоне канала было столпотворение от множества людей и машин.

В Колоне была окончена расчистка бухты.

В Кулебре, самой высокой точке трассы, выемка грунта достигла запланированной глубины.

К октябрю были пройдены 74 км трассы.

10 тысяч землекопов и 80 паровых экскаваторов подняли и переместили 2500 тысяч кубических метров породы.

И все же к апрелю 1885 года объем выполненных работ составлял всего лишь одну десятую предусмотренного проектом.

Появились скептики, которые позднее превратились в пессимистов. Зародилось недоверие к проекту.

К 1888 году обстановка на строительстве внушала чувство безнадёжности.

14 декабря прекратилась выдача кредитов.

Французский парламент потребовал суда над виновниками катастрофы. И тут всплыли факты обмана, подкупа, взяточничества, растрат. По страницам судебного

следствия дефилировали министры, депутаты, кавалеры ордена Почетного Легиона, банкиры, крупные газетчики.

* * *

Если в 50-е годы британское отступление, вынужденно возведенное государственными мужами Англии в ранг доктрины, лишь намечалось, то в 90-е годы начался окончательный закат британского влияния в Америке. Закат этот мог бы происходить в тиши и незаметно, но североамериканская агрессивность конца XIX века и сложные переплетения международной политики, насыщенной мрачными предзнаменованиями, значительно ускорили британское банкротство. «Англии, запутавшейся в империалистических конфликтах, не оставалось ничего другого, как отступить», — говорит Реновен.

В 1895 году государственный секретарь Олни позволил себе унижить британское достоинство в известном эпизоде из истории пограничного спора между Венесуэлой и Британской Гвианой. Этот случай продемонстрировал всем, что старый лев оставлял поле боя.

И вот, пока конгресс США искал юридические обоснования для проведения технических изысканий на перешейке, пока инженеры исследовали лоно его земель, госдепартамент втихомолку, без бахвальства и шума, убеждал Форин офис в необходимости договора, который освятил бы и закрепил навсегда капитуляцию Англии и североамериканскую гегемонию.

5 февраля 1900 года было подписано первое соглашение Хэя — Паунсефота.

«Обе стороны пришли к соглашению, что строительство канала может находиться под защитой правительства Соединенных Штатов... вышеупомянутое правительство будет владеть и пользоваться всеми правами, относящимися к указанному строительству, равно как и исключительным правом устанавливать порядки и направлять работу канала» (ст. I). Подтверждается нейтралитет, зафиксированный в договоре Клейтона—Бульвера (ст. II), и предлагается другим державам подписать этот новый юридический документ (ст. III).

Североамериканский сенат внес важные поправки в этот текст: оговорку, что новый договор заменил дого-

вор Клейтона—Бульвера; уточнение, что Соединенные Штаты оставляли за собой право «обеспечивать собственными силами защиту» канала и «сохранение общественного порядка»; возражение против предложения другим державам подписать договор.

Англия отклонила поправки: она «предпочла бы не изменять статьи договора Клейтона—Бульвера».

18 ноября 1901 года подписывается второе соглашение Хэя—Паунсефота.

Аннулируется договор Клейтона—Бульвера (ст. I). «Обе стороны пришли к соглашению, что строительство канала может находиться под защитой правительства Соединенных Штатов... упомянутое правительство будет владеть... исключительным правом устанавливать порядки и направлять работу канала (ст. II). Канал будет иметь статус нейтрального объекта с применением правил Константинопольской конвенции от 28 октября 1888 года для свободного плавания по Суэцкому каналу (ст. III)».

А вот статья IV сразу же озадачивала.

«Считать согласованным, что никакие изменения территориального суверенитета или международных связей страны или стран, по которым пройдет канал, не несут ущерба основному принципу нейтралитета, а также обязательствам Высоких Договаривающихся Сторон, заключивших настоящий договор».

Вскоре после утверждения договора палата представителей Соединенных Штатов назначила комиссию для определения трассы канала — Панама или Никарагуа?

О каком «изменении территориального суверенитета» толковала статья IV?

Кажется, ясно, что, какая бы трасса ни была выбрана, Соединенные Штаты должны вести переговоры о строительстве с государством, которому принадлежит выбранная территория. На какое же тогда «изменение территориального суверенитета» намекал договор?

А не может ли быть так, что Соединенные Штаты, выбрав территорию для канала, сами устроят такое «изменение»?

Да, очень похоже, что они уже заранее решили отделить, отторгнуть территорию, по которой пройдет канал, от страны, которой эта территория принадлежит.

Почему?

Да потому, что канал должен быть североамериканским.

И территория, по которой этот канал пройдет, должна стать североамериканской.

Абсолютно и исключительно североамериканской.

Даже если для этого понадобится искромсать другую страну, любую страну.

Итак, отныне расчленение территории Панама или Никарагуа было предусмотрено и узаконено юридическим документом.

И не появилось ни капли сомнений, не оказалось даже совести, чтобы хоть констатировать это далеко идущее намерение в соответствующем договоре с одной из этих стран.

Так великие державы распоряжались территориальной целостностью слабых. Так империалисты «уважали» право собственности малых народов. Это они-то, готовые на любое преступление в защиту прав на свою собственность!

* * *

Тем временем в Париже в 1894 году была создана «Новая компания Панамского канала».

Ее учредитель и вдохновитель — Филипп Бюно-Варилья, стреляный воробей, основной пайщик предыдущей компании и главный инженер строительства.

Бюно-Варилья объявил продажу прав на строительство.

Вначале он обратился к русским: в Панаме заключено «будущее великой Русской империи».

Затем к англичанам: Панама может стать «славой Британской империи».

И наконец: в Панаме — «будущее Соединенных Штатов».

Бюно-Варилья открыл свою штаб-квартиру в Вашингтоне. Нанял адвокатов, вел переговоры с конгрессменами, сенаторами, заручился ходатаями, внедрил сеть своих агентов в разветвленную и сложную сеть коррумпированных политиков из правящей партии.

Но Бюно-Варилья слишком много запрашивал за подряд — 109 млн. долларов.

Комиссию конгресса Вашингтона устраивало то, что канал пройдет по территории Панама, однако уж очень высока цена! Не лучше ли остановиться на Никарагуа?

В январе 1902 года палата представителей утвердила закон Хэпборна, согласно которому канал должен был пройти через Никарагуа.

Бюно-Варилья снизил цену до 40 млн. долларов.

Решение о Никарагуа, однако, теряло под собой почву. И потеряло ее окончательно, когда адвокат Бюно-Варилья внес 60 тысяч долларов в кассу республиканской партии.

28 июня конгресс утвердил закон Спунера, отменявший закон Хэпборна. Кроме того, он уполномочил президента Соединенных Штатов «приобрести за сумму, не превышающую сорок миллионов долларов», право на строительство, оборудование, незавершенные работы, земельные угодья и движимое имущество у «Новой компании Панамского канала» (ст. I).

И еще уполномочивал «приобрести у Республики Колумбия... на срок, какой он считает разумным, в непрерывное владение полосу земли шириной в 10 миль на колумбийской территории от Карибского моря до Тихого океана, а также право пользоваться и распоряжаться водоемами этого участка, проложить на нём канал, постоянно его поддерживать, улучшать и защищать... каковое владение должно включать в себя право сохранять и улучшать железную дорогу Панама... равно как и юрисдикцию над этим участком и портами на обоих его концах, чтобы вершить суд и устанавливать правила полицейского и санитарного надзора, необходимые для сохранения общественного порядка и здравоохранения и для нормального функционирования судебных трибуналов...» (ст. II).

Если таковые приобретения невозможны «в разумный срок и на приемлемых условиях», то президент должен был попытаться добиться их у Коста-Рики и Никарагуа и затем распорядиться о строительстве канала на территории Никарагуа (ст. IV).

* * *

22 января 1903 года был подписан договор Хэ—Эррана, по которому Колумбия уполномочивала «Новую компанию Панамского канала» продать правительству

Соединенных Штатов свои права и имущество на перешейке и предоставляла ему исключительное право на строительство канала.

«Правительство Колумбии дает согласие «Новой компании Панамского канала» на продажу и передачу правительству Соединенных Штатов своих прав, привилегий, собственности и концессий, равно как и Панамской железной дороги» (ст. I).

«Соединенные Штаты приобретают исключительное право на срок в сто лет, допускающее продление — исключительно по выбору Соединенных Штатов, если они этого пожелают, на сроки одинаковой длительности, — производить земляные работы, строить, содержать, эксплуатировать, охранять морской канал между Атлантическим и Тихим океанами по колумбийской территории и управлять им... а также строить, содержать, эксплуатировать, охранять Панамскую железную дорогу, а также управлять ею». (ст. II).

* * *

Североамериканский сенат ратифицирует договор 17 марта.

Колумбийцы тянули с ратификацией. Североамериканское правительство попыталось сломить упорство колумбийцев. Проблему нужно было решать быстро. Промедление не устраивало американские власти. Панама могла стать сильным козырем на предстоящих выборах.

Испаноамериканская война с особой убедительностью показала истинное положение транспортных морских возможностей Соединенных Штатов. Крейсеру «Орегон», чтобы перейти из Сан-Франциско в Сантьяго-де-Куба, где он участвовал в военных операциях, пришлось проделать путь в 13 тысяч миль, в обход Америки через Магелланов пролив, и, хотя он шел на предельной скорости, ему пришлось затратить на этот путь 68 дней.

«Филиппины — это ахиллесова пята Соединенных Штатов, — сказал Рузвельт. — Защиту Филиппин от нападения извне едва ли возможно обеспечить, пока американский атлантический флот вынужден плыть в Тихий океан через Магелланов пролив».

Промышленность, крупная торговля, военные круги — «национальные силы», как сказал бы в настоящее

время любой буржуазный политик, — все требовало сиюминутного решения проблемы.

Вашингтон сделал попытку припугнуть правительство и народ Колумбии. 16 июня государственный секретарь телеграфировал своему дипломатическому представителю в Боготу: «Если Колумбия отклонит договор или станет недопустимо затягивать его ратификацию, то дружеское взаимопонимание между двумя нашими странами окажется крайне подорванным и очень вероятно, что наш конгресс примет будущей зимой такие решения, которые заставят проливать слезы всех друзей Колумбии».

Когда шли заседания колумбийского конгресса, северо-американский посланник обратился к министру иностранных дел Колумбии: «Если Колумбия действительно желает поддерживать дружественные отношения, существующие между двумя странами, и, с другой стороны, обеспечить себе наивысшую прибыль от строительства канала на своей территории, предварительно добившись поддержки строительства со стороны союза заинтересованных в нем национальных сил, как это сделали Соединенные Штаты, то договор, о котором идет речь, должен быть заключен точно в таком виде, как он есть, без изменений. Я говорю это потому, что глубоко убежден: мое правительство ни в коем случае не согласится ни с какими поправками».

Перейра цитирует работу североамериканского специалиста по международным вопросам и дипломата Тейлора (1913 год): «Полковник Рузвельт без колебаний заявил: «В августе 1903 года, убедившись, что Колумбия намеревалась расторгнуть договор, заключенный в январе, и добивается его дезавуирования законодательным органом, я начал беспокоиться: как поступить в этой ситуации? Согласно моим указаниям, государственный секретарь Хэй через посланника в Боготе несколько раз предупреждал колумбийское правительство о тяжелых последствиях его нежелания заключить договор».

Невзирая на все угрозы, 12 августа колумбийский сенат единодушно отклонил договор.

* * *

Дипломатические каналы были исчерпаны. Что делать?

В беседе с президентом Т. Рузвельтом 9 октября в Белом доме Бюно-Варилья указал выход из положения. «Мы начали беседу с «Матэн». Я искал возможности заговорить о Панаме, как вдруг мистер Лумис, помощник госсекретаря, пробежав глазами раздел хроники в «Матэн», остановился на статье о деле Дрейфуса.

Мост был найден.

— Капитан Дрейфус,— сказал я,— не единственная жертва низменных политических страстей. Возьмите хотя бы Панаму...

— Да, это так,— сказал президент.— Вы, сеньор Бюно-Варилья, много занимались панамским вопросом. Что, по вашему мнению, можно сделать, чтобы выйти из тупика в нынешней ситуации?

Момент был очень удобный, и я запустил пробный шар. Подумав немного, я произнес всего несколько слов:

— Революцию, сеньор президент.

— Революцию,— повторил он машинально, в раздумье. Затем повернулся к мистеру Лумису, который с бесстрастным лицом стоял тут же, и сказал вполголоса, как бы размышляя вслух: — Революция. Но осуществимо ли это? И как она отразится на нашем уже готовом плане?

Я, естественно, промолчал, в душе ликуя от этого вопроса президента. Он подтянулся и уже спокойно и немного строго спросил:

— Почему вы так думаете?

Не вдаваясь особенно в откровенность, я сказал:

— По соображениям общего и частного порядка, сеньор президент. Вы знаете, что перешеек страдает эндемией революции. А эндемические заболевания непременно прорываются наружу, как только благоприятные для них условия достигают максимума. Колумбия своей политикой обрекает перешеек на упадок, и жители его не станут этого терпеть, они начнут выражать недовольство. А способ выражения недовольства у них один — революция. Эти общие соображения подкрепляются частными, которые имеются в моем распоряжении.

Этими словами и окончился наш разговор: мне не хотелось говорить большего, а президент, возможно, не желал, чтобы я развивал свою мысль.

Я вышел из кабинета президента с сознанием, что располагаю всем необходимым, чтобы приступить к действиям».

На следующий день в письме к доктору Альберту Шоу, директору «Ревю оф ревю», Рузвельт писал: «В частном порядке я хочу сказать Вам откровенно, что я был бы счастлив, если бы Панама была независимым государством или в данный момент становилась независимой, но сказать об этом публично означало бы для меня то же, что призыв к мятежу, поэтому я не могу так поступить».

* * *

Неделю спустя, 16 октября, Бюно-Варилья получил от государственного секретаря Хэя заверения, которые ждал: «Революция в Панаме не застанет нас врасплох. Уже отдан приказ кораблям Тихоокеанского флота направляться к перешейку».

22 октября из Сан-Франциско вышли корабли «Марблхэд» и «Могикан».

В Карибском море, курсом на Кингстон, спешили «Бостон», «Дикси», «Атланта» и «Нэшвилл». Вечером 2 ноября они уже были в Колоне.

Капитан «Нэшвилла» получил приказ от министра военно-морского флота: «Обеспечьте себе свободное продвижение без задержек. Если вам начнут угрожать применением силы, займите позиции вдоль железной дороги. Не допускайте высадки никаких враждебно к нам настроенных воинских частей, будь то правительственные войска или повстанцы, во всех пунктах в радиусе 50 км от Панамы. В случае невозможности определить намерения встретившихся вам военных частей захватите, после предварительного артиллерийского обстрела, Анкон-Хилл и закрепитесь там... У нас есть сведения, что воинские части, подчиненные колумбийскому правительству, приближаются на кораблях к перешейку. Помешайте их высадке, если, по вашему мнению, это сможет ускорить возникновение конфликта».

Утром 3 ноября в Колон прибыла колумбийская канонерка «Картахена». На ней находилось 500 человек из батальона «Стрелки» под командованием генерала Тобара, направлявшихся в Панаму.

Администрация железнодорожной компании — все

североамериканцы — поторопились отправить дальше, в Панаму, генерала Тобара и его адъютанта. Но войска отправить «не смогли» по причине «технических неполадок», обнаруженных в последний час...

На исходе дня панамские повстанцы задержали Тобара и провозгласили «независимость» Панама. Губернатор Хосе Доминго де Обалдиа был посвящен в заговор и позволил себя арестовать.

Капитан «Нэшвилла», согласно полученным инструкциям, воспрепятствовал продвижению колумбийских правительственных войск от Колона в Панама.

Независимость была провозглашена. Без единой капли крови.

Утром следующего дня матросы с «Нэшвилла» высадились на берег и заставили колумбийские войска снова погрузиться на канонерку и отплыть обратно в Картану. Перед этим заместитель генерала, полковник Торрес, получил восемь тысяч долларов от полковника Шейлера, управляющего железной дорогой.

Североамериканская морская пехота обосновалась в Басобиспо.

В госдепартаменте с нетерпением ждали известий. Вечером 3 ноября государственный секретарь телеграфировал своему консулу в Панама: «Сообщают, что на перешейке произошло восстание. Обеспечьте срочное поступление подробной информации в госдепартамент».

Консул ответил: «Восстания пока не было. Говорят, оно состоится сегодня вечером».

Несколько дней спустя госдепартамент сообщил правительству Боготы, что он «полагает сейчас несвоевременной высадку колумбийских войск на перешейке».

Правительство Боготы не сделало ничего, чтобы нейтрализовать действия панамцев, даже не воспользовалось помощью ста тысяч патриотов, предложивших с оружием в руках вступить в бой. Такое поведение колумбийского правительства трудно было объяснить. Ведь о готовившемся заговоре говорили давно и открыто. Во время дебатов в конгрессе раздавались предупреждающие голоса о том, что отказ заключить договор подхлестывал в Панаме сепаратистские настроения. Да и североамериканская пресса без обиняков предсказывала выступление сепаратистов. И уж совсем необъяснимым был факт назначения Обалдиа, сенатора от Панамского

округа, известного в конгрессе сепаратиста, губернатором Панама.

* * *

6 ноября, спустя три дня после начала событий в Панама и спустя «1 день 17 часов 41 минуту после получения Вашингтоном телеграммы североамериканского консула о революции», государственный секретарь заявил: «Народ Панама в результате единодушного, по всей видимости, движения порвал свои политические связи с Республикой Колумбия и объявил себя независимым». Тут же Колумбия была поставлена в известность о признании Соединенными Штатами новой республики. Всего лишь три дня спустя после объявления «независимости» Панама! И кем! Правительством, которое в течение двенадцати лет не признавало независимость новых республик, появившихся в Испанской Америке.

13 ноября Бюно-Варилья был официально принят президентом Рузвельтом.

15 ноября, в воскресенье, Бюно-Варилья получил от государственного секретаря Хэя проект договора. Это была копия договора Хэя — Эррана, но Бюно-Варилье предлагалось рассматривать эту копию как «карт-бланш» и заполнить ее по своему усмотрению.

«Я читал и перечитывал этот проект весь день, — вспоминал потом Бюно-Варилья, — и обнаружил слишком много разделов, которые могли угробить его в сенате.

Ночью, соснув часа два, я снова принялся думать и составил новый вариант договора, из которого были изъяты все опасные шипы.

Мне хотелось избежать какого бы то ни было упоминания о верховной власти в зоне канала — факторе всегда уязвимом то с одной, то с другой стороны. Как раз этот пункт и был слабым местом договора Хэя—Эррана. Я обратился к международному праву. Я решил предоставить Соединенным Штатам все права, влияние и власть, какие только могут принадлежать суверенному государству, но лишь внутри зоны канада. При этом суверенное государство — Республика Панама полностью лишалась этих прав, влияния и власти в указанной зоне.

В 6 часов утра я стал формулировать на бумаге статьи договора, а в 8 часов машинистка уже начала следом за мной перепечатывать их на машинке.

К 10 вечера в понедельник, 16 ноября, вся работа была закончена. Я понес новый проект договора сеньору Хэю, но у него никого не оказалось дома. На следующее утро я послал ему этот документ. Это было во вторник 17 ноября.

Несколько часов спустя я послал сеньору Хэю поправки к его собственному проекту с заверением, что он может воспринимать мою новую редакцию всего-навсего как совет и что я подпишусь под любым из двух проектов, который он предпочтет.

В то самое время, когда сеньор Хэй получил эти проекты, в Нью-Йорке высадились уполномоченные Амадор и Бойд (панамцы). Эти люди в свое время были, так сказать, «приобретены» Кромвелом (агент Бюно-Варильи), и сейчас он обхаживал их, особенно Амадора.

«Неразбериха» длилась до следующего дня, и перехваченные в пути уполномоченные только в полдень смогли отправиться дальше в Вашингтон.

В этот же день сеньор Хэй пригласил меня к себе домой на 6 часов вечера. Едва я вошел, он обратился ко мне торжественным тоном: «Если Ваше Превосходительство не возражает, мы можем сейчас же подписать договор о Панамском канале...»

Договор был подписан. Перья макали в чернильницу, принадлежавшую некогда Линкольну. У Бюно-Варильи не оказалось при себе печати. И тогда Хэй предложил ему на выбор два перстня: один — тот, что был на пальце у лорда Байрона в день его гибели; второй — с фамильным гербом семейства Хэев. Бюно-Варилья выбрал второй.

Бюно-Варилья подписал договор, не имея верительных грамот. Их привезли панамские уполномоченные, ехавшие в Вашингтон. Но что самое интересное, Бюно-Варилья, которому было поручено составить договор, подобный договору Хэя — Эррана, утвержденному североамериканским и отвергнутому колумбийским сенатами, подписал текст, предоставлявший Соединенным Штатам еще ббльшую выгоду: концессия распространялась теперь не на 10 км, а на 10 миль, то есть более 16 км; не на сто лет, а бессрочно; вместо смешанных комиссий по юрисдикции, полицейскому и санитарному надзору теперь получили все права исключительно североамериканские и т. д.

24 ноября договор был отправлен на пароходе из Нью-Йорка в Колон.

Пароход прибыл в Колон 1 декабря.

2 декабря правительство Панама одобрило договор. 4 декабря договор со всеми печатями и подписями был отправлен назад в Нью-Йорк.

На очередной сессии конгресса в Вашингтоне в сенат поступили обвинения в адрес Бюно-Варильи и требования расследовать его деятельность. Пожалуй, это был самый крупный скандал в истории Соединенных Штатов. За несколько дней до этого государственный секретарь Хэй писал сенатору Спунеру: «Договор, будучи одобрен сенатом в такой форме, как он есть, удовлетворяет в основном всем нашим желаниям; для Соединенных Штатов он в высшей степени выгоден, чего нельзя сказать в отношении Панама, и, к стыду нашему, мы должны в этом сознаться. Мы с Вами слишком хорошо знаем, как много в этом договоре моментов, которые могли бы вызвать возражения любого панамского патриота».

29 января следующего, 1904 года Конституционная ассамблея Панама внесла поправку в свою конституцию: «Правительство Соединенных Штатов Америки имеет право вмешаться в дела Республики Панама в любом случае, когда возникнет необходимость восстановления общественного спокойствия и конституционных порядков. Это право предоставляется Соединенным Штатам в силу договора, по которому они приняли на себя обязательство защищать независимость и верховную власть Панамской республики».

23 февраля, «спустя три месяца и двадцать дней после провозглашения независимости Панама» и в результате «одного из самых бурных, продолжительных и памятных заседаний североамериканского сената», был утвержден договор Хэя — Бюно-Варильи, без каких бы то ни было изменений, 66 голосами против 14.

25 февраля президент Т. Рузвельт промульгировал договор.

26 февраля стороны обменялись ратификационными грамотами.

Только после всего этого Соединенные Штаты отозвали от берегов перешейка часть военных кораблей и несколько соединений морской пехоты.

В апреле казначейство Соединенных Штатов, согласно договоренности, выплатило «Новой компании Панамского канала» 40 миллионов долларов. США стали собственником установок и оборудования на строительстве канала.

Так Соединенные Штаты «выполнили» свои обязательства по договору Мальярино — Бидлака 1846 года: «Гарантировать верховную власть Колумбии над Панамским перешейком».

* * *

Два года спустя, в 1906 году, Т. Рузвельту была присуждена Нобелевская премия мира...

Бюно-Варилья получил орден Почетного легиона.

А еще позднее, в 1927 году, Бюно-Варилья заявил в Париже, что договор 1903 года был составлен и подписан им как «договор о протекторате».

В ответ на это заявление Национальная ассамблея Панама, назвав Бюно-Варилью «злонамеренным иноземцем», приняла решение «предать имя этого презренного человека поруганию панамцев и проклятию потомков на вечные времена».

* * *

На первых порах президент Т. Рузвельт отрицал всякую причастность североамериканского правительства к сепаратистскому перевороту.

Даже историк Гарсия Мерио придерживался этого мнения. Согласно его утверждениям, во время панамских событий «американская администрация еще не решила, что предпринять в этой ситуации, вызванной действиями властей в Боготе. Президент Рузвельт, готовя свое ежегодное послание конгрессу на декабрь 1903 года, находился в таком состоянии духа, как об этом можно судить по черновику послания, что вынужден был менять и исправлять целые абзацы в соответствии с непрерывно развивающимися событиями».

Это свое утверждение автор подкрепляет выдержками из черновиков президентского послания. Само собой разумеется, текст послания изобилует разъяснениями отношений со странами Юга, аргументированием острой

нужды в канале и его нейтрализации и т. д. «В соответствии с принятой нами политикой справедливого и великодушного отношения даже к самым слабым, по-братски близким нам республикам Юга... Соединенные Штаты торжественно обещали, что канал будет свободно открыт для мировой торговли... Соединенные Штаты желают всемерно защищать интересы и честь упомянутой страны... Наша нация не желает выглядеть неблагоприятной или нетерпеливой...»

Но от Гарсии Мерио ускользнул явно угрожающий общий тон послания, и в особенности заключительной его части: «Мы должны официально заявить, что не будем более ставить себя в зависимость на долгое время от легкомысленного поведения или неискренности со стороны тех, кто в силу своего положения является временным распорядителем земель, по которым должна пройти трасса; что если они захотят прийти к согласию с нами прямым, честным путем, то мы будем действовать не только по справедливости, но и великодушно; но если же они не станут добиваться указанного согласия, то нам останется только решать этот вопрос самим и немедленно».

Учитывая, что сепаратистские настроения в Панаме имели глубокие исторические корни, что повсюду — и в Соединенных Штатах, где об этом ежедневно твердила пресса, и в Колумбии вплоть до парламента — считалось неизбежным в случае отклонения договора отделение части территории, можно твердо сказать, что грозное предупреждение в конце первого черновика послания Рузвельта имело в виду возможное отторжение Соединенными Штатами части колумбийских земель.

Действительно, как еще можно понимать такие слова: «...нам останется только решать этот вопрос самим и немедленно»?

Очевидно, Т. Рузвельт изменил эту часть послания в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В первом черновике он приводил один довод за другим, чтобы оправдать готовящееся преступление. В конечном варианте он это делал, оправдывая уже совершившееся преступление.

На что рассчитана эта аргументация?

На то, чтобы доказать, что Соединенные Штаты не имели никакого касательства к отделению.

В эти дни сам Т. Рузвельт сделал попытку умыть руки. В его послании от 4 января 1904 года говорилось: «Ни один человек, близкий к нашему правительству, не принимал никакого участия в подготовке, подстрекательстве или моральной поддержке последней революции на Панамском перешейке».

Позднее он сбросил фарисейскую маску и цинично заявил о своей причастности к свершившемуся перевороту: «Если бы я следовал традиционным консервативным методам действий и представил бы конгрессу солидный государственный документ на две сотни страниц, дискуссия продолжалась бы до сих пор. Я поступил иначе: взялся за самый канал, предоставив конгрессу вести споры, и, пока эти споры заходили все дальше, канал тоже продвигался дальше».

17 декабря Рузвельт зачитал свое ежегодное послание конгрессу:

«В 1846 году наше правительство выработало договор с Новой Гранадой, предшественницей Республики Колумбии и нынешней Республики Панама... По договору, Соединенные Штаты облакались правом собственности в рамках тех прав гражданства и собственности, которыми владела в те времена Новая Гранада на указанной территории».

Дальше следовали пространные объяснения по поводу толкования и применения договора, и, само собой разумеется, не обошлось без длинного перечня «пертурбаций», сотрясавших перешеек. И добавлялось: «В итоге более чем полувековой опыт показал, что Колумбия совершенно неспособна поддерживать порядок на перешейке. Только активное вмешательство Соединенных Штатов помогало Колумбии сохранять на перешейке видимость верховной власти. Не установи Соединенные Штаты в интересах Колумбии свою полицейскую власть на перешейке, связь его с Колумбией перестала бы существовать еще много лет назад. В 1856, 1860, 1873, 1901 годах и даже еще в 1902 году подразделения пехоты и военно-морского флота Соединенных Штатов были вынуждены высаживаться с военных кораблей и патрулировать перешеек, дабы защитить жизнь и имущество людей и обеспечить свободный транзит через него. В 1861, 1862, 1885 и в 1900 годах правительство Колумбии само обращалось с просьбой к правительству Соединенных

Штатов высадить на перешейке военные десанты для защиты ее, Колумбии, интересов и поддержания порядка на перешейке. Только что мы получили еще одну просьбу, возможно самую необычную из всех, какие мы когда-либо получали; суть ее заключается в следующем.

Зная, что в Панаме уже началась революция, один высокопоставленный колумбиец говорит, что если правительство Соединенных Штатов высадит войска, чтобы поддержать верховную власть Колумбии и транзит по перешейку, и если просьба об этом будет передана через поверенного в делах Колумбии, то колумбийское правительство объявит военное положение и властью, предоставляемой конституцией в случаях серьезной угрозы общественному порядку, издаст декрет об утверждении договора о канале, как он был подписан; или, если правительство Соединенных Штатов пожелает, можно будет в мае этого года созвать чрезвычайную сессию парламента с участием новых членов, из друзей, и таким образом утвердить договор. Этот высокопоставленный колумбиец говорит, что он облечен совершенным доверием вице-президента Колумбии и, если это необходимо, он может сам поехать на перешеек или послать туда своего представителя с заданием уладить вопрос в удовлетворительном для народа той территории смысле.

Вышеизложенные факты свидетельствуют со всей очевидностью, что, во-первых, Соединенные Штаты на протяжении более чем полувека терпеливо и честно выполняли свои обязательства по договору 1846 года, во-вторых, когда для Колумбии впервые представилась возможность хоть чем-то отблагодарить Соединенные Штаты за неоднократно оказываемые в течение 57 лет услуги, колумбийское правительство решительно и враждебно отказалось сделать это, не считаясь даже со своими собственными интересами...

В таких условиях правительство Соединенных Штатов заслужило бы обвинение в безумии и слабости, равносильных преступлению против нации, если бы оно повело себя не так, как это было, когда в Панаме вспыхнула революция 3 ноября...

Правительство Соединенных Штатов приложило все возможные усилия, чтобы убедить Колумбию следовать путем, единственно правильным и выгодным не только для наших интересов и интересов всего мира, но также

для интересов самой Колумбии. Эти усилия не принесли желаемых результатов, и Колумбия, упорно отрицавшая очевидные успехи, заставила нас ради защиты нашей чести и ради интересов и благополучия не только нашего собственного народа, но также народа, проживающего на Панамском перешейке, и народов всех цивилизованных стран мира предпринять решительные шаги, чтобы положить конец ситуации, ставшей невыносимой. *Новая Республика Панама сразу же предложила нам заключить договор.* Этот договор представляется сейчас на ваше рассмотрение. *Он защищает наши интересы более надежно, чем договор с Колумбией,* ратифицированный сенатом на последней сессии. Его формулировки более приемлемы для нас, чем формулировки договоров, предложенных республиками Никарагуа и Коста-Рика...»

Это послание, наделенное всеми достоинствами послания Полка, в котором объявлялась война Мексике, содержит и еще одно: оно полно вопиющих противоречий.

Для вящей убедительности в нем имеется обращение к памяти Сьюарда, редактировавшего договор 1865 года: «Соединенные Штаты не принимают и никогда не будут принимать корыстного участия во внутренних переворотах в штате Панама или в одном из штатов Колумбии и обязуются поддерживать строгий нейтралитет в отношении их «семейных» неурядиц. Наряду с этим Соединенные Штаты готовы в любую минуту взять под свою защиту торговые пути через перешеек от вторжения возмутителей спокойствия, местных или иноземных, в государстве Панама... Цель этой оговорки — гарантировать перешеек от вторжения или захвата его иностранной державой».

Берется на вооружение также высказывание министра юстиции Спида: «На основании договора нельзя сделать вывод, будто Новая Гранада приглашает Соединенные Штаты принять участие в своих внутренних пертурбациях, а Соединенные Штаты в свою очередь обязались действовать в пользу той или другой тяжущейся стороны. Соединенные Штаты гарантировали Новой Гранаде ее верховную власть и право владения на указанной территории, и гарантия эта направлена против других иностранных государств».

Сразу вслед за этим в послании говорится, что военные моряки высаживались в таких-то и таких-то годах

по североамериканской инициативе, а в таких-то — по просьбе правительства Боготы. Но эти факты никак не отражены в историографии.

И дальше: договор обязывал Соединенные Штаты действовать так, как действовало их правительство.

Стало быть, согласно самому последнему толкованию договора 1846 года, колумбийские войска, посланные на перешеек, были иноземными войсками? Но ведь это были войска одной из сторон, заключивших договор! А именно той стороны, которой, как сказано в договоре, Соединенные Штаты гарантировали верховную власть на перешейке.

И наконец, Т. Рузвельт говорит от имени цивилизованных стран мира, честь и интересы которых он берет под свою защиту, дабы избавить их от угрозы. Угрозы со стороны Колумбии?!

В 1823 году Монро обязался спасти нас от Священного союза...

На протяжении всего XIX века североамериканские государственные деятели из сил выбивались, чтобы спасти нас от европейских монархий.

В XX веке начиная с 1917 года Вашингтон «спасает» человечество от советского коммунизма;

от Мексики, когда там начинается распределение земли среди крестьян;

от Мексики, когда там национализируют нефть;

от Гватемалы, когда там экспроприировали «Юнайтед фрут»;

и в наши дни — от коммунистической Кубы, от коммунистического Вьетнама...

Эта роль спасителя-мессии разыгрывается с каждым разом все более раздраженно и нетерпеливо.

Священник Исага¹, а вместе с ним и церковные власти, благословившие выход в свет его книги, также обращает внимание на сомнительный характер отеческой заботы Т. Рузвельта об интересах цивилизации: «Трудно поверить, чтобы, не имея никаких на то полномочий, лишь по бескорыстному благому побуждению, Северная Америка вдруг решила взять на себя труд за-

¹ Исага, С. И. Луис — автор труда «La Doctrina Monroe. Su origen, principales fases de su evolución». Ed. Razon y Fe, Madrid, 1929.

щищать чужие интересы — и не более не менее как интересы цивилизованного мира — от угрозы со стороны Колумбии. Да мы и не верим, будто бы этим интересам что-то угрожало и будто бы действия Соединенных Штатов были направлены на их спасение. Мы почти уверены в обратном: поведение Т. Рузвельта игнорировало и попирало интересы цивилизованного мира.

В самом деле, наиболее священные интересы мира, тем паче цивилизованного, тесно сопряжены с самой цивилизацией, с поддержанием и соблюдением норм цивилизации; в нашем случае — норм, которые регулируют отношения между народами. Самые основные нормы цивилизации в силу своей высшей категории и в силу того, что на них зиждутся все прочие нормы подчиненного характера, есть нормы права. Соблюдать нормы права во взаимоотношениях, даже когда на первом плане стоит защита собственных интересов, — значит уважать интересы другой стороны. Если этот фундамент отсутствует, если эти нормы мы начнем подменять законом грубой силы, то мы вернемся к варварству, и вот это-то и будет смертельным ударом по интересам цивилизованного мира, по тем священным интересам, под благодатной сенью которых только и могут достойно существовать и процветать другие, материальные, интересы.

Отсюда североамериканский переворот в Панаме был прежде всего и более, чем что-либо другое, победой грубой силы над правом и плачевнейшим примером того, как сильный, поправ закон, навязывает свою волю другим в международных делах».

* * *

Испанская Америка отказалась признать новую республику.

Руис Морено упоминает о том, что посланник Аргентины в Вашингтоне доносил своему правительству: «Президент Соединенных Штатов и государственный секретарь добиваются этого признания». На это Буэнос-Айрес ответил, что признаёт новую республику в «более подходящий момент и когда Республика Панама будет иметь свою законную власть и свое твердое правительство». Некоторое время спустя посланник повторил: «Американское правительство упорно хлопочет о признании и от-

кладывание его понимает как акт молчаливого осуждения и скрытой враждебности».

Никарагуа объявила о своем признании Панамской республики 15 декабря. Перу — 19-го. Куба — 23-го. Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай, Парагвай и Боливия сделали это лишь по прошествии четырех месяцев, в марте 1904 года.

«Несмотря на всем известную нежную привязанность Ватикана к Колумбии, Римская курия проявила уступчивость по отношению к Республике Панамы» и задержала признание лишь на несколько недель.

Колумбия же, подчеркивая свою независимость, не признавала Панаму четверть века.

* * *

Сам Т. Рузвельт добивался примирения. Так же поступали его преемники. Однако предлагаемые условия каждый раз оказывались неприемлемыми для Колумбии. И лишь в период администрации Вильсона был подписан договор Томпсона — Уррутиа.

Правительство Соединенных Штатов «от своего имени и от имени народа Соединенных Штатов выражает искреннее сожаление по поводу всех имевших место фактов, явившихся причиной прекращения или нарушения отношений сердечной дружбы, существовавших долгое время между двумя нашими нациями».

Колумбия получила предпочтительные права на канал и на Панамскую железную дорогу. Соединенные Штаты обязались уплатить 25 млн. песо золотом. Панама признавалась независимым государством, уточнялись ее границы.

Что двигало Вильсоном?

Этот «апостол справедливости и права» так превозносил на словах суверенность и территориальную целостность наций, независимость и автономное развитие народов, так охотно противопоставлял мир грубому насилию, что можно было и впрямь истолковать его стремление загладить вину перед Колумбией как свидетельство верности проповедуемым им принципам.

Ничего подобного. Дело в том, что Колумбия и Эквадор намеревались в это время предоставить концессии на нефтяные изыскания английскому капиталу, агентом ко-

того был лорд Каудри. Вильсон забеспокоился и сразу же «заклеймил» концессии. Лондонская пресса почти открыто называла его ходатаем североамериканских монополий, в частности «Стандард ойл». Североамериканская пресса подхватила обвинение. «Нью-Йорк геральд» писала 30 ноября 1913 года: «Североамериканские нефтяные капиталы, жаждущие концессий, наткнулись в Колумбии на запертые двери — по причине неулаженных трений. Понадобилось проявить справедливость к Колумбии, чтобы получить нефть».

Колумбийский сенат ратифицировал договор в июне 1914 года.

Североамериканский сенат отклонил репарации, внес свои поправки и отложил утверждение договора.

Но Колумбия уже отказала в концессии лорду Каудри и предоставила ее «Стандард ойл».

Когда в 1919 году в североамериканском сенате стало известно, что конгресс Колумбии санкционировал национализацию нефти, Соединенные Штаты прибегли ко всем возможным видам наживы и принуждения, чтобы лишить юридической силы эту санкцию. Колумбия сопротивлялась, но в конце концов была вынуждена уступить. Двери Колумбии распахнулись для владельцев «Стандард ойл».

Только теперь стал продвигаться вперед договор, лежавший под сукном с 1914 года. Теперь, правда, Колумбии уже не предлагали возмещения. И все же ей ничего не оставалось, как принять североамериканские поправки. Новый договор Урибе — Филипа был подписан в марте 1922 года. Утверждая его, сенаторы-янки «имели в виду экономическую выгоду, которая последует за восстановлением дружественных отношений с колумбийской нацией».

Искромсанная Колумбия, жертва жестокой агрессии, ждала тринадцать лет с момента предательского удара и восемь — с того дня, как ей предложили договор с выражением морального возмещения, и в итоге не услышала даже слова о желании загладить вину перед ней. Напротив, она оказалась вынужденной вручить свою нефть «Стандард-ойл» и признать, что Соединенные Штаты законно приобрели канал между двумя океанами и Панамскую железную дорогу.

* * *

Даже в вашингтонском сенате раздавались обвинительные голоса.

Сенатор Кармэк: «Каждый шаг президента Т. Рузвельта в этом недостойном панамском деле представляет собой вопиющее насилие над законом и правом».

Сенатор Тилмэн: «Рузвельт приобрел желанные права на Панаму тем же манером, каким завладевают своей жертвой гадюки и грабители, и потом еще хвастался этим, как вульгарный бахвал».

Сенатор Томас: «Единственное утешение, которое остается нам после этого жестокого и постыдного эпизода в Панаме, — это то, что он не имеет precedентов в нашей истории».

Линдер Т. Чемберлен в статье «Глава о национальном позоре»: «Это проклятое пятно на нашей совести мы никогда уже не сумеем смыть».

Аллан Невис из Колумбийского университета: «Поведение его (Рузвельта) невозможно оправдать, ибо попрасть честь братской республики, оскорбить двадцать американских наций, нанести свирепый удар великому делу справедливости, забыть об уважении к другим странам и запятнать национальный герб несмываемым позором слишком дорогая цена за этот канал».

И даже **Ф. Бемис:** «Интервенция 1903 года есть истинно черный момент в латиноамериканской политике Соединенных Штатов и, вне всяких сомнений, достаточно большое и грязное пятно».

КОРНИ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ

О тношения между Соединенными Штатами и Латинской Америкой по самой природе своей антагонистичны с самого начала.

Это показано в предыдущих главах.

В ходе истории эти отношения менялись, отражая основные изменения, происходившие с каждой из сторон. Но во всех случаях антагонистический характер их сохранялся и даже обострялся по мере расширения и углубления самих отношений.

Антагонизм берет начало в несопоставимом различии исторических судеб и действительности обеих Америк.

Частью этой действительности является образ мышления правящих кругов.

Образ мышления в свою очередь отражает действительность, которая его порождает.

Из противоположных видов действительности берет начало и противоположный образ мышления.

Империалистическому образу мышления противостоит антиимпериалистический образ мышления.

Как в одном, так и в другом случае образ мышления формировался теми, кто закладывал основы государства.

На Севере — Джефферсон.

На Юге — Боливар.

Предыдущие страницы сознательно насыщены соответствующими ссылками.

Рядом с Джефферсоном — Джон Куинси Адамс, Монро и много других.

Рядом с Боливаром — Хосе Сесилио де Валье, Андрес Бельо, Ирисари, Аламан и другие. Вплоть до Марти — выразителя антиимпериалистического образа мышления конца XIX века.

Мысли первых и мысли вторых сопутствовали отношениям между двумя Америками на протяжении долгого их развития. Если бы нанизать их на единый стержень, расположить по порядку, собрать в единое целое, то они еще яснее показали бы идеологию, идейную направленность — империалистическую у одних, антиимпериалистическую у других.

Поначалу антиимпериалистические принципы латиноамериканских патриотов отличались незрелостью, эмпиризмом, наивностью. Но и такие, они ценны как подтверждение того факта, что антиимпериализм наших дней имеет корни, уходящие в самую глубину нашей истории, в эпоху возникновения республик.

Показать это, особенно сейчас, совершенно необходимо.

Чтобы пролить свет на то, что империализм старается держать в тени. Чтобы доказать, что идеи антиимпериализма являются частью нашего культурно-исторического наследия. Чтобы вскрыть ложность «экзотизма», так усиленно пропагандируемого в Латинской Америке апологетами империализма. Чтобы вернуть истинное значение нашим национальным ценностям. Чтобы восстановить истинное лицо наших героев борьбы за независимость, грубо, коварно и бесстыдно поруганных поборниками империализма. Вернуть Боливару его законное и реальное величие и противопоставить настоящего Боливара «пан-американскому» Боливару, выдуманному апологетами Организации американских государств. И пусть это будет стимулом к пересмотру нашей официальной истории.

Показать это необходимо для того, наконец, чтобы поддержать в наших народах веру в собственную способность встать лицом к лицу против империализма и вместе со всем человечеством его победить.

Антиимпериалистическое сознание начинает выковываться под ударами молота самого империализма. Каждое оскорбление, каждый акт насилия, совращения, искушения, каждый случай драчливой заносчивости, каждая дерзкая выходка, каждый факт вымогательства, каждое преступление формируют сознание опасности, постоянной угрозы и сознание, что эта опасность, эта угроза гнездятся на Севере, на нашем собственном материке. Идеи антиимпериализма появляются в официальных нотках, в частных письмах, в листовках, в периодической

печати, в разовых изданиях, в карикатурах, иногда в парламентских речах, затем — в выступлениях на конференциях, в очерках и, в 90-х годах, в отдельных книгах.

Романтический антиимпериализм первой поры замечает скорее форму, грубую, оскорбительную форму отношений, но не заглядывает в суть явления.

Это был антиимпериализм нарождавшейся испано-американской буржуазии.

Но во всех случаях он оставался ограниченным. Ограниченным классовыми интересами и склонностью к компромиссу, стоявшему на страже этих же интересов.

Сейчас истинный антиимпериализм — *это борьба за социальное и национальное освобождение наших народов, за социалистическую революцию*: он берет на вооружение лучшие традиции прошлого, но придает им новую силу и действенность.

А теперь, после всего сказанного, перейдем к краткому обзору антиимпериалистического сознания в Испано-Америке XIX века. Сперва — периодическая пресса. Затем — очерки.

* * *

Примерно в 1856 году чилиец Франсиско Бильбао писал: «Мы уже видим, как англосаксонский удав обвился вокруг Америки и сжал в смертельных объятиях целые области. Вчера Техас, затем север Мексики и Тихоокеанское побережье были вынуждены принять нежданного пришельца; сегодня передовые посты захватчиков рыщут по перешейку, и мы уже видим, как потрясенная Панама, этот будущий Константинополь Америки, в состоянии полной растерянности всматривается в свое будущее и вопрошает: «Кто — Север или Юг?» Мы уже поплелись следом за колоссом, шагающим вперед, и только вперед, без боязни чего и кого бы то ни было. С каждым днем этот гигант становится все стремительнее, все смелее, все увереннее в своем праве властвовать, как властвовал императорский Рим, гордый своими удачами; он наступает, подобно морскому шквалу, чтобы обрушиться всей своей тяжестью на беззащитный Юг. Мы видим, как нация, всегда бывшая нашей звездой, угрожает самостоятельности Америки. Саксонец Севера накапливает силы, приводит в строгую систему разнородные элементы своей

нации, готовясь единолично сесть на вершину Олимпа, стать абсолютным властелином всей Америки».

Выдержки из передовой статьи газеты «Феррокариль», Сантьяго, Чили, 23 февраля 1860 года:

«Соединенные Штаты — это реальный факт — расширили свои владения за счет испаноамериканских народов, прибавили на своем флаге еще две звезды — Техас и Мексику, выкачав из обеих территорий несметные богатства. Все это сущая правда. Но наряду с этими выгодами они извлекли и еще кое-что: ненависть к ним испаноамериканцев растет день ото дня, и взамен братской страны испаноамериканцы видят теперь в конфедерации Севера постоянную угрозу своей национальной самостоятельности, своей независимости и чести.

Что из этого вытекает? Вред — как для одних, так и для других. Если бы Соединенные Штаты, вместо того чтобы занять по отношению к слабым южноамериканским государствам антагонистическую позицию, напротив, попытались бы помочь им, поделились достижениями своего прогресса и знаний, как это водится среди добрых союзников, вместо того чтобы снаряжать в Никарагуа Уокера, предавшего эту страну огню и мечу, прислали бы туда отряд мирных, трудолюбивых иммигрантов, вместо того чтобы пойти войной на Мексику и отнять у нее Техас и Калифорнию, заключили бы с этой республикой взаимовыгодный договор, — разве попали бы тогда Соединенные Штаты в такое положение, когда на них смотрят одни с ненавистью, другие со страхом и все вместе без исключения — враждебно? Не думаю, что дело обстояло бы так.

Но эта могущественная нация не сумела или не захотела следовать единственно правильной линии поведения и не задумалась над последствиями своих действий...»

Нельзя сказать, чтобы дипломатия конфедерации Севера в отношении латиноамериканских наций, доставивших ей немало хлопот, была проникнута духом миролюбия, напротив, она всегда отличалась властью, требовательностью и тиранством. Нужны были годы, чтобы закончить начатые переговоры или подписать договор, но едва это совершалось, как налицо было нарушение самых важных пунктов, и тогда вновь начинались пере-

говоры и оттяжки. Свидетельством могут служить Центральная Америка и Новая Гранада.

Президент Бьюкенен в своем послании конгрессу в январе 1858 года говорил: «Таково предназначение англосаксонской расы — распространяться по всему Североамериканскому континенту, и это произойдет в скором времени, если мы не будем мешать ходу событий. Волна иммигрантов продолжает свой бег, и ничто не может изменить ее направления. Если иммиграция захлестнет Центральную Америку, то в ближайшем будущем население этих областей станет североамериканским и начнет трудиться для пользы местных же жителей и их правительств. Свобода, подчиненная закону, породит мир, и тогда дороги через перешеек, в которых мы кровно заинтересованы, получают надежную защиту.

Однако, к сожалению, конфедерация действует по-иному. Год от года она проявляет все большую недоброжелательность в своем отношении к испаноамериканским государствам. Яркий пример тому — цитированное выше послание президента конгрессу.

После разглаговольствований о положении в Мексике, о причиненном ей анархией зле, о нестабильности и неуверенности, проистекающих опять же по причине анархии, о том, что многие граждане конфедерации, проживающие в Мексике, лишились имущества и жизни, президент в заключение потребовал послать против Мексики военную экспедицию, чтобы «спасти честь» североамериканской нации, обязанной в случае нужды гарантировать своим согражданам сохранность их жизни.

Мы признаем, что обстановка в Республике Мексика была чрезвычайно острой и что действительно в отношении граждан конфедерации имели место случаи грубого отношения со стороны революционных властей, а больше — со стороны деморализованной толпы. Но мы хотим задать вопрос: разве правительство Мексики, имеющее все признаки законного, отказывалось удовлетворить должным образом североамериканцев, возместить урон, понесенный ими от самоуправства одной партии или храбрости другой, вернуть отобранное у них добро и наказать виновных в убийстве? Нет, отвечает сам Бьюкенен.

В таком случае по какому праву, с какой целью посылал президент войска в Мексику? Что этим войскам там

делать? Или существуют мотивы, которые без нарушения законов международного права опровергли бы это вторжение на мексиканскую территорию? Нет, не существует таких мотивов. Ибо незачем конфедерации взыскивать силой возмещение, которое мексиканское правительство расположено дать по доброй воле и требовать силой обеспечения безопасности североамериканцев, если Мексика уже дала гарантии на этот счет. Поэтому мы повторим наш вопрос: по какому праву и с какой целью войска конфедерации были брошены против Мексики? И хотя президент Бьюкенен и его кабинет отрицали бы это, ответ ясен: по праву конкистадора, с захватническими целями.

Не менее враждебно послание и в том, что касается Центральной Америки и других испаноамериканских республик. Из него явствует, что президент без объявления войны получил полномочия блокировать под угрозой артиллерийского обстрела наши порты, чтобы потом, когда в игру вступят крупные североамериканские силы, ему было легче воспротивиться нашим морским законам. Одним словом, послание предполагает, что конфедерация находилась в состоянии «нормальной войны» с испаноамериканскими государствами — определение, употребленное в послании.

Почему такая враждебность? Зачем это воинственное бряцание оружием против южноамериканских государств? Что должны были сделать эти государства в ответ на шаг, который готовилась сделать конфедерация? Что последовало бы, если бы президент получил полномочия, которых он просил и о которых он, конечно же, немедленно сообщил бы командирам военно-морских баз в американских морях? Для нас — серия ударов и печальная возможность наблюдать, как незаслуженно попираются законы и власть в наших странах...

Если Испанская Америка слаба, если ее государства в любой момент могут подвергнуться атаке и грубому унижению, то разве нельзя им объединиться? И не есть ли союз — насущная необходимость перед лицом всеобщей опасности? Может быть, тогда перестали бы смотреть на Соединенные Штаты — Европа с подозрением, а великий союз латиноамериканских государств — с ненавистью?»

В заключение приведем юмористический скетч, опубли-

ликованный в «Телеграфе» (Гуаякиль, Эквадор) 7 февраля 1906 года под заголовком «Американский сыч и южные республики. Сценка из школьной жизни. Что такое Соединенные Штаты Америки?». Этот материал далеко выходит за пределы того времени, о котором шла речь в данной работе, но он очень точно отразил суть отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой, поэтому стоит его здесь привести.

«Дядя Сэм (учитель). Тихо, дети! Начинаем урок. Повторяйте хором: Соединенные Штаты Северной...

Хор повторяет.

Дядя Сэм. Мексика! Сиди спокойно и не возвышай голос. Не то дождешься — лишу тебя и других штатов.

Мексика. Но, сеньор учитель...

Дядя Сэм. Тихо! Продолжаем. Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество... (Обращается к Венесуэле.) Почему ты разговариваешь на уроке? Ты неисправима. Я слышал, вчера ты нагрубила миссис Германии?

Венесуэла. Она хотела меня ударить. Что она мне — мать, чтобы наказывать?

Дядя Сэм. Надо было прийти и сказать мне. Ты еще совсем ребенок, а уж поставила себя в положение должницы перед почтенной сеньорой. Сегодня же возместить ей моральный ущерб, иначе я лишу тебя порции таможенных сборов.

(Венесуэла, воспользовавшись тем, что учитель увлекся речью, корчит ему рожи. Дети смеются.)

Дядя Сэм. Тихо! Продолжаем. Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество штатов... Колумбия! Что ты там делаешь со своей сестрой?

Панама. Она меня держит, сеньор!

Дядя Сэм. Отпусти ее. Сказал тебе, отпусти! Хуже будет, если я сам подойду...

Колумбия (испуганно): Отпустила, сеньор!

Дядя Сэм. То-то же. А ты, Панама, дай-ка сюда твой перешеек. Не люблю игрушек в классе. (Детям) Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество всех штатов Северной Америки... Эквадор! Ты из-за чего ссориться со своими соседями?

Эквадор. Они совсем не оставили мне места, сеньор!

Дядя Сэм. Проклятие! Вы можете улаживать свои дела без драки? Голова идет кругом от этих ученичков. Ну,

тихо. Продолжаем. Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество всех штатов Северной Америки и... Бразилия! Кто тебе позволил щипать Боливию и Перу?

Бразилия. Они сами ко мне пристают, сеньор.

Дядя Сэм. Вот поди разберись. Послушать вас, так все вы чистые ангелы. А ну, положить руки на парту и смотреть на меня! Повторяем: Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество всех штатов Северной Америки и всех штатов... Аргентина! Что это ты все прячешь?

Аргентина. Шерсть, сеньор.

Дядя Сэм. Ага, дай ее немедленно мне. В класс нельзя приносить посторонние предметы. Кстати, где ты покупаешь тетради и карандаши?

Аргентина. В книжном магазине на углу, сеньор.

Дядя Сэм. Дети, я вам сколько раз говорил: все пособия вы должны покупать в нашей школьной лавке. Никаких чужих магазинов. Впредь я буду сурово наказывать тех, кто ослушается.

Все дети (за исключением Перу): В чужих они дешевле, сеньор.

Дядя Сэм. Скажите, пожалуйста! А вы забыли, что вам почти даром обходится обучение?.. Внимание, продолжаем. Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество всех штатов Северной Америки и всех штатов... Чили, *you are a very bad boy!*

Чили. Скажите лучше, что вы хотели бы сравнить меня с Аргентиной, сеньор!

Дядя Сэм. Молчать!.. Соединенные Штаты Северной Америки — это великое сообщество всех штатов Северной Америки и всех штатов Южной Америки. Урок окончен. Встаньте и выходите парами из класса. Запевала, песню!

Дети выстраиваются и идут, печатая шаг, к двери, на ходу с остервенением выкрикивая: «Янки, дудль!»

* * *

Восьмидесятые годы были для североамериканской экономики не очень-то благоприятными. Кривая экспорта, непрерывно поднимавшаяся с 1865 года, опасно нырнула вниз в первую половину десятилетия, а во вторую

стояла на месте до самого кануна 90-х годов. Десятилетие 80-х годов напоминало взмах качелей — от паники 1873 года до паники 1893 года с коротким финансовым кризисом в 1884 году. Скопление на складах огромного количества товаров, не находивших сбыта, повлекло за собой закрытие сотен заводов и фабрик в восточных районах страны. Цены и заработная плата резко упали. Доллар был обесценен. Трагического уровня достигла безработица. Взрывы расовой ненависти, особенно против китайцев на Тихоокеанском побережье, заливали страну кровью. Рабочий класс был возбужден. Ширился размах его борьбы. На 1884—1886 годы приходится самый высокий уровень забастовочной борьбы. В 1886 году погибли герои Чикаго¹. Волнения охватили и сельское хозяйство. Параллельно продолжался процесс концентрации капитала в основных отраслях промышленности. В руках небольшой группы владельцев была сосредоточена железнодорожная сеть. «Стандард ойл» контролировала уже все нефтепроводы и почти все нефтеперегонные заводы страны. Карнеги в металлургии — то же, что Рокфеллер в нефти. Именно в это время государственный секретарь Блэйн высказал идею: «Поскольку великие державы Европы постоянно наращивают свою колониальную мощь в Азии и Африке, мы тем более вправе совершенствовать и развивать наши коммерческие связи с нациями Америки. Ни одна нива не обещает таких богатых плодов, как эта. Ни одна нива не возделывалась так плохо...» Иными словами, появилась необходимость завоевать американские рынки. Президент США Артур поставил этот вопрос в конкретной форме перед конгрессом. И конгресс решил (июль 1884 года) послать специальную комиссию в поездку по странам Центральной и Южной Америки «с целью выяснить, какие меры нужны для установления более тесных политических и экономических отношений между Соединенными Штатами и этими странами. Инициатива Блэйна увенчалась первой Панамериканской конференцией, собравшейся в Вашингтоне в 1889 году и положившей начало «панамериканизму».

Антиимпериалистическое сознание с тех пор утратило свой романтический смысл, свой выпренный тон. Оно

¹ В 1886 году (первого мая) в Чикаго произошли события, вошедшие в историю как «Чикагская драма», — расстрел рабочей демонстрации.

стало объективнее, острее, аналитичнее и, следовательно, истиннее и значительнее. Первым, кто вскрыл подоплеку политики Блэйна, был аргентинец Эрнесто Кесада, опубликовавший в «Ревиста насьональ» (Буэнос-Айрес, январь — февраль 1887 года) свою работу «Американская политика и тенденции янки». Эрнесто Кесада был сыном Висенте Г. Кесады, посла Аргентины в Вашингтоне.

Кесада показывает, что Соединенные Штаты, применяя *strictu sensu* доктрину Монро, до сих пор проводили политику жесткой изоляции. Инициатива Блэйна завершила этот этап и открыла новый — применение этой же доктрины *latu sensu*.

«Действительно благоразумная (!) нация меняет свой политический курс всегда в соответствии с требованиями экономической выгоды». Что правда, то правда. Перемена, предложенная Блэйном, находилась в совершеннейшем соответствии с критическим состоянием североамериканской экономики.

Доклад специальной комиссии предложил в основном меры по трем направлениям: «Панамериканский конгресс, главная цель которого — ограничить, насколько это возможно, сферу американской торговли американскими морями; введение единой для всех американских стран монеты; заключение единого договора между всеми странами Америки и Соединенными Штатами, который освободил бы от пошлин обмен местными продуктами, перевозимыми на судах любой из сторон, подписавших этот договор.

Основываясь на докладе комиссии, сенатор Фрей представил сенату проект постановления, которое предусматривало созыв Панамериканского конгресса с целью создания таможенного союза, введения единой системы таможенных сборов, разработки постоянных маршрутов торговых судов, унифицирования системы мер и весов, создания арбитражных органов и т. п. «Таков, — пишет Кесада, — в общих чертах обширный план американской политики, взятой на вооружение янки. Если бы этот план в точности отвечал устремлениям думающего большинства и наиболее влиятельных людей Соединенных Штатов, он превратился бы в серьезнейшую опасность для Латинской Америки, потому что план этот, по существу, предусматривал возможность *североамериканизировать* Мексику и страны Центральной и Южной Америки; сделать

Латинскую Америку в экономическом и торговом смысле данницей Соединенных Штатов; превратить ее в гигантскую таможенную федерацию, где бы США забирали себе львиную долю доходов и взяли бы на себя роль Пруссии в старом Германском союзе. Такой проект достаточно опасен, и государственные деятели Латинской Америки должны были семь раз подумать, прежде чем принять эти дары данайцев».

Дальше Кесада говорит: «А по сему наивно принимать эту перемену курса за искренний шаг в направлении американского сообщества, как его понимают многие латиноамериканские государственные деятели и публицисты... Даже если закрыть глаза на политическую сторону проекта, все равно остается перспектива чудовищной торговой монополии, скрытая в экономической части проекта, — монополии тем более несправедливой, что, будучи осуществлена, она оторвала бы латиноамериканские страны от Европы, которая дала этим странам жизнь, заселив их своими эмигрантами и оплодотворив своими капиталами, и, сверх того, нам пришлось бы проститься с европейскими рынками, сырьем и щедрыми займами».

А вот мнение об идеях Кесады североамериканского авторитета, специалиста по договорам: «Его обвинения были самыми своевременными, серьезными и убедительными из всех, предъявленных в это время североамериканцам в Аргентине. Три года спустя его идеи будут почти слово в слово изложены двумя его соотечественниками перед опешившей делегацией Соединенных Штатов на первой Панамериканской конференции». Это сказал Мак-Гэнн.

В начале декабря 1893 года в Рио-де-Жанейро вышло в свет первое издание «Американской иллюзии» бразильского писателя Эдуардо Прадо. Издание было конфисковано. «Книгу можно запретить, но это не означает опровергнуть ее», — сказал по этому поводу автор. Четыре издания на португальском языке выдержала эта работа за четверть века, прежде чем появилась в переводе Карлоса Перейры на испанский, с его же предисловием и комментариями, но теперь под названием «Иллюзии янки».

Это умная, живая, насыщенная конкретными фактами, логически очень стройная хроника, рассказывающая

о североамериканской политике в Латинской Америке, и главным образом о бразильско-североамериканских отношениях со времен Монро.

С первых же строк автор развенчивает ложную концепцию континентального содружества. «Мы считаем, что настал час ответить на бредовую идею братского содружества. Его пытаются силой установить между Бразилией и великой англосаксонской республикой, забывая, что мы отличаемся даже не столько языком и характером, сколько самой историей и народными традициями». Вся история Латинской Америки, говорит Прадо, есть сплошное опровержение идеи содружества: то, что произошло с Мальвинами, высадка в Мексике, признание Вильяма Уокера и т. д.

Затем следует рассказ о североамериканских интервенциях в Бразилию, о вымогательстве и грабеже под видом «рекламаций» и т. п. Автор не только клеймит грабителей-североамериканцев, но выводит на чистую воду угодничество латиноамериканского «республиканизма», подражание североамериканским общественным институтам и нормам, включая и коррупцию правительственных кругов. Хотя Прадо не понимал всего смысла монополизации капитала в североамериканской экономике и не видел связи между этим процессом и внешней политикой, он все же отметил, что монополистические чудовища обостряют социальную борьбу в стране, и подчеркивает, что каждая крупная монополия — это государство в государстве Северной Америки, располагающее всеми средствами, вплоть до личной армии для подавления рабочего забастовочного движения и т. д.

В заключение Прадо повествует о вредоносном влиянии у себя в стране так называемой «североамериканской цивилизации». Соединенные Штаты помогали сохранить в Бразилии рабство. Они принесли в Бразилию закон Линча.

Конечно, даже рядовой читатель наших дней легко заметил бы в книге Прадо явные недостатки. Прадо — монархист, и он сам об этом заявляет. По его мнению, монархия — самая подходящая к историческим условиям его страны и Америки в целом форма государственного устройства.

В экономическом аспекте Прадо наделяет всеми достоинствами британский капитал.

Недостатки книги Прадо не умаляют, однако, ее ценности. Прадо — глашатай бразильского национализма. Утверждение своего, национального, противопоставлено здесь навязыванию чужого. И конечно, это противопоставление выражено устами представителей местной буржуазии, так как в то время именно класс буржуазии был глашатаем нации.

В том же 1893 году в Гаване появилась книга Хосе Марии де Сеспедеса «Доктрина Монро». Перкинс отзывался об этой книге так: «Хотя Куба больше, чем любая другая страна, может чего-то ожидать от Соединенных Штатов, хотя именно на Кубе вышла первая латиноамериканская работа о доктрине Монро, кубинец Сеспедес все же не смог избавиться от недоверия и страха перед североамериканцами».

Интересно наблюдать, как в тот момент, когда предмонополистический империализм достиг высшей точки в своем беге, антиимпериалистическое сознание достигло наибольшей для той эпохи зрелости, выливаясь в серьезные обличительные печатные труды, выходящие в свет как раз там, где империализм был наиболее активен.

Сеспедес начинает свою книгу (500 страниц) с краткого обзора национально-освободительного движения в английских колониях Северной Америки и в испанских колониях Северной, Центральной и Южной Америки. Он напоминает, что английским колониям очень помогла французская армада, пославшая в помощь им три экспедиции. «В благодарность за эту поддержку американцы повернулись к французам спиной, когда потребовалась их помощь французам, воевавшим с англичанами». «Испанские колонии сражались за свою независимость почти в одиночестве. Соединенные Штаты не только не пришли к ним на помощь, они, во вред борющимся и в пользу Испании, усилили закон о нейтралитете».

Следующая глава называется «Нейтралитет и признание». «Признание новых республик происходит то сразу, то после долгих оттяжек, в зависимости от того, насколько дружелюбны или враждебны чувства, питаемые обеими сторонами друг к другу, или от того, насколько выгодна для сильной державы торговля с данной новой республикой. Практичная Англия *рано* признала независимость своих колоний в Северной Америке, по-

сколько заботилась о своих коммерческих интересах. Ослепленная раздражением и досадой, Испания признала независимость своих колоний в Южной Америке *поздно*, так как надеялась вернуть их в свое лоно».

Дальше идут главы: «Конгрессы Священного союза», «Колонизация и интервенция», «Монро и его доктрина», «Эффекты доктрины», «Независимость и аннексия Техаса», «Остров Санто-Доминго», «Интервенция в Мексику», «Реванш», «Североамериканские флибустьеры», «Остров Куба», «Каналы Панамы и Никарагуа», «Международный американский конгресс» и «Соединенные Штаты».

Затронутые темы и их порядок показывают намерение Сеспедеса дать полный обзор североамериканской политики в Латинской Америке.

Что касается ориентации, то тут Сеспедес не обманывается. Он знает, чего хочет империализм и к чему он стремится.

Книга Сеспедеса — это первый серьезный труд о североамериканской политике на континенте, начиная с возникновения новых государств и вплоть до конца XIX века. Эта обстоятельная и безупречно аргументированная работа показывает, как в каждом отдельном случае действовала доктрина Монро, как ее применяли там и тут, почему ее не применяли в ряде случаев открытой европейской интервенции.

Одно из главных достоинств работы Сеспедеса — ее основательная документальность. В ней приводятся документы, которые в наши дни едва ли можно было бы обнаружить.

* * *

Антиимпериалистическое сознание проявляется также и в сфере юриспруденции.

Доктрина испаноамериканского единства Боливара, принцип «в межамериканских отношениях — предпочтение испаноамериканцу» в противовес положению «предпочтение — сильной нации»; требование сохранять модус вивенди в ожесточенном соперничестве развитых стран за сферы влияния — все это первые проявления в юридической сфере испаноамериканского антиимпериалистического сознания.

Затем следуют меры в отношении корсарства, отказ Боливара предоставить североамериканскому флагу монополию на плавание по реке Магдалена, отказ в праве на завоевание и, наконец, договоры и соглашения, о которых говорилось выше.

Последние проявления испаноамериканского антиимпериалистического сознания в области юриспруденции в XIX веке связаны с «рекламациями» великих держав, включая, естественно, и Соединенные Штаты, чьи «рекламации» легко переходили в дипломатическую и военную интервенцию.

ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ ТАК...

На протяжении XIX века Соединенные Штаты совершили скачок от положения колонии до империалистической державы. Были пройдены этапы промышленной революции, распределения земель, свободной конкуренции. Они создали свое сообщество в процессе кровопролитной Гражданской войны, установили свою гегемонию на континенте и приступили к проведению политики завоеваний, агрессий и грабежа, которая позволила им расширить пределы своих владений от океана до океана. Латинская Америка в это время продолжала жить под колониальным игом, здесь преобладала крупная собственность на землю и всеисилие церкви. Затем появились новые независимые страны. Гражданских каудильо сменили президенты-солдафоны. В кровавых схватках гибли огромные массы людей. Мелкие «домашние неурядицы» перерастали в войны, охватившие практически почти все новорожденные государства.

Неравномерное, неодинаковое по своему характеру развитие двух Америк определило и характер отношений между ними.

Политике Соединенных Штатов в Латинской Америке в этот период присущи общие характерные черты эпохи. В принципе она ничем не отличалась от политики других великих держав домонополистической эпохи. Как в зеркале, в этой политике нашло свое отражение стремительное развитие США. С самого начала эта политика была захватнической.

Латинская Америка, этот лакомый кусок для империалистов всех национальностей, была всегда заветной добычей североамериканских политиков. Но североамериканский капитализм столкнулся в Латинской Америке с

европейскими конкурентами. Основная борьба развернулась между США и Великобританией.

Конфликт между этими двумя державами не затухал в течение всего XIX века. Борьба прошла через ряд этапов. В этой длительной и упорной борьбе нашли отражение все оттенки англо-американских разногласий. Разногласия были порождены освободительной революцией в Испанской Америке, они были вызваны провозглашением доктрины Монро и колумбийско-мексиканским планом освобождения Кубы и Пуэрто-Рико, затем произошли столкновения без применения военной силы из-за Кубы и Техаса; и снова лобовая атака из-за контроля над Панамским перешейком и будущим каналом, а также из-за англо-венесуэльского пограничного спора в Гвиане... И одновременно, несмотря на все разногласия, между США и Великобританией существовали согласованность и сотрудничество в основной плоскости: в защите общих захватнических интересов. И как результат — совместная англо-американская позиция в вопросах заключения торговых договоров с молодыми испаноамериканскими республиками, в вопросе отторжения Панамы от Колумбии, в вопросах свободной навигации по рекам и т. д.

Внешняя политика Соединенных Штатов отвечала задачам капиталистического развития страны и не могла не быть экспансионистской.

Внешняя политика испаноамериканских республик, напротив, отвечала насущной необходимости утвердить свою независимость и начать самостоятельное развитие.

Эти две политики не только были непримиримы между собой, они фактически исключали одна другую. Противоречия во всем — вот основной и главный стержень отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой на протяжении всей их истории.

В XIX веке противоречия давали о себе знать на важнейших этапах истории Испанской Америки и в истории ее отношений с Северной Америкой. Настойчивое вытеснение принципа «предпочтение испаноамериканцу» принципом «предпочтение сильной нации», требование относиться к Соединенным Штатам как к великой нации и систематическое преследование со стороны североамериканской дипломатии проявлений предпочтительно-

сти между испаноамериканскими странами, будь то даже соседи, например Чили, Перу, Бразилия, — все это мешало созданию латиноамериканского рынка. Участие Соединенных Штатов в расчленении Колумбии, их роль в провале Панамского конгресса и других попыток объединения, интриги против политики Бразилии в вопросе об Амазонке, вмешательство в борьбу стран южного района Тихого океана — это лишь первые проявления постоянного противодействия Соединенных Штатов испаноамериканскому единству в любой его форме, пусть даже элементарному, пусть это единство — всего лишь средство защиты, средство преодоления чудовищной отсталости, противодействие агрессивной североамериканской политике.

Внешняя политика Соединенных Штатов служит исключительно интересам правящих классов и группировок и остается глуха к интересам и воле североамериканского народа. Даже идущие на пользу Испанской Америке меры принимались лишь в такие моменты и в такой форме, которые были выгодны этим классам и группировкам, а не тогда и не так, как того требовал североамериканский народ, не говоря уже о народах латиноамериканских. Борьба за независимость в Испанской Америке пользовалась постоянной симпатией широких слоев североамериканского народа, но американское правительство словно не замечало проявления этого чувства и стало признавать новые республики, лишь прибрав к своим рукам Флориду. Борьба за освобождение Кубы встретила широкую народную поддержку в США, но правительство Вашингтона «пришло на помощь» кубинским революционерам лишь в 1898 году, когда кубинский народ уже истекал кровью, а Соединенным Штатам было легче завладеть островом. Для содержания североамериканской внешней политики не имело значения, кто стоял в этой стране у власти — представители рабовладельцев Юга, фермеров Запада или промышленников и коммерсантов Северо-востока страны. Все правительства были правительствами плутократов. Вашингтон, «отец родины», был самым богатым человеком своего времени. С помощью двухпартийной системы плутократия выхолащивала общественное мнение. Внешняя политика да еще национальный бюджет — вот сферы, где обе партии были всегда единодушны.

Внутренняя политика Соединенных Штатов и их политика в Латинской Америке взаимно слились. Не всегда тут заметна прямая и непосредственная связь. Но, по сути дела, все кризисы внутри страны выплескивались за ее пределы, искали там разрешения и находили его — также и за счет Латинской Америки. Доктрина Монро была провозглашена в период широкой протекционистской кампании, которую возглавлял Генри Клей, ставший «вдруг» знаменосцем независимости Испанской Америки. Кризис 1837 года, без сомнения, повлиял на мексиканскую политику Вашингтона вплоть до высадки североамериканских войск в Мексике. «Такой паники», какая вспыхнула в связи с этим кризисом, нация до сих пор не знала», — говорит Фолкнер. Девять штатов конфедерации объявили о своем полном крахе. В последующие годы третья часть населения Нью-Йорка не имела работы.

«...С паникой 1837 года непрерывно увеличивавшийся до того рост благосостояния замедлился и держался на одном уровне до золотой лихорадки в Калифорнии, начавшейся в 1849 году», — свидетельствует Киркленд. С 1873 по 1893 год североамериканская экономика вновь пережила кризис. Мощные забастовки 1877 года положили начало периоду острой социальной борьбы, затянувшейся до девяностых годов. В 1893 году обанкротилось более 600 банков. В 1894 году потерпели крах 194 железнодорожные компании. С 1893 по 1898 год был наложен арест почти на одну треть железнодорожной сети. В 1893 году в стране насчитывалось от одного до четырех с половиной миллионов безработных. 1895 год был «кульминационным пунктом спада». В этот период Соединенные Штаты вмешались в войну на Тихом океане, однако наиболее интенсивные этапы во внешнеполитической деятельности относятся к 1889 году, когда Соединенные Штаты создали первую Панамериканскую конференцию, и к 1898 году, когда они объявили войну Испании. Во всех перечисленных случаях насилие являлось панацеей для разрешения внутренних и внешних проблем. Насилие было постоянным спутником в жизни североамериканского общества, начиная от его истоков. Оно было неотъемлемым атрибутом внешней политики североамериканского государства. К насилию обратились уже в 1787 году, чтобы подавить мятеж Шейза, требовавшего бесплатной разда-

чи земель. Неравенство и вытекающее из него насилие освящены конституцией. Вначале избирательным правом обладали только самые богатые. Прошло много лет, прежде чем право участия в выборах стало всеобщим.

Если говорить о принципах, то североамериканская политика в Латинской Америке вообще лишена каких бы то ни было принципов — моральных, юридических, политических. Эта политика в высшей степени прагматична, грубо утилитарна, до предела эгоистична и бездушна. Попробуйте отыскать в ней хоть один эпизод, свидетельствующий о доброте, о благородном стремлении. Судьбы народов — такое понятие неведомо для североамериканской политики. Одного слова Вашингтона было бы достаточно, чтобы спасти тысячи человеческих жизней в Колумбии и на Кубе, предотвратить артиллерийский обстрел Вальпараисо и Кальяо... В этой политике все зависит от выбора цели, от намерений и момента.

Моральные принципы? Понятие это слишком отвлеченно для североамериканской политики, а о принципах вашингтонские правители говорят лишь в проповедях и в целях пропаганды. В классовом обществе мораль — всего лишь мораль правящих классов. В течение всего XIX века Латинская Америка страдала от агрессивности как европейских держав, так и США, и последствия бывали подчас не только болезненными, но и катастрофическими.

В плане юридическом правительство Вашингтона никогда не уважало прав человека, никогда не считалось с подписанными им соглашениями и всякий раз, когда того требовали чисто меркантильные расчеты политики, не останавливалось перед нарушением своего собственного закона. Есть ли необходимость снова обращаться к примеру Мексики? Уже говорилось о противоречивых толкованиях положения «предпочтение сильной нации». Говорилось и о том, как по-разному признавалась независимость разных испаноамериканских республик. Это традиция Вашингтона, предавшего Францию, которую он должен был поддержать в силу договора о взаимной помощи.

Североамериканская политика не была последовательной даже в отношении принципов свободы и республиканизма, к которым столь настойчиво зывали официальные документы. Соединенные Штаты отказались пре-

доставить оружие испаноамериканским патриотам, но снабжали оружием испанцев. Соединенные Штаты не дали оружия мексиканским республиканцам, но снабжали им Максимилиана. После этого есть ли необходимость возвращаться к истории доктрины Монро?

Беспринципность североамериканской политики в Латинской Америке определила и ее методы. Лишенная прочной научной основы, североамериканская дипломатия прибегала к софистике и мистификациям, а проще — к хитростям и очковитирательству. Равенство и взаимность там, где они были абсолютно невозможны, стали кардинальными требованиями в период установления отношений с Латинской Америкой. При первом же признаке несогласий североамериканская дипломатия прибегает к принуждению, угрозе и шантажу. А это неизбежно приводит к насилию. Политика, которой недостает аргументов, политика, пронизанная тупым сознанием собственной грубой силы и осуществляемая посредством соответствующих методов: низких уверток, неуважения к достоинству и суверенитету народов, применения той самой силы, которая ее породила и вдохновила. Североамериканская политика в Латинской Америке дает этому много примеров. Вся переписка Вашингтона с латиноамериканскими правительствами выдержана неизменно в одном и том же тоне — тоне превосходства, высокомерия, требовательности. Североамериканская политика в Латинской Америке в период освободительной революции последней — яркий пример двуличия. А сколько их было, таких примеров! Чем жарче заверения в *симпатии* и *дружбе* к революции, тем враждебнее и коварнее поступки. Вечное противоречие между словом и делом — одна из самых характерных черт североамериканской политики в Латинской Америке. Доктрина Монро оказалась на поверку фанфаронством чистой воды. Торговые договоры с только что появившимися на свет республиками Юга, не представляющими для мощной северной державы никакой угрозы в смысле конкуренции, — это сплошь свидетельство эгоизма и подлости.

Примером коррупции может служить также договор об аннексии Санто-Доминго Соединенными Штатами. А разве не является примером вопиющего цинизма признание правительства Уильяма Уокера? Вашингтонских политиков не остановила даже перспектива такого неле-

того положения, когда официальный дипломатический представитель Вашингтона обращается к президенту страны пребывания, зная, что имеет дело со своим земляком и проходимцем, посадившим самого себя в президентское кресло в этой чужой им обоим стране. Что за удивительное зрелище! Американский шпионаж свил себе гнезда в столицах всех испаноамериканских республик — от Сантьяго и Буэнос-Айреса до Мехико и Гаваны, — в переписке госдепартамента без стыда признается этот факт. Открытое вмешательство североамериканских представителей во внутреннюю политику испаноамериканских стран стало привычным делом. Случаи грубого нажима, откровенной или замаскированной угрозы, шантажа тянутся сплошной цепью через всю историю отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой. Шантажа против Чили и Перу, чтобы заставить их отказаться от преимущественных прав на сбор таможенных пошлин, против Эквадора, Перу и Бразилии, чтобы добиться свободного доступа к Амазонке, «рекламации» против Мексики, Чили, Эквадора и др. Нередки случаи натравливания одной страны на другую, как, например, в вопросе об Амазонке. Некоторые события как бы прямо отражают истинные цели североамериканской политики, и она представляется уже не как деятельность государственных чинов, а как цепь махинаций гангстеров. Таковы расчленение Мексики и политика «созревшего плода» в отношении Кубы. Наверное, нет такого вида преступлений, которого бы не совершило североамериканское правительство в Мексике. Услуги Кубе тоже полным основанием можно назвать коварными услугами.

Подобное положение видим мы и в идеологической сфере. Доктрина Монро превратилась в основу империалистического мышления. Дело не в том, что она во всех случаях обладала силой непреложного закона, — как уже говорилось выше, этого не было. Она даже не всегда фигурировала в арсенале боевых средств госдепартамента. Но доктрина Монро была неизменным укрытием для североамериканской дипломатии, страдающей хроническим отсутствием аргументов. Когда политическая экспансия, порождающая определенные проблемы, требовала оправдания, североамериканская дипломатия ограничивалась общими рассуждениями и «выводами», к тому же всегда случайными и скоропреходящими. С годами пресловутая

доктрина, покрывшись заплатами и лохмотьями, окончательно обветшала. Если и формулировались какие-то принципы, то это были лишь такие, которые отвечали чисто меркантильным интересам. В конечном итоге все сводилось к тому, чтобы выгородить политику, откровенно направленную на завоевание и подчинение континента.

В конце XIX века началась монополистическая эра американского империализма. В предшествующую ей эпоху в Латинской Америке были созданы необходимые условия и расчищен путь для проникновения Соединенных Штатов в страны континента, соперничество других империалистических государств было сведено до минимума. Условия для наступления нового этапа были подготовлены, и среди них немалую роль сыграло создание организации так называемой «американской общности», действовавшей под контролем США.

Что касается латиноамериканских стран, то среди них не было единства. Такое положение, вызванное комплексом географических, исторических и политических факторов, стало основной причиной слабости латиноамериканских республик перед лицом США. Правящим классам этих стран не хватает национального сознания. Для латифундиста родина кончается на межевой границе его обширного владения. Церковь — крупнейший вассал Ватикана. Зарождающаяся буржуазия только начинала заявлять о себе...

Идеологическое проникновение США началось с распространения республиканских либеральных идей. Именно с этого времени североамериканская политика старалась склонить на свою сторону представителей правящих кругов в латиноамериканских странах. Либералы начали с подражания североамериканскому государственному устройству.

Но несмотря на то, что, в Латинской Америке со времен борьбы за независимость североамериканская политика порождала и вполне определенное чувство протеста. Боливар, начав с горькой жалобы, кончил презрением. Никто так ясно, как он, не чувствовал опасности. От Боливара, собственно, и берет свое начало испаноамериканское антиимпериалистическое сознание. Андрес Бельо и Аламан отвергли империалистические договорные нормы Соединенных Штатов и Англии и ввели, правда не-

надолго, испаноамериканские договорные нормы. Доктрина Монро никого не обманула. В обширнейшей переписке Боливара имя Монро упоминается лишь однажды, да и то мимоходом. Из-за слишком длительного созревания зародыша антиимпериалистического сознания эволюция его шла медленно. Его выразители и последователи требуют независимой судьбы для испаноамериканских народов, заботятся о совместной защите против общего врага. Однако научной категорией это сознание стало лишь в то время, когда все, что происходит в мире, произошло и стало четким в свете марксизма-ленинизма.

История отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой обрела особый смысл в грохоте самой главной битвы нашего времени — битвы за социальное и экономическое освобождение нашей Америки. Воспроизведение этого более чем столетнего процесса поможет понять, что борьба против империализма возможна в полной мере только как борьба против системы, его породившей, ~~как борьба за социализм.~~

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вступление	28
Независимость Испанской Америки	30
Большой обман	50
Принцип наиболее благоприятствуемой нации	62
Год неудач и поражений	106
Агония великой Колумбии	139
Техас, Новая Мексика, Калифорния	153
Мистер Уокер — президент Никарагуа	207
«Свободное» судоходство по рекам	216
Миф о доктрине Монро	231
Трагедия Санто-Доминго. Поправка Рузвельта	247
Так называемые рекламации	260
Остров кошмаров	263
Наш перешеек... Наш канал.	300
Корни антиимпериалистического образа мышления	336
История начиналась так	351

Мануэль Медина

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. XIX ВЕК

Редакторы *Е. И. Белякова, Г. А. Воскресенская, В. Н. Козырев*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*. Технический редактор *Н. И. Рабина*.
Корректор *В. Ф. Пестова*

Сдано в производство 26/VII-1974 г. Подписано к печати 10/X-1974 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ — тип. № 1. Бум. л. 5⁵/₈. Печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 18,67.
Изд. № 11496. Цена 1 р. 38 к. Заказ 4126. Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21. Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21.

Мануэлю Медина США и Латинская Америка